СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ГАРАНТ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Москва, 14 ноября 2013 года)

В трёх частях

Часть 2

Под редакцией
Председателя Следственного комитета Российской Федерации
доктора юридических наук, профессора
Заслуженного юриста Российской Федерации,
генерал-полковника юстиции
Александра Ивановича Бастрыкина

Москва, 2013

Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 14 ноября 2013 года). В 3-х частях. Часть 2 (практическая значимость). – М. : Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2013. – с. 446.

Редакционная коллегия:

Федоров А.В. – заместитель Председателя СК России, Заслуженный юрист РФ, кандидат юридических наук, профессор, генерал-полковник.

Багмет А.М. – директор ИПК СК России, Почётный работник СК России, кандидат юридических наук, генерал-майор юстиции.

Бычков В.В. – учёный секретарь ИПК СК России, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Сборник сформирован по материалам выступлений на Международной научно-практической конференции, проходившей в Следственном комитете Российской Федерации 14 ноября 2013 года.

Сборник представляет интерес для юристов – учёных и практиков.

Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы и идейные взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов.

© Институт повышения квалификации СК России

А.М. Багмет

К вопросу о нарушении конституционных прав участников массовых беспорядков

В ходе сложившейся следственно-судебной практики не возникает вопросов об уголовной ответственности лиц, организовавших массовые беспорядки, то есть умышленно запланировавших действия неопределенного, но значительного количества людей (толпы), направленные на протесты и неповиновение властям, отказ от подчинения их законным требованиям, погромы, разрушения, поджоги, расхищение или уничтожение имущества, насилие и побои граждан, должностных лиц, а также представителей власти, охраняющих правопорядок, с применением огнестрельного и холодного оружия, предметов, используемых в качестве оружия, взрывчатых и ядовитых веществ[1] (ч. 1 ст. 212 УК РФ), а также лиц, призывающих к указанным действиям (ч. 3 ст. 212 УК РФ). И как следствие – нарушение конституционных прав указанных субъектов преступления в рамках уголовного преследования правомерно.

Вопросы появляются при установлении ответственности участников массовых беспорядков, что соотносится с соблюдением конституционных прав данной категории граждан.

По нашему мнению, прежде чем ответить на вопрос об ответственности отдельного человека как социального существа, обладающего уникальным сочетанием врожденных и приобретенных свойств, за совершение преступлений в толпе, необходимо иметь четкое представление – что же такое «толпа».

Что интересно, это явление изучалось юристами, социологами, философами, психологами с начала XIX в., чему, конечно, способствовали народные бунты и французская революция, поэтому толпа всегда считалась силой исключительно разрушительной и иррациональной[2]. Однако уже тогда учеными толпа рассматривалась не как сплошная безликая масса, а как собрание индивидуумов, при этом проводились научные исследования о мере их ответственности за совершенные преступления в толпе.

Итальянский ученый С. Сигеле в 1892 г. в своем исследовании[3] толпу определил как «человеческой агрегат, разнородный по преимуществу, так как она составлена из индивидов обоего пола, всех возрас-

---

[1] Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселова. М., 2000. С. 386.

[2] Человек. Философско-энциклопедический словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 2000. С. 382.

[3] Сигеле С. Преступная толпа. М., 1999. С. 13.

тов, классов, социальных состояний, всех степеней нравственности и культуры, и по преимуществу же неорганический, так как она образуется без предварительного соглашения, произвольно, неожиданно». В этой же работе Сигеле приводит мнение другого ученого Г. Тарда, который под толпой понимал «груду разнородных, незнакомых между собою элементов».

В 1895 г. французский ученый Г. Ле Бон в своей работе «Психология народов и масс»[1] раскрыл толпу как собрание индивидов, какова бы ни была их национальность, профессия или пол и каковы бы ни были случайности, вызвавшие это собрание.

Австрийский ученый, основатель психоаналитической школы, З. Фрейд в 1923 г. в работе «Я и оно» утверждал, что «человек есть … животное орды, особь предводительствуемой главарем орды»[2].

До настоящего времени мнение ученых о толпе неоднозначно.

В.Г. Крысько в своих лекциях, озвучив мнение по данному вопросу ряда ученых, предложил свое определение толпы: «это относительно кратковременное, слабоорганизованное и бесструктурное скопление (сборище) множества людей, связанное между собой общим эмоциональным состоянием, объектом внимания, осознаваемой или неосознаваемой целью и обладающее огромной (несоизмеримой с индивидуальной) силой воздействия на общество и его жизнь, способной в один миг дезорганизовать их поведение и деятельность»[3].

В учебном пособии Р. Мокшанцева и А. Мокшанцевой толпа называется бесструктурным скоплением людей, лишенных ясно осознаваемой общности целей, но взаимно связанных сходством эмоционального состояния и общим объектом внимания[4].

В этой же работе пояснено, что толпой как субъектом массовых форм внеколлективного поведения часто становится:

- публика, под которой понимается большая группа людей, возникающая на основе общих интересов, часто без какой-либо организации, но обязательно при ситуации, которая затрагивает общие интересы и допускает рациональное обсуждение;
- контактная, внешне неорганизованная общность, действующая крайне эмоционально и единодушно;
- совокупность индивидов, составляющих многочисленную аморфную группу и не имеющих в своем большинстве прямых контактов между собой, но связанных каким-либо общим более или менее постоянным интересом.

---

[1] Ле Бон Г. Психология народов и масс. М., 2011. С. 34.
[2] Фрейд З. Я и оно: Сочинения. М., 2001. С. 818.
[3] Крысько В.Г. Социальная психология: курс лекций. М., 2006. С. 232.
[4] Мокшанцев Р., Мокшанцева А. Социальная психология: учебное пособие для ВУЗов. М., 2001. С. 291.

А.П. Назаретян в своих лекциях толпу определяет как скопление людей, не объединенных общностью целей и единой организационно-ролевой структурой, но связанных между собой общим центром внимания и эмоциональным состоянием[1].

Д.В. Ольшанский в своей работе «Психология масс»[2] приводит трактовку толпы ряда ученых:

- Б.Ф. Поршнев: «толпа – это иногда совершенно случайное множество людей. Между ними может не быть никаких внутренних связей, и они становятся общностью лишь в той мере, в какой охвачены одинаковой негативной, разрушительной эмоцией по отношению к каким-то лицам, установлениям, событиям. Словом, толпу подчас делает общностью только то, что она «против», что она против «них»;

- Я. Щепаньский: «толпа – временное скопление большого числа людей на территории, допускающей непосредственный контакт, спонтанно реагирующих на одни и те же стимулы сходным или идентичным образом»;

- Ю.А. Шерковин: «толпа – контактная внешне не организованная общность, отличающаяся высокой степенью конформизма составляющих ее индивидов, действующих крайне эмоционально и единодушно».

С социологической точки зрения толпа – «бесструктурное скопление людей, лишенных ясно осознаваемой общности целей, но связанных между собой сходством эмоционального состояния и общим элементом внимания. Поведение индивидов в толпе характеризуется усилением внушаемости, подражательности, эмоциональности и социально-психологического заражения»[3], или «массовое, неструктурированное, стихийное скопление людей. В толпе отсутствует ясно осознаваемая общность целей в процессе социального взаимодействия. Объединяет индивидуумов в толпе сходство эмоционального состояния, общий объект внимания и ситуативная близость к месту событий. Участие индивида в толпе спонтанно, возникает и проходит под воздействием чувств и эмоций»[4].

С точки зрения философов толпа – «относительно кратковременное, внутренне не организованное множество людей, объединенное непосредственной пространственной близостью, эмоциональной общ-

---

[1] Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: лекции по социальной и политической психологии. СПб., 2004. С. 23.

[2] Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб., 2002. С. 55-56.

[3] Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. М., 1998. С. 370.

[4] Учебный социологический словарь / под ред. С.А. Кравченко. М., 1999. С. 289.

ностью и каким-либо внешним стимулом (событием или лидером)»[1].

Тем самым, и социологи, и философы рассматривают толпу как неорганизованную массу людей, образовавшуюся спонтанно под воздействием какого-либо фактора.

Тем самым, опираясь на мнения специалистов, можно дать определение толпы, как обезличенной совокупности большого количества индивидуумов, объединенных общим интересом.

«Качественным» признаком толпы является ее повышенная общественная опасность. В отношении «количественного» признака толпы можно согласиться с мнением А. Соловьева, который полагает, что количество людей «должно быть достаточным, чтобы в любой момент перекрыть движение транспорта, пешеходное движение, сорвать проведение массового мероприятия, нарушить работу различных учреждений и организаций, т.е. контролировать положение на определенной значительной территории»[2].

Казалось бы, можно сделать выводы, что лица, вовлеченные в толпу и совершившие в ее составе преступления, могут привлекаться к уголовной ответственности максимум – за неосторожные деяния, или вообще освобождаться от нее, так как «несколько человек, задержанных в толпе … – не более как потерпевшие кораблекрушение от психологической бури, которая увлекла обвиняемых без их ведома»[3].

С. Сигеле в своем исследовании ссылается на брошюру другого ученого Пюльезе, который выдвинул доктрину полу-ответственности для всех тех, которые совершили преступление, увлеченные толпой, приведя его цитату: «Когда преступником является толпа…, то индивид не действует, как отдельный элемент, но представляет из себя каплю выступившего из берегов потока, и руки, которыми он наносит удары, как бы сами собой превращаются в бессознательное орудие»[4]. При этом он мотивировал свои выводы теорией подражания-внушения людей в обществе, поддержанную немецким ученым В. Вунтом[5].

Однако рассмотрим действия участников массовых беспорядков с субъективной стороны.

Мы не можем не признать, что большая часть людей действительно подвержена внушению и подражанию, но это не значит, что все присоединившиеся к толпе, привлеченные шумом или заинтригованные речами оратора, начнут бить стекла, переворачивать автомашины, кидать

---

[1] Человек. Философско-энциклопедический словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 2000. С. 382.

[2] Соловьев, А. Массовые беспорядки: организация, участие, призывы к неподчинению // Российская юстиция. 2000. № 7. С. 47-48.

[3] Сигеле С. Преступная толпа. М., 1999. С. 13.

[4] Там же. С. 30.

[5] Вундт В. Преступная толпа. М., 1999. С. 270-275.

камни в сотрудников милиции. Люди в здравом уме, не отягченные алкоголем или наркотиками, не имеющие проблем с правоохранительными органами, насытив свое любопытство или подчинившись законным требованиям сотрудников милиции, покинут сборище.

Не менее интересно то, что в своей работе С. Сигеле приводил примеры сеансов гипноза, в ходе которых было доказано, что «истинно честный человек не будет повиноваться преступным приказаниям гипнотизера и точно также не попадет в тот водоворот эмоций, куда влечет его толпа»[1].

Что, кстати, подтверждается массовыми беспорядками в Российской Федерации, вообще, и в Москве, в частности, когда в ходе волнений количество людей в толпе может достигать тысячи человек, но общественно опасные деяния совершают не более сотни человек. Причем, преимущественно – молодежь, в том числе несовершеннолетние, а также граждане, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения.

Таким образом, в массовых беспорядках, сопровождающихся вышеуказанными деяниями, участвуют граждане, не случайно вовлеченные в толпу, а психологически готовые к совершению общественно опасных деяний, тем самым полностью подлежащие уголовной ответственности за их совершение в соответствии с действующим законодательством. Тем самым, нарушение конституционных прав участников массовых беспорядков в рамках уголовного преследования правомерно.

А.П. Алексеев
А.В. Звонов

К вопросу об организации взаимодействия органов следствия с оперативными подразделениями ОВД в процессе раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, совершаемых в сфере авторских и смежных прав

По справедливому утверждению ряда исследователей, распространение контрафактной деятельности приобрело масштабы одной из наиболее актуальных глобальных проблем, несущих в себе серьезную угрозу мировому сообществу[2]. В связи с этим не вызывает сомнения, что в этих условиях только совместная работа специалистов, имеющих отношение к проблеме нарушения авторских и смежных прав, может позволить добиться значимых успехов в борьбе с пиратством как на

---

[1] Сигеле С. Преступная толпа. М., 1999. С. 98.

[2] Соловьев О.Д. Выявление контрафактной и фальсифицированной продукции на потребительском рынке с использованием специальных знаний: учеб.-практ. пособие. Н.Новгород, 2008. С. 4.

внутригосударственном, так и на международном уровнях. Отсутствие взаимодействия между различными структурами правоохранительных органов, а также с иными заинтересованными лицами на первоначальном этапе расследования негативно влияет на весь процесс расследования преступлений в сфере оборота контрафактной продукции.

Указ Президента РФ от 25.11.2003 № 1389 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью»[1] утвердил Положение о координации, устанавливающее следующие формы взаимодействия правоохранительных органов: создание следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений; проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению.

Подобная схема обеспечивает достаточно высокую эффективность борьбы с нарушениями авторских и смежных прав в аудиовизуальной сфере. Вопросы взаимодействия структур различных правоохранительных органов, на наш взгляд, целесообразно рассматривать через призму сотрудничества с органами предварительного следствия.

Под взаимодействием на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с нарушением авторских и смежных прав в аудиовизуальной сфере, мы понимаем согласованную деятельность следователя, оперативного органа, экспертно-криминалистического подразделения и подразделений правоохранительных органов с потерпевшим, его представителем, организациями по управлению правами на коллективной основе и федеральных органов исполнительной власти, предполагающую рациональное сочетание следственных и процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, осуществляемых каждым из участвующих субъектов в пределах представленных им полномочий.

На координационном совещании правоохранительных органов по вопросам защиты прав интеллектуальной собственности в 2006 г. было намечено направление деятельности по защите авторских и смежных прав, которое также предполагает организацию комплексного противодействия всех ветвей исполнительной власти и общественных объединений нарушениям в данной сфере[2].

Огромное значение в рамках противодействия «контрафакту» имеет в первую очередь организация взаимодействия органов предварительного следствия с оперативными подразделениями ОВД. Именно поэтому первоначальный этап расследования преступлений рассматрива-

---

[1] СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1958.

[2] О постановлении Координационного совещания правоохранительных органов по вопросам защиты прав интеллектуальной собственности: письмо ФТС России от 30.01.2006 № 01-06/2935. URL: http://www.vch.ru/cgi-bin/guide.cgi.

емой группы характеризуется достаточно высокой активностью и взаимодействием следственных и оперативных подразделений[1].

Разумеется, формы взаимодействия зависят от конкретных обстоятельств совершенного или готовящегося преступления. На наш взгляд, можно выделить следующие наиболее распространенные формы взаимодействия следователя и оперативного работника:

- совместное рассмотрение и оценка сведений о совершенном деянии, имеющем признаки контрафактной деятельности;
- разработка совместных планов следственно-оперативных мероприятий;
- выработка наиболее оптимальных методов документирования преступной деятельности и ее пресечение;
- совместное участие следователя и оперативного работника в проведении отдельных следственных действий, а также комплекса тактических и организационных мероприятий;
- взаимное информирование о результатах оперативно-розыскных мероприятий; определение порядка и последовательности предъявления подозреваемому (обвиняемому) криминалистически значимых данных в процессе доказывания;
- совместная деятельность по предотвращению аналогичных преступлений.

Как правило, проверку материалов по факту обнаружения нарушений авторских и смежных прав в аудиовизуальной сфере до возбуждения уголовного дела осуществляют оперативные работники ОВД. По нашему мнению, с учетом специфики расследования преступлений указанной группы передача материалов проверки на сотрудников органов дознания со стороны следователей не допустима. Сложившееся положение дел не отвечает потребностям организации расследования деяний исследуемого вида (в первую очередь совершаемых организованными группами). Если нет оснований для возбуждения уголовного дела, материал проверки, на наш взгляд, должен находиться в производстве следователя, функционирующего по данному материалу в рамках следственной группы при тесном взаимодействии с сотрудником оперативного подразделения.

Мы полагаем, что внедрение в практику указанной формы взаимодействия позволит в значительной мере оптимизировать поиск доказательств в зависимости от «степени готовности» оперативных материалов к реализации.

В ходе работы по возбужденным уголовным делам исследуемого вида большое значение приобретает взаимодействие следователя и

---

[1] Романенко М.А. Расследование преступных нарушений авторских прав в сфере программного обеспечения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2007. С. 16.

оперативного работника при производстве следственных и розыскных действий. Решая тактические задачи в рамках отдельного следственного действия или комплекса мер, оперативные работники участвуют вместе со следователем в их организации и проведении или проводят их самостоятельно по поручению следователя в соответствии с ч. 1 ст. 152 УПК РФ. Однако, если данная форма взаимодействия реализуется достаточно успешно, то положение с выполнением розыскных поручений следователя обстоит хуже, особенно если его предстоит выполнить в другом субъекте РФ. Поэтому, на наш взгляд, вполне закономерно, что межрегиональный характер совершаемых преступлений отнесен многими опрошенными нами респондентами к факторам, негативно влияющим на качество расследования[1].

Безусловно, главными отрицательными результатами некачественного исполнения розыскных поручений следователя являются недостаточная полнота и всесторонность расследования преступлений в сфере распространения контрафакта; оставление без внимания важнейших обстоятельств преступной деятельности и главным образом – основных участников организованных преступных групп. Одним из решений указанной проблемы могло бы стать объединение субъектов взаимодействия в специализированные следственно-оперативные группы, действия которых, по мнению ряда ученых, позволили бы повысить эффективность расследования значительной части совершаемых преступлений.

В соответствии с Доктриной информационной безопасности РФ совершенствование правовых механизмов регулирования общественных отношений, возникающих в информационной сфере, является приоритетным направлением государственной политики в области обеспечения информационной безопасности РФ. Данное направление предполагает решение следующих задач: разработка нормативных правовых актов, определяющих организацию следствия и процедуру судебного разбирательства по фактам противоправных действий в информационной сфере, а также порядок ликвидации последствий этих противоправных действий; совершенствование системы подготовки кадров, обеспечивающих информационную безопасность РФ.

При этом отмечается, что правовое обеспечение информационной безопасности РФ должно базироваться, прежде всего, на соблюдении принципов законности, баланса интересов граждан, общества и государства в информационной сфере[2].

---

[1] В рамках исследования нами были опрошены 157 сотрудников органов следствия и отделов по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции во Владимирской, Ивановской и Нижегородской областях.

[2] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 9.09.2000 № Пр-1895 // Российская газета. 2000. 28 сентября.

Иными словами, для реализации поставленных задач, необходимо разработать урегулированную правом эффективную систему, предполагающую соблюдение баланса интересов граждан, общества и государства в информационной сфере за счет использования форм общественного контроля за деятельностью федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ.

Таким образом, использование возможностей оперативных подразделений ОВД, действующих в рамках своих функциональных обязанностей при расследовании преступлений, связанных с оборотом контрафактной аудиовизуальной продукции, позволит не только быстрее разобраться в механизме преступления, но и эффективнее установить признаки, указывающие на контрафактность аудиовизуальной продукции. На первоначальном этапе расследования преступлений это значительно сократит время установления оснований для возбуждения уголовных дел, а также формирования доказательственной базы, необходимой для привлечения лиц к уголовной ответственности.

Е.Ю. Алонцева

К вопросу об ограничении прав и свобод личности, при производстве следстственных действий, выполняемых с разрешения суда

Объем прав и свобод личности определяется особенностями развития того или иного общества, развитием общечеловеческих ценностей и культуры. Произошедшие в последнее время в России социально-экономические преобразования повлекли за собой и изменение законодательства РФ.

Согласно принятой в 1993 г. Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью государства. Наша страна фактически приняла на себя обязательство обеспечивать реализацию положений, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948[1].

В числе действующих международно-правовых актов о правах человека, имеющих непосредственное отношение к уголовному процессу, следует назвать Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16.12.1966 на основе Всеобщей декларации прав человека от 1948 г. и ратифицированный РФ[2].

---

[1] Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. М., 1999. С. 14-20.

[2] Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291

Вступление России в феврале 1966 г. в Совет Европы обязывает ее соблюдать Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4.11.1950[1] и ряд других международных договоров, а также признавать юрисдикцию Европейского Суда по правам человека.

Всеобщая декларация прав человека, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и иные акты определили тот универсальный перечень основных прав и свобод, который в своем единстве призван обеспечить нормальную жизнедеятельность личности. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются составной частью ее правовой системы.

Выполнение предписаний законов ни в коем случае не должно приводить к ущемлению прав личности. Наоборот, применение законов предполагает наиболее полную реализацию названных прав.

В юридической литературе существуют различные классификации прав и свобод. Самой распространенной из них является классификация прав и свобод по их социальному назначению. По этому основанию выделяют четыре большие группы прав и свобод: политические, социально-экономические, личные, культурные[2].

Применительно к проблеме нашего исследования мы рассмотрим только личные права и свободы. Это связано с тем, что именно личные права и свободы – это возможности человека, ограждающие от незаконного и неправомерного вмешательства в его личную жизнь и внутренний мир, призванные обеспечить существование, своеобразие и автономию личности[3].

В общей теории права существует понятие личных прав в широком и в узком смысле слова. В широком смысле слова – это все права, принадлежащие человеку. В узком смысле слова под личными правами понимается лишь часть прав, непосредственно защищающих личную жизнь и свободу каждого человека. К ним относятся: право на жизнь и достоинство; право на свободу и личную неприкосновенность, а также неприкосновенность частной жизни, жилища; право на уважение, защиту чести и достоинства; право на свободу передвижения и выбор места жительства; свободу совести; свободу выбора национальности и выбора языка общения[4].

Также в юридической литературе существует подразделение всех прав и свобод на конституционные или основные, т.е. установленные и

---

[1] СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

[2] Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2003. С. 196.

[3] Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 2002. С. 142.

[4] Теория государства и права: курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. М., 1996. С. 196-197.

гарантируемые Конституцией страны, и на права и свободы, предусмотренные текущим законодательством.

Конституционные права и свободы – это закрепленные в Конституции и гарантированные государством возможности, позволяющие каждому человеку и гражданину свободно и самостоятельно избирать вид и меру своего поведения, созидать и пользоваться предоставленными ему социальными благами, как в личных, так и в общественных интересах[1].

Сопоставив диспозиции ст. 17 и ст. 55 Конституции РФ, в которых зафиксировано, что перечисление в Конституции РФ основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, можно заключить, что основные права индивида – это и есть конституционные права. Вместе с тем в ч. 2 ст. 17 речь идет только об основных правах человека, что позволяет выделить их особые свойства – неотчуждаемость, неотъемлемость и естественный характер. Иные права человека вытекают из его основных прав. Поэтому, основные, фундаментальные права, зафиксированные в конституции государства, важнейших международных нормативных правовых актах по правам человека, являются правовой базой для производных, но не менее важных его прав.

Производство следственных действий, выполняемых с разрешения суда, связано с ограничением прав, которые относятся к основным конституционным правам и свободам личности. В их число, прежде всего, входят:

- право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ);
- право на достоинство (ст. 21 Конституции РФ);
- право на неприкосновенность частной жизни и личной тайны (ст. 23 Конституции РФ);
- право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23 Конституции РФ);
- право на недопустимость разглашения и использования информации о частной жизни лица (ст. 24 Конституции РФ);
- право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ).

Представляется, основные права и свободы одновременно являются и личными правами и свободами человека и гражданина.

В гл. 2 УПК РФ получили детальную законодательную регламентацию основные права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией РФ. Они также основаны на международных правовых стандартах и закреплены в виде принципов уголовного судопроизводства. Положения ст. 7 УПК РФ (законность при производстве по уго-

---

[1] Воеводин Л.В. Конституционные права и обязанности граждан. М., 1972. С. 12.

ловному делу), ст. 9 УПК РФ (уважение чести и достоинства личности), ст. 11 УПК РФ (охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, ст. 12 УПК РФ (неприкосновенность жилища), ст. 13 УПК РФ (тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений), непосредственно относятся к следственным действиям, выполняемым с разрешения суда.

При необходимости ограничения основных конституционных прав и свобод граждан, следователь обращается в суд с ходатайством о разрешении проведения рассматриваемых следственных действий. Свою позицию он согласовывает с руководителем следственного органа. Однако, остается неясным вопрос, может ли следователь, минуя руководителя следственного органа, обратиться с ходатайством в суд (если руководитель следственного органа не согласен с решением следователя). Только в случаях, не терпящих отлагательства, следователь вправе произвести эти следственные действия самостоятельно, но с последующим уведомлением судьи и прокурора об их производстве. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, суд, признав произведенное следственное действие незаконным, все доказательства, полученные в ходе такого следственного действия, признает недопустимыми. Аналогичного права прокурору закон не предоставил. Если прокурор, получивший уведомление, обнаружит, что данное следственное действие было незаконным или необоснованным, он обращается к следователю с письменным требованием об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия (п. 3 ч. 2 ст. 47 УПК РФ). Представляется, что в данном случае в законе необходимо предусмотреть и уведомление руководителя следственного органа.

Кроме того, ограничение этих прав может произойти и при проведении оперативно-розыскных мероприятий, проводимых для достижения целей и задач, предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Осуществление этого допускается по судебном решению, за исключением случаев, строго установленных в законе (ст. 8). В отличие от названного Федерального закона, в УПК РФ такого рода случаи не указаны.

Вынужденная необходимость ограничения конституционных прав и свобод личности возникает только в ситуациях, строго установленных законом, что связано с необходимостью осуществления предварительного расследования и достижения назначения уголовного судопроизводства. Специфика производства предварительного расследования определяется тем, что интересы защиты общества от преступлений в ряде случаев обусловливают принятие мер, ограничивающих конституционные права и свободы граждан. Принимая во внимание то значение, которое в демократическом обществе придается неприкосновен-

ности личной жизни, жилища, личной и семейное тайне, конфиденциальности корреспонденции, телефонных и иных переговоров, проблема ограничения этих прав признается одной из наиболее сложных и актуальных. Эти ограничения не должны достигать такой степени, при которой они означали по существу отмену прав и свобод личности либо отказ от их признания.

В связи с этим важное теоретическое значение приобретает вопрос об обеспечении прав лиц, в отношении которых производятся следственные действия. В современной России механизмы обеспечения прав граждан недостаточны и несовершенны. Правоохранительные органы не могут в необходимой степени предупредить стремительный рост преступности, а также исключить серьезные нарушения прав человека в своей деятельности.

В качестве уголовно-процессуальных гарантий выступают установленные законодателем средства, обеспечивающие реальную возможность осуществлять обвиняемому и другим участникам уголовного судопроизводства принадлежащие им процессуальные права и требовать от следователя и руководителя следственного органа исполнения обязанностей по реализации этих прав, а в случае их нарушения – их восстановления. Для этого участник процесса должен быть обладателем этих прав. Он должен быть ими наделен, тогда его требования будут законными.

Из закона вытекают следующие правовые гарантии:

следователь должен определить процессуальное положение лица, чьи интересы затрагиваются или ограничиваются, приняв соответствующее процессуальное решение;

2) информировать его и разъяснить ему процессуальные права и обязанности;

Вместе с тем, имеет место нарушение конституционных прав граждан, чей процессуальный статус по делу не установлен (например, когда широкому кругу лиц, становится известно при производстве обыска в жилище этого лица). Указанное лицо имеет право на возмущение ущерба только в том случае, когда действия следователя будут признаны незаконными. Что подтверждает необходимость совершенствования механизма обеспечения прав и свобод при производстве следственных действий, выполняемых по судебному решению.

Таким образом, государство, выступающее в уголовном судопроизводстве, в данном случае в лице следователя, обязано обеспечить каждому человеку, попавшему в сферу уголовного судопроизводства, возможность беспрепятственно использовать предоставленные ему прав и свободы, а при необходимости их ограничения – принять все меры к тому, чтобы это ограничение осуществлялось только в пределах действительной необходимости и при соблюдении всех требований зако-

на, гарантирующих человеку возможность защиты принадлежащих ему прав и свобод.

Р.Г. Ардашев

Некоторые особенности возбуждения уголовных дел об убийствах, сопряженных с суицидом преступника

В юридической литературе и практике правоохранительной деятельности термин «раскрытие преступления» используется достаточно часто и давно, но в правовых актах нет разъяснения этого понятия и его содержания[1]. По мнению одних авторов, раскрытие преступлений – это «установление в ходе расследования возбужденного уголовного дела лиц (лица), совершивших преступление. Указанная работа путем проведения оперативно-розыскных мероприятий осуществляется с момента обнаружения преступления и возбуждения уголовного дела до момента установления преступника и предъявления ему обвинения в совершении конкретного деяния»[2].

По убеждению другой группы авторов, преступление должно считаться раскрытым после завершения предварительного расследования и утверждения прокурором обвинительного заключения[3].

Третьи авторы ссылаются на ч. 1 ст. 49 Конституции РФ: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Отсюда следует, что «раскрытие преступления» может наступить лишь после вступления в законную силу обвинительного приговора суда[4].

В то же время необходимо согласиться с мнением В.О. Захаровой, что «преступление будет считаться раскрытым и в некоторых других случаях: например, при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, указанным в положениях ст. 24, 25, 27, 28 УПК РФ»[5].

Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст.

---

[1] Сидоров А.С. К вопросу о понятии и содержании раскрытия преступлений // Вестник криминалистики. 2011. № 2. С. 105.

[2] Халиков А.Н. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности. М., 2007. С. 13.

[3] Статкус В.Ф. Кто в России обязан раскрывать преступления? // Вестник криминалистики. 2006. № 3. С. 55.

[4] Остроумов С., Панченко С. Критерии оценки раскрытия преступлений // Социалистическая законность. 1976. № 9. С. 51.

[5] Захарова В.О. Раскрытие преступлений: к вопросу о понятии // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 6. С. 292.

140 УПК РФ). Вопрос о «достаточности данных» вызывает некоторую сложность в практической деятельности работников правоохранительных органов, что нередко приводит к принятию незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Законодатель не дал разъяснения по вопросу – какая именно совокупность фактических данных должна быть достаточной, потому что невозможно предусмотреть все возникающие в следственной практике ситуации, «поскольку круг их довольно обширен и решение вопроса о достаточности зависит от конкретных обстоятельств»[1].

По делам об убийстве такими «достаточными данными» будет обнаружение трупа человека с признаками насильственной смерти. При осмотре места происшествия и трупа (трупов) следователь фиксирует такие признаки убийства, как повреждения на трупе, обстановку, следы крови, предполагаемые орудия преступления, состояние одежды потерпевшего и т.п.

В тех случаях, когда признаки убийства очевидны, уголовное дело должно возбуждаться немедленно. Отказ в возбуждении уголовного дела об убийстве должен иметь место только в случае достоверного установления отсутствия события преступления[2]. Нельзя считать законным требование, существующее у некоторой части практических работников[3], чтобы имелись сведения о лицах, совершивших преступление и о реальной возможности изобличения их в ходе предварительного расследования (судебной перспективе), поскольку это противоречит ч. 2 ст. 140 УПК РФ. Для принятия решения о возбуждении уголовного дела вполне достаточно, если существующие объективные данные свидетельствуют о самом факте преступления (убийстве).

Изучение автором практики работы следственных органов в России показывает, что далеко не всегда уголовные дела возбуждались в ситуациях посткриминального суицида убийц. Так, Ш., будучи в состоянии алкогольного опьянения, застрелил из охотничьего ружья трех членов своей семьи, а затем – себя. Следователь вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела «в связи со смертью лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого»[4]. Другой следователь аналогично отказал в возбуждении уголовного дела в отношении Виктора А., который 30.10.2012 по мотивам ревности убил выстрелом из ружья

---

[1] Серов В.А. Функции вероятности в уголовном процессе // Правоведение. 1984. № 2. С. 89.

[2] Тарасов М.Ю. Расследование уголовных дел об убийствах: процессуальные и криминалистические вопросы: автореф. дис…канд. юрид. наук. М., 2003. С. 16.

[3] Бородин С.В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела. М., 1970. С. 37.

[4] Материал проверки № 580 // Архив СО по г. Твери СУ СК России, 2008.

свою жену, после чего застрелился сам[1].

Житель г. Новокузнецка 21.11.2009 по мотивам ревности убил выстрелом из пистолета свою бывшую жену, тяжело ранил ее нового супруга, а затем застрелился сам, что фиксировалось камерами видеонаблюдения торгового центра[2]. 30.11.2009 старшим следователем СО по г. Новокузнецку было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в котором говорилось: «В действиях Б. имеется состав преступления, предусмотренного ст. 105, ст. 30 и ст. 105 УК РФ, так как он совершил убийство Б. и покушение на убийство Д., однако на основании ч. 4 п. 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено в связи со смертью подозреваемого Б.». Прокуратура данное решение не опротестовала[3]. В подобных случаях факты убийств не отражаются в соответствующих разделах уголовной статистики, поскольку расследование по ним не проводится. Автор солидарен с мнением А.Л. Протопопова, который дает следующую оценку таких процессуальных нарушений: «Это не что иное, как попытка скрыть тяжкое преступление от учета, или полнейшая профессиональная непригодность сотрудника органа дознания, следователя. Прокурор должен самым принципиальным образом реагировать на подобные факты…»[4]. Процессуальный закон однозначно требует, чтобы все случаи выявления убийств, осложненных посткриминальным суицидом правонарушителя, влекли возбуждение уголовного дела и проведение качественного расследования, которое может выявить совершенно иную картину случившегося (например, инсценировку суицида)[5]. Не исключается и заказной характер такого деяния, когда оплату получает сам будущий суицидент, либо – иные лица, связанные с ним (родные, знакомые). Возможно и выявление роли подстрекателей, которые, зная аффективный характер будущего убийцы-суицидента, могли склонить его к совершению убийства потерпевшего, рассчитав и ситуацию посткриминального суицида правонарушителя.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П были признаны неконституционными положения п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, позволяющие прекратить уголовное дело в связи со смертью подо-

---

[1] Материал проверки № 1417 // Архив СО по г. Якутску СУ СК России по Республике Саха (Якутия), 2012.

[2] Кихаева А. Ревнивый муж устроил кровавую бойню и застрелился // Комсомольская правда. 2009. 28 ноября.

[3] Материал проверки № 431-2937 // Архив СО по г. Новокузнецку СУ СК России по Кемеровской области, 2009.

[4] Протопопов А.Л. Прокурорский надзор за расследованием убийств. СПб., 2006. С.144.

[5] Рывкин С.Ю. Особенности расследования и предупреждения убийств, совершенных военнослужащими: автореф. дис…канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С.18-22.

зреваемого (обвиняемого) без согласия его близких родственников. По смыслу правовой позиции Конституционного Суда РФ, юридическим фактом для принятия соответствующего процессуального решения является именно наличие или отсутствие возражений одного из близких родственников, а не наличие или отсутствие их согласия[1]. Это постановление недобросовестные дознаватели и следователи могут обойти в ситуациях не прекращения уголовного дела, а при отказе в его возбуждении, как показывают приведенные примеры. Можно согласиться с утверждением Л.Н. Богдановой, что неблагоприятная тенденция увеличения латентных убийств в современной России во многом обусловлена «очевидными упущениями в деятельности прокуроров, обязанных обеспечивать действенный надзор за законностью и обоснованностью принимаемых следователями процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовных дел по таким фактам»[2].

Как справедливо указывает А.С. Сидоров, «не раскрыв преступления, нельзя приступать к решению остальных задач уголовного судопроизводства, перечисленных в ст. 6 УПК РФ»[3]. Отсюда следует – раскрыть даже очевидное убийство, сопряженное с немедленным суицидом правонарушителя, можно только после проведения тщательного предварительного расследования всех обстоятельств дела, с обязательным сбором материалов по личности убийцы и потерпевшего (потерпевших), и лишь после этого можно вынести постановление о прекращении уголовного дела в связи со смертью подозреваемого.

И.Л. Петрухин пишет о стандартах доказанности обвинения – вырабатываемых судебной практикой представлениях о совокупности доказательств, достаточных для вынесения обоснованного обвинительного приговора или другого процессуального акта. Стандарты доказанности применяются и на досудебных стадиях процесса, но в несколько урезанном виде (ч. 2 ст. 140, ст. 146 УПК РФ – на стадии возбуждения уголовного дела; ст. 171 УПК РФ – предъявление лицу обвинения в совершении преступления)[4]. И.Л. Петрухин справедливо отмечает: «От стадии к стадии уровень стандартов доказанности обвинения повышается. Самый высокий стандарт доказанности обвинения имеет обвинительный приговор суда…»[5]. Это еще раз подтверждает нашу убежденность в необходимости возбуждения уголовного дела по

---

[1] Калиновский К.Б. Презумпция согласия родственников на прекращение дела умершего // Уголовный процесс. 2012. № 3. С. 9.

[2] Богданова Л.Н. Выявление латентных убийств в ходе прокурорских проверок // Уголовное право. 2011. № 5. С. 114.

[3] Сидоров А.С. К вопросу о понятии и содержании раскрытия преступлений // Вестник криминалистики. 2011. Вып.2. С. 108.

[4] Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. М., 2009. С. 55-56.

[5] Петрухин И.Л. Указ. раб. С. 56.

фактам убийств, сопряженных с немедленным суицидом убийцы, поскольку только в ходе предварительного расследования могут быть установлены важные доказательственные факты, которых не выявит доследственная проверка.

При опросе автором следователей СК РФ (63 человека) было установлено, что 15 респондентов (почти 24%) считают законным не возбуждать уголовное дело по факту убийства, если правонарушитель покончил с собой на месте преступления или вблизи от него[1]. Такое положение, на наш взгляд, свидетельствует о серьезных проблемах в сфере досудебного следствия.

М.А. Багмет

Коррупционная преступность в полиции как условие нарушения конституционных прав граждан

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) три четверти россиян (74%) отмечает высокую или очень высокую степень распространения коррупции в обществе (30% – очень высокая, 44% – высокая). Только 19% респондентов посчитали ее «средней», лишь 1% – «низкой» и никто не сказал, что коррупции нет совсем[2].

Статистика также подтверждает рост числа выявляемых фактов взяточничества, как основного составляющего коррупции, в России. За последние десять лет этот показатель увеличился более чем вдвое, при этом скачки взяточничества были зафиксированы в 2006, 2008 и 2009 гг. Причем если в 1998 г. было зарегистрировано 5807 случаев взяточничества, то 2009 г. – 13141, хотя последние годы отмечается снижение этого показателя – до 10952 в 2011 г. Если в 2003 г. было выявлено 4425 фактов получения взятки, то в 2009 г. – уже 7856, хотя опять же последние несколько лет отмечается снижение данного показателя – до 7635 в 2011 г. При этом увеличивается количество взяточников: с 1726 в 2003 г. до 2346 – в 2011 г.

Высокую степень коррумпированности в обществе чаще отмечают жители Северо-Западного (46%), Сибирского (43%) и Южного федеральных округов (41% соответственно). Причем чем крупнее населенный пункт, тем более коррумпированы различные сферы и институты общества, по мнению наших сограждан. Так, высокий уровень коррупции отмечают 42% жителей обеих столиц и только 21% сельских жителей.

---

[1] Ардашев Р.Г. Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя. Иркутск, 2013. С. 85.
[2] URL: http://www.regnum.ru/news.

По данным ВЦИОМ наиболее коррумпированными сферами и институтами общества считаются правоохранительные органы (ГАИ – 33% и полиция – 26%) и муниципальные органы власти (28%). Далее социологи выделяют следующие коррумпированные сферы: «все общество в целом» (23%), «сфера медицины» (16%) и «образование» (15%). После них в рейтинге коррумпированных органов также значатся: федеральная власть и судебная система, от которых слегка «отстает» крупный бизнес с 13% процентами. Затем следуют военкоматы, шоу-бизнес, армия и сфера торговли (8%, 6%, 5%, 4% соответственно). На последнем месте: СМИ, политические партии и Государственная Дума РФ (по 3%).

Не видят никакого результата в борьбе с коррупцией за последний год 43% россиян. Каждый третий респондент отмечает, что результаты есть, но они не слишком значительны (32%), а в 10% случаев наши сограждане склонны видеть скорее ухудшение ситуации и усиление коррупции. Лишь 7% россиян видят прогресс в борьбе с этим явлением. Такое же количество респондентов затруднились оценить результаты борьбы с коррупцией.

Более половины опрошенных (53%) считают, что материальное вознаграждение (в том числе подарки) за ту работу, которую люди различных профессий (врачи, учителя и т.д.) должны делать бесплатно, столь же опасное явление, что и коррупция среди государственных чиновников органов власти.

Жадность, аморальность российских чиновников и бизнесменов, а также несовершенство законов – главные причины коррупции, по мнению наших сограждан (39% и 35% соответственно). Почти каждый пятый считает, что корень проблемы – в низком уровне правовой культуры и законопослушания у подавляющего большинства населения (21%).

Почти каждый второй респондент (47%) отмечает, что ему никогда не приходилось давать деньги и подарки людям, от которых зависело решение проблем. Около трети россиян заявляют, что единичные случаи были (28%). 20% признают, что нередко прибегали к подобным действиям.

В России фиксируется самый низкий уровень доверия правоохранительным органам: только 40% опрошенных заявили о полном или частичном доверии к их представителям[1].

При этом, что примечательно, больше всего взяток дают именно представителям правоохранительных органов – 30% опрошенных. С 2007 г. число россиян, признавшихся, что за последний год хотя бы раз давали взятку, выросло с 17 до 29% от общего числа опрошенных, то

[1] Уровень доверия к правоохранительным органам в разных странах // Власть: аналитический еженедельник. 2010. № 32. С. 30.

есть почти в два раза. Число тех, кто подкупал сотрудников правоохранительных органов, выросло от трех до пяти раз[1].

По данным ВЦИОМ наиболее коррумпированными в полиции являются ГИБДД (33%) и другие наружные службы полиции (26%).

Согласно данным, полученным в результате анализа деятельности Верховного Суда РФ, среди взяточников 31% осужденных являются работниками полиции. Причем размер взятки в полиции составляет: 13,8% – взятки до 500 руб.; 33% – от 500 руб. до 3 тыс. руб.; 23% – от 3 до 10 тыс. руб.; 12% – от 10 до 30 тыс. руб.[2]

В 2011 г. СК России в отношении сотрудников полиции были возбуждены уголовные дела по следующим составам преступлений[3]:

- злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285) и превышение должностных полномочий (ст. 286) – 1332;
- получение взятки (ст. 290), дача взятки (ст. 291) и посредничество во взяточничестве (ст. 291.1) – 649;
- служебный подлог (ст. 292) – 497.

Службой собственной безопасности МВД России в 2012 г. задержаны за взятки 374 сотрудника полиции. При этом проведено 4824 проверки, по результатам которых в 1267 случаях изложенная информация о неправомерных действиях сотрудников полиции нашла свое подтверждение. На основании этих материалов органами СК России возбуждено 542 уголовных дела с привлечением 345 сотрудников к уголовной ответственности[4].

Кроме того, при анализе состояния коррупции в полиции было установлено, что огромное количество преступлений укрывается. Заявления не принимаются, а если под давлением потерпевших их принимают, то они в дальнейшем не регистрируются. В связи с чем, по нашему мнению, УК РФ необходимо дополнить нормой, предусматривающей ответственность за укрытие преступлений.

Таким образом, анализ состояния и динамики коррупционной преступности позволяет сделать определенные выводы:

1) Российская Федерация на протяжении многих лет среди других стран остается одной из самых коррумпированных;

2) наиболее подвержены коррупции правоохранительные органы, из которых наиболее коррумпированы полиции;

---

[1] Раздел 7 Доклада «О состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению за 2008 год».

[2] Евстифеев В.В. и др. Проблемы противодействия коррупции в системе государственной службы // Административное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 32.

[3] Справка о результатах деятельности СК России в 2011 г.

[4] Чужие среди своих // Российская газета. 2012. 19 декабря.

3) среди коррупционных преступлений наибольшее количество составляет: злоупотребление должностными полномочиями и превышение ими, а также взяточничество, как получение, так и дача взятки;

4) в России последние 15 лет фиксируется стабильный рост взяточничества;

5) в связи с ростом укрывательства преступлений в полиции предлагается УК РФ дополнить нормой, предусматривающей ответственность за укрытие преступления, в виде ст. 292.2 «Укрытие преступлений» следующего содержания:

«Укрытие должностным лицом преступления, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности –

наказываются штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет».

Л.А. Бакланов

Обеспечение конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при осуществлении розыскной деятельности органами внутренних дел

Конституция РФ в ч. 1 ст. 23 гарантирует право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (далее – право на неприкосновенность частной жизни). Статья 18 признает права и свободы человека непосредственно действующими, то есть любое ограничение прав и свобод может осуществлять только на основании и в порядке, предусмотренном федеральным законом. Наряду с имеющимися конституционными гарантиями, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, предусматривает возможность ограничения прав и свобод только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц. Следовательно, конституционные права, в том числе и право на неприкосновенность частной жизни, может ограничиваться в случаях предусмотренных Федеральными законами.

Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) в ст. 2, одной из задач оперативно-розыскной деятельности является осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших. В целях обеспечении выполнения указанной задачи, в ст. 7 Закона об ОРД, в качестве осно-

ваний для проведения оперативно-розыскных мероприятий предусмотрено поступление сведений, ставших известными о лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания (п. 3 ч. 2) и лицах, без вести пропавших (п. 4 ч. 2).

Таким образом, в целях установления местонахождения разыскиваемых лиц могут проводиться оперативно-розыскные мероприятия. Оперативно-розыскные мероприятия носят разведывательно-поисковый характер и направленные на получение информации[1]. Проведение оперативно-розыскных мероприятий, в подавляющем большинстве случаев, вторгается в охраняемые Конституцией РФ права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Однако такое вторжение предусмотрено федеральным законом и носит общественно полезный характер.

Анализируя предусмотренные в Федеральном законе «О полиции» обязанности, полиция, кроме указанных категорий разыскиваемых, осуществляет розыск:

1) несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей или специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации; несовершеннолетних, самовольно ушедших из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа органа управления образованием (далее – ушедших несовершеннолетних);

2) лиц, уклоняющихся от исполнения назначенных им судом принудительных мер медицинского характера или принудительных мер воспитательного воздействия; лиц, уклоняющихся от недобровольной госпитализации, назначенной судом в связи с наличием психического расстройства.

В ведомственном подзаконном нормативном правовом акте, регламентирующего организацию розыскной работы в ОВД, предусмотрена обязанность заведения дел оперативного учета в целях розыска указанных категорий граждан.

В соответствие со ст. 10 Закона об ОРД дела оперативного учета могут заводиться для решения задач ОРД. Нетрудно заметить, что установление местонахождения двух последних категорий разыскиваемых не является задачей оперативно-розыскной деятельности. Однако, ушедший несовершеннолетний может находиться в опасности и в интересах общества не допустить что бы он стал жертвой преступления или начал заниматься антиобщественным образом жизни. Розыск указанных психически больных также необходим в целях осуществления безопасности, прежде всего других граждан.

---

[1] Алгазин И.И., Бакланов Л.А., Бражников Д.А и др. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: курс лекций. Тюмень, 2012. С. 83.

На наш взгляд розыск полицией ушедших несовершеннолетних и представляющих опасность больных оправдан и получение сведений о местонахождении такого разыскиваемого, а это практически всегда сведения о его частной жизни, следует признавать допустимым и не нарушающим ст. 23 Конституции РФ.

По мимо упомянутых категорий разыскиваемых, ведомственное законодательство предусматривает заведение дел оперативного учета еще на одну категорию – утратившие связь с близкими родственниками или супругами не желающими поддерживать связь между собой (далее – УРС).

Розыск последней категории не предусмотрен ни одним из действующих федеральных законов. Порядок проведения розыскных мероприятий по данной категории разыскиваемых четко не определен и в практической деятельности могут возникнуть ситуации связанные с необоснованным вторжением в сферу частной жизни граждан. Не совсем понятна и цель розыска родственников не желающих поддерживать, связь между собой. В розыске лиц УРС часто вступает в противоборство, с одной стороны, желание одного родственника (заявителя) обладать информацией о месте жительства, образе жизни и т.д. разыскиваемого лица, подкрепленного предусмотренной подзаконным актом обязанности МВД осуществлять розыск, с другой стороны, право самого разыскиваемого лица на тайну частной жизни. По нашему мнению право на тайну частной жизни имеет значительное преимущество. Некоторые из разысканных граждан правомочны на обжалование розыскных действий органов внутренних дел. Стаем, что удовлетворение таких жалоб в судебном порядке не пойдет на пользу МВД России.

Не совсем корректная ситуация связанна с розыском некоторых категорий граждан создает предпосылки для необоснованного нарушения предусмотренного ст. 23 Конституции РФ права на неприкосновенность частной жизни и требует внесения изменений в нормативные правовые акты.

Необходимо на ведомственном уровне четко предусмотреть порядок действий полиции при наличии предусмотренных в Законе об ОРД оснований для проведения ОРМ и организацию розыска в рамках закона о полиции (без заведения дел оперативного учета, могут использоваться розыскные карточки, накопительные материалы и информационно поисковые системы).

Утратившие связи с близкими родственниками также не следует исключать из внимания органов внутренних дел. Необходимо создавать учеты таких лиц, особенно с описанием их примет. Такая информация должна быть размещена в ГИАЦ МВД России с указанием сведений о конкретном заявителе. Розыск таких лиц МВД осуществлять не должно, а лишь оказывает услуги по информированию граждан о наличии у них родственников, желающих восстановить с ними род-

ственные связи, в случае попадания такого лица в поле деятельности органов внутренних дел.

Реализация на практике наших предложений исключит предпосылки для необоснованного вторжения в охраняемое конституцией право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

В.Ю. Белицкий

Проблема задержания и заключения под стражу лица, личность которого не установлена и возможные пути её решения

Конституция РФ (ст. 22) гарантирует каждому человеку право на свободу и личную неприкосновенность. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению.

Данное конституционное положение соответствует ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и является правовым фундаментом соблюдения прав человека в РФ.

Конституционный принцип неприкосновенности личности находит своё закрепление и развитие в ч. 1 ст. 10 УПК РФ. Согласно названой норме, никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных УПК РФ. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

Понятие, основания и процессуальный порядок задержания, избрания меры пресечения в виде заключения под стражу регламентированы пп. 11, 15 ст. 5, ст. 91-101, 108-109, 184, другими статьями УПК РФ, а также нормами Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

В числе оснований задержания, в ч. 2 ст. 91 УПК РФ закреплено право задержания лица по подозрению в совершении преступления при наличии иных, кроме предусмотренных ч. 1 ст. 91 УПК РФ данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, если не установлена его личность.

В качестве одного из оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, также закреплено право её избрания в отношении подозреваемого или обвиняемого, личность которого не установлена.

Анализ уголовных дел, опрос следователей, дознавателей, адвокатов и судей свидетельствуют о наличии проблем правоприменения связанных с реализацией законодательного положения касающегося задержания, а равно с заключения под стражу лица, личность которого не установлена.

При этом имеет место две ситуации. Первая – подозреваемый называет свои личные данные, но нет документов, удостоверяющих его личность, равно как нет сведений о нем в информационных базах данных: о судимостях, дактилоскопической регистрации и пр. Вторая – наиболее сложная ситуация связана с тем, что подозреваемое лицо отказывается назвать какие-либо сведения о себе. Сведения о нем отсутствуют и в материалах уголовного дела и в информационных базах данных.

Рассмотрим выделенные ситуации, отметив при этом, что однозначный ответ на вопрос о том, какие именно документы, кроме паспорта гражданина Российской Федерации[1], позволяют установить личность лица, до принятия законодательного акта, содержащего список подобных документов[2], дать сложно[3].

На практике, официальными документами, кроме паспорта гражданина РФ, также считают документы, содержащие фотографию лица, данные о нем и заверенные надлежащим образом (в т.ч. водительское удостоверение, служебное удостоверение, студенческий билет, военный билет и пр.).

Часть 2 ст. 91 УПК РФ, регламентирующая основания задержания, вовсе не требует, чтобы личность была установлена именно на основании документов (тем более каких-то конкретных документов), оставляя принятие решения на усмотрение лица, производящего задержание. По духу закона личность может быть установлена и на основании иной не вызывающей сомнения информации, например устного свидетельства заслуживающих доверия людей (хорошо знающих данное конкретное лицо), личности которых, в свою очередь, установлены не вызывающим сомнения способом[4].

Однако, устное свидетельство заслуживающих доверия лиц не является достоверным способом установления личности. Например, при расследовании одного уголовного дела первоначально личность обвиняемой была установлена на основании свидетельства сотрудников УФМС как М. Вместе с тем, в ходе дальнейшего расследования стало известно, что эти сведения не соответствуют действительности: обвиняемая, ранее проживавшая в Казахстане, приехала в РФ, в г. Славгород, где стала представляться фамилией отца, в связи с чем, все знакомые знали её

---

[1] Согласно Указа Президента РФ от 13.03.1997 № 232 «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации» является паспорт гражданина РФ.

[2] Проект Федерального закона № 369593-3 «Об основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации». URL: http://docs.cntd.ru/document.

[3] Белкин А.Р. Задержание по подозрению в совершении преступления: спорные вопросы и возможные пути разрешения проблем // Уголовное судопроизводство. 2011. № 4. С. 13-14.

[4] Белкин А.Р. Указ. раб. С. 13-19.

именно под такой фамилией. Действительной же фамилией обвиняемой являлась Д., что стало известно, то только после получения соответствующего ответа из компетентных органов Казахстана[1].

Нередки случаи совершения преступления гастролерами, иностранными гражданами, то есть лицами, не имеющими знакомых на территории населенного пункта места совершения преступления и не дающих показаний относительно места своего жительства, либо дающих ложные показания, что исключает получения устных свидетельств об их личности.

Результат анализа проведенного опроса судей свидетельствует о том, что не установление личности подозреваемого (обвиняемого) может являться основанием для отказа следователю, дознавателю в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Свой отказ судьи аргументировали тем, что согласно ст. 99 УПК РФ, при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения должны учитываться сведения о личности подозреваемого или обвиняемого.

В теории и правоприменительной практике предложены и используются различные способы установления личности подозреваемого (обвиняемого):

- выявление и проверка обстоятельств задержания лица, пути его следования, вида транспорта, места возможного проживания, а также иных обстоятельств с целью установления личности;

- составление описания внешности по методу словесного портрета, одежды и других имеющихся у него вещей, фотографирование подозреваемого (фас, оба профиля), с последующей демонстрацией фотографии в средствах массовой информации с просьбой к лицам, которые знакомы с данным человеком обратиться в правоохранительные органы для предоставления сведений о нем и установления его личности;

- дактилоскопирование лица и проверка наличия сведений о нем в базе данных «Папиллон»;

- при сообщении лицом каких-либо сведений о себе (месте жительства, месте работе (учебе), судимостях и пр.) проведение проверки данных сведений для установления его личности и некоторые другие.

Вместе с тем, встречаются ситуации, при которых названные способы установления личности остаются безрезультатны.

При отсутствии документов, удостоверяющих личность подозреваемого, следователи (дознаватели) ищут различные пути выхода из сложившейся ситуации. В частности по уголовному делу в отношении Ч., который называл свои анкетные данные, но документов, удостоверяющих личность не предоставил, следователи провели его фотогра-

---

[1] Уголовное дело № 191147 // Архив Славгородского городского суда Алтайского края.

фирование и дактилоскопирование. После этого они наклеили фотографию на дактокарту подозреваемого и с таким «документом» представили его в суд для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Наиболее сложной является ситуация когда подозреваемый отказывается предоставить какие-либо сведения о себе, либо называет ложные сведения, а применяемые способы установления личности подозреваемого безрезультатны.

В данном случае представляет интерес предложение И.В. Малофеева. Решение проблемы он видит в необходимости внесения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ дополнения, позволяющего, при невозможности установить реальные данные о личности, использовать условные установочные данные, которые бы исключали возможность их дублирования с кем-либо из реально существующих лиц[1]. Автор отмечает, что необходимо предусмотреть максимальное закрепление сведений о лице с условными установочными данными, для чего целесообразно получить отпечатки его пальцев, образцы биологической ткани (крови), сделать фотографию данного лица, а также измерить его антропометрические данные[2].

Предложенный И.В. Малофеевым подход, думается, имеет право на существование. В то же время, полагаем, применение условных установочных данных не позволит решить всех проблем правоприменения.

Считаем, более перспективным направлением является применение такого способа индивидуализации личности как указание генетических признаков (генотипа лица), привлекаемого к уголовной ответственности. Генотип лица устанавливается в результате производства биологической экспертизы тканей и выделений человека[3] (судебно-геномной экспертизы).

Предложенный способ обеспечит максимально высокий уровень индивидуализации лица привлекаемого к уголовной ответственности. Обратим внимание и на то, что получение результатов данной экспертизы, в исключительных случаях, в частности, при задержании лица по подозрению в совершении преступления, возможно и в течение 48 часов[4].

---

[1] Малофеев И.В. Возможность уголовного преследования лица, личность которого не удостоверена // Уголовный процесс. 2013. № 2. С. 42-47.

[2] Малофеев И.В. Указ. раб. С. 46-47.

[3] Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

[4] Признаем, объективно, для подготовки заключения эксперта, может потребоваться и больший промежуток времени. В этом случае необходимо продление срока задержания на срок не более 72 часов, в соответствии с п. 3 ч. 7 ст. 108

В свою очередь по генотипу лица также можно установить его личность, осуществив проверку по соответствующим базам данных[1]. Если такая проверка оказалась безрезультатна, то сам генотип лица может быть использован для индивидуализации личности подозреваемого (обвиняемого).

Предложенный способ индивидуализации личности апробирован в правоприменительной деятельности. В частности, при расследовании одного из уголовных дел[2] подозреваемый трижды представлялся разными анкетными данными. Примененные способы установления его личности результата не принесли. Для индивидуализации личности подозреваемого, следователь принял решение о назначении судебно-геномной экспертизы для установления генетических признаков (генотипа лица). Установленный генотип подозреваемого (обвиняемого) следователь указал в анкетных данных о личности лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Таким образом, во избежание проблем задержания, а равно заключения под стражу лиц, личность которых не установлена, предлагаем удостоверять личность подозреваемого (обвиняемого) путем указания его генотипа (генетических признаков).

Н.Ф. Бережкова

Правовое регулирование соблюдения этических (клятвы) норм в Следственном Комитете Российской Федерации как способ обеспечения законности и соблюдения конституционных норм

Любые требования, этические нормы и правила должны исходить из основных нормативных правовых актов, определяющих статусное (правовое положение) государственного органа и его персонала. Так, правовое положение СК России и его территориальных органов[3] определены в различных нормативных правовых актах (требованиях Президента страны и Председателя СК России), в частности в: федеральных законах от 28.12.2010 № 403 «О Следственном комитете Российской Федерации»

УПК РФ. Этого времени будет достаточно как для проведения судебно-геномной экспертизы, так и подготовки заключения эксперта.

[1] Случаи обязательной геномной регистрации определены в ст. 7 Федерального закона от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

[2] Уголовное дело № 40478 // Архив Индустриального районного суда г. Барнаула.

3 Приказ СК России от 7.06.2013 № 35 «Об объеме процессуальных полномочий руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации».

(далее – Закон о СК России); от 27.07.2004 № 79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и др.;

В ст. 19 Закона о СК России закреплено, что гражданин, впервые назначаемый на должность в СК России, принимает Присягу сотрудника СК России. Содержание клятвы имеет более качественный современный подход. В целях своевременного обеспечения реализации Закона о СК России был издан приказ от 21.08.2012 № 51 «Об установлении порядка принятия Присяги сотрудника Следственного комитета Российской Федерации». Тем самым был установлен важнейший (воинский) ритуал и закладывает первый фундамент нового федерального государственного органа (зарождении) принятии процедуры присяги, от которого, безусловно, зависит сохранение и развитие авторитета данного молодого субъекта правоохранительного органа. И, конечно же, данное мероприятие должно сохраниться в памяти каждого сотрудника, на весь его жизненный процесс, дающего клятву Отечеству, выражающееся чувства гордости и возвышение достоинств пребывания госслужбы в данном ведомстве. В связи с этим думается дополнить в положении, что процедура принятия присяги (государственного воинского ритуала[1]) должно проходить с выносом Знамени России[2] и СК России, а открытие и завершение должны проходить под Гимн России[3], приглашением руководителей госорганов (членов коллегии), ветеранов СК России, членов семьи и близких лица, принимающего присягу. Кроме того, если, к примеру, сотрудники ФСИН России (с учетом специфических особенностей) принимают присягу без оружия[4], то в нашем случае следует предусмотреть вопрос об огнестрельном оружии. Или о форменном обмундировании (повседневное в белой рубашке, или парадная выходная) и прохождении торжественным маршем. Либо отсутствие подобных единых предписаний закономерно способствует порождению различных «изобретений» на местах, что недопустимо в системе правоохранительных (государственном) органах.

По существу, этические нормы и правила поведения установленные Указом Президента РФ от 12.08.2002 «Общие принципы служебного

---

[1] Часть 2 ст. 57.8 Федерального закона от 27.05.1998 № 76 «О статусе военнослужащих».

[2] Статья 6 Федерального конституционного закона от 25.12.2000 № 1 «О Государственном флаге Российской Федерации».

[3] Статья 3 Федерального конституционного закона от 25.12.2000 № 3 «О Государственном гимне Российской Федерации».

[4] См. подробно: Бережкова Н.Ф. Роль присяги и этических норм в обеспечении прав и свобод человека сотрудниками ФСИН России // Обеспечение прав человека в условиях современного государства: мат-лы межд. науч.-практич. конф. (9-10.12.2010). В 2 ч. Ч. 1. Владимир, 2010. С. 12-18.

поведения государственных служащих»[1] (для всех госорганов – госслужащим) учтены также руководством СК России. Но первоначальные требования для сотрудников закреплены в ФЗ о СК России, в частности, за несоблюдение сотрудником СК ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции в Законом о СК России, Законом от 25.12.2008 № 273 «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами, налагаются взыскания, предусмотренные ч. 1 ст. 28 Закона о СК России. При этом надо отметить, что при разработке ведомственных этических норм в большинстве государственных органах ранее уделялись недостаточно[2]. В рамках рассматриваемого вопроса необходимо отметить, что соблюдению этических норм указанных клятве и иных требований Закона о СК России способствует Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих СК России (далее – Кодекс), утвержденный Приказом СК России от 11.04.2011.

Вместе с тем как в СК России, так и МВД России (с. 2008 г.) присутствуют не уточненные моменты реализации некоторых этических норм, в частности госслужащим не следует делать татуировки, носить пирсинг, а в служебное время перстни, печатки и другие дорогие ювелирные украшения, смешивать предметы форменной и гражданской одежды, держать руки в карманах форменной одежды, ходить в нечищеной и стоптанной обуви, а также в одежде, утратившей надлежащий вид. Так проведенные мною в течение 2009-2013 гг. анализы об особенности реализации ведомством ничтожных требований от сотрудников-госслужащих показывают, что за последние 5 лет не было издано приказов о дисциплинарной ответственности за нарушение того или иного пункта Кодекса или присяги. Тем самым, зачем издавать такие требования, когда они не «оживляются» или кто и как (механизм) осуществляет проверку на предмет татуировок, пирсингов, когда кодексы нуждаются в отдельной инструкции о порядке их реализации. Например, возложение некоторых обязанностей на медработников ведомства с передачей информации в кадровые аппараты, установление граф (пунктов, абзацев, граф) в соответствующих документах, в личных карточках и т.д. госслужащего.

Думается, мы говорим за последние (5-7) годы о правилах этических нормах чиновников, но механизмы реализации недостаточно отрегулированы как словно как «горох об стенку». Может эти итоги по-

---

[1] Российская газета 2002. 15 августа.

[2] См. подробно: Бережкова Н.Ф. Присяга в системе правоохранительных органов и её толкование // Право и государство: теория и практика. 2008. № 3. С. 102-103.

тому, что каждая система (чиновник) классового общества[1] старается прибегать к неприкосновенности, т.е. украл миллионы, а то и миллиарды штраф и домашние аресты, а оскорбил, украл тысячи рублей «повышенные» санкции, чем в отношении специальных особых чиновников, которые олицетворяют существующую власть в правовом государстве. Еще в 1993 г. доктором юридических наук Ф.П. Васильевым говорилось, что в условиях преобразования нового типа государств должна быть изменена и система наказания. Если мы копируем экономику, политику, управление других стран, то систему наказания и ответственности необходимо также налаживать в первую очередь[2]. И эти суждения актуальны ныне как никогда, в том, что сегодня «модно» в системе управления применение жестких мер за противоправные деяния подчиненными на различных уровнях. Когда в системе правовой ответственности пока что верховенствует ответственность законных представителей и самого правонарушителя.

Наверное, и руководителям – лицам, проводящим служебную проверку по фактам нарушения этических норм следует их проводить так, чтобы в последующем выводы о соблюдении этических норм служащими учитывались при проведении аттестации, формировании кадрового резерва для выдвижения на вышестоящие должности и при решении вопросов поощрения или наложения дисциплинарных взысканий.

Или же, если Указом Президента РФ от 31.12.2006 № 1574 «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы»[3] определены должности, относящиеся к категории гражданских государственных служащих, то и на них распространяются требования норм тех или иных законов. Должностные лица всех уровней государственной гражданской службы в соответствии с ФЗ от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[4] обязаны соблюдать установленные правила поведения и не допускать использования своего должностного положения или препятствовать должностным лицам при установлении обстоятельств противоправных действий. Эти принципы также учтены и Председателем СК России.

Безусловно, в процессе служебных отношений, регулировании служебных и этических вопросов руководителям СК России следует учиты-

---

[1] См. подробно: Бережкова Н.Ф., Баранов В.В., Васильев Ф.П. Современные аспекты регламентирования деятельности государственных органов и пресечения коррупции в системе власти. // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 6-12.

[2] Васильев Ф.П. Правовые проблемы в деятельности органов внутренних дел в условиях межнациональных конфликтов / Место и роль органов внутренних дел в предупреждении и развитии межнациональных конфликтов: мат-лы науч.-практич. конф. (26-27.10.1992). М., 1993. С. 120-122.

[3] Табель о рангах // Российская газета 2006. 12 января.

[4] Российская газета 2004. 5 августа.

вать и президентские требования. Так, Кодекс этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих, одобренного на заседании президиума Совета при Президенте России по противодействию коррупции (протокол от 23.12.2010 № 21); и НПА РФ, а также с учетом общепризнанных нравственных принципов и норм российского общества и государства.

В целом Кодекс представляет собой свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми необходимо руководствоваться ФГГС СК России (далее – гражданский служащий) независимо от замещаемой им должности. И гражданин РФ, поступающий на ФГГС в СК России, обязан ознакомиться с положениями Кодекса и соблюдать их в процессе своей служебной деятельности. При этом каждый госслужащий должен принимать необходимые меры для соблюдения положений Кодекса, а каждый гражданин РФ вправе ожидать от госслужащего поведения в отношениях с ним в соответствии с закрепленными положениями в нем. А целью является установление единых этических норм и правил служебного поведения госслужащих СК России для достойного осуществления им своей профессиональной деятельности, а также содействие укреплению его авторитета, доверия граждан к следственным органам и обеспечение норм поведения СК, соответствующих единым нормам поведения госслужащих РФ. Одновременно как присяга[1], так и Кодекс призваны повысить эффективность выполнения госслужащим своих должностных обязанностей и гражданскому служащему надлежит руководствоваться принципами морали в сфере госслужбы страны.

Госслужащие любой категории СК России сознавая ответственность перед государством, обществом и гражданами, призваны: исполнять должностные обязанности добросовестно и на высоком профессиональном уровне в целях обеспечения эффективной работы СК; исходить из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют основной смысл его профессиональной служебной деятельности (качеств[2]) и деятельности СК в целом; осуществлять служебную деятельность в пределах своих должностных полномочий и компетенции соответствующего территориального органа СК; не оказывать

---

[1] Дугенец А.С., Бережкова Н.Ф. Роль этических норм в противостоянии коррупции в системе исполнительной власти // Административное право и процесс № 3. 2011. С. 18-20; Васильев Ф.П., Бережкова Н.Ф. Становление и развитие процесса принятия присяги в системе государственных органов, в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 3.

[2] Приказ СК России от 4.07.2012 № 39 «Об утверждении квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей по должностям федеральной государственной гражданской службы в Следственном комитете Российской Федерации».

предпочтения каким-либо профессиональным или социальным группам и организациям, быть независимым от влияния отдельных граждан, профессиональных или социальных групп и организаций; исключать действия, связанные с влиянием каких-либо личных, имущественных (финансовых) и иных интересов, препятствующих добросовестному исполнению должностных обязанностей.

Взаимоотношения между госслужащими в СК должны основываться на принципах товарищеского партнерства, взаимоуважения и взаимопомощи. Критика недостатков в работе должна быть объективной, взвешенной, принципиальной и с пониманием приниматься тем госслужащим, к которому она обращена. При исполнении им должностных обязанностей в зависимости от формата служебного мероприятия его внешний вид должен способствовать уважительному отношению граждан к госорганам, соответствовать общепринятому деловому стилю, который отличают официальность, сдержанность, традиционность, аккуратность, разумная достаточность в использовании косметики, ювелирных изделий и иных украшений. Ему следует постоянно повышать профессиональную квалификацию[1], общеобразовательный и культурный уровень.

Р.Н. Боровских

Вопросы повышения эффективности средств выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере страхового бизнеса

Проблемы повышения эффективности выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере страхования относится к предметной области криминалистики и должна решаться, прежде всего, ее инструментарием, однако актуальность данной проблемы для практических работников требуется обосновывать криминологическими и уголовно-правовыми средствами. Обратимся к их рассмотрению[2].

По оценкам экспертов, «цена» так называемого «страхового мошенничества» в России в 2010 г. достигала 27 млрд. руб., против 20 млрд. руб. в 2009 г. Стоит отметить, что 27 млрд руб. – на тот момент 10% годовой страховой премии, собранной страховщиками на отечественном страховом рынке[3]. На сегодняшний день, только в автостра-

---

[1] Бережкова Н.Ф. Проблемы повышения профессионального уровня государственными гражданскими служащими Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. М., 2006, № 2. С. 149-151.

[2] Эти же данные служат основой для создания криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений.

[3] Мошенники заработали на страховщиках 27 млрд рублей. URL: http://www.insurance-russia.com.

ховании ущерб от мошеннических действий оценивается в 22 млрд. руб. Так, согласно данным Российского союза автостраховщиков (РСА), доля выплат по сфабрикованным случаям по ОСАГО, где искажены факты и некорректно описаны обстоятельства произошедшего, в среднем составляет 20% от всех заявленных убытков. В денежном эквиваленте эти убытки составляют более 10 млрд рублей в год. Еще больше убытков приносят мошеннические выплаты по каско – 12 млрд. в год[1]. Тема противодействия «страховому мошенничеству» актуальна и за рубежом. По сведениям компании «SAS Россия/СНГ» среднемировой уровень «страхового мошенничества» составляет порядка 10%[2].

Не менее актуальной проблемой развития страховых индустрий России и зарубежных стран является лжестрахование, известное также как «схемное» страхование или «страховые схемы». Суть феномена лжестрахования состоит в имитации страховой деятельности, под видом которой и в правовой форме отношений страхования осуществляются операции с целью уклонения от уплаты налогов, незаконного вывоза капитала за рубеж, легализации преступных доходов, неправомерного завладения бюджетными средствами. Так, по мнению российских исследователей, от четверти до половины договоров страхования, заключаемых сегодня на отечественном страховом рынке, приходится на лжестраховые операции. В частности, более 70% страховых выплат по сельскохозяйственным рискам представляют собой операции, нацеленные на раздел бюджетных средств и уход от налогов[3]. При страховании грузов доля таких «схем» – выше 40%. Строители жульничают с налогами в каждом четвертом страховом случае, а фирмы, защищающие себя от «огневых рисков», – в каждом пятом. В целом, по самым осторожным оценкам, за год по каналам лжестрахования протекает, как минимум, 220 млрд. руб.[4]

Относительно сказанного выше, закономерным выглядит появление в УК РФ новеллы – ст. 159.5, устанавливающей специальную норму об ответственности за мошенничество в сфере страхования. Мошенничеством в сфере страхования законодатель предлагает считать хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или

---

[1] Кунле М., Алексеевских А. Мошенники зарабатывают 22 млрд рублей в год на автостраховках. URL: http://www.izvestia.ru/news.

[2] Там же.

[3] Григорьев А. РосПил: Сельскохозяйственная Республика Чувашия. URL: http://www.asn-news.ru/blogs.

[4] Павлов А. Президент всех отправил на полис. URL: http://www.insur-info.ru/press.

иному лицу (ч. 1 ст. 159.5 УК РФ). Частью 2 ст. 159.5 УК РФ установлена ответственность за «страховое» мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину. Такие преступные деяния отнесены законодателем к категории преступлений средней тяжести. Части 3 и 4 рассматриваемой статьи, предусматривающие такие квалифицирующие признаки, как «совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере» (ч. 3), а также «организованной группой либо в особо крупном размере» (ч.4), относят такие деяния к преступлениям средней тяжести и тяжким преступлениям, соответственно.

Примечательно, что в литературе, комментирующей новеллы УК РФ, рассматриваемая норма справедливо трактуется только с позиций защиты интересов страховых организаций. Например, Н.А. Колоколов отмечает, что форма объективной стороны содеянного строго ограничена законодателем: хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу[1]. Из анализа содержания данных признаков объективной стороны следует вывод о том, что только страхователь или иное лицо, заинтересованное в получении от страховщика выплаты по договору, может быть субъектом перечисленных действий. Поэтому логичными выглядят дальнейшие рассуждения автора о том, что «преступное деяние считается законченным с момента получения *страхователем* (курсив мой. – Р.Б.) (иными лицами) суммы денег (товара), не обусловленной договором страхования, а равно приобретения им (ими) юридического права на распоряжение такими деньгами». И далее: «сам по себе факт предоставления страхователем страховщику заведомо ложных и (или) недостоверных сведений в зависимости от обстоятельств дела может содержать признаки приготовления к мошенничеству в сфере страхования или покушения на совершение такого преступления»[2].

Очевидно, что рассматриваемые положения УК РФ нацелены на охрану, прежде всего, интересов страховщиков. В связи с этим, необходимо отметить, что такой законодательный подход способен дезориентировать правоохранителей, акцентируя их усилия на борьбе с преступной деятельностью, направленной против страховых компаний. При этом, вне поля зрения правоохранителей останется значительный объем совершаемых в сфере страхования иных преступных посягательств.

---

[1] Колоколов Н.А. Преступления против собственности: комментируем новеллы УК РФ // Мировой судья. 2013. № 1. С. 14-15.
[2] Там же.

В криминалистической литературе преступные посягательства в сфере страхования классифицируются по критерию субъекта преступной деятельности на следующие крупные группы преступлений:

1) преступные посягательства страхователей, застрахованных лиц, выгодоприобретателей (о чем говорилось ранее);

2) преступных посягательства сотрудников страховых организаций, страховых агентов и иных посредников в сфере страхования;

3) преступные посягательства руководителей и иных высокопоставленных сотрудников страховых организаций[1].

Относительно первой группы посягательств, присутствует понимание того, что такие деяния, как правило, совершаются страхователями – физическими лицами, нередко в соучастии со страховыми агентами и другими сотрудниками страховой организации, а также консультантами, экспертами, оценщиками, сотрудниками ГИБДД. При этом ущерб причиняется страховщику. Собственно на борьбу с такими преступлениями и направлена рассмотренная новелла УК РФ.

Однако не следует оставлять без внимания две другие группы преступных посягательств в страховой сфере. Так, вторая группа, очевидно, являет собой разновидность экономических афер. Такие преступления сводятся к одному – лживому обещанию держателю страхового полиса, что компания своевременно выплатит компенсацию при наступлении страхового случая. Последняя же группа преступных посягательств в сфере страхования означает обман со стороны топ-менеджеров страховой организации. В этом случае ущерб причиняется клиентам страховой компании, ее сотрудникам и государству[2].

Далее приведем краткую криминалистическую характеристику преступных посягательств последней группы, которую, с известной долей условности, можно обозначить как преступления в сфере страхового бизнеса. Криминальная сущность рассматриваемого вида (группы) преступных посягательств сводится к тому, что под видом операций страхования представителями страхового бизнеса реализуются различного рода преступные способы. Речь идет о том, что инструментарий страхового бизнеса используется с целью вывоза капитала за рубеж, обналичивания, легализации, уклонения от налогов, совершения мошенничества по типу «финансовых пирамид», хищения бюджетных средств и т.п.[3].

---

[1] Лубин С.А. Расследование преступлений в сфере страхования / Криминалистическое обеспечение экономической безопасности и борьбы с коррупцией: учебно-практич. пособие / под ред. А.Ф. Лубина, С.Ю. Журавлева. Н. Новгород, 2012. С. 296.

[2] Там же. С. 297.

[3] См. подробно: Боровских Р.Н. Проблемы криминализации и декриминализации страховой деятельности в России: монография / под ред. М.П. Клейменова.

В литературе отмечается, что основными ситуациями, возникающими на момент начала расследования хищений, совершаемых организованными преступными формированиями на предприятиях (в организациях), являются: 1) наличие негласной информации, поступающей в оперативные подразделения МВД, ФСБ, которые с учетом поступившей информации осуществляют оперативную проверку, результаты которой предоставляются следствию; 2) поступление информации из государственных и других контрольных органов (налоговой инспекции, иных ведомств, аудиторских фирм) непосредственно в следственные подразделения; 3) поступление информации как в следственные, так и в оперативные подразделения в виде сообщений должностных лиц, СМИ, из других официальных источников[1].

Представляется, что сказанное в полной мере относится к преступлениям в сфере страхового бизнеса, но из-за особенностей отношений страхования требует соответствующей конкретизации. В частности, нужно отметить, что последние три источника информации недооцениваются правоприменителями, но могли бы быть наиболее эффективными при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений в сфере страхового бизнеса. Рассмотрим их подробнее.

Результаты ОРД. Представляется, что наиболее результативным средством выявления преступлений, изобличения преступников в сфере страхового бизнеса являются инициативные, целенаправленные ОРМ и тактические (оперативно-тактические) операции, проводимые по совместному общему плану оперативно-розыскными подразделениями МВД РФ (и/или ФСБ РФ) и следственными органами. ОРМ и тактические операции такого рода наиболее эффективны именно для типичных оперативно-розыскных и следственных ситуаций начального этапа расследования (чаще – предварительной проверки).

Сообщения конкурентов и органов страхового саморегулирования. В современных условиях острой конкуренции, крупнейшие российские страховщики заинтересованы в том, чтобы ускорить уход из отрасли страховых организаций «мелкого» и «среднего» звена. В особенности тех, которые своими противоправными действиями (предоставлением лжестраховых услуг, демпингом и пр.) дискредитируют коллег по бизнесу и подрывают репутацию серьезных страховщиков. С учетом этого, ценным источником информации о криминальной активности на страховом рынке могут служить сообщения представителей страхового сообщества. Подобного рода сообщения должны, в частности, сигнализировать о фактах пропажи страховых полисов. По сообщениям СМИ можно судить, что такое взаимодействие осуществляется. Например, в

М., 2011. С. 55-58, 140-148.

[1] Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. М., 2010. С. 735.

2009 г. после ухода со страхового рынка страховой компании «Генеральный страховой альянс», экс-глава Всероссийского союза страховщиков и Росстрахнадзора А. Коваль обратился с запросом в ДЭБ МВД России с просьбой провести проверку в «ГСА» и оказать содействие Российскому союзу автостраховщиков в получении из компании документов для компенсационных выплат и бланков страховых полисов[1]. Аналогичным образом, в 2012 г. Российский союз автостраховщиков передал правоохранительным органам документы по хищению бланков ОСАГО у Русской страховой транспортной компании[2].

Сообщения в СМИ. Еще одним источником информации, на основе которой можно выявить преступление, является опубликованная в средствах массовой информации статистическая и иная информация о деятельности субъектов страхового бизнеса. Например, по данным, опубликованным агентством «Эксперт РА», в некоторых видах имущественного страхования доля «откатов» в форме вознаграждения менеджерам, принимающим решения, составляет 20-25% цены страхового договора[3]. По другим данным, этот показатель может достигать 40% страховой премии, причитающейся страховщику[4], а по отдельным видам страхования – и более того. Так, по словам заместителя директора компании «Ингосстрах» Н. Галушина, «строительные компании дошли до того, что требуют до 80% отката за заключение страхового договора»[5].

Таким образом, новостная и аналитическая информация в средствах массовой информации также может служить одним из важнейших источников информации для целей выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере страхового бизнеса.

Д.А. Бражников

Конституционное право на тайну корреспонденции и получение сведений, о соединениях абонентов связи без судебного решения при проведении оперативно-розыскных мероприятий

Часть 2 ст. 23 Конституции РФ предусматривает право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых телеграфных и иных сообщений (далее – тайна корреспонденции). Второе предложе-

---

[1] Коваль А. попросил ДЭБ МВД провести проверку в ГСА. URL: http://www.asn-news.ru/news.

[2] Рожков А. Следователи явились за бланками // Ведомости. 2012. 18 мая.

[3] Григорьева Е. Страховой откат. URL: http://www.rbcdaily.ru.

[4] Там же.

[5] Лаврентьев С., Копеиченко Н. Ураганные откаты на стройке. URL: http://www.rbcdaily.ru.

ние этой же нормы Конституции предусматривает безальтернативный вариант ограничение этого права – только по судебному решению.

В ходе работы по раскрытию преступления, например кражи мобильного телефона (ч. 1 ст. 158 УК РФ) сотрудник оперативного подразделений предлагает заявителю (лицу, на которое оформлен договор об оказании услуг связи) лично обратиться к оператору, в данном случае мобильной связи, и получить информацию о телефонных соединениях, с целью получения сведений о звонках, осуществлявшихся после кражи телефона. Заявитель, по просьбе оперативного сотрудника, обращается к оператору связи и получает детализацию таких соединений. С точки зрения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) и теории оперативно-розыскного права, направление запросов о предоставлении сведений представляющих оперативный интерес в государственные органы, предприятия, учреждения и организации, имеющие информационные системы является оперативно-розыскным мероприятием – наведение справок[1]. В таком мероприятии сотрудники органа, осуществляющего ОРД выступают организаторами, а гражданин добровольно привлекается к его проведению в соответствии со ст. 17 Закона об ОРД. Проведенный опрос сотрудников оперативных подразделений ОВД показал, что практика получения информации указанным способом имеет широкое распространение на всей территории Российской Федерации.

В результате фактически проведенного ОРМ, получаются сведения о соединении абонентов связи не известных лиц. При этом и сотрудники оперативных подразделение и сам гражданин осознают или допускаю что получаемая информация – это сведения о соединениях не известных лиц. Согласно определения Конституционного Суда РФ информацией, составляющей охраняемую Конституцией тайну телефонных переговоров считаются «любые сведения, передаваемые, сохраняемые или устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи, для доступа к указанным сведениям органам, осуществляющим ОРД необходимо получение судебного разрешения[2]. Статья 186.1 УПК РФ предусматривает получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонент-

---

[1] Чечетин А.Е. Проведение оперативно-розыскных мероприятий / Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. А.С. Бахты. Хабаровск, 2013 С. 63.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 2.10.2003 № 345-О об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой ст. 32 Федерального законно от 16 февраля 1995 г. «О связи» / Вестник Конституционного суда РФ 2004. № 1. С. 50-52.

скими устройствами на основании судебного решения.

В связи с этим возникает вопрос – является ли законным получение без судебного решения лицом, заключившим договор об оказании услуг связи информации, о телефонных соединениях других лиц, пользующихся его абонентским номером?

Ответ на этот вопрос необходимо искать в правильном понимании содержания Конституционного права на тайну корреспонденции.

При ответе на этот вопрос мы будем опираться на правовую позицию Конституционного Суда РФ, который в 1997 и 2009 гг. указывал, что оперативно-розыскные мероприятия, ограничивают конституционное право граждан на тайну сообщений и подлежат судебному санкционированию «лишь в случаях, когда лица, передающие или принимающие сообщение, предполагают его конфиденциальный характер и не желают доступа к передаваемой информации каких-либо сторонних лиц и органов»[1].

Анализ формулировки Конституционного Суда позволяет разработать универсальное правило, определяющее наличие, либо отсутствие у гражданина рассматриваемого нами Конституционного права. По нашему мнению ключевое значение имеет осознание переговаривающимися лицами конфиденциальности передаваемых данных. Для этого необходимо чтобы переговаривающихся лица, не только желали сохранения в тайне сообщаемых сведений, но и осознали наличие обязательности решения суда для доступа иных лиц к передаваемым данным, включая время начала и окончания самих переговоров, сведения об абонентских номерах и д.т.

Таким образом, лицо, пользующееся не принадлежащим ему абонентским номером осознает объективную возможность получения сведений о состоявшихся переговорах без судебного решения, лицом на которого зарегистрирован указанный номер. Это же следует относить и к содержанию телефонных переговоров, осуществляющихся с мобильных устройств, не принадлежащих переговаривающемся лицам, так как их собственники, вправе устанавливать программы, записывающие содержание переговоров ведущихся с их мобильных аппаратов.

Таким образом, гарантированное ст. 23 Конституции право на тайну корреспонденции присутствует при наличии следующих факторов:

1) каждый из переговаривающихся желает сохранять в тайне пере-

---

[1] Определения Конституционного Суда РФ от 5.06.1997 № 72-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Юлдашевой Л. А. как не соответствующей требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»; от 19.03.2009 № 326-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зюбана Д.И. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 13 УПК РФ и статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

даваемые сведения.

2) каждый из переговаривающихся осознает обязательность наличия судебного решения, для получения сведений об осуществляемых переговорах, при этом пользование чужими мобильными устройствами или абонентскими номерами, исключает такое осознание.

Отсутствие любого из перечисленных признаков хотя бы у одного из переговаривающихся, свидетельствует об отсутствии, гарантированной Конституцией тайны корреспонденции. Тайна корреспонденции, передаваемой по каналам электрической связи обеспечивается лишь тогда, когда гражданин пользуется принадлежащими ему абонентскими номерами и устройствами связи. Доступ к такой информации, без согласия гражданина может осуществляться только по решению суда, в том числе и в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Получение сведений, о телефонных соединениях без судебного решения, но при помощи лица, на которого зарегистрирован абонентский номер необходимо признавать законным, поскольку хотя бы одно из переговаривающиеся лиц осознает наличие объективной возможности получения соответствующих сведений без судебного решения.

Мы не настаиваем на абсолютной истине наших рассуждений, но полагаем, что используемые нами аргументы могут использоваться при отклонении ходатайств защитников о признании доказательств недопустимыми.

Л.В. Брусницын

Российская Конституция обязывает обеспечить безопасность граждан, способствующих расследованию преступлений

В правовых доктринах демократических государств личность рассматривается как высшая социальная ценность, а обеспечение фундаментальных прав и свобод личности – как одна из важнейших государственных задач. К фундаментальным правам человека Конституцией РФ отнесены право на жизнь (ст. 20), свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), право на чести неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей и доброго имени (ст. 23), достоинство (ст. 21), собственность (ст. 35 и 36), право на судебную защиту прав и свобод (ч. 1 ст. 46), доступ потерпевших к правосудию (ст. 52). Важными конституционными установлениями является то, что эти права и свободы неотчуждаемы (ч. 2 ст. 17), составляют основу правового статуса личности (ст. 64), действуют непосредственно, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием (ст.

18). Не менее важное положение – гарантированность прав и свобод личности (ч. 1 ст. 17, ч. 1 ст. 45 и ст. 52 Конституции).

Приведенные конституционные установления предопределяют ряд принципиальных требований к законодательству, регулирующему борьбу с преступностью и, в частности, уголовное судопроизводство. Во-первых, неотчуждаемость прав и свобод личности обусловливает то, что они в качестве элемента конституционного статуса, представляющего собой совокупность основных, главенствующих отношений гражданина с государством, входят в отраслевой уголовно-процессуальный статус личности и составляют его основу. Иначе говоря, вышеперечисленные фундаментальные (конституционные) права и свободы представляют собой обязательный элемент отраслевого статуса потерпевшего, свидетеля, эксперта, переводчика и других участников уголовного судопроизводства.

Во-вторых, установленные Конституцией прямое действие ее норм, непосредственно действующий характер фундаментальных прав и свобод личности, их определяющая сущность по отношению к законотворческой деятельности и правоприменению обусловливают содержание правоотношений индивидуума и государства. Данные конституционные установления предопределяют направленность развития уголовно-процессуального законодательства, делают необходимым разработку правового механизма, обеспечивающего не только те или иные отраслевые, но и конституционные права индивидуума, вовлекаемого государством в борьбу с преступностью.

В-третьих, требование гарантированности конституционных прав и свобод личности распространяется на сферу государственной деятельности, которая обусловлена запрещенными уголовным законом посягательствами на права и свободы граждан и сопряжена с опасностью посткриминального воздействия[1]. Соотношение конституционного и отраслевого статусов определяет соотношение и их элементов, то есть наличие конституционной гарантии фундаментальных прав и свобод личности, и вхождение фундаментальных прав и свобод в отраслевой статус обусловливают необходимость создания соответствующих юридических отраслевых гарантий этих прав и свобод, в том числе – системы мер, защищающих граждан, действующих в интересах правосудия, от посткриминального воздействия.

Анализ рассмотренных конституционных положений приводит к выводу: участие индивидуума в уголовном судопроизводстве не должно влечь снижение его безопасности. Следовательно, если государством на индивидуума возлагаются уголовно-процессуальные обязан-

---

[1] Основная цель такого воздействия преступников на участников уголовного судопроизводства – заставить их отказаться от выполнения процессуальных обязанностей (давать показания и проч.) по изобличению преступника.

ности, выполнение которых сопряжено с угрозой посткриминального воздействия, оно же (государство) обязано гарантировать безопасность индивидуума. Иное делает отказ человека от участия в уголовном судопроизводстве правомерным (основанным на приведенных выше конституционных установлениях). Требование же государства к индивидууму выполнять уголовно-процессуальные обязанности при отсутствии гарантий безопасности и, тем более, применение юридических санкций за невыполнение обязанностей, когда причиной их невыполнения послужила угроза посткриминального воздействия, являются неправомерными (неконституционными).

Все вышесказанное соответствуют концептуальному положению о взаимной ответственности государства и гражданина в правовом государстве. Понятно, что провозглашение России правовым государством (ст. 1 Конституции) в настоящее время может рассматриваться не более чем как программное заявление. И закрепление в законодательстве, регулирующем борьбу с преступностью, с одной стороны – права человека на обеспечение безопасности, с другой, – обязанности компетентных субъектов обеспечить его безопасность станет шагом в приведении отраслевого законодательства в соответствие с конституционным, в построении правового государства. Говоря конкретнее – в регулирующем борьбу с преступностью законодательстве должны найти ясное нормативное выражение три слагаемых: 1) право индивидуума, содействующего правосудию, на обеспечение безопасности; 2) корреспондирующая этому праву обязанность правоохранительных органов обеспечить безопасность; 3) система мер, достаточных для защиты от посткриминального воздействия.

Реальность далека от желаемой. В УПК РФ, например, указанное право индивидуума в прямой, ясной для правоприменителя форме не закреплено. Кодекс предусматривает лишь право ходатайствовать об обеспечении безопасности, причем право на заявление такого ходатайства указано в перечне прав лишь потерпевшего (п. 21 ч. 2 ст. 42) и свидетеля (п. 7 ч. 4 ст. 56), хотя правом на обеспечение безопасности обладают все вовлекаемые в уголовное судопроизводство граждане вне зависимости от их уголовно-процессуального статуса. Указанный недостаток УПК в правоприменительной деятельности должен компенсироваться за счет ч. 3 ст. 11 УПК (она предусматривает применение мер безопасности не только в отношении потерпевшего и свидетеля, но и в отношении иных участников уголовного судопроизводства) и ч. 1 ст. 119 УПК, которая гласит, что правом на заявление ходатайств о принятии процессуальных решений для «обеспечения прав и законных интересов» обладают также: подозреваемый, обвиняемый, его защитник, эксперт, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители (однако оказались «забытыми» в ч. 1 ст. 119 УПК специалист, переводчик, понятые, участвующие в уголовном процессе педагог и

психолог). В отличие от УПК, в ст. 2 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – Закон о госзащите потерпевших)[1] перечислены все участники уголовного процесса, подлежащие защите, но названный Закон предусматривает возможность применения далеко не всех мер безопасности.

О ст. 46 Конституции РФ. В ней провозглашена гарантированность судебной защиты прав и свобод. Близка по содержанию к ст. 46 и ст. 52 Конституции, где сказано, что государство обеспечивает, т.е. гарантирует потерпевшим доступ к правосудию. Высказано мнение, что предусмотренное в ст. 46 право на судебную защиту в уголовном процессе включает: (1) право на обращение в установленном законом порядке в различные судебные инстанции для защиты прав и свобод, а также (2) своевременное и правильное рассмотрение дела судом с вынесением законного и обоснованного решения[2]. Отнесение данных элементов к содержанию права на судебную защиту сомнений не вызывает, но почему–то за пределами внимания автора изложенного мнения осталась гарантированность рассматриваемого права – то, без чего, по точному выражению Л.Д. Воеводина, права и свободы человека и гражданина – ничто[3].

По нашему мнению, гарантированность судебной защиты прав и свобод заключается в том числе в создании государством условий, обеспечивающих потерпевшим и иным гражданам свободу выбора – свободу в обращении с заявлением о совершенном преступлении в правоохранительные органы. Такое понимание гарантированности рассматриваемого права соответствует теоретико-правовому положению о том, что возможность избирать вариант поведения является главным элементом всякого юридического права[4]. Но свободный выбор индивидуумом может быть сделан только в условиях, когда он не подвергается угрозам и иным посягательствам, связанным с его намерением и даже самой возможностью воспользоваться правом на судебную защиту. Следовательно, государство обязано создать такие условия, поскольку оно же (государство) в соответствии с ч. 1 ст. 45 Конституции РФ выступает гарантом юридических прав человека, а инструментом создания условий для реализации прав является соответствующее отраслевое законодательство.

---

[1] О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20.04.2004 № 119-ФЗ (ред. от 30.11.2011) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Ильясов Р.Х. Право личности на судебную защиту и его обеспечение Верховным Судом РФ в уголовном процессе // Юрист. 1997. № 11. С. 37.

[3] Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 36.

[4] Там же. С. 131.

На сегодня, несмотря на наличие в УПК РФ ряда мер безопасности (участие потерпевшего, свидетеля в судопроизводстве под псевдонимом, производство опознания в условиях, когда опознаваемый не видит опознающего и др.), несмотря на принятие Закона о госзащите потерпевших, полноценный институт, обеспечивающий безопасность индивидуума, участвующего в уголовном судопроизводстве, в России не создан, поскольку: предусмотренные законодательством меры безопасности не образуют систему, которая во всех случаях посткриминального воздействия гарантирует безопасность индивидуума; далеки от оптимальных основания применения мер безопасности, есть и другие пробелы в защите от посткриминального воздействия[1]. Следовательно, действующее законодательство не всегда обеспечивает внутреннюю свободу выбора гражданину при решении вопроса о том, прибегать ли ему к судебной защите, использовать ли предоставленные ему процессуальные права в ходе уголовного судопроизводства. Без активности же самих граждан возможность судебной защиты их прав весьма проблематична.

Недостаточная защищенность потерпевшего влечет и невозможность реализации конституционного установления об осуществлении судопроизводства на основе состязательности сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции), поскольку нельзя ожидать от потерпевшего активности в использовании уголовно-процессуальных прав (естественное условие состязательности), если такая активность влечет посткриминальное воздействие, в том числе наиболее его жесткие формы – избиения и убийства.

Следует обратить внимание и на такое обстоятельство: безопасность индивидуума в сфере борьбы с преступностью выступает не только в качестве условия, необходимого для реализации жертвой преступления права на обращение за судебной защитой и последующего активного использования представляемых уголовно-процессуальных прав, но и, что не менее важно, является одним из необходимых условий выполнения гражданами (прежде всего свидетелями) возлагаемых на них уголовно-процессуальных обязанностей. Безопасность индивидуума, таким образом, в равной степени важна как для беспрепятственной реализации им своих конституционных и отраслевых прав, так и для надлежащего выполнения индивидуумом юридических обязанностей.

В заключение надо сказать: с принятием УПК РФ 2001 г. и Закона о госзащите потерпевших Россия сделала лишь первые шаги по реше-

---

[1] См. об этом: Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование): монография. М., 2010. С. 112-355, 383-387 и др.

нию проблемы защиты тех, кто, порой рискуя жизнью, исполняет уголовно-процессуальные обязанности. В рамках нормотворчества требуется: (1) развитие в контексте названной проблемы указанных и других федеральных законов, регулирующих борьбу с преступностью, (2) разработка подзаконных нормативных актов, исчерпывающе определяющих порядок осуществления тех мер безопасности, реализация которых объективно не может быть урегулирована, например, в Законе о госзащите потерпевших, в Уголовно-исполнительном кодексе РФ. Необходимо также изучение в правоохранительных органах возможностей по защите от посткриминального воздействия, предоставляемых законодательством.

С.П. Брыляков

Особенности реализации положений Конституции РФ о неприкосновенности частной жизни в ходе досудебного производства по уголовным делам в отношении осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы

Конституция РФ в ч. 1 ст. 23 закрепляет право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, включая в него право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В связи с важностью названных конституционных положений, при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, они нашли своё отражение в УПК РФ в качестве принципов неприкосновенности жилища (ст. 12) и тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13). По нашему мнению, реализация указанных принципов уголовного судопроизводства в ходе досудебного производства по уголовным делам в отношении осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, имеют некоторые особенности реализации, которые и предлагается рассмотреть.

Закрепленный в ст. 12 УПК РФ принцип неприкосновенности жилища в уголовном процессе РФ представляет собой совокупность правил, устанавливающих правовой режим совершения уголовно-процессуальных действий в жилище, который обеспечивает гарантии уважения личной и семейной жизни, жилища и корреспонденции и содержит только такие ограничения этого права в отношении жилища, которые прямо обусловливаются необходимостью расследования и предотвращения преступлений и не являются чрезмерными по сравнению с необходимостью беспрепятственного осуществления такой деятельности[1].

---

[1] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. Ю.К. Яки-

Указанные правила заключаются в следующем:

1. Осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

2. Обыск и выемка в жилище могут производиться на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

Предусмотренные ч. 5 ст. 165 УПК РФ исключения относятся к случаям, не терпящим отлагательства, при этом обязательными условиями являются: вынесение следователем постановления о производстве одного из указанных следственных действий, а также уведомление в течение 24 часов о его производстве судьи и прокурора.

В соответствии с УПК РФ под жилищем понимается индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания (п. 10 ст. 5 УПК РФ).

Необходимо определить, являются ли жилищем места проживания осужденных к лишению свободы. Необоснованной, на наш взгляд, выглядит точка зрения И.В. Матвиенко, который предположил, что жилищем в уголовном процессе могут являться исправительные учреждения и следственные изоляторы, на территории которых администрация обязана удовлетворить потребность осужденных и арестованных в жилище[1]. Данная позиция вызывает ряд возражений. Во-первых, соглашаясь с А.В. Беляковым, который выделяет такие признаки жилища как пригодность для проживания; предназначенность для проживания; использование для проживания; свобода выбора[2], хотелось бы отметить, что места проживания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, не обладают таким признаком как свобода выбора. Во-вторых, в соответствии с ч. 5 ст. 82 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ) осужденные, а также помещения, в которых они проживают, могут подвергаться обыску, а

мович. СПб, 2007. С. 96.

[1] Матвиенко, И.В. Меры уголовно-процессуального принуждения, ограничивающие право на неприкосновенность жилища при расследовании преступлений: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2000. – С. 64. (Цит. по: Беляков, А.В. Принцип неприкосновенности жилища при расследовании преступлений, совершенных на территории исправительных учреждений // Особенности уголовно-процессуальной деятельности в органах и учреждениях ФСИН России: сб. мат-ов межд. научно-практ. семинара (1.06.2007) / под ред. А.А. Крымова. Вологда, 2008. С. 169).

[2] Беляков А.В. Указ. раб. С. 172.

вещи осужденных – досмотру. При этом обыск[1] жилых помещений при наличии в них осужденных допускается в случаях, не терпящих отлагательства. Необходимо отметить, что законодатель при регулировании обыска помещений, в которых проживают осужденные, не употребляет такой термин, как жилище. Вышесказанное, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о том, что помещения, в которых проживают осужденные в период отбывания наказания, не подпадают под определение жилища в соответствии с УПК РФ.

Тот же вывод можно применить и относительно мест содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей в следственных изоляторах. На что, рассматривая заявление о признании правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (Утверждены Приказом Министерства юстиции РФ от 14.10.2005 № 189) в одном из своих решений указал Верховный Суд РФ: «В силу Федерального закона подозреваемые и обвиняемые содержатся в местах содержания под стражей, которые являются специальными учреждениями. Эти лица размещаются в камерах и находятся под охраной и надзором, где обязаны соблюдать требования режима»[2].

Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений как принцип уголовного судопроизводства означает, что ограничение права граждан на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения (ст. 23 Конституции РФ, ч. 1 ст. 13 УПК РФ).

В соответствии с УИК РФ и Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, получаемая и отправляемая осужденными корреспонденция, подвергается цензуре со стороны администрации исправительного учреждения. При этом указывается, что письма опускаются в почтовые ящики или передаются представителю администрации исправительного учреждения в незапечатанном виде, за исключением адресованных в организации и должностным лицам, переписка с которыми не подлежит цензуре. В соответствии с ч. 2 ст. 91 УИК РФ переписка осужденного с судом, прокуратурой, вышестоящим органом уголовно-исполнительной системы, а также с Уполномоченным по правам человека в РФ, Уполномоченным по правам человека в субъекте РФ, общественной наблюдательной комиссией, созданной в соответствии с законодательством РФ, Европейским Судом по правам человека цензуре не подлежит. Переписка осужденного с защитником

---

[1] В данном случае УИК РФ, видимо, указывает на режимный обыск и досмотр, которые производятся в соответствии с ведомственными нормативными актами с целью обеспечения режима в исправительных учреждениях.

[2] Решение Верховного Суда РФ от 31.08.2009 № ГКПИ09-734 // СПС «Консультант Плюс».

или иным лицом, оказывающим юридическую помощь на законных основаниях, цензуре не подлежит, за исключением случаев, если администрация исправительного учреждения располагает достоверными данными о том, что содержащиеся в переписке сведения направлены на инициирование, планирование или организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц. В этих случаях контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений осуществляется по мотивированному постановлению руководителя исправительного учреждения или его заместителя.

Осужденным к лишению свободы предоставляется право на телефонные разговоры, которые могут контролироваться администрацией исправительного учреждения. Таким образом, в условиях учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, конституционное право на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений для осужденных ограничено в связи с режимом отбывания наказания. При этом необходимо подчеркнуть, что данные ограничения обусловлены порядком отбывания наказания и ни в коей мере не исключают право осужденных на тайну личной жизни, поэтому информация, полученная сотрудниками во время производства данных режимных мероприятий, может быть использована только в служебных целях.

В уголовном судопроизводстве указанная информация может быть использована только при предоставлении сотрудниками ИУ результатов режимных мероприятий (прослушивание телефонных разговоров, цензура корреспонденции) следователю (дознавателю). Так как в рамках производства следственных действий данную информацию получать не целесообразно в связи с тем, что осужденные под расписку уведомлены о том, что в отношении них осуществляются указанные режимные мероприятия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что реализация принципов неприкосновенности жилища и тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений при производстве уголовно-процессуальной деятельности в отношении участников уголовного судопроизводства из числа лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, имеет определенные особенности. Данные особенности, прежде всего, связаны с тем, что в ходе уголовно-процессуальной деятельности на территории учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, необходимо учитывать те права, обязанности и ограничения, которыми лицо наделено в связи с отбыванием наказания в виде лишения свободы.

И.Б. Бугров

Особенности противодействия, оказываемого расследованию по преступлениям, совершенным лицами с особым правовым статусом

Эффективность борьбы с преступлениями, совершаемыми лицами с особым правовым статусом в немалой степени в целом зависит от эффективности преодоления оказываемого ими и лицами из их окружения противодействия[1] расследованию. Совершенно справедливо отмечено исследователями в данной сфере со ссылкой на практику, что противодействие расследованию в том или ином виде имеет место по каждому уголовному делу[2]. Основная цель противодействия – уклониться от ответственности за совершенное преступление или, по меньшей мере, добиться незаслуженного смягчения наказания.

Статистика свидетельствует, что в целом по стране в год проводится более 11 тысяч доследственных проверок по информациям о совершении преступлений лицами с особым правовым статусом, указанным в ст. 447 УПК РФ (депутатов различных уровней, судей, прокуроров, следователей и других категорий). Однако привлекается к уголовной ответственности лишь 6,2% от числа тех, в отношении которых проводилась проверка; 45,6% от количества лиц, в отношении которых были возбуждены уголовные дела; 60,5% от числа тех, кому предъявлено обвинение.

Чем объяснить такую низкую эффективность системы судопроизводства? Гипотеза большого количества ошибок при таком тщательном предварительном рассмотрении и последующем контроле значительным количеством компетентных лиц высокого уровня иерархии, учитывая фактор государственной политики усиления борьбы с коррупцией в целом, не выдерживает никакой критики. Объяснением является широкомасштабное противодействие с использованием всего арсенала административного ресурса привлекаемых к уголовной ответственности лиц и их покровителей.

По мнению С.В. Максимова преступность этой весьма интеллектуальной категории адаптировалась к новым условиям быстрее государственных мер борьбы с ней и выработала ряд ухищрений, которые не укладываются в рамки просто способа совершения или маскировки преступления, а изначально ориентированы именно на противодей-

---

[1] Противодействие – 1) уничтожить другое действие, идти наперекор чему-либо, мешать чему-либо; 2) чинить препятствия, противиться чему-либо // Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.,1987. С. 508.

[2] Дворкин А.И., Сафин Р.М. Расследование убийств, совершенных организованными группами при разбойных нападениях. М., 2003. С. 54.

ствие защитной функции государства. К таким приемам вне зависимости от характера преступной деятельности относятся:

а) вуалирование криминальных действий под абсолютно законные с использованием существующих пробелов в законодательстве;

б) осуществление махинаций через подставных, внешне законопослушных граждан и солидных юридических лиц.

в) сокрытие получаемых преступным путем средств от контроля (уклонение от налогообложения, вывоз капитала за рубеж так называемое «бегство капитала».

г) использование преимуществ принадлежности к системе власти, неписанных правил корпоративной солидарности, подкрепленных возможностями принятия нужных решений с использованием полномочий и реализации без бюрократических проволочек[1].

Вместе с тем статистика показывает, что применительно к лицам особого правового статуса ни задержание, ни такая мере пресечения как содержание под стражей, практически не применяются. Так за последние три года содержались из числа осужденных содержались под стражей до суда от 2 до 5 человек, однако скрываются ежегодно от следствия и суда от 30 до 47 человек.

Таким образом, принимая во внимание, что ежегодно скрывается в целом в девять раз больше лиц, чем содержится под стражей вполне очевидно, что необходимо изменить подход к оценке данной ситуации, поскольку он очевидно ошибочен.

В данной связи вполне возможным следует признать, что оказываемое лицами с особым правовым статусом и их связями противодействие расследованию, многообразие его способов и степень результативности разрушения доказательственной базы обвинения дает основания полагать, что высокий должностной статус, общественно-публичный характер деятельности противодействующего лица, следует расценивать в качестве обстоятельств осложняющих правоприменительный процесс и требующих более жестких мер пресечения.

Поддерживая государственную политику о превалировании не жесткости санкций, а неотвратимости ответственности, не ужесточая наказаний, вместе с тем совершение умышленного преступления лицом, наделенного особым правовым статусом следует законодательно признать отягчающим обстоятельством.

Сопоставляя принимаемые законодательные меры с уровнем преступности среди лиц с особым правовым статусом можно выявить определенные закономерности.

Основную сложность для преодоления противодействия расследованию представляет наличие законодательных пробелов, неточностей, упущений, противоречий. Они являются основным фактором, способ-

---

[1] Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. М., 2008. С. 23.

ствующим организации помех и препятствий расследованию с помощью мер, имеющих процессуальный характер. В частности к ним относятся различное создание препятствий по возбуждению уголовного дела и проведению следственных действий, принятию решений о задержании и аресте, инициирование признания собранных доказательств недопустимыми.

В значительной части уголовных дел одним из основных доводов позиции противодействующей стороны является обвинение следователей и оперативных работников в умышленной провокации преступления. Данную позицию отметили 33,8% и 52% респондентов[1].

Другим достаточно распространенным приемом обжалование в вышестоящие инстанции и суд действий следователя, особенно при обнаружении любых, даже самых незначительных нарушений. По данному вопросу существует точка зрения В.М.Савицкого, который достаточно категорично настаивает на признании ничтожными доказательств при всяком нарушении закона при их собирании. В качестве мотивации он приводит тезис о недопустимости классификации нарушений на существенные и несущественные, так как это приведет к «косвенному благословению» вторых, что в свою очередь к эрозии законности в уголовном судопроизводстве[2]. Однако представляется, что такая крайняя позиция порождает лишь возможности виновным лицам уклониться от уголовной ответственности по формальным основаниям, о недопустимости чего предупреждает высшая судебная инстанция – Верховный Суд РФ [3].

Соответственно, учитывая особый статус привлекаемого лица, увеличивается количество и тщательность проводимых по жалобам проверок, создающих нервозность и отвлекающих от дела.

В большинстве своем при выявлении малейших нарушений процедур, не влияющих на суть получаемых доказательств, поступает ходатайство о признании их недопустимыми. Так, например, респонденты следователи указали наиболее часто встречающиеся основания, используемые для подобных ходатайств и приводящие к подобным результатам:

- дача признательных показаний без адвоката, а затем отказ от них по данному основанию – 12,7%;

---

[1] В ходе исследования проанкетированы 180 следователей и руководителей следственных подразделений СК России, 150 оперативных работников (сотрудников подразделений экономической безопасности и борьбы с коррупцией ОРЧ № 2 ГУ по ЦФО МВД РФ, ГУВД по г. Москве и ГУВД ряда областей.

[2] Савицкий В.М.Уголовный процесс России на новом витке демократизации // Государство и право.1994. № 6. С. 106.

[3] Постановление Пленума ВС РФ от 5.03.2004 № 1«О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // БВС РФ. 2004. № 5.

- недостаточный уровень должностного лица санкционировавшего ОРМ, в ходе которого получены доказательства – 10,5%;

- незначительные процедурные упущения и ошибки, не затрагивающие сути следственного действия – 30,5%;

- нарушения оформления использования специальных технических средств (расхождения в протоколах и носителях информации) – 42,2%;

Поэтому, учитывая высокий уровень подготовленности противодействующих лиц, осуществление оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий должно быть максимально спланированным, подготовленным чтобы исключить саму возможность обжалования их результатов по формальным основаниям.

А.В. Бутырская

Криминалистические аспекты изучения деятельности преступных организаций, посягающих на конституционные основы Российской Федерации

Качественные изменения криминальной среды в современной России привели к созданию преступных организаций, являющихся наиболее опасными проявлениями организованной преступности, чей основной интерес сосредоточился в экономическом секторе, сфере незаконного оборота наркотических средств и оружия, в игорном и автобизнесе, топливно-энергетическом комплексе.

Преступные сообщества становятся не только более многочисленными, но и лучше организованными. Уже на стадии создания приобретается современная техника, изучаются достижения научно-технического прогресса, организуются свои службы безопасности, разведка, агентурный аппарат, привлекается многочисленный штат юристов, разрабатывается система конспирации приобретаются связи в государственных и правоохранительных органах, привлекаются значительные людские, финансовые и иные материальные ресурсы, что позволяет им в течение длительного времени безнаказанно совершать тяжкие и особо тяжкие преступления. Подготавливаемые ими преступления тщательно продумываются, отличаются высоким профессионализмом, особым цинизмом.

Приходится признать, что криминальная деятельность преступных сообществ (преступных организаций) сегодня стала одной из глобальных проблем современности и представляет угрозу безопасности и стабильному развитию нашей страны. Поэтому исследование криминалистических аспектов данной проблемы входит в число важнейших задач, что позволить выработать эффективные меры для противодействия таким высокоразвитым криминальным образованием.

Нельзя не отметить и создание в последние годы преступных организаций, деятельность которых направлена на подрыв конституционных основ государства, а также изменения конституционного строя России.

Лидеры, создающие такие преступные формирования, преследуют цель построить на территории РФ исламское государство в форме «Халифата» (мусульманское государство, возглавляемое халифом), Они являются приверженцами крайне радикального течения в Исламе – ваххабизма, – и сторонниками ведения «джихада» – вооруженной борьбы с «неверными». Такими чертами обладают создатели преступного сообщества (преступной организации) «Хизб ут-Тахрир Аль-Ислами», деятельность которых осуществляется на территории некоторых субъектов, входящих в состав Российской Федерации.

В целом – это лица с высшим образованием, женаты, имеют на иждивении детей. Им присуща жестокость, беспощадность, безжалостность, они имеют свою жизненную философию и мировоззрение, находятся в активной оппозиции к обществу. К таким организаторам применим вывод В.И. Куликова о том, что зачастую их тип личности, последовательно-криминогенный, характеризуется высокой степенью антиобщественной направленности, который не просто использует или подыскивает подходящую ситуацию для совершения преступлений, но и создает ее, активно преодолевает встречающиеся препятствия[1]. Авторитарный, обладающий эмоциональной холодностью, ориентирующийся на себя организатор обладает абсолютной властью в момент выполнения им своих лидерских функций. По мнению В.И. Зацепина, особенность лидера автократического типа вытекает, прежде всего, из его мировоззрения, мироотношения, а также из некоторых психических особенностей его личности. Авторитарный лидер властолюбив и агрессивен, боготворит дисциплину, имеет тенденцию усмирять, подавлять, держать в ежовых рукавицах[2], можно сказать, что он способен создать группу с высокой степенью организованности, что значительно повышает её общественную опасность.

Противодействие криминальным формированиям, возглавляемым такими личностями, не только входит в число важнейших задач правоохранительных органов, но уже давно стало одной из общегосударственных проблем, от оптимального разрешения которой во многом зависит судьба реформ, реализация национальных проектов, нравственное здоровье общества, цивилизованное развитие страны.

---

[1] Куликов В.И. Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности. Ульяновск, 1994. С. 147.

[2] Зацепин В.И. К вопросу о структуре вертикального общения в коллективе // Руководство и лидерство / под ред. Б.Д. Парыгина. Л., 1973. С. 85.

Цель совершения преступления тесно связана с мотивом. Между целью и мотивом всегда имеется внутренняя связь[1]. Следует отметить, что в основе создания любого преступного сообщества (преступной организации) лежит корыстный мотив (извлечение прибыли и получение финансовой и материальной выгоды, доходов).

Однако преступные сообщества (преступные организации) деятельность которых направлена против основ конституционного строя, безопасности государства и общественной безопасности и влечет большие человеческие и материальные потери создаются по политическим мотивам.

В соответствии с ч. 4 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией) в случае получения прямой или косвенно финансовой или материальной выгоды. В этом случае встает вопрос, являются ли криминальные формирования, созданные по политическим мотивам и непосредственно не извлекающие из криминальной деятельности дохода (ведь сам по себе террористический акт прибыль не принесет) преступным сообществом либо это только организованная группа, представляющая наибольшую опасность для общества и государства.

Как показывает практика, а также исследования ученых «внешний канал финансирования преступной деятельности террористической направленности связан с поступлением средств от различных иностранных коммерческих и общественных организаций, представителей национальных диаспор, находящихся как в России, так и за рубежом. Такое финансирование, как правило, осуществляется под видом гуманитарной и благотворительной помощи через созданные и активно функционирующие мусульманские религиозные организации, а также через представительства многочисленных европейских, американских и ближневосточных организаций и международных фондов»[2].

Поэтому даже если организатор и не получает материальной выгоды непосредственно от преступной деятельности, прямую или косвенную финансовую или материальную выгоду он в любом случае приобреатет. Такие преступные сообщества были выявлены на территории России. В качестве примера можно привести уголовное дело, рассмотренное Верховным судом Республики Татарстан в отношении членов

---

[1] Анфиногенова И.А. Проблемы расследования и предупреждения похищения людей, совершенных из корыстных побуждений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 21; Папура А.П. Организационно-тактические особенности расследования похищения человека (по материалам Северо-Кавказского региона): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 38.

[2] Воронин М.Ю., Мазеин В.Т., Покаместов А.А. Проблемы пресечения подразделениями криминальной милиции МВД России финансирования незаконных вооруженных формирований. Организованный терроризм и организованная преступность / под ред. А.И. Долговой. М., 2002. С. 116-125.

преступного сообщества «Джамаат», созданного «Г», в состав которого вошли молодые мусульмане, являющиеся приверженцами ваххабизма. Деятельность данного сообщества была направлена на организацию вооруженного захвата власти и построение на территории Татарстана и ряда иных регионов России исламского государства – так называемого Великого Исламского халифата. Данная криминальная организация не извлекала прибыль от преступной деятельности, но материальное обеспечение преступной деятельности осуществлялось за счет вложений из источников незаконных вооруженных формирований, действующих на территории Чечни, а также за счет стабильных отчислений, которые на добровольной основе вносились участниками преступного сообщества и членами низового звена «Джамаата»[1]. Данные финансовые потоки использовались организатором по своему усмотрению.

Кроме того, для совершения преступлений политической направленности организатору необходимы денежные средства для приобретения вооружения, обучения преступной специфике участников сообщества, агитационной деятельности, оплаты услуг коррумпированных чиновников, подрывников, снайперов, агентурных связей. Даже для того чтобы отправить «смертника» к месту взрыва нужны финансы в том или ином объеме. Также денежные средства нужны для удовлетворения личных потребностей (например, в одежде и еде), осуществления материальной поддержки как своей семьи, так и семей членов сообщества, и др. Получение данных средств из различных источников также свидетельствует о получении организатором какой-либо прямой или косвенной финансовой или материальной выгоды. Кроме того, в соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»[2] косвенное получение финансовой или иной материальной выгоды возможно не только членами преступного сообщества, но и другими лицами.

Деятельность преступных сообществ, созданных по политическим мотивам, непосредственно направлена против государственной и общественной безопасности.

Под государственной безопасностью следует понимать состояние защищенности жизненно важных интересов государства, т.е. конституционного строя, суверенитета, обороноспособности и территориальной неприкосновенности РФ. Так, Верховным судом Республики Даге-

---

[1] Уголовное дело № 02-04/09 // Архив Верховного суда Республики Татарстан.

[2] Постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» или участия в нем (ней) // Российская газета. 2010. 17 июня.

стан признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. 210, 279 УК РФ, участники преступного сообщества, созданного «М» для организации вооруженного мятежа и насильственного свержения конституционного строя в Республике Дагестан, отторжения её от России и создания Исламского государства[1].

Общественная безопасность – это нормальное состояние общественных отношений, чувство защищенности у граждан, их жизнь, здоровье, собственность, а также нормальная деятельность органов власти, государственных, общественных учреждений, иных социальных институтов. Ставропольским краевым судом осуждены члены преступного сообщества (преступной организации), созданного «Г» для дестабилизации обстановки на территории Российской Федерации, осуществления террористических актов и массового убийства граждан. Данной организацией были совершены взрывы в городах Пятигорск, Минеральные воды, Ессентуки, п. Адыгее-Хабль Карачаево-Черкесской Республики, результатом чего явилась гибель более 200 человек, в том числе сотрудников правоохранительных органов, разрушение административных зданий, частных домов, транспортных средств[2]. Участники криминального формирования созданного на территории Республики Татарстан вели подготовку к осуществлению взрывов, расстрелов сотрудников милиции, которые планировали совершить в 2005 г. в местах массового скопления людей при праздновании «Тысячелетия Казани», в 2007-2008 гг. на заводе «КАМАЗ», водозаборе в г. Н. Челны и ОАО «Казанский вертолетный завод» в г. Казани[3].

Исследование криминалистических аспектов деятельности преступных сообществ, ориентированных на подрыв конституционных основ государства позволит создать динамичную систему процессуальных и не процессуальных действий, направленных на раскрытие этого преступления, кроме того, оптимизацию следственных действий и в конечном итоге создадут все условия для пресечения преступной деятельности и привлечения виновных к ответственности.

В.М. Быков

Осмотр места происшествия в жилище

Как известно, осмотр места происшествия – это одно из самых распространенных следственных действий на практике. Однако с точки зрения процессуального порядка производства осмотр жилища являет-

---

[1] Уголовное дело № 2-60/2000 // Архив Верховного суда Республики Дагестан.
[2] Уголовное дело № 2-26/2002 // Архив Ставропольского краевого суда.
[3] Уголовное дело № 2-2/2008 // Архив Верховного суда Республики Татарстан.

ся наиболее проблемным. При производстве этого вида осмотра возникает ряд именно процессуальных проблем относительно оснований и порядка осмотра жилища. Рассмотрим эту проблему подробнее.

В соответствии с п. 10 ст. 5 УПК РФ жилище – индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания.

А.Г. Петровский, дабы исключить все споры о том, что следует понимать в законе под жилищем человека, предлагает п. 10 ст. 5 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Жилище – входящее в жилой фонд жилое помещение (жилой дом или часть жилого дома, включая прилегающую к ним территорию; квартира или часть квартиры; комната), а равно иное помещение или строение, не входящее в жилой фонд, но используемое для временного проживания»[1].

Обращает на себя внимание, что А. Г. Петровский расширяет понятие жилища. Он включает в него и прилегающую к жилому дому территорию, что следует признать обоснованным предложением. Законодателю следует, на наш взгляд, использовать предложение А. Г. Петровского и п. 10 ст. 5 УПК РФ изложить в новой редакции.

Действительно, в уголовно-процессуальном законе должно быть четко указано, что такое жилище человека и все его признаки. Дело в том, в соответствии с ч. 5 ст. 177 УПК РФ осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. Если проживающие в жилище лица возражают против осмотра, то следователь возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра в соответствии со ст. 165 УПК РФ.

На следственной практике возник такой вопрос: а как быть, если местом происшествия является жилище, следует ли для его осмотра истребовать согласие проживающих в нем лиц, а при возражении ходатайствовать о разрешении осмотра в судебном порядке?

В процессуальной литературе эта проблема также активно обсуждается. Так, например, А. Н. Янкин пишет об осмотре жилища в своей статье: «Если такие лица не дали согласия на осмотр жилого помещения без судебного решения, то, во-первых, возможно, им есть что скрывать, во-вторых, им становятся известны намерения следователя провести осмотр помещения, и они срочно уничтожат доказательства, если осмотр будет отложен в связи с обращением в суд».[2]

---

[1] Петровский А.Г. Об уголовно-процессуальном понимании жилища // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3. С. 17.

[2] Янкин А.Н. Актуальные вопросы производства осмотра жилища // Российский следователь. 2008. № 8. С. 4.

Что хочется возразить этому автору? Принимая решения об осмотре жилища, следователь должен руководствоваться нормами уголовно-процессуального закона, а не своими подозрениями.

Во-первых, давать или не давать свое согласие на осмотр своего жилища – это право гражданина; во-вторых, возникшие у следователя подозрения о том, что в квартире что-то могут жители скрывать – это только подозрение, но никак не основания, ни для осмотра, ни для обыска. На наш взгляд, в данной ситуации следователь не подготовился надлежащим образом ни к осмотру жилья, ни к его обыску. В любой ситуации следователь должен руководствоваться, прежде всего, законом и наличием оснований для производства соответствующего следственного действия.

Эту же проблему разные авторы разрешают иначе. Так, Н. Власенко и А. Иванов предлагают ход, содержание и результаты осмотра места происшествия, которым является жилище, фиксировать в протоколе осмотра жилища на основании постановления следователя, а при отсутствии согласия проживающих лиц добиваться судебного решения[1].

Еще одни авторы считают, что неотложный осмотр жилища против воли проживающих в нем лиц, если оно является местом происшествия, может быть проведен (с соблюдением правил о судебном контроле и прокурорском надзоре, установленных ч. 5 ст. 165 УПК РФ) и до возбуждения уголовного дела[2].

А вот В. Белоусов предлагает законодателю ч. 5 ст. 177 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Осмотр жилища (за исключением места происшествия) производить только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения»[3].

В процессуальной литературе высказываются и другие предложения. Так, например, А.М. Феоктистов считает, что «осмотр жилища до возбуждения уголовного дела не допускается». И далее: «Процессуально правильно оформлять осмотр места происшествия, когда оно является жилищем, протоколом осмотра места происшествия… При этом выносить постановление не требуется»[4].

В другой своей работе А. Феоктистов предлагает для разрешения ситуации «в ч. 2 ст. 176 УПК РФ целесообразно внести дополнение об обязательном уведомлении судьи и прокурора в течение 24 часов после проведения осмотра места происшествия в жилище в исключительных

---

[1] Власенко Н., Иванов А. Осмотр жилища // Законность. 2004. № 11.

[2] Комментарий к УПК РФ / под ред. А.В. Смирнова, К.Б. Калиновского. СПБ., 2004. С. 453.

[3] Белоусов В. Осмотр места происшествия в жилище и осмотр жилища // Уголовное право. 2005. № 3. С. 72.

[4] Феоктистов А.М. Осмотр места происшествия – жилища подозреваемого // Уголовный процесс. 2006. № 2. С. 49.

случаях до возбуждения уголовного дела при отсутствии согласия проживающих в нем лиц»[1].

Еще одно возможное решение проблемы предлагает Ю.В. Францифоров: «Необходимо предусмотреть в УПК РФ отдельную статью, регламентирующую основания и порядок производства осмотра места происшествия»[2].

Несколько иное решение проблемы видит А.Д. Фатикова. Она полагает, что законодателю следует «дополнить ст. 165 УПК РФ пунктом, в котором следует дать исчерпывающий перечень обстоятельств, при наличии которых следственное действие производится без решения суда с последующим контролем»[3].

На наш взгляд, практически трудно и нецелесообразно формулировать такой перечень обстоятельств, когда следователь будет иметь право провести осмотр жилища без решения суда: жизнь достаточно многообразна, чтобы можно было все случаи, которые могут встретиться на практике, предусмотреть и тем более изложить их в одном законе.

А вот Р. Яновский в своей обстоятельной статье предлагает еще одно решение проблемы: «Дополнить ст. 177 УПК частью 5-1 следующего содержания: «Осмотр места происшествия в жилище производится на основании постановления следователя. В течение 24 часов с момента окончания производства такого следственного действия следователь уведомляет судью и прокурора о производстве следственного действия. К уведомлению прилагаются копия постановления о производстве следственного действия и протокол следственного действия для проверки законности решения о его производстве. Получив указанное уведомление, судья в срок, предусмотренный частью второй настоящей статьи, проверяет

законность произведенного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности…»[4].

Изучая многочисленные публикации о проблеме осмотра места происшествия в жилище, мы обратили внимание на то обстоятельство, что почему-то никто из авторов, работы которых мы указали, не вспомнили конституционную норму о неприкосновенности жилища, а именно ст. 25 Конституции РФ.

На наш взгляд, решая этот острый процессуальный вопрос об

---

[1] Феоктистов А.М. Осмотр места происшествия: уголовно-процессуальные проблемы // Законность. 2006. № 2. С. 31.

[2] Францифоров Ю. В. Проблемы следственного осмотра // Уголовный процесс. 2008. № 6. С. 64.

[3] Фатикова А. Д. Процессуальная модель осмотра места происшествия в жилище // Закон и право. 2009. № 11. С. 71.

[4] Яновский Р. Следственный осмотр в уголовном судопроизводстве // Законность. 2012. № 5. С. 38.

осмотре места происшествия в жилище, нам следует основывать свои предложения законодателю, прежде всего, на ст. 25 Конституции РФ, в которой указывается: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения».

Ранее мы неоднократно высказывались о том, что предварительный контроль суда за процессуальными решениями и действиями следователя, установленный законодателем в ч. 2 ст. 29 УПК РФ, является избыточным и должен быть заменен последующим контролем суда по жалобе заинтересованных лиц в порядке ст. 125 УПК РФ[1].

Но в данном случае в ст. 25 Конституции РФ, и это редкий случай, предлагается российскому законодателю в федеральном законе самому определить процессуальный порядок следственного действия, связанный с нарушением неприкосновенности жилища гражданина.

Итак, в данном случае нам следует руководствоваться именно конституционной нормой, сформулированной в ст. 25 Конституции РФ. Конституционная норма позволяет нам осознать, что существует два возможных решения, когда возникает необходимость нарушить неприкосновенность жилища, а лица, в нем проживающие, возражают против осмотра их жилища.

Если речь идет о проведении осмотра места происшествия в жилище, то ст. 25 Конституции РФ позволяет законодателю самому определить процессуальный порядок этого следственного действия в федеральном законе, то есть в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. При этом по смыслу ст. 25 Конституции РФ этот порядок производства осмотра в жилище не обязательно должен быть связан с получением судебного решения.

Таким образом, в соответствии со ст. 25 Конституции РФ законодатель, на наш взгляд, в ч. 5 ст. 177 УПК РФ должен добавить следующие слова: «В случае необходимости провести осмотр места происшествия в жилище, если проживающие в нем лица возражают против такого осмотра, то осмотр места происшествия в жилище следователь производит на основании своего постановления без обращения в суд за получением судебного решения. Осмотр в этих случаях проводится с обязательным участием понятых».

Почему мы все же предлагаем вариант, при котором следователь должен выносить постановление об осмотре места происшествия в

---

[1] Быков В.М. Судебный контроль за предварительным следствием // Уголовный процесс. 2007. № 1. С. 35-38; Он же. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань, 2008. С. 208-209; Он же. Правовое положение следователя в уголовном процессе России (часть 2) // Право и политика. 2012. № 6. С. 1079-1085.

жилище? Дело в том, что в ст. 25 Конституции РФ проявляется особая забота о неприкосновенности жилища человека. Поэтому, если законодатель разрешит производство осмотра места происшествия в жилище без решения суда, то постановление следователя о проведении осмотра места происшествия в жилище будет определенной гарантией законности и обоснованности проведенного следственного действия.

При этом, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК осмотр места происшествия в жилище может быть произведен и до возбуждения уголовного дела.

В.В. Бычков

Соблюдение конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при расследовании преступлений

Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ, основанным на Конституции РФ (ч. 1 ст. 1 УПК РФ). При этом защита основных конституционных прав граждан выведена в качестве принципов уголовного процесса.

В частности, право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ) закреплено в ч. 1 ст. 10 УПК РФ, в которой указано, что никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных УПК РФ.

Право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ) закреплено в ст. 12 УПК РФ «Неприкосновенность жилища», в которой закреплено, что осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных законодателем (ч. 1), а обыск и выемка в жилище могут производиться на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных опять же УПК РФ (ч. 2).

Однако защита ряда конституционных прав не регламентирована уголовно-процессуальным законодательством должным образом, что приводит к их нарушению.

До настоящего времени законодательно не определен порядок получения при осмотре и обработки информации о частной жизни, личной и семейной тайне, то есть персональных данных, содержащихся в предметах (средствах мобильной связи) и документах. Тем самым, возможно нарушение права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ), а также права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ).

При этом нарушается и Федеральный закон РФ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»[1] (далее – Закон о персональных данных), в соответствии с которым под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) (п. 1 ст. 3). Под обработкой персональных данных понимается любое действие (операция) или совокупность действий (операций), совершаемых с использованием средств автоматизации или без использования таких средств с персональными данными, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ), обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение персональных данных (п. 3 ст. 3 Закона о персональных данных), которая может осуществляться с согласия субъекта персональных данных на обработку его персональных данных (п. 1 ч. 1 ст. 6 Закона о персональных данных).

Хотя уголовно-процессуальным законодательством и регламентирован осмотр почтово-телеграфных отправлений в учреждениях связи (п. 8 ч. 2 ст. 29 и ст. 185 УПК РФ).

Однако как быть в случае обнаружения личной переписки (писем, записных книжек, блокнотов и т.п.) в ходе обыска по месту жительства, средств мобильной связи (сотового телефона, смартфона, планшета и т.п.) или других электронных устройств (цифровых фото- видеокамер, видеорегистраторов и т.п.) при личном обыске? Поверхностный (наружный) осмотр предмета и документа согласия их владельца не требует. Однако получение и обработка персональных данных требует регламентации.

Без согласия субъекта обработка его любых персональных данных, применимо к досудебному производству, возможна в случае защиты его жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов либо жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов других лиц (п. 6 ч. 1 ст. 6, п. 3 ч. 2 ст. 10 Закона о персональных данных).

Кроме того, применимо к досудебному производству, без согласия субъекта обработка персональных данных, касающихся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни возможна в соответствии с законодательством РФ об обороне, о безопасности, о противодействии терроризму, о транспортной безопасности, о противодействии коррупции, об оперативно-разыскной деятельности, об исполнительном производстве, уголовно-исполнительным законодательством (п. 7 ч. 2 ст. 10 Закона о персональных данных).

В других случаях, как в ходе проверки сообщения о преступлении,

[1] СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

так и при его расследовании по возбужденному уголовному делу, перед осмотром средства мобильной связи[1] или документа, содержащего указанные виды тайны, с целью соблюдения конституционных прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, а также на тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений, необходимо у владельца в письменной форме получать согласие на изъятие и обработку его персональных данных.

Субъект персональных данных принимает решение о предоставлении его персональных данных и дает согласие на их обработку свободно, своей волей и в своем интересе. Согласие на обработку персональных данных должно быть конкретным, информированным и сознательным. Согласие на обработку персональных данных может быть дано субъектом персональных данных или его представителем в любой позволяющей подтвердить факт его получения форме, если иное не установлено федеральным законом (ч. 1 ст. 9 Закона о персональных данных).

В случаях, предусмотренных федеральным законом, обработка персональных данных осуществляется только с согласия в письменной форме субъекта персональных данных (ч. 4 ст. 9 Закона о персональных данных).

Несмотря на то, что данное требование законодательно не предусмотрено в уголовном процессе, на мой взгляд, как при проверке сообщения о преступлении, так и при его расследовании, необходимо получение согласие от владельца мобильного средства связи на изъятие и обработку информации о его частной жизни, личной и семейной тайне в письменной форме.

В случае недееспособности субъекта персональных данных согласие на обработку его персональных данных дает законный представитель субъекта персональных данных (ч. 6 ст. 9 Закона о персональных данных).

В случае смерти субъекта персональных данных согласие на обработку его персональных данных дают наследники субъекта персональных данных, если такое согласие не было дано субъектом персональных данных при его жизни (ч. 7 ст. 9 Закона о персональных данных).

При отказе владельца от дачи согласия на обработку персональных данных осмотр предметов и документов должен быть ограничен описанием внешних признаков – особенно это касаться потерпевших и свидетелей со стороны обвинения.

Осмотр предметов и документов, принадлежащих подозреваемым, обвиняемым и свидетелям со стороны защиты, с извлечением и обра-

---

[1] См. подробно: Батоев В.Б., Бычков В.В. Раскрытие и расследование хищений средств мобильной связи: монография. М., 2013. С. 126-131.

боткой их персональных данных, возможен в ходе других следственных действиях, санкционируемых судом, а именно:

1) в ходе санкционированного судом осмотра жилища (п. 4 ч. 2 ст. 29);

2) в ходе санкционированного судом обыска в жилище (п. 5 ч. 2 ст. 29);

3) в ходе санкционированной судом выемки в жилище (п. 5 ч. 2 ст. 29);

4) в ходе санкционированной судом выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи (п. 5.1 ч. 2 ст. 29);

5) в ходе санкционированного судом личного обыска (п. 6 ч. 2 ст. 29);

6) в ходе санкционированной судом выемки предметов и документов, содержащих охраняемую федеральным законом тайну (п. 7 ч. 2 ст. 29 и ч. 3 ст. 183 УПК РФ);

7) в ходе уголовно-процессуального задержания (ст. 93)

Получение персональных данных при осмотре предметов и документов без согласия их владельцев возможно в исключительных случаях, в соответствии с положениями ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

Кроме того, законодателем предусмотрен запрет на разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия (ч. 1 ст. 161 УПК РФ). При этом и участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ). Следователь обязан принимать меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц (ч. 7 ст. 182 УПК РФ).

Тем самым, перед извлечением из предметов и документов персональных данных участники осмотра, как следственного действия, должны быть предупреждены о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения ставшей им известной информации, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ (ч. 2 ст. 161 УПК РФ).

Таким образом, получение и обработка персональных данных при осмотре предметов и документов, в случаях, предусмотренных законодательством, может быть осуществлены только при письменном согласии на это их владельцев. При этом все участники осмотра, связанного с обработкой персональных данных должны быть под подписку предупреждены о неразглашении ставшей им известной информации.

Ф.П. Васильев

Технические регламенты в обеспечении безопасности и конституционных гарантий граждан

В соответствии с ч. 2. ст. 74 Конституции РФ «ограничения перемещения товаров и услуг могут вводиться в соответствии с федеральным законом, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей». Кроме того, ныне невозможно гарантировать обеспечения любого вида безопасности, без учета требований технических регламентов. А основным субъектом по обеспечению реализации норм Федерального закона от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании»[1] является Федеральная служба по техническому и экспортному контролю, полномочия которой определены в Указе Президента РФ от 16.08.2004 № 1085 «Вопросы Федеральной службы по техническому и экспортному контролю»[2].

С другой стороны, современное техническое регулирование (прогресс) и обеспечение безопасности невозможно регулировать без учета норм Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ (в ред. от 27.09.2013) «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2014). Значимость данного закона в том, что с момента внесенных изменений и дополнений оно требует проведения централизованной единой государственной политики в области образования и науки (подготовки специалистов), которые способствуют совершенствованию обеспечения безопасности страны. Тем самым, значимость технических регламентов мыдолжны видить и в деятельности правоохранительных органов как субъектов обеспечения безопасности, в том числе и СК России.

Важность технических регламентов также определяется путем проведения анализ таких вопросов как: регистрация транспортных средств юридических и физических лиц – владение, пользование и распоряжения ими (их оборот); содержание и эксплуатация различных категорий зданий и сооружений; оборота различных объектов и др.

В настоящее время технические регламенты следует рассматривать по классифицирующим признакам в следующем порядке:

---

[1] СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140. Начало действия редакции – 01.09.2013. Изм., внесенные Федеральным законом от 02.07.2013 № 185-ФЗ, вступили в силу с 1.09.2013. Действие документа не распространяется на область экономического нормирования, в том числе на ценообразование и сметное нормирование в строительстве (Письмо Госстроя РФ от 29.01.2004 № ЛБ-612/10) (ред. от 23.07.2013 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2013).

[2] СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3541 (в ред. от 29.07.2013).

- утвержденные федеральными законами;
- установленные Правительством РФ;
- установленные Таможенным союзом;
- установленные соответствующими субъектами управления (федеральными органами исполнительной власти.

Подобное разделение способствует качественному пониманию и толкованию регламентов в правовом государстве, а также должному профессиональному образованию. При этом выше названные виды технических регламентов дополнительно следует рассматривать также с адресной точки зрения. Например, технические регламенты: регулирующие оборота (процессы производства, эксплуатации, обеспечение и сбыт) транспортных средств и лифтов; регулирующие оборота (процессы хранения, сбыта) топливо-энергетических, горюче-смазочных материалов; регулирующие оборота (процессы производства, хранения, переработки, перевозки и сбыта) пищевых продуктов – масложировые, соки, молоко. И другие.

При этом выше названные и другие обстоятельствав области технического регулирования (безопасности) должны учитываться и знать органы дознания, предварительного следствия и СК России. Ибо мы не сможем говорить о верховенстве права (установлении истины) в правовом государстве, тем более, когда на практике участились случаи аварий, катостроф (человеческий фактор), разрушений и др. факторов с человеческими жертвами.

Тем более ни для кого не секрет, что погоня за прибылью и наличие коррупционных факторов, или поверхностный подход к вопросам технического регулирования сеогодня требует наличия (всесторнность) профессиональных кадров так и в системе СК России и в его территориальных органах. Или же именно СК России в состоянии иногда дать (составить) профессиональный обзор в определенные периоды (как мониторинг) о нарушениии тех или иных технических регламентов, прежде всего юридическими лицами (собственниками), контролирующими органами, а также должностными лицами.

Во-первых, они часто взаимосвязаны между собой (расследование), поскольку обеспечение безопасности невозможно осуществлять отдельно без соблюдения установленных стандартов.

Во-вторых, одновременное толкование о технических регламентах и их применение (процессуальные) обеспечивает полное применение норм права в отношении субъекта (участника правоотношения) в соответствии с действующим законодательством и международными стандартами.

В-третьих, правовое образование и правовое сознание можно развить в России также путем совершенствования толкования процессуальных и технических норм, правоприменения, нормотворчества и т.д.

В-четвертых, в обоих случаях регламенты «вторгаются» в сферу управления и государственного контроля (надзора), устанавливают права и обязанности всех участников правоотношения, а уголовно-процессуальные нормы поставять точку над «i», т.е. установят – халатность, бездействие, непрофессиональнсть и некомпитетность и др.

В итоге, наверное мы не сможем отказаться от таких суждений, что в целом техническе регламенты выступает как вид – нормативно-правовой акт в управленческой деятельности и регулирование общественных отношений в России, направленные на обеспечение внутренней и внешней безопасности страны (участников правоотношения)[1].

В связи с этим следует отметить, что для обеспечения реализации конкретных регламентных требований руководителям (ответственным лицам) надо знать: порядок исполнения государственных функций в определенной области, осуществления административных (должностных) процедур в рамках требований соответствующих технических или административных регламентов и нормативных правовых актов, имеющих непосредственное отношение к техническому регламенту; порядок исполнения госфункций в отношении специальных субъектов.

В настоящее время задачами всех правоохранительных органов являются:

- совершенствование организации и обеспечения деятельности собственного ведомства;
- профессиональный подход к вопросам обеспечения правопорядка на автодорожном, железнодорожном, водном, воздушном[2] и речном транспорте (объектах);
- специфические особенности обеспечения безопасности в спецучреждениях (исполняющих наказание, связанное лишением свободы) и не связанное с лишением свободы;
- качественная организация работы нарядов сопровождения (конвоирования); совершенствование обязанностей нарядов сопровождения поезда (скажем ВВ МВД России);
- разрешение вопросов порядка взаимодействия работников транспортных организаций с нарядом конвоирования;

---

[1] См. подробно: Васильев Ф.П. Административное регламентирование деятельности МВД России: учеб. пособие. В 7 ч. Ч. 6. Обеспечение безопасности на транспорте // М., 2012; Васильев Ф.П. Административно-технические регламенты в области обеспечения безопасности //Уголовная и уголовно-исполнительная политика на современном этапе развития общества и государства: отечественный и зарубежный опыт: мат-лы межд. науч.-практ. конф. (29-30.11.2012) / Владимир, 2013. С. 41-45.

[2] Постановление Правительства России от 18.06.1998 № 609 «Об утверждении Правил расследования авиационных происшествий и инцидентов с гражданскими воздушными судами в Российской Федерации» (в ред. от 07.12.2011).

- своевременный контроль за работой учреждения, транспорта и других, имеющихся на территории конкретного учреждения, организации, которые требуют осуществления комплексного характера эксплуатации и контроля – безопасности по соответствующим направлениям.

Проведенный анализ различных нормативных правовых актов, направленных на техническое регулирование, в том числе изучение административных и технических регламентов позволит:

во-первых, повысить профессиональное мастерство должностных лиц (в том числе собственников – производителей)

во-вторых, совершенствовать выполнение полномочий территориальными органами;

в-третьих, обеспечить устойчивое состояние безопасности;

в-четвертых, развить нормотворческую деятельность в ведомствах[1].

Кроме того, в органах дознания и следствия с учетом их предназначения в области установления истины и определения причастных лиц (обеспечение внутренней безопасности страны) имеются отдельно-специфического характера обстоятельства. При этом законами РФ им предосталяены процессуальные полномочия, которыми не обладают другие сотрудники правоохранительных органов. В процессе их реализации ими руководители данных сотрудников должны обеспечить их безопасности и развитию профессиональных качеств в подразделениях и изучения ими технических регламентов. Например, как в территориалных органах, так и в образовательных учреждениях и ответственным лицам необходимо знать: о пожарной безопасности, об эксплуатации лифтов и определенных зданий и сооружений, образовательные стандарты (печатной учебной продукции, пищевой продукции для детей), правила потребления электроэнергии (силовой кабель, электрощитовые, допуск, и т.д.).

В ныне установленных стандартах ведомственного образования в настоящее время не прослеживается необходимость знания обучающимися (выпускниками) технических регламентов. Тем более в соответствующих учебных дисциплинах мы сегодня не обнаружим отдельных глав и разделов, посвященных техническим регламентам. Например, может ли сегодня любой дознаватель, следователь составить отдельное поручение на должном уровне по расследуемым уголовным делам свзанное с крушениями, авариями и др. для установлении истины в отношении должностныхлиц (собственника), без предварительного изучения (знаний) конкретного технического регламента.

Да, технические регламенты выступают как виды требований в управленческой деятельности, и они регулируют общественные отно-

---

[1] См. подробно: Миронов А.Н. Административные процедуры технологии подготовки нормативных правовых актов федеральными органами исполнительной власти / под ред. А.С. Дугенца. Владимир, 2012.

шения в России. Регламентные требования направлены на обеспечение внутренней и внешней безопасности страны (участников правоотношения), а также индивидуальной безопасности юридических и физических лиц. Тем самым они могут присутствовать в науке и на практике (профессиональной деятельности) только при одном условии, когда как административным регламентам, так и техническим регламентам будет уделяться всестороннее внимание.

В жизнедеятельности каждое направление правоохранительных органов (и СК России) и иных государственных (контролирующих) органов, особенно в области обеспечения безопасности и профилактической работы, в целях недопущения чрезвычайных происшествий и ситуаций, требуется конкретизации не только внутренней, но и внешней деятельности любого субъектов, обеспечивающего ту или иную безопасность. В связи с этим, в целях развития ведомственной и иной науки и образования существует необходимость издания научных трудов, посвященные именно вопросам безопасности (наличие прямой террористической и иной угрозы) и деятельности тех или иных служб и подразделений правоохранительных органов. Одним, из которых является ведение дополнительных образовательных дисциплин (предметов) с учетом норм ФЗ от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации»[1].

Параллельно вопросы обеспечения реализации соответствующих технических регламентов должны проходить через учебные программы во всех образовательных учреждениях правоохранительных органах в виде спецкурса, в том числе проведение научно-исследовательских работ по соответствующим темам. Кроме того необходима организация проведения занятий в рамках служебной подготовки по изучению требований технических регламентов.

Думается, введение спецкурса или предмета «Техническое регламентирование и обеспечение безопасности» должно вестись по двум направлениям:

- во всех образовательных вузах (средних, высших и курсах повышения квалификации (КПК)) независимо заочной или очной форм обучения (в том числе дистанционной формы обучения);

- подготовка руководящих кадров – магистров[2]: ведомственные образовательные и НИИ учреждения и иными образовательными учреждениями обладающими правом подготовки, обучения (КПК) средний и старший начсостав. Третье, для этого необходимо разработать учеб-

---

[1] В соответствии со ст. 111 данный документ вступает в силу с 1.09.2013, за исключением ч. 6 ст. 108, вступившей в силу со дня официального опубликования, и ряда других положений, вступающих в силу в более поздние сроки.

[2] Эти же требования должны распространяться на воинские формирования правоохранительных органов.

ник, которое может быть использовано в процессе изучения различных учебных дисциплин «Техническое право», «Процессуальное и техническое право» (спецкурс), «Транспортное право», «Хозяйственное право», «Финансовое право», «Теория государства и права», «Административное право», «Муниципальное право» и др.

Методологическую и теоретическую основу учебных материалов должна составлять современные положения теории безопасности (технического регулирования, стандартов) международного права по вопросам обеспечения безопасности и прав и свобод человека. Подтверждающими положительными научными факторами должны являться то, что в процессе разработки следует использовать:

- общенаучные – системный, анализ и синтез, структурно-функциональный, сравнение и обобщение, причинно-следственный;
- специальные методы познания – типологический анализ, ситуационный подход, статистический анализ, логико-юридический анализ.

Параллельно необходимо учитывать следующие основные положения:

- правовое положение и роль России в области обеспечения безопасности;
- задачи и функции субъектов технического регулирования (надзорных и контрольных), а также права и обязанности должностных лиц, контролирующих органов, установленные международными (соглашениями) и федеральными нормами;
- механизмы обеспечения (практики) безопасности, защиты прав и свобод человека, а также законных интересов участников правоотношения;
- исследованные вопросы исполнения международных функций и обеспечение безопасности;
- вопросы порядка взаимодействия России с зарубежными странами;
- особенности взаимодействия федеральных органов исполнительной власти (правоохранительных, местных, муниципальных) с государственными органами в рамках президентских и правительственных требований по обеспечению безопасности и техническому регулированию и др.

В заключении необходимо отметить, что нельзя идеализировать рассматриваемый вопрос, тем более, когда присутствуют также некоторые проблемные вопросы. Например, если федеральные технические регламенты (действующие и не действующие), а также утвержденные (установленные) правительственными постановлениями фактически направлены на обеспечение качественной продукции питания (молоко, жиры и др. то, как законодателям, так и Правительству следовало бы издание в первоочередном порядке технического регламента по обеспечению технического регулирования на мясные продукции или вино-

водочные изделия. Причинностью является также необходимость установления для производителей, сбытчиков конкретные единые правила их переработки (оборота), т.к. на практике переработчики активизировали выпуска (реализация) различных мясных продукций с применением ароматизированных химических веществ, в том числе пищевых красителей. Тем самым, сегодня данная продукция нуждается в установлении жестких условий с момента убоя (скажем скота, птицы) и в процессах переработки, хранения, перевозки и реализации (оборот).

Во втором случае, установление жестких рамок в отношении вино – водочных изделий, в связи с тем, что достаточно велики фактов отравлений и смертности от «паленной» продукции и т.д.

Так, около трети всех смертей в нашей стране в большей или меньшей степени связаны с алкоголем. В разных регионах алкогольная смертность составляет от 30 до 46%, а в среднем по стране – 37% от всех смертей. Или в Сибири и на Дальнем Востоке алкогольная смертность превышает 40% от общей смертности. Между тем смертность от насильственных причин – главный и, вероятно, наиболее явный источник гибели людей, в котором реализуется алкоголь. Им обусловлены 72% убийств, 42% самоубийств, 68% смертей при циррозах печени. Естественно, что смерти при отравлениях алкоголем связаны с ним на 100 %. Такая оценка алкогольной смертности в 10 раз больше официальных данных Госкомстата России, которые не превышают 3% от общей смертности населения[1].

По существу наличие технического регламента сегодня подтверждает также на увеличении качественности продукции, тем более, когда потребителю достаточны технические стандарты для соответствующей потребляемой продукции. Или же нормы технических регламентов способствуют пресекать различных коррупционного характера действий (сговоры производителя и сбытчика) в сфере производства, сговор сбытчика с теми или иными лицами по укрытию некачественных свойств поставляемых продукций (товара), эксплуатации того или иного объекта.

Проведенный анализ технических регламентов позволяет утверждать о их значимости то, что любой технический регламент объединяет все основные нормативные правовые акты, которые учитываются как в непосредственном регламенте, так и производителями. Тем самым прямые потребители, поставщики (посредники) получают непосредственную необходимую информацию о данной продукции, которую они потребляют (приобретают). А те которые, товары (продукция) производятся (оборот) на основе различных множественных нормативных правовых актов, то, юридическим и физическим лицам (потребителям) предварительно изучить их. В итоге, участники данного право-

[1] Электронный сайт – Яндекс «Алкоголь и смертность в России.

отношения (потребители и производители, сбытчики) находятся не в равных положениях, а иногда и в затруднительных ситуациях. Это несвоевременность получения сведений о производственных процессах, качестве продукции, отказ предоставлении необходимой информации. А письменные ответы потребителям предоставляются как мы знаем в течении 30 дней и т.д. При таких обстоятельствах, наверное, не возможно еще говорить о верховенстве права и наличие должной безопасности в России.

Ф.П. Васильев
Л.М. Орехова

Административно-правовое регулирование правового воспитания граждан органами внутренних дел (полицией) Российской Федерации как средство предупреждения правонарушений

В настоящее время в условиях реформирования образовательных вопросов и деятельности государственных органов (в том числе исполнительной власти), а так же регулирования государственных стандартов образования, занимают центральное место в жизни нашего общества. Тем самым обеспечению соблюдения конституционных прав и свобод граждан в России должно быть уделено главное внимание. Параллельно, как гражданам, так и сотрудникам ОВД РФ следует знать о понятиях, целях и значимости административно-правового регулирования в области правового воспитания. Параллельно органы внутренних дел (полиция) должны выступать как субъекты правового воспитания граждан. Это в связи с тем они являются основными субъектами в области пресечения правонарушений и регулировании вопросов по поддержанию правопорядка на местах. При этом современные основы и механизмы правового воспитания граждан органами внутренних дел должны проходить в рамках требований Президента страны. Тем самым должны быть: административно-правовые механизмы и необходимость правового воспитания отдельных граждан; учтены особенности правового воспитания граждан органами внутренних дел в зарубежных странах; как средство предупреждения правонарушений должно выступать правовое воспитание граждан.

Вместе с тем с учетом рассматриваемой темы и перечисленных ряда факторов руководители территориальных органов МАД России всех уровней должны знать (предпринять) пути совершенствования правового воспитания граждан отдельными подразделениями и службами органов внутренних дел (полиции) РФ. Сюда можно включить:

- организационные формы и способы правового воспитания граждан в системе МВД России;

- административно-правовая пропаганда и информирование граждан;

- способы совершенствования правового воспитания граждан отдельными подразделениями полиции и др.

В итоге мы можем перечислить некоторые аспекты актуальности избранной нами темы для данного форума. Практика показывает, что в настоящее время отмечается низкий уровень правосознания и правовой культуры в нашем обществе. Они выражаются наличием преступности среди детей (безнадзорности), уклонение от воспитания и содержания детей, совершаемость правонарушений государственными служащими и наличие коррупции в системе власти всех уровней.

Уважение граждан к закону, а так же здоровое правосознание общества являются основой твердости в правовом государстве, действенного функционирования правовой и политической систем в гражданском обществе. Правосознание имеет достаточно высокое влияние на организацию общественной жизни страны. Чем объясняется включение правосознания в механизм правового регулирования как одного из средств воздействия на общественные отношения. Правовая грамотность общества зависит, насколько полно освоены им ценность прав и свободчеловека, ценность правовой процедуры при решении споров.

Незнание гражданином своих прав и обязанностей приводят к совершению различных правонарушений, проявлению недобросовестности со стороны различных субъектов правоотношений. Тем самым, повышение уровня общей правовой культуры (сознания) и правового просвещения гражданского общества является залогом развития правового государства в России. Сюда же следует отнести повышение качества правотворческой деятельности, совершенствование системы правосудия и повышения качества деятельности субъектов управления (исполнительной власти). А значит повысится и качество жизни каждого гражданина.

В рамках рассматриваемой темы и проблем основную роль играет поставленные государственные вопросы Президентом РФ, в частности, в 2011 г. им утверждены Основы государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 04.05.2011). Данный документ позволяет проводить необходимую эффективную государственную политику по повышению значимости права, информированности людей о законе, практике его применения (и мониторинговую политику), укреплению правосознания и который призван создавать принципиально иное отношение закона к праву и иную его роль в обществе. Тем более, по мнению авторов, поставленные задачи и распоряжения Главнокомандующего и гаранта внутренней безопасности страны, для МВД России и для его территориальных органов являются обязательными в первоочередном порядке

как субъектов регулирующих и обеспечивающих внутреннюю безопасность страны.

Одной из ключевых задач, стоящих ныне перед государством – РФ, без решения которой успешное осуществление социально-экономических, политических и других планов невозможно. Создание правовой среды, в которой высокий уровень правовой культуры и правосознания, верховенство права были бы главным началом.

Сегодня в развитии нашей страны требуется внесение изменений в правовой системе, укрепление законности и поддержании правопорядка, усовершенствования правового образования, укрепление законности и улучшение нравственного климата.

Основы современной государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан отводят важную роль в формировании высокой правовой культуры и правосознания граждан профессионалами (должностными лицами государственной власти и сотрудниками правоохранительных органов, юридическим обществам и общественным объединениям юристов), деятельность которых должна быть модернизирована. Борьба с нигилизмом лежит на всех работниках правоохранительных органов и юридических служб, которые используя свой потенциал, определенный их ролью в реализации права, правоприменении, обеспечении законности и правопорядка, наличием в их распоряжении материалов юридической практики Они обязаны разъяснять гражданам социальную ценность и преимущества законопослушного поведения.

Если в бывшем Советском Союзе (в идеологическом государстве) существовала система правового воспитания, учитывающая образовательные, долга и чести, профессиональные, возрастные и других качеств индивидуума, которые касались и закреплялись в различных категорий граждан. И в данной работе участвовали государственные и партийные органы, общественные организации, культурные и научные учреждения, средства массовой информации, трудовые и учебные коллективы. При этом, определенная роль отводилась и правоохранительным органам – суду, прокуратуре, органам внутренних дел. Систематические выступления сотрудников в трудовых коллективах, государственных и иных учреждениях оказывали воспитательное воздействие на граждан. Работники правоохранительных органов доводили о своей работе по охране социалистического правопорядка, рассматривали, пропагандировали анализировали новые нормы и законы, способствовали воспитанию населения в духе активной гражданской позиции, нетерпимости к любому факту правонарушения.

Безусловно, сотрудники правоохранительных органов в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., как и все граждане нашей страны, пережили серьезный кризис ценностей. Многим из них стало казаться, что в деле

обеспечения безопасности роль прокуратуры, суда, милиции, исключительно карательная, а не профилактическая.

Но данная практика сохранилась за рубежом. Таким примером, являются Соединенные Штаты Америки, где полицейские половину своего рабочего времени посвящают профилактической работе с трудовыми коллективами, гражданами по их месту жительства, организациями ввиде лекций и бесед по вопросам правопорядка и права, что способствует профилактике преступности и правонарушений. Но, при этом, как отмечают в свих трудах А.С. Дугенец, А.Н. Миронов, Н.А. Духно, Ф.П. Васильев и др., что если мы скопируем механизмы управления, демократические принципы зарубежных стран, то почему одновременно не скопируем правовые механизмы ответственности субъектов управления.

В связи с чем, в целях реализации проводимой политики, в статусные законы о судах и правоохранительных органах следует внести дополнения, предусматривающие обязанности данных органов и их сотрудников в рамках предоставленной компетенции участвовать в разъяснении и пропаганде правовых знаний.

Таким образом, как мы видим административно-правовое регулирование правового воспитания и образования граждан ОВД РФ является актуальным и проблематичным, требующие своевременного, научного и комплексного решения. И с научной точки зрения в нашем случае присутствуют также специфические особенности. В связи с чем целесообразно также кратко остановиться на данных аспектах.

Первое, методология и методы исследования. В деятельности ОВД РФ (ведомственных образовательных вузах) следует обращать внимания на диссертационные исследования, необходимо учитывать использование современных методологических инструментарий, объединяющих общенаучные, частнонаучные и специальные методы исследования: диалектический, исторический, логический, структурно-системный, функциональный, и другие.

Второе, объект исследования. Им в данном случае выступают административно-правовые отношения, в сфере правового воспитания граждан ОВД РФ (прежде всего полицией).

Третье, предмет исследования. Предметом исследования должны выступать общественные отношения, возникающих в процессе разработки и реализации мер по повышению уровня правовой культуры и правосознания населения, отдельных социальных групп в области правового воспитания (сознания, правопослушность)

Четвертое, цели и задачи диссертационного исследования. Исходя из актуальности рассматриваемой проблемы, целью работы заключается в теоретическом и эмпирическом анализе системы правового воспитания граждан органами внутренних дел Российской Федерации и поиск наиболее приемлемых путей ее совершенствования. И задачами

различных фундаментальных исследований (трудов – диссертационного) должны являться:

- формулирование понятия и определение значения правового воспитания ОВД РФ;
- классификация форм, методов и приемов воспитательного воздействия ОВД РФ на граждан, совершивших правонарушения;
- определение роли ОВД РФ в деятельности по исправлению и перевоспитанию граждан, совершивших правонарушение;
- установление этапов воспитательного воздействия отдельных подразделений полиции;
- исследование и анализ действующей системы организации воспитательного воздействия ОВД РФ;
- обобщение отечественного и зарубежного опыта воспитательной работы;
- разработка предложений и рекомендаций по совершенствованию процесса правового воспитания граждан отдельными подразделениями полиции и др.

Пятое, нормативная база. Основой фундаментальных и различных исследования должны послужить: Конституция РФ, административное, гражданское и иное законодательство, а также международные нормы, статистика, и практические ситуации (проблемы).

Шестое, должны присутствовать степень разработанности темы исследования. Так, системные исследования правового воспитания общества появляются лишь в 60-70-е гг. XX в. Они посвящены методологии изучения понятия, выяснению его сущности, структуры и функций. Общими теоретическими вопросами правовой культуры и правового воспитания занимались отечественные исследователи как И.Ф. Рябко, Е.А. Лукашева и др.

Не умаляя значимости накопленного теоретического опыта, признавая огромный вклад ученых в исследование вопросов административно-правового воспитания граждан ОВД, анализ литературных источников позволяет прийти к выводу о том, что в научной разработке аспекты исследуемой проблемы не отражены. Это выявляет необходимость целостного и полного теоретико-правового исследования.

Седьмое, научная новизна исследования (суждений). Она должна состоять в том, что на уровне тех или иных исследований правовое регулирование правового воспитания граждан органами внутренних дел (полицией) РФ выступает как средство предупреждения правонарушений. В нашем случае в частности данная тема с момента требований Президента РФ (с 2011 г.) не становилась предметом отдельного исследования. Существуют лишь отдельные публикации, в которых эта функция рассматривалась фрагментарно. При этом, почти не упоминается в ведомственных актах МВД России и его территориальных органов (в томи числе в правительственном Концепции о патриотическом

воспитании молодежи). Или же изучались проблемы правового воспитания и предупреждения конфликта, правового воспитания в России и способы его преодоления, но проблемы регулирования правового воспитания граждан ОВД РФ как средство предупреждения правонарушений не затрагивались исследователями.

Восьмое, следует учитывать и теоретическую и практическую значимость затронутых вопросов. Тем самым, сформированные в исследовании рекомендации авторами могут быть использованы в правовом и методологическом совершенствовании деятельности подразделений и служб МВД России (полиции); в учебном процессе, служебно-профессиональной подготовки с целью повышения правовых знаний и правовой культуры граждан и сотрудников ОВД РФ; в различных научных работах.

Девятое, авторы должны знать о структуре и объеме разрабатываемой научной (теоретико-практической) работы. Притом, структура исследуемой работы обусловливается ее целью и задач. Например, введение, общий объем с разделами (главы и параграфы), заключение, библиографический список, приложения.

Думается, подобный подход к избранной теме авторы считают, что основные требования Конституции России, Президента России и федеральных законов, возможно обеспечить реализации любых задач только при комплексном (научно-практический) подходе.

Е.Г. Васильева

Статья 90 УПК РФ как гарантия презумпции невиновности или нарушение права на судебную защиту

Учитывая огромную важность абсолютных прав для человека, большинство из них закреплены Конституцией РФ. Абсолютное право (как юридическая конструкция) предоставляет своему субъекту монопольную возможность действовать в своих интересах. Реализация таких прав обеспечивается установленной законом обязанностью всех других лиц воздерживаться от каких-либо действий, препятствующих свободному осуществлению этих прав.

Согласно ч. 1, 2 ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод; решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Неустранимые сомнения в виновности толкуются

в пользу обвиняемого (ст. 49 Конституции РФ). В соответствии с ч. 3 ст. 56 Конституции РФ не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные ст. 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46-54 Конституции РФ. Таким образом, право на судебную защиту, презумпция невиновности являются абсолютными.

Поскольку, право на судебную защиту, презумпция невиновности относятся к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступают гарантией всех других прав и свобод, следовательно, они признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ обеспечиваются на основе закрепленных в ней принципов правосудия, включая независимость судей, их подчинение только Конституции РФ и федеральному закону, осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ст. 17 и 18; ст. 120 ч. 1; ст. 123 ч. 3 Конституции РФ).

Приведенным положениям Конституции РФ корреспондируют предписания ст. 10 Всеобщей декларации прав человека и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которым каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на то, чтобы его дело было рассмотрено с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом, т.е. при предоставлении на основе полного равенства процессуальных гарантий справедливого судебного разбирательства. В силу статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод справедливое правосудие, осуществляемое независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона, также предполагает обязательность и исполнимость судебных решений, что связано с требованием правовой определенности. Указанные общие принципы осуществления правосудия распространяются на все закрепленные Конституцией РФ, ее ст. 118 (ч. 2), виды судопроизводства – конституционное, гражданское, административное и уголовное и являются для них едиными, вне зависимости от природы и особенностей материальных правоотношений, определяющих предмет рассмотрения в каждом виде судопроизводства, в рамках которого граждане реализуют конституционное право на судебную защиту[1].

Следовательно, важнейшей гарантией защиты прав от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод является презумпция невиновности и право на судебную защиту.

---

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации (далее КС РФ) от 21.12.2011 «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д.Власенко и Е.А.Власенко» // СЗ РФ. 2012. № 2. Ст. 398.

С учетом обстоятельств указанных выше ст. 90 УПК РФ должна служить гарантией презумпции невиновности и не нарушать конституционное право на судебную защиту, поскольку речь идет об абсолютных правах.

В российском законодательстве понятие «преюдиция» установлено ст. 90 УПК РФ (в ред. от 29.12.2009). В настоящее время суд, прокурор, следователь, дознаватель без дополнительной проверки признают обстоятельства, установленные вступившим в силу законным судебным решением. Причем данное правило распространяется не только на приговоры, но и на решения арбитражных судов и судов общей юрисдикции в отношении иной категории дел.

Так, ранее приговор по уголовному делу имел преюдициальное значение для гражданского и арбитражного суда; в то время как решения гражданского и арбитражного суда преюдициальными для уголовного судопроизводства не являлись. Однако, после принятия Федерального закона от 29.12.2009 № 383-ФЗ[1], изменившего ст. 90 УПК РФ, значения решений арбитражного, гражданского и уголовного судов приравнены друг к другу по юридической силе. Полагаю, что это нововведение с одной стороны, ограничивает возможности доказывания по уголовному процессу, так как в уголовном процессе применяются в качестве доказательств результаты оперативно-розыскной деятельности (ст. 89 УПК РФ); а в гражданском (ст. 61 ГПК РФ) и арбитражном (ст. 69 АПК РФ) процессах вызывает много вопросов.

Поводом для принятия поправок в ст. 90 УПК РФ у законодателей стояла задача декриминализации налоговых правонарушений. Поскольку налогоплательщик, признав в арбитражном суде соответствующее решение налогового органа по результатам налоговой проверки недействительным, все равно подпадал под подозрение органов внутренних дел в совершении налогового преступления. Придание преюдициальной силы обстоятельствам, установленным вступившим в законную силу приговором суда, направлено на исключение противоречий между судебными актами, способствует минимизации сил, времени и средств правоохранительных органов (производящих расследование преступлений), а также судов, укреплению принципа законности в судопроизводстве. Однако необходимо отметить, что преюдициальное значение решения суда по гражданскому делу для уголовного судопроизводства ограничено.

В своем постановлении Конституционный Суд РФ от 21.12.2011 «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой

---

[1] Федеральный закон от 29.12.2009 № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 4.

граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко»[1] (далее – постановление от 21.12.2011) разъяснил должностным лицам и органам, осуществляющим уголовное судопроизводство, конституционно-правовой смысл положений ст. 90 УПК РФ. Суд признал положения ст. 90 УПК РФ не противоречащими Конституции РФ. Выводы обосновал тем, что преюдиция поддерживает непротиворечивость судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности. Однако преюдиция не является абсолютным значением и применяется с учетом принципа свободы оценки доказательств судом.

Выявленный судебным органом конституционного контроля смысл положений указанной нормы, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике. КС РФ указал, что следователь (дознаватель, прокурор, суд) не может и не должен обращаться к вопросу, составлявшему предмет доказывания по гражданскому делу. Опровержение преюдиции судебного акта, принятого в порядке гражданского судопроизводства, на основании одного лишь несогласия следователя (или суда), осуществляющего производство по уголовному делу, с выводами данного судебного акта, позволило бы преодолевать законную силу судебного решения в нарушение конституционного принципа презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ[2]) и связанных с этим особенностей доказывания в уголовном процессе, игнорировать вытекающие из преюдиции обоснованные сомнения в виновности лица (если решение по гражданскому делу говорит в пользу его невиновности). Отказ дознавателя, следователя или прокурора, осуществляющих уголовное судопроизводство, от признания действия преюдициальности как свойства законной силы судебного решения, принятого в порядке гражданского судопроизводства, означал бы также, по смыслу правовой позиции, изложенной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17.03.2009 № 5-П[3], преодоление вступивших в законную силу судебных решений административными органами, что не соответствует самой природе правосудия, которое осуществляется только судом, и конституционным принципам самостоятельности судебной власти и независимости суда.

Но с другой стороны, Конституционный Суд РФ в постановлении от 21.12.2011г. указал, что, несмотря на новую редакцию ст. 90 УПК РФ, доводы решений гражданских судов не предопределяют виновность лица по уголовному процессу, обстоятельства обвинения подлежат тщательной проверке независимо от того, что они установлены решением гражданского суда. Преюдициальное значение решения суда по гражданскому делу не препятствует проверке возможности фальси-

---

[1] СЗ РФ. 2012. № 2. Ст. 398.
[2] СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
[3] СЗ РФ. 2009. № 14. Ст. 1770.

фикации доказательств по этому делу в последующем, в рамках процедур уголовного судопроизводства.

Статья 90 УПК РФ не может рассматриваться как препятствующая расследованию подлога, фальсификации доказательств или другого преступления против правосудия, совершенного кем-либо из участников процесса (судьей, стороной, свидетелем и др.), и, соответственно, привлечению к уголовной ответственности лиц, участвующих в гражданском деле, за совершенные ими преступления, связанные с его рассмотрением и разрешением. Обстоятельства фальсификации доказательств как уголовно наказуемого деяния не составляют предмета доказывания по гражданскому делу. Данные фактические обстоятельства выходят за рамки объективных пределов законной силы судебного решения, вынесенного в гражданском судопроизводстве, и составляют предмет доказывания по уголовному делу, возбужденному по признакам соответствующего преступления, предусмотренного УК РФ. Следовательно, в уголовно-правовых процедурах исследуется вопрос, не входивший в предмет доказывания по гражданскому делу, – о фальсификации доказательств именно как уголовно наказуемом деянии, которая в случае ее установления может явиться основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам решения по гражданскому делу[1].

Установленный законодателем институт преюдиции требует соблюдения баланса таких конституционно защищаемых ценностей, как общеобязательность и непротиворечивость судебных решений, с одной стороны, и независимость суда и состязательность судопроизводства – с другой. Институт преюдиции подлежит применению с учётом принципа независимости суда в оценке доказательств, вытекающего, в свою очередь, из конституционных принципов независимости и самостоятельности судебной власти.

На основании выше изложенного, руководствуясь положениями ст. 90 УПК РФ, ее конституционным толкованием, выраженном в постановлении от 21.12.2011, следует сделать следующие выводы: ст. 90 УПК РФ означает, что вступившие в законную силу решения судов общей юрисдикции, арбитражных судов не могут рассматриваться как предрешающие в уголовном судопроизводстве выводы о том, имело ли место преступление, а также о виновности обвиняемого; это решение должно основываться на всей совокупности доказательств по уголовному делу (в том числе на данных, указывающих на фальсификацию доказательств или подлог, неисследованных ранее при рассмотрении гражданского дела); такого рода доказательства исследуются в процедурах, установленных уголовно-процессуальным законом, и могут в дальнейшем повлечь пересмотр гражданского дела; преюдициальное

[1] СЗ РФ. 2012. № 2. Ст. 398.

значение решения суда по гражданскому делу не препятствует проверке возможности фальсификации доказательств по этому делу в последующем, в рамках процедур уголовного судопроизводства; КС РФ не усмотрел в ст. 90 УПК РФ нарушения, но привел ограничительное толкование, указав, что преюдиция не столь неопровержима, как это считается, и что она не может быть абсолютной.

Следовательно, ст. 90 УПК РФ и постановление КС РФ от 21.12.2011 это результат межотраслевой преюдиции. Представляется, что особое внимание к данной проблеме должно проявляться со стороны правовой науки, следственной практики, судов и законодателей с целью недопущения нарушения абсолютных прав, закрепленных Конституцией РФ.

А.С. Васнецова

Конституционно-правовые основы соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина органами Следственного комитета Российской Федерации в сфере противодействия преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства

На современном этапе своего развития российское государство находится на стадии перехода к новой государственной политике в области национальной безопасности, что обусловлено как внешними условиями (процессами глобализации, мирового политического и экономического развития и др.), так и внутренними (изменениями взаимоотношений власти и населения, становлением политической и правовой культуры, модернизаций всех сфер общественной и государственной жизни и т.д.)[1].

На этом фоне среди основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности названа преступная деятельность, направленная против основ конституционного строя и безопасности государства (далее – ОКС и БГ), противодействие которой приобретает принципиально новые черты, отвечающие требованиям современности, своевременности и адекватности.

В сложившейся ситуации требуется создание условий нормального функционирования государственных механизмов, способных обеспечить стабилизацию социально-экономических и политических процессов, консолидацию здоровых сил гражданского общества и государственных органов, на основе права, обеспечивающего упорядоченное состояние, законность и правопорядок.

В числе таких механизмов важнейшее значение имеют концепту-

---

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утв. Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537 // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

альные и стратегические положения Конституции РФ о функциях государственных органов в рассматриваемой сфере, о правовых и социальных гарантиях эффективной государственной деятельности, с учетом приоритетно-обязательных признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина государством, закрепляющие содержание и механизм реализации законов всеми органами государственной власти и местного самоуправления, обуславливающие необходимость создания эффективных правовых механизмов обеспечения государством правозащитных функций в отношении общества и личности.

Функции активного субъекта противодействия преступлениям против ОКС и БГ и эффективным института защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в сфере уголовного преследования сочетает в себе Следственный комитет Российской Федерации (далее – СК России). Несмотря на высокие оценки качества работы СК России с самых высоких трибун и по оценкам общественного мнения, следует отметить, что ряд сложных процессов, происходящих в российском государстве и праве, затрудняют его правозащитный потенциал:

1. Анализ правоприменительной практики и состояния законности в сфере противодействия преступлениям против ОКС и БГ указывает на опасные тенденции рассматриваемых видов преступности (их распространение по территории России, усложнение механизмов организованной преступной деятельности и т.д.), комплексный характер и многогранность их причин и проявлений, трудности в формировании единой концепции противодействия им, частые изменения законодательства и др.

2. Деструктивные политические и социальные эффекты, порождаемые такого рода насильственной практикой, входят в число вызовов, создающих наибольшие угрозы современным идеалам и ценностям в России, как и во всем мире. Поэтому проблематика явлений, определяемых как «преступления против ОКС и БГ», сохраняет научную и практическую актуальность в обозримой исторической перспективе.

3. Существенные трудности в обеспечении прав и свобод человека обусловлены криминологическими характеристиками преступлений против ОКС и БГ, которые активно вторгаются в политическую, социальную, идеологическую и международную сферу. Изложенное требует специальных научных исследований, разработки правовых средств и механизмов, призванных обеспечивать эффективные профилактику и противодействие данным криминальным явлениям, а от следователей – специальной подготовки.

4. Усложнение и распространение преступной деятельности против ОКС и БГ на фоне постоянного реформирования в России законодательной базы ведет к тому, что в целях оптимизации правового и научно-методического обеспечения реализации прав и свобод человека и

гражданина деятельность СК России нуждается в определенных изменениях и дополнениях.

5. Особое значение имеет специфика правозащитной деятельности СК России. Во-первых, она состоит в дуалистической роли СК России: защищая права и свободы человека от преступных посягательств, он в лице своих органов вынужденно вторгается в сферу прав и свобод граждан, которые тем или иным образом причастны к совершению преступления. Во-вторых, в своей деятельности СК России в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина реализует три важных взаимосвязанных, но достаточно самостоятельных направления: признание прав и свобод, их соблюдение и защиту. При этом, как правильно отмечает С.Т. Сазин, сложности практической их реализации состоят в том, что законодатель не разграничивает понятия «признание прав и свобод» (важнейшее положение Конституции РФ, высшая ценность и фундамент института конституционных прав и свобод личности в государстве), «соблюдение прав и свобод человека и гражданина» (основной принцип деятельности государственных органов), «правовая защита прав и свобод» (центральная функция контрольно-надзорных государственных органов, направленная на выявление, предотвращение, пресечение и устранение фактов нарушения прав, свобод и законных интересов человека с целью восстановления нарушенных прав и возмещения причиненного вреда), а зачастую подменяет их[1], отсутствует достаточная нормативная база, направленная на воплощение прав и свобод человека и гражданина в практическое русло[2].

Такой обширный и далеко не исчерпывающий перечень проблем в деятельности СК России, направленной против угроз в сфере национальной безопасности и обеспечения при этом прав и свобод человека и гражданина обусловливают необходимость не только повышения уровня деятельности, улучшения координации органов власти и управления в этой сфере, но и совершенствования правовых основ работы СК России. В частности:

1. Исследование научной литературы и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что защита прав и свобод человека и гражданина должна стать самостоятельным направлением деятельности СК России. В соответствующих нормативных правовых документах должны быть раскрыты формы, методы, средства реализации защиты прав и свобод граждан, а не только их признание и соблюде-

---

[1] Сазин С.Т. Конституционно-правовые основы соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина органами прокуратуры и Следственным комитетом Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М. С. 2-15.

[2] Журавлев Р.А. Организационно-правовые аспекты противодействия угрозам общественной безопасности // Российский следователь. 2012. № 10. С. 11-14.

ние. При этом, необходимо дальнейшая концептуальная проработка вопросов об определении места СК России в системе публичной власти России, внесение в Конституцию РФ дополнений, самостоятельно регулирующих деятельность СК России, в т.ч. в сфере обеспечения прав и свобод человека.

Это тем более актуально, что в последнее время прослеживается тенденция увеличения числа граждан с обращениями и заявлениями в СК России, что может быть объяснимо как положительными моментами: увеличением правовой информированности граждан о компетенции и полномочиях следователей, ростом доверия граждан к СК России и др., так и негативными: увеличением числа преступлений против ОКС и БГ (прежде всего экстремистского характера), ростом нарушений, допускаемых следователями и т.д.

2. В целях совершенствования правового регулирования правозащитного статуса СК России целесообразно определить его место и роль в системе государственного аппарата как специализированного государственного органа предупреждения, выявления, предотвращения, пресечения, расследования и устранения фактов нарушений прав и свобод человека и гражданина, с приданием ему функций координации такой деятельности по всему массиву расследуемых СК России преступлений.

3. В целях дальнейших научных разработок защиты прав и свобод человека и гражданина в деятельности СК России приоритетными следует признать: 1) выявление значимых концептуальных положений, составляющих теоретическую базу правового механизма защиты прав и свобод человека и гражданина СК России; 2) мониторинг современного состояния правового обеспечения, используемого СК России в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина; 3) определение основных направлений и приоритетов деятельности СК России в рассматриваемой сфере; 4) выявление проблем защиты прав и свобод человека и гражданина в деятельности следственных управлений СК России.

4. В целях обеспечения повышения эффективности защиты прав и свобод граждан, в законодательном порядке следует наделить руководителей следственных управлений правом разработки и представления в установленном порядке в органы исполнительной власти субъектов РФ проектов нормативных правовых актов по вопросам, относящихся к установленной сфере деятельности по обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина, а также по проблематике противодействия преступности (прежде всего ее особо опасным формам – терроризму, экстремизму и др.).

5. Разработать межведомственные нормативные акты (с участием СК России, МВД России, ФСБ России и др.), регламентирующие специфику расследования и организации следственной работы, взаимо-

действие и координацию по уголовным делам о преступлениях против ОКС и БГ, в т.ч. по преступлениям экстремистской направленности и террористического характера.

5. Внести в Конституцию РФ обязательные положения об ответственности за совершение правонарушений и преступлений против ОКС и БГ и механизме ее реализации.

В заключение хотелось бы отметить, что многосторонность и значимость проблемы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в деятельности СК России в сфере уголовного преследования по преступлениям против ОКС и БГ требует дальнейшего углубленного научного осмысления традиционных доктринальных положений и разработки новых правоприменительных рекомендаций.

В.Ф. Васюков

К вопросу о правовой позиции Конституционного Суда РФ об ограничении права гражданина на тайну телефонных переговоров при расследовании уголовных дел

Беспроводные системы связи, явившиеся результатом интенсивного развития телекоммуникаций и компьютерных технологий, сегодня распространены по всему миру. При том, что информация и современные информационно-телекоммуникационные технологии являются одним из важных факторов функционирования общества XXI в.

Их значимость повышается, а технические возможности постоянно расширяются, поэтому они являются самым используемым инструментом в ходе человеческого общения и весьма активно используются и криминальными структурами в реализации своих преступных замыслов. По данным МВД России, в настоящее время каждое третье преступление, так или иначе, связано со средствами сотовой связи. Соответственно, потребность правоохранительных органов в информации о пользователях средств сотовой связи в целях раскрытия и расследования преступлений неумолимо возрастает с каждым годом.

В тоже время на законодательном уровне стало необходимым по иному взглянуть на правовую природу и способы защиты в Российской Федерации одного из базовых институтов международного и отечественного законодательства – права на неприкосновенность частной жизни, составным элементом которого является закрепленное в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ право каждого на тайну телефонных переговоров[1].

---

[1] Григорьев И.Б. О месте конституционного права на тайну сообщений в системе российского законодательства, регулирующего правовой институт тайны // Закон и право. 2006. № 8. С. 34.

Федеральным законом от 1.07.2010 № 143-ФЗ[1] в УПК РФ были внесены изменения, устанавливающие порядок использования нового процессуального инструмента расследования, используемого по судебному решению – получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Законодателем были учтены потребности следственных органов в правовой регламентации процедуры получения криминалистически значимой и доказательственной информации об использовании мобильных телефонов при подготовке, совершении и сокрытии преступления.

Между тем, до вступления в силу указанных изменений в судебной и следственной практике отсутствовало единое понимание того, какие сведения охраняются ст. 23 Конституции РФ.

Проблема возникла в связи с тем, что для органов следствия в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, стали значимы не только телефонные переговоры фигурантов уголовного дела, но и сведения технического характера, в том числе о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи (так называемой «детализации»), которые в соответствии с п. 12 постановления Правительства РФ от 27.08.2005 № 538 должны храниться операторами связи в течение 3 лет с момента поступления[2].

При этом в соответствии с п. 14.1 ст. 5 УПК РФ под контролем телефонных и иных переговоров понималось прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств коммуникации, осмотр и прослушивание фонограмм. Таким образом, следственное действие, регламентированное ст. 186 УПК РФ следователем могло производиться только в целях получения фонограмм запечатлевающих разговор определенных лиц, но не информацию об установленном вербальном контакте.

В связи с тем, что порядок истребования, как детализации телефонных переговоров, так и иной информации, содержащейся в базах данных операторов сотовой связи об их абонентах, был вне рамок федерального законодательства, российская судебно-следственная практика пестрила контрадикторными примерами правоприменения одних и тех же норм.

Первым «звонком» грядущей проблемы стали информационные письма Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в которых

---

[1] Федеральный закон от 01.07.2010 № 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. №. 27. Ст. 3427.

[2] Постановление Правительства РФ от 27.08.2005 № 538 (ред. от 13.10.2008) «Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность» // СЗ РФ. 2005. № 36. Ст. 3704.

неоднозначно разъяснялась процедура получения сведений о входящих и исходящих соединениях абонентов.

Так, первоначально в письме от 19.03.1999 № 36-609/166-99 указывалось на то, что получение сведений подобного рода, в частности, о номерах абонентов, продолжительности их переговоров, а также индивидуальных частотных характеристиках приемопередающей аппаратуры абонентов связи следует рассматривать как наведение справок, не требующее судебного решения[1].

Однако, спустя некоторое время, в официальном ответе на обращение о порядке предоставления правоохранительным органам сведений об абонентах электросвязи заместителя Генерального директора ОАО «Электросеть» г. Москвы, уполномоченными лицами Генеральной прокуратуры указывается: «…следует различать сведения об абонентах электросвязи, носящие справочный характер, так называемые установочные данные абонентов и сведения, включающие в себя информацию о номерах телефонов, времени соединения, продолжительности разговоров абонентов (протоколы соединений абонентов). Если сведения первого рода не нарушают тайну связи и могут быть предоставлены правоохранительным органам по их запросу, то протоколы соединений абонентов ограничивают тайну связи и требуют судебного решения для их предоставления правоохранительным органам.

Истребование таких сведений об абонентах электросвязи оперативными подразделениями МВД, ГТК и других правоохранительных органов, а также следователями и прокурорами, без разрешения суда являются неправомерными. Запросы об их представлении в таком случае не подлежат исполнению»[2].

Апогеем сложившейся ситуации с получением информации у операторов сотовой связи стал запрос Советского районного суда г. Липецка в Конституционный Суд РФ о проверке конституционности ч. 4 ст. 32 Федерального закона от 16.02.1995 «О связи». Поводом запроса явилось ходатайство начальника Управления федеральной службы налоговой полиции по Липецкой области, направленное в ОАО «Реком» в целях получения сведений о входящих и исходящих телефонных звонках гражданки Фурловой, в отношении которой имелись данные о совершении ею мошеннических действий.

После предварительного изучения запроса в определении от 2.10.2003 № 345-О Конституционный Суд РФ пришел к следующему выводу: «право каждого на тайну телефонных переговоров по своему конституционно-правовому смыслу предполагает комплекс действий

---

[1] Чечетин А. Ограничение тайны связи // Законность. 2005. № 7. С. 38.

[2] Ответ на обращение о порядке предоставления правоохранительным органам сведений об абонентах электросвязи заместителя Генерального директора ОАО «Электросеть» г. Москвы от 30.03.2001 исх. № 16/4-7794-00.

по защите информации, получаемой по каналам телефонной связи, независимо от времени поступления, степени полноты и содержания сведений, фиксируемых на отдельных этапах ее осуществления. В силу этого информацией, составляющей охраняемую Конституцией РФ и действующими на территории РФ законами тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи; для доступа к указанным сведениям органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, необходимо получение судебного решения. Иное означало бы несоблюдение требования ст. 23 (ч. 2) Конституции РФ о возможности ограничения права на тайну телефонных переговоров только на основании судебного решения»[1]. Как показало изучение литературы, посвященной этой тематике, далеко не все авторы были согласны с этой позицией.

Так, по мнению Фроловой**,** сведения о входящих и исходящих звонках абонентов не являются тайной переговоров, т.е. данными, составляющими охраняемую Конституцией РФ тайну, а являются тайной, охраняемой федеральным законом, поэтому для получения таких сведений органами не требуется судебного решения. Ссылка на Определение Конституционного суда от 02.10.2003 № 345-О при производстве оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий автору представляется необоснованной[2].

А. Богдановский говорит об ошибочном толковании данного судебного органа, которое, по мнению ученого, носит рекомендательный характер и «ни к чему никого не обязывает», поэтому получать судебное разрешение при истребовании информации у операторов связи не обязательно[3].

Позиция других авторов вообще сводилась к тому, что Конституционный Суд РФ в своем решении подменяет защиту конституционных прав граждан «мелочной опекой» и получать сведения о входящих и исходящих соединениях возможно без судебного разрешения. При этом, как считают ученые, применительно к деятельности следователей данная информация вполне могла быть получена в процессе производ-

---

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2.10.2003 № 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда г. Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 г. «О связи» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1. С. 52.

[2] Фролова Т.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Уголовный процесс. 2008. № 9. С. 17.

[3] Богдановский А. Может ли ошибаться Конституционный Суд? // Законность. 2006. № 8. С. 36.

ства обычной выемки[1].

Оставляя за рамками данной статьи полемику об ошибочности перечисленных мнений, отметим, что в соответствии со ст. 6 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» решения Конституционного Суда РФ определяются как обязательные на всей территории РФ для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений, а ст. 79 определяет решение этого судебного органа как окончательное, не подлежащее обжалованию и вступающее в силу немедленно после его провозглашения[2]. Поэтому позиция Конституционного Суда РФ о «тайне детализации» при решении вопроса об истребовании сведений о входящих и исходящих звонках абонентов учитывалась законодателем как основополагающая в разработке законопроекта о новом следственном действий, в последствие предусмотренном ст. 186.1 УПК РФ.

Таким образом, Конституционный Суд дал однозначное толкование сущности информации об абонентах, получение которой уполномоченными органами ограничивает конституционные права граждан на тайну телефонных переговоров. Тем самым, были разрешены многие вопросы, которые возникали в судебно-следственной практике при ограничении участников уголовного судопроизводства указанного права.

А.Н. Вдовин

Отдельные аспекты первоначального этапа расследования преступлений о незаконном обороте оружия. Допрос свидетеля

В результате анализа исходной информации добытой на первоначальном этапе расследования, появляется возможность выдвинуть и проверить наиболее вероятные следственные версии.

Проверка указанных версий, как правило, потребует проведения, следующих следственных и иных действий:

- допрос возможных свидетелей незаконного оборота оружия; допрос лиц, с которыми задержанный учился, работал, имел какие-либо отношения, т.е. лиц среди которых можно обнаружить информацию о преступлении, а также соучастников, либо пособниках преступления;

---

[1] Винокурова Т.В., Астафьев Ю.В. Проблема получения сведений о телефонных соединениях при производстве ОРД // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 55.

[2] Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

- допрос подозреваемого (обвиняемого) – как средство подтверждения (опровержения) имеющихся подозрений, восполнения доказательств, а также средство защиты от предъявленного обвинения;

- следственный осмотр места происшествия – места, на которое преступник или свидетели указали, как на опосредованно связанное с преступлением в дополнительных этапах незаконного оборота оружия;

- изъятие материалов и оборудования, использовавшихся для изготовления, ремонта предметов, изъятых из свободного гражданского оборота (если это не сделано ранее);

- следственный осмотр изъятых предметов самодельного, кустарного способов изготовления при необходимости с привлечением специалиста в области оружиеведения, взрывотехники;

- следственный осмотр изъятых материалов, оборудования, составляющих компонентов, специальных приспособлений для изготовления оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств;

- очная ставка между ранее допрошенными лицами при наличии в их показаниях существенных противоречий;

- обыск по месту жительства, работы подозреваемого с целью поиска предметов, изъятых из свободного гражданского оборота, материалов и оборудования для их изготовления и др.

Условия конкретной следственной ситуации могут предопределить необходимость проведения следственного эксперимента, преследующего цели выяснения реальных возможностей того или иного события[1].

Одним из самых распространенных следственных действий, проводимым практически по всем расследуемым преступлениям о незаконном обороте оружия является допрос.

В криминалистике под допросом понимается следственное действие, заключающееся в получении и фиксации в установленном законом порядке показаний участников процесса об известных им фактах, имеющих значение для дела[2].

Допрос как многоплановое следственное действие, содержащие процессуальное, криминалистическое, психологическое, этическое начало, давно привлекает к себе большое внимание ученых правоведов. Это объяснимо в силу понятных причин и условий. Так, в результате опроса и анкетирования соответствующих работников правоохранительных органов, установлено, что около половины рабочего времени отведенного для следственных действий, тратится именно на производство допросов. А на наличие трудностей при осуществлении ука-

---

[1] Павликов С.Г. Криминологическая характеристика и первоначальный этап расследования незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 80.

[2] Криминалистика: учебник / под ред. проф. А.Г. Филлипова. М., 1988. С. 282.

занного следственного действия в ходе расследования преступлений о незаконном обороте оружия указало около 75% следователей и дознавателей.

Это послужило толчком к разработке многих рекомендаций как по тактике проведения допроса в целом, так и по отдельным категориям преступлений[1].

К некоторым особенностям, относящимся к проведению допроса в целом при расследовании незаконного оборота оружия, является необходимость наличия специальной подготовки самого допрашивающего; желательно использование при допросе дополнительных материалов (фототаблицы, планы, схемы к протоколу осмотра места происшествия, специальная литература с иллюстрациями, макеты предметов незаконного оборота оружия; привлечение к допросу специалистов различных отраслей, применение технических средств (стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись).

Эффективность допроса во многом зависит не только от опыта и квалификации допрашивающего лица, но и от обладания им специальными познаниями в области оружиеведения и взрывотехники. В этой связи особое значение имеет организация спецподготовки, изучение с соответствующей литературой, консультации со специалистами и в целом от специализации следователей.

Использование вспомогательных материалов помогает в ходе допроса дополнить показания, активизировать ассоциативные связи, напомнить отдельные момент преступления.

Применение при допросе технических средств способствует устранению неоднозначного толкования тех или иных фактов, исключает (препятствует) изменению показаний допрашиваемого в дальнейшем, а также в определенных случаях может служить источником дополнительных доказательств при последующем изучении носителя информации.

Ну и конечно, особенностью проведения допроса о преступлениях о незаконном обороте оружия является необходимость в его предварительной подготовке следователем (дознавателем), продумыванию применения тактических приемов.

Выявление лиц, владеющих ценной для следствия информацией, может быть инициировано через средства массовой информации. При ночном характере происшествия свидетелями могут быть лица, находящиеся по служебной необходимости в районе случившегося (полицейские, работники ночных магазинов, ресторанов и т.д.).

---

[1] Пашута И.В. Особенности проведения допроса при расследовании преступлений, совершаемых с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2012. С. 108.

Получение максимально полной информации о фактах незаконного оборота оружия зависит от умения направить внимание, усиление памяти свидетеля на правильное освещение обстоятельств, им известных.

Исследованиями установлено, что не механическая повторяемость явлений, а значимость их для воспринимающего служит основой точного запоминания. На процессы памяти, особенно на непроизвольное запоминание, большое влияние оказывают эмоции свидетеля[1].

В связи с этим, специфика рассматриваемого преступления (особенно совершение его путем применения оружия и взрывчатых веществ) предопределяет повышенную вероятность сохранения события в памяти очевидцев в виду общественной значимости и резонанса.

Однако, здесь имеется другая крайность, когда ярко переживаемые события оказывают негативное воздействие на восприятие и соответственно память индивида. Так иногда свидетель от испуга способность запоминать ряд моментов происшедшего.

В такой ситуации нецелесообразно производить допрос непосредственно после происшествия, так как он может оказаться не только полностью безрезультатным, но и запутывающим следствие.

К тому же, зачастую на практике оказывается, что более полными показаниями являются несколько отсроченные показания, после сглаживания переживаний, связанных с преступлением.

Но если первичный допрос уже произведен, а полнота картины происшествия не достигнута и (или) имеются противоречия в показаниях, необходимо проведение дополнительный допрос свидетеля, устанавливающий реальные обстоятельства по делу.

По опросу респондентов дополнительный допрос хотя бы одного свидетеля проводится в 85% уголовных дел о незаконном обороте оружия.

Важно учитывать, что потеря информации под воздействием времени носит вполне обратимый характер.

В результате этого явления – реминисценцией, в дополнительном допросе могут появиться данные, не имевшие место в первоначальном допросе.

В теории и практике существуют специальные приемы оказания помощи допрашиваемому для припоминания забытых фактов. Они заключаются в постановке вопросов, словесных описаний, активизирующих у свидетеля ассоциативные связи, применение в ходе допроса схем, рисунков, моделей и т.д., направленных на оживление памяти.

С учетом указанной методики свидетель может описать довольно подробно описать интересующие следствие обстоятельства и часто вопреки собственному мнению.

---

[1] Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 2001. С. 10.

Решая вопрос о необходимости проведения допроса свидетеля, следователь определяет время выполнения данного следственного действия. При этом он обязан соблюдать требование УПК о запрете его производства в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства (ст. 176 УПК РФ).

После того как допрашиваемый в произвольной форме расскажет об интересующих следователя обстоятельствах, ему задаются уточняющие и детализирующие показания вопросы, направленные на проверку правдивости ответов и выяснение причин противоречий с ранее данными показаниями и другими материалами дела.

При допросе свидетеля в обязательном порядке следует выяснить источники сведений, сообщенных данным участником процесса, установить, почему свидетель запомнил дату, время, место и другие детали события и как или чем они могут быть подтверждены.

В ходе допроса недопустимо применения насилия, угроз и иных незаконных мер (ст. 164 УПК РФ).

Во время допроса допрашиваемым лицом могут составляться схемы, которые он непосредственно подписывает (ст. 190 УПК РФ). Указанное лицо вправе пользоваться документами и записями (ч. 3 ст. 189 УПК РФ). Их целесообразно приобщить к протоколу допроса.

Если свидетель отказался от дачи показаний вообще или от ответа на вопрос, необходимо повторно разъяснить ему обязанность дачи полных и правдивых показаний и их значение для установления истины по делу. О действиях следователя в случаях, если указанные меры оказались безрезультатными, см. комментарий к ст. 79 УПК РФ[1].

Согласно ч. 5 ст. 189 УПК РФ допустимо присутствие адвоката при допросе свидетеля, если последний явился с ним для проведения данного следственного действия. Однако при этом, адвокат лишь оказывает свидетелю юридическую помощь и не вправе задавать ему вопросы и комментировать его ответы. Но после окончания допроса в случае нарушения прав и законных интересов свидетеля адвокат может сделать заявление, которое заносится в протокол допроса.

Показания свидетелей являются самым многочисленным и достоверным видом доказательств, на которые преимущественно ссылаются следователи в обвинительных заключениях и актах, а суды – в приговорах.

---

[1] Бойко Г.А. Проблемы методики расследования незаконного оборота оружия и боеприпасов (по материалам Северо-Кавказского региона): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 159-160.

П.В. Вдовцев

Согласие обвиняемого с предъявленным обвинением – условие заключения досудебного соглашения о сотрудничестве?

В Конституции РФ закреплен общепризнанный в демократическом государстве правовой принцип презумпции невиновности. Ее ст. 49 гласит: каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда; обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность; неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого. Корреспондирует данной статье Основного Закона РФ, а также развивает ее положения и ряд норм УПК РФ. Так, согласно ч. 2 ст. 77 последнего признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств, а ч. 4 ст. 302 УПК РФ указывает, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств.

Этот принцип определяет характер отношений между государством, его органами, должностными лицами и гражданами, с одной стороны, и лицом, против которого выдвинуты обвинения в преступлении, – с другой[1].

Таким образом, Конституция РФ и УПК РФ подчеркивают, что вина должна быть доказана в предусмотренном законом порядке, а это предполагает соблюдение права на защиту и предоставление других процессуальных гарантий обвиняемому[2]. Кроме того, как известно, ч. 2 ст. 45 Конституции РФ предоставляет каждому право защищать права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Вместе с тем положения гл. 40.1 УПК РФ в силу своей неоднозначности вызывают сомнения на предмет соответствия указанному принципу. Так, из содержания ст. 317.1, 317.3, 317.6, 317.7 УПК РФ не вполне ясно, является ли согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением обязательным условием заключения с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. По мнению ряда авторов, такое согласие

---

[1] Научно-практический комментарий к УПК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2010. С. 72.

[2] Хромова Н.М. Принцип презумпции невиновности при особом порядке судебного разбирательства // Журнал российского права. 2013. № 6; СПС «КонсультантПлюс».

– единственно возможный путь, позволяющий реализовать требования п. 4, 5 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ об обязательном указании в досудебном соглашении о сотрудничестве описания преступления, а также пункта, части, статьи УК РФ, предусматривающих ответственность за него. Они полагают, что до получения согласия с обвинением невозможно говорить о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве[1]. Распространен названный подход и среди практических работников. Практике известны случаи отказа в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве ввиду несогласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением (полностью или в части), а также и случаи возвращения уголовных дел прокурорами в порядке ст. 221 УПК РФ для производства дополнительного расследования по основанию, охарактеризованному как нарушение обвиняемым условий заключенного соглашения, а именно, – отсутствие с его стороны полного согласия с предъявленным обвинением (при том что к этому моменту обвиняемым оказано реальное содействие следствию: сообщены сведения о совершении им и другими лицами преступлений, ранее следствию не известных). Подобный подход представляется не совсем правильным. На наш взгляд, необходимо различать условия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и условия рассмотрения уголовного дела, в ходе которого имело место заключение такого соглашения, в особом порядке. Согласие обвиняемого с предъявленным обвинением как раз и выступает условием рассмотрения уголовного дела в особом порядке. Если же обвиняемый с предъявленным обвинением не согласился, то данное обстоятельство должно служить основанием рассмотрения такого уголовного дела в общем порядке (с сохранением для обвиняемого возможности назначения наказания с учетом положений ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ), а не признания заключенного соглашения о сотрудничестве невыполненным (с соответствующим отказом обвиняемому во всех привилегиях, определяющих существо института досудебного соглашения о сотрудничестве). На подобное толкование, как представляется, ориентируют и ч. 4 ст. 317.4, ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ. Процессуальным документом, венчающим рассмотрение прокурором поступившего от следователя уголовного дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, выступает согласно ч. 4 ст. 317.4 УПК РФ представление о соблюдении обвиняемым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, а согласно ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ – представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебно-

[1] Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2011. С. 133.

го решения. Многими авторами отмечается случайный, «неосмотрительный» характер указанных наименований решений прокурора, ничем не отличающихся по сути[1]. Думается, однако, что разнится и содержательная сторона данных решений: первое имеет место в случае несогласия обвиняемого с предъявленным обвинением, а второе – когда обвиняемый с ним согласился.

Кроме того, согласно п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» в тех случаях, когда по уголовному делу установлено соблюдение всех условий и выполнение всех обязательств, предусмотренных в досудебном соглашении о сотрудничестве, однако суд в силу тех или иных оснований выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства (например, если содеянное подсудимым подлежит переквалификации и для этого требуется исследование собранных по делу доказательств), при судебном разбирательстве в общем порядке суду следует назначать подсудимому наказание по правилам ч. 2 или ч. 4 ст. 62 УК РФ. Представляется, данное положение может быть реализовано в том числе в тех ситуациях, когда обвиняемый заявит, что досудебное соглашение не было заключено добровольно или о несогласии с предъявленным обвинением. Указанные ситуации могут быть созданы и искуственно. На это толкает сторону защиты неоднозначность рассматриваемых норм УПК РФ. Не согласись обвиняемый со всем тем, что будет ему предъявлено в качестве окончательного обвинения, возможность постановления приговора с учетом положений ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ будет утрачена: прокурор не вынесет представление об особом порядке проведения судебного заседания, а фактически оказанное содействие будет определено судом (за неимением иной возможности: без вынесения указанного представления прокурором суд не сможет признать соблюдения обвиняемым принятых на себя обязательств по досудебному соглашению, даже если по изучению уголовного дела убедиться в этом) как «обыкновенное» смягчающее обстоятельство и «квалифицировано» по куда менее снисходительной ч. 1 ст. 62 УК РФ. Поэтому обвиняемый вынужден будет пойти на определенную уловку, согласившись с предъявленным обвинением, чтобы сохранить возможность назначения наказания в более льготном порядке.

---

[1] Дробинин Д.В. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства при заключении обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3; СПС «КонсультантПлюс».

Л.В. Виницкий
М.В. Нагуляк

Некоторые вопросы защиты прав потерпевших при исполнении приговора[1]

Защита прав потерпевших на всех стадиях уголовного процесса является в настоящее время одним из актуальных вопросов теории и практики.

В ст. 45 Конституции РФ провозглашается: «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Ст. 6 УПК РФ предусматривает в качестве одного из назначений уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Как указано в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»[2] обязанностью государства является не только предотвращение и пресечение в установленном законом порядке посягательств, способных причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечение потерпевшему от преступления возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами.

УПК РФ предусматривает охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе (ст. 11 УПК РФ), равноправие сторон защиты и обвинения (ст. 15 УПК РФ), равенство прав сторон в судебном заседании (ст. 244 УПК РФ). Вместе с тем, при исполнении приговора возникает много вопросов, связанных с соблюдением и защитой прав потерпевших.

Так, до недавнего времени не был регламентирован вопрос участия потерпевших при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания и о замене осужденному части не отбытого наказания на более мягкое наказание. Уголовно-процессуальное законодательство не предусматривало участие потерпевших при решении вопросов об условно-досрочном освобождении осужденных от не отбытой части наказания или о замене наказания более мягким. Потерпевший не имел права знакомиться с пред-

---

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-23-04001

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

ставленными суду материалами, высказывать свое мнение, что нарушало его права на защиту своих интересов на стадии исполнения приговора. Ведь после вынесения приговора может существовать угроза со стороны осужденного потерпевшему, членам его семьи, а суд данными фактами не располагал. В представляемых суду материалах имелись только сведения о сроке отбытого осужденным наказания, о наличии поощрений и взысканий, его характеристика в местах лишения свободы. Отсутствуют сведения о заглаживании причиненного осужденным потерпевшему вреда. Это, хотя и не является фактом, который должен быть учтен судом при решении вопроса об условно-досрочном освобождении или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, но, на наш взгляд, должно приниматься во внимание.

Федеральным законом от 23.07.2013 № 221-ФЗ «О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ст. 399 УПК РФ была дополнена ч. 2.1, предусматривающей, что при рассмотрении вопросов, указанных в п. 4 и 5 ст. 397 УПК РФ, в судебном заседании вправе также участвовать потерпевший, его законный представитель и (или) представитель. Потерпевший, его законный представитель и (или) представитель могут участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференц-связи. Потерпевший, его законный представитель и (или) представитель должны быть извещены о дате, времени и месте судебного заседания, а также о возможности их участия в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи не позднее 14 суток до дня судебного заседания. Вопрос об участии потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи решается судом при наличии ходатайства потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя, заявленного в течение 10 суток со дня получения извещения о проведении судебного заседания. Неявка потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя, своевременно извещенных о дате, времени и месте судебного заседания и не настаивающих на своем участии в нем, не является препятствием для проведения судебного заседания. В ч. 3 данной статьи были внесения изменения, предусматривающие право потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы.

Вместе с тем, на практике у судов возникают проблемы с данными новеллами законодательства. Во многих случаях приговор приводится в исполнение не в месте его вынесения, и, следовательно, вопросы, связанные с исполнением приговора в соответствии со ст. 396 УПК РФ

разрешаются судом по месту его исполнения. Так, приговор, вынесенный, например, в Екатеринбурге, может исполняться в Смоленской области. В приговоре сведения о месте жительства потерпевших отсутствует, в связи с чем суд, рассматривающий вопросы, связанные с условно-досрочным освобождением осужденного от отбывания наказания или с заменой неотбытой части наказания более мягким, вынужден запрашивать эти данные у суда, вынесшего приговор, что занимает длительное время. За время, прошедшее с вынесения приговора, потерпевшие могли поменять место жительство, фамилию и т.д., что делает невозможным их извещение о дате судебного разбирательства. Закон же не указывает, должен ли суд заниматься розыском потерпевших, что было бы крайне нежелательно, т.к. привело бы к нарушению прав осужденных на своевременное рассмотрение вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Кроме того, по истечении определенного времени в соответствии с существующими инструкциями по делопроизводству уголовные дела могут быть уничтожены. В архиве суда сохранятся только копии приговоров, в которых, как мы отмечали, сведений о месте жительства потерпевших нет. Это приводит к невозможности исполнения данной нормы закона. В результате возникает ситуация, когда суд не может вынести правосудное решение, исполнив все требования уголовно-процессуального законодательства, при этом существенно увеличиваются сроки рассмотрения таких материалов, что, безусловно, нарушает права осужденных. Данные коллизии законом не разрешены.

Немало вопросов возникает и при исполнении приговора в части гражданского иска.

У судов нередко возникает вопрос, в каком порядке (гражданского или уголовного судопроизводства) подлежит рассмотрению заявление осужденного или гражданского ответчика по уголовному делу об отсрочке или рассрочке исполнения приговора в части гражданского иска. Согласно п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2007 № 13 «О применении норм гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции»[1] заявления осужденного или гражданского ответчика по уголовному делу об отсрочке или рассрочке исполнения приговора в части имущественного взыскания рассматриваются в порядке, установленном ст. 399 УПК РФ.

В этом же порядке подлежит рассмотрению и заявление осужденного, гражданского ответчика по уголовному делу о приостановлении

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

исполнительного производства, изменении размера удержаний из его доходов, направляемых на исполнение приговора в части гражданского иска.

Часть 2 ст. 399 УПК РФ предусматривает, что гражданский истец может быть вызван в суд при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора в части гражданского иска. Однако, представляется правильным, если при разрешении данных вопросов суд будет обязан уведомить потерпевшего (если он является одновременно и гражданским истцом) о месте и времени судебного разбирательства, поскольку данным вопросом затрагиваются его права. Он имеет право высказать свое мнение по данному вопросу, представить доказательства, обжаловать принятое судом решение. При разрешении указанных вопросов, на наш взгляд, суду необходимо извещать потерпевших (гражданских истцов) о судебном заседании по адресу, указанному в исполнительных документах, не направляя запрос о месте жительства потерпевших (гражданских истцов) в суд, вынесший приговор.

Не разрешен уголовно-процессуальным законодательством и вопрос об индексации взысканных в пользу потерпевшего (гражданского истца) денежных сумм с осужденного. Не урегулирован этот вопрос и Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»[1].

Индексация взысканных судом денежных сумм является гарантией защиты имущественных интересов взыскателя от инфляционных процессов в период с момента вынесения судебного решения до его реального исполнения.

Порядок индексации денежных сумм, взысканных по решению суда, предусмотрен только ст. 208 ГПК РФ. И в настоящее время заявления потерпевших (гражданских истцов), в чью пользу приговором суда с осужденного взысканы денежные средства, рассматриваются судами в порядке гражданского судопроизводства[2]. Верховный суд РФ также высказывал позицию, согласно которой вопросы индексации денежных сумм, взысканных приговором суда, не должны разрешаться в порядке уголовного судопроизводства[3].

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Апелляционное определение Белгородского областного суда от 14.05.2013 по делу № 33-1507 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Оренбургского областного суда от 11.05.2011 по делу № 33-2949/2011 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 14.03.2012 по делу № 33-872-2012 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.07.2009 № 4-О09-96 // СПС «КонсультантПлюс».

Представляется, что сложившийся порядок не является правильным.

Вопрос индексации взысканных приговором суда денежных сумм является производным от приговора и, по нашему мнению, должен решаться в порядке его исполнения в уголовном судопроизводстве, как решаются вопросы отсрочки и рассрочки исполнения приговора в части взыскания денежных средств. В порядке гражданского судопроизводства лицо, в пользу которого взысканы денежные средства, подает в суд, рассмотревший дело, заявление об индексации взысканных денежных средств. При этом суд выносит не новое решение, а определение, в котором указывается подлежащая взысканию сумма, которая определяется исходя из размера взысканной судом суммы с учетом индексации. При этом индексация денежных сумм не изменяет существо приговора. Не нарушает она и права осужденного, поскольку суд в связи с длительным неисполнением приговора в целях защиты прав потерпевшего производит индексацию взысканных денежных сумм в соответствии с ростом индекса потребительских цен и существующей инфляцией.

Таким образом, при рассмотрении вопроса об индексации взысканных приговором суда сумм в порядке уголовного судопроизводства также нет необходимости выносить новый приговор, суду нужно просто вынести постановление (определение), в котором указать подлежащую взысканию сумму с учетом индексации, исходя из размера сумм, определенных ранее в приговоре суда. В связи с этим полагаем необходимым внести соответствующие изменения в ст. 399 УПК РФ.

Л.В. Виницкий
А.А. Маргарян

Конституция Российской Федерации – гарант соблюдения прав человека и демократических основ судопроизводства

Значение Конституции РФ в уголовном судопроизводстве определяется тем, что она содержит ряд основополагающих норм, которым, ввиду ее высшей юридической силы, должно соответствовать отраслевое уголовно-процессуальное законодательство. Это, прежде всего, положения главы второй, регламентирующей права и свободы человека и гражданина в уголовном процессе. Наиболее актуальными аспектами проблематики регулирования, реализации и защиты, закрепленных в Конституции РФ прав, свобод человека и гражданина являются вопросы о пределах реализации этих прав и свобод, возможности и критериях их ограничения. Надлежащее их решение имеет важное значение, как для развития доктрины российского конституционного пра-

ва, так и для конкретизации конституционных норм в отраслевом законодательстве.

В связи с отмеченным, заслуживает самого пристального внимания нашедшее в последние годы все большее признание среди специалистов в области уголовного процесса представление, согласно которому целый ряд конституционных положений, затрагивающих основы правового положения личности в уголовном судопроизводстве, препятствуют достижению истины при производстве по уголовным делам. Часть процессуалистов считает, что истина по-прежнему является целью уголовно-процессуальной деятельности[1]. Другие пришли к выводу, что установление истины больше не является целью уголовного процесса[2]. Основания для отказа от истины как цели уголовного судопроизводства противники истины усматривают в современном законодательстве, полагая, что оно ставит «непреодолимое препятствие» для достижения истины судом. При этом утверждается, что такие предусмотренные Конституцией РФ положения, как: недопустимость использования при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением закона (ч. 2 ст. 50); толкование сомнений в виновности лица в его пользу (ч. 3 ст. 49); свидетельский иммунитет (ст. 51); право обвиняемого пользоваться помощью адвоката (ч. 2 ст. 48); ограничения на арест и заключение под стражу (ст. 22); неприкосновенность частной жизни (ст. 23), жилища (ст. 25), – препятствуют достижению истины в уголовном судопроизводстве[3].

Данное утверждение, затрагивающее конституционные основы правового положения личности в современном российском уголовном судопроизводстве, требовало приведения соответствующей серьезной аргументации. Однако его автор В.В. Золотых в обоснование своей оценки лишь отметил, что: «Даже не углубляясь в отраслевое уголовно-процессуальное законодательство и ограничиваясь лишь некоторыми положениями Конституции, можно легко указать на эти «препятствия». В этой связи у нас вызывает определенные возражения утверждения о таком облегченном подходе к оценке конституционных положений и такая весьма отвлеченная от рассматриваемого вопроса аргументация в итоге порождают сомнения в ее правильности.

---

[1] Петрухин И.Л. Истина, достоверность и вероятность в суде // Юридический мир. 2005. № 8. С.17;

[2] Мизулина Е.Б. Независимость суда еще не есть гарантия правосудия// Государство и право. 2006. № 4. С.53.

[3] Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. 1999. С.37.

Перечисленные конституционные положения, их конкретизация в соответствующих уголовно-процессуальных нормах не дают оснований для толкования их как препятствий на пути установления истины. Уголовно-процессуальная природа названных положений иная. Этот вывод основывается на следующих аргументах.

Конституционное требование о недопустимости использования при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50), в действительности выступает одной из важнейших гарантий соблюдения прав и законных интересов участников судопроизводства, создания надлежащих предпосылок для правильного познания в уголовном процессе. Полученные в таких условиях доказательства выступают единственным достаточно надежным средством, с помощью которого в процессе доказывания происходит правильное установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и его разрешение по существу. Возможность использования в уголовном судопроизводстве доказательств, полученных с нарушением закона, была бы равнозначна попытке воссоздания картины совершенного преступления на основе сведений, неверно отражающих действительность. Логическим результатом такого «познания» стало бы установление в искаженном виде обстоятельств и фактов, подлежащих доказыванию, неизбежные ошибки в привлечении лиц к уголовной ответственности со всеми вытекающими из этого крайне негативными последствиями.

Ошибочной представляется и трактовка конституционного положения о толковании неустранимых сомнений в виновности лица в его пользу как препятствия на пути к достижению истины (ч. 3 с. 49). Данное положение учитывает имеющие место в практике уголовного судопроизводства объективные познавательные ситуации, когда совокупность собранных в уголовном деле доказательств не даст основания для однозначного вывода о виновности лица, привлеченного в качестве обвиняемого, а возможности для устранения сомнений в его виновности исчерпаны. Поэтому толкование сомнений в виновности лица в его пользу как положения, препятствующего достижению истины в уголовном судопроизводстве, не соответствует его действительному уголовно-правовому смыслу. Законодатель установил данное положение, учитывая, что в действительности встречаются ситуации, при которых оказываются исчерпанными все возможности для устранения возникших сомнений в виновности лица. При этом совершенно обоснованно предписывается при-

знавать обвиняемого невиновным в силу того, что его виновность в процессе доказывания не была установлена.

Нельзя признать обоснованной и оценку конституционной нормы, устанавливающей свидетельский иммунитет (ч. 1 ст. 50), как препятствие на пути достижения истины. Устанавливая свидетельский иммунитет, законодатель учел, что в рассматриваемых случаях роль важнейшей правовой гарантии доброкачественности свидетельских показаний, исходящих от указанной категории лиц, может обеспечить только добровольность их дачи. Апробированные в истории попытки использования иных гарантий для получения доброкачественных показаний (под пыткой, под угрозой уголовной ответственности за отказ отдачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний) показали свою несостоятельность. Возможность использования в процессе доказывания показаний свидетелей показывающих против самих себя, своего супруга и близких родственников означала бы не что иное, как построение выводов по уголовному делу на основе доказательств, содержание которых сформировано в отсутствие надлежащих гарантий их доброкачественности. Поэтому нормы, регулирующие свидетельский иммунитет, следует рассматривать как одну из важных гарантий способствующих формированию доброкачественных свидетельских показаний, учета законных интересов данной категории лиц, но никак не препятствие на пути достижения истины.

Данный вывод в полной мере распространяется и на закрепленное в Конституции РФ право обвиняемого пользоваться помощью адвоката (ч. 2 ст. 48). Характеристика рассматриваемого конституционного положения, как препятствия на пути к истине неверна в принципе. Используя рассматриваемое право, сторона защиты получает реальную возможность своевременно и эффективно противостоять незаконному задержанию, заключению под стражу или содержанию под стражей, показать несостоятельность подозрения и обвинения в случаях их ошибочности или заведомо невиновного привлечения лица к уголовной ответственности. Реализация обвиняемым права пользоваться помощью защитника способствует установлению истинной картины совершенного преступления и в случаях, когда он в действительности совершил преступление, когда у стороны защиты нет возможностей противостоять правильно собранным, проверенным и оцененным доказательствам обвинения, в этих случаях она должна сосредоточить внимание на анализе надлежащей доказанности отягчающих обстоятельств, если они установлены стороной обвинения, или на поиске обстоятельств, смягчающих вину подзащитного. Следует отметить, что сторона защиты не

сможет использовать рассматриваемое право для ухода от уголовной ответственности лица, в действительности совершившего преступление. Невозможно законным путем установить факты и обстоятельства, свидетельствующие о невиновности привлеченного к уголовной ответственности лица, если они не существовали в действительности.

Вызывает возражения и толкование как препятствия на пути установления истины конституционных ограничений на арест и заключение под стражу (ч. 2 ст. 22). Конституционное предписание о допустимости ареста, заключения под стражу и содержания под стражей только по судебному решению представляет собой не что иное, как введение судебного контроля за законностью и обоснованностью применения данных мер принуждения. Поступая, таким образом, законодатель установил дополнительную гарантию правильности избрания указанных мер принуждения, возложив ее реализацию на подлинно самостоятельного и независимого субъекта уголовного процесса – суд. Сущность деятельности суда по проверке законности и обоснованности ареста, заключения под стражу состоит в исключении случаев незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод граждан. Поэтому введение судебного контроля за данными мерами принуждения ни в коей мере не препятствует, а, наоборот, способствует применению указанных мер процессуального принуждения именно к тем лицам, в отношении которых имеются предусмотренные законом основания.

Нельзя рассматривать в качестве препятствия на пути достижения истины в уголовном судопроизводстве и конституционное положение, устанавливающее неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23). Частная жизнь граждан находится за пределами обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам (ст. 73 УПК РФ), и не может быть предметом уголовно-процессуального разбирательства. Если она приобретает уголовно-правовой характер, то перестает быть частной. Рассматриваемое положение в действительности способствует оптимизации процесса познания, устранению из предмета исследования по уголовному делу обстоятельств и фактов, не входящих в предмет доказывания. Поэтому запрет на исследование обстоятельств, которые не входят в предмет доказывания по уголовным делам, не является препятствием на пути к истине в уголовном процессе.

Представляется неверной и оценка конституционной нормы, устанавливающей неприкосновенность жилища (ст. 25). При этом необходимо учитывать, что рассматриваемое положение не является абсолютным. Конституция допускает проникновение в

жилище против воли проживающих в нем лиц в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения. Так, проведение обыска возможно при наличии предусмотренных законом оснований и соблюдении установленных им условий и порядка (ст. 182 УПК РФ). Эти предписания построены на учете объективной особенности той части преступного и после преступного бытия, согласно которой орудия преступления, другие предметы, связанные с преступлением, как правило, сохраняются после совершения преступления и находятся в каком-либо месте или у какого-либо лица. Таким образом, устанавливая неприкосновенность жилища и допуская возможность производства обыска только при наличии предусмотренных законом оснований, законодатель создал правовые предпосылки для производства именно результативных обысков, в ходе которых с высокой степенью вероятности будут обнаружены факты и обстоятельства, предметы и документы, значимые для уголовного дела.

Приведенные выше аргументы в полной мере свидетельствуют о том, что принципиальная возможность установления истины в уголовном судопроизводстве не всегда может превратиться в действительность в результате действия целого ряда факторов как объективного, так и субъективного характера[1]. Однако это не отменяет саму возможность и необходимость установления истины при производстве по уголовным делам. Проведенный в работе анализ рассмотренных конституционных положений подтверждает правильность данного вывода и не позволяет оценивать их в качестве препятствия на пути достижения истины в уголовном судопроизводстве. Так как, устанавливая эти нормы, Конституция закладывает основы построения отраслевого законодательства. Благодаря этому Конституция РФ выступает гарантом соблюдения в уголовном процессе прав человека и демократических основ судопроизводства.

С.Н. Волочай

Тактика производства отдельных следственных действий и проблемы соблюдения конституционных прав граждан

В соответствии с Конституцией РФ каждый имеет право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45), в том числе и обвиняемый в совершении преступления, име-

[1] Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М. 2008. С. 23.

ющий, наряду с другими возможностями, право воспользоваться услугами защитника в лице адвоката, который с момента допуска к участию в уголовном деле обеспечивает защиту прав и интересов указанного лица и оказывает ему юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

Вместе с тем в целях обеспечения борьбы с преступностью и защиты прав и законных интересов потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства УПК РФ предусматривает ряд правовых средств, к числу которых ч. 3 его ст. 11 относит меры безопасности, указанные в ст. 166, 186, 193, 241 и 278. Так, следователь вправе не приводить данные о личности опознающего в протоколе следственного действия, предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым в том случае, если это необходимо в целях обеспечения безопасности опознающего.

Для эффективной реализации указанного права следователем используются различные средства и методы, которые призваны обеспечить реальное сохранение в тайне данных о личности опознающего. Это касается вызова данного лица к следователю, выбора времени и места проведения следственных действий с его участием, фиксации показаний очевидца, а самое главное – использования средств визуально скрывающих опознающего от опознаваемого. На практике могут использоваться специальные шторки, смежные комнаты, между которыми устанавливается стекло с односторонней видимостью, автомобиль с затемненными стеклами и т.д. То есть процесс подготовки, проведения и окончания опознания представляет собой довольно сложную тактическую операцию. Таким образом, гарантируя безопасность опознающего, следователь получает весомые доказательства.

Однако, такие усилия могут быть сведены на нет, когда защитник требует, чтобы ему предоставили возможность присутствовать при производстве опознания в том месте, где находится опознающий. Отказ следователя адвокаты трактуют как препятствие к контролю процесса опознания и ограничение прав, предоставленных законом для полноценной защиты подозреваемого (обвиняемого). При этом большинство ученых и практиков сходятся во мнении, что защитник, присутствовавший рядом с опознающим и видевший последнего в процессе опознания, в большинстве случаев сообщит своему подзащитному данные о внешности очевидца, чем лишит смысла все предпринимаемые следователем тактические приемы для сокрытия данных о его личности. Норма ст. 310 УК РФ, запрещающая разглашение данных предварительного расследования без согласия следователя, не повлияет в этом случае на решение адвоката сообщить своему подзащитному сведения о внешности лица, участвующего в опознании, поскольку риск быть уличенным в этом для него минимален.

Исследователи, анализирующие теоретические и практические аспекты нормы ч. 8 ст. 193 УПК РФ, приходят к единому выводу о том, что её существенным недостатком является отсутствие указания на место нахождения защитника подозреваемого (обвиняемого) в случаях, когда личность опознающего скрыта псевдонимом. Одновременно ими отстаивается точка зрения, согласно которой ходатайство защитника о допуске его в помещение с опознаваемым, не подлежит удовлетворению, поскольку условие – отсутствие визуальной видимости – предполагает сохранение в тайне личности опознающего от участников уголовного процесса[1]. Участие защитника, по их мнению, должно выражаться в присутствии и в реализации им своих прав в том же месте, что и его подзащитный, и в равной с ним мере.

Существует определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2008 № 1090-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Орлова Дмитрия Игоревича на нарушение его конституционных прав положением части восьмой статьи 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в котором в ответ на жалобу защитника указывается, что присутствие защитника в месте нахождения опознающего в таких случаях снижало бы эффективность обеспечения безопасности опознающего и умаляло бы значение института государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

Соглашаясь, в принципе, с мнением ученых и с приведенной в указанном определении мотивировкой, считаем необходимым отметить, что защитник, который в процессе опознания проводимого с соблюдением мер, обеспечивающих отсутствие визуального наблюдения опознаваемым опознающего, будет присутствовать вместе со своим подзащитным и не сможет оценить содержание данного следственного действия, поскольку непосредственно не воспринимал показания и пояснения очевидца, то есть не воспринимал всё следственное действие в полном объёме.

И Конституция РФ, и международные акты в области прав человека и борьбы с преступностью, предусматривают возможность таких средств защиты участников судопроизводства, но при этом исходят из необходимости обеспечения пропорциональности средств ограничений права на защиту и преследуемой цели, чтобы был сохранен справедливый характер уголовного судопроизводства и права защиты не были бы полностью лишены своего содержания.[2]

---

[1] Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: анализ УПК Белоруссии, России и Украины // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 30-34.

[2] Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (г. Страсбург, 27.01.1999); для РФ вступила в силу 1.02.2007) // СЗ РФ. 2009. № 20; Конвен-

На необходимость соблюдения баланса интересов стороны защиты и стороны обвинения указывал и Европейский Суд по правам человека.[1]

Считаем, что описанную выше проблему можно и нужно решать с использованием тактических криминалистических средств и методов. Для того, чтобы защитник мог реально оценить ход и результаты такого следственного действия, как опознание, его можно и нужно допускать в любую часть места, где проводится следственное действие. Необходимо давать ему возможность непосредственно воспринимать процесс опознания и пояснения, которые дает при этом опознающий, возможность задавать вопросы и реализовывать другие права, гарантированные законом. Но при этом необходимо использовать такие средства, которые бы не позволили защитнику зафиксировать признаки личности опознающего и в дальнейшем идентифицировать его личность. Это могут быть тканевые накидки с капюшоном, маски, подставки для маскировки роста, средства для изменения голоса и т.д.

Таким образом, правильно выбранные средства и тактические приемы позволяют соблюсти баланс интересов сторон уголовного судопроизводства, обеспечить реализацию прав участников и достижение целей уголовного процесса. Тактические приемы не только не препятствуют защите прав лиц, участвующих в деле, но и способствуют их максимальной реализации.

Б.Н. Воскресов

Проблемы эффективности наказания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве

Конституция РФ обеспечивает и гарантирует права обвиняемого, с одной стороны, и права потерпевшего, с другой. Сегодня можно говорить о том, что права обвиняемого (подозреваемого) гарантированы наиболее полно и всесторонне, нежели обеспечение прав потерпевших. Часть 2 ст. 52 Конституции РФ устанавливает, что государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Однако действительно ли данное положение соответствует действительности?

За последние 10 лет УК РФ подвергся многочисленным изменениям и дополнениям. Некоторые поправки называли даже либерализацией

ция ООН против транснациональной организованной преступности (г. Нью-Йорк, 15.11.2000), для РФ вступила в силу 25.06.2004) // СЗ РФ. 2004. № 40;

[1] Постановление Европейского Суда по правам человека от 23.04.1997 «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000. С. 440-454.

уголовного законодательства. Всего на настоящий момент внесено более 120 федеральных законов о внесении поправок, причём основная их часть в сторону ужесточения наказания.

Тенденция к ужесточению наказания объясняется разными причинами: террористической угрозой, ростом преступности и другими причинами. Даже повергались ужесточению санкции статей о нарушении авторских и смежных прав. По всей видимости, законодатели полагают, что жестокостью наказания можно исправить криминогенную ситуацию в стране.

Вместе с тем, еще просветитель XVIII в. Монтескье писал: «Вникните в причины всякой распущенности, и Вы увидите, что она происходит от безнаказанности преступлений, а не от слабости наказаний»[1].

Если сравнить УК РФ 2002 г. с ранее действовавшим УК РСФСР 1960 г. то, как сказал Ю.А. Костанов: «Уголовный кодекс свободной и демократической России репрессивнее Уголовного кодекса тоталитарного советского государства»[2].

На этом фоне издание Федерального закона от 29.06.2009 № 141-ФЗ, предусматривающего заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и значительное снижение меры наказания виновным, лишь косвенно подтверждает тезис о том, что эффективность уголовного наказания определяется не столько его суровостью, сколько неотвратимостью наказания.

В связи с этим можно сделать однозначный вывод о том, что законодатель стремится не только обеспечить меры по предупреждению преступности, но и предусматривает гарантии обвиняемому при назначении наказания. Однако обеспечивает ли досудебное соглашение о сотрудничестве надлежащим образом права потерпевших, целям и наказания за совершенное преступление?

Известно, что уголовное наказание назначается одновременно по правилам УК РФ и УПК РФ, и именно здесь важнейшее значение имеет соответствие данных норм общему направлению уголовной политики, сущность которой в рамках гл. 40.1 УПК РФ предельно ясна: сотрудничество государства со стороной защиты должно быть взаимовыгодным.

Несмотря на то, что введению в действие гл. 40.1 УПК РФ сопутствовало внесение изменений в целый ряд статей УК РФ, действия законодателя трудно назвать последовательными. Так, модернизируя п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ «Обстоятельства, смягчающие наказание», законодатель факт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве автоматически к таковым не относит, п. «к» ч. 1 этой же статьи и вовсе оставлен без изменения.

---

[1] Монтескье Ш. О духе законов. СПб., 1900, С. 89.

[2] Костанов Ю.А. Казнить нельзя помиловать Р. Валент. М., 2003. С. 3

Получается, что суд, даже удостоверившись в том, что имело место досудебное соглашение о сотрудничестве, а подсудимый полностью выполнил взятые на себя обязательства (п. 1 ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ), вовсе не обязан признавать данное особое правовое состояние в качестве безусловного смягчающего наказание обстоятельства. На суд попрежнему возложены обязанности поиска тех обстоятельств (активное содействие следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления), в наличии которых он только что удостоверился в ходе подготовки к судебному разбирательству и которые, главное, не оспариваются стороной обвинения.

В ч. 2 ст. 62 УК РФ указывается, что в случае заключения досудебного соглашения и наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, наказание не может превышать половины максимального срока наказания. Следовательно, сотрудничество со стороной обвинения гораздо выгоднее, если оно будет оформлено соответствующим двусторонним соглашением. Иначе при прочих равных обстоятельствах размер наказания может достичь 2/3 от максимума санкции (ч. 1 ст. 61 УК РФ).

При этом в ч. 2 ст. 62 УК РФ оговаривается, что обе вышеприведенные нормы применяются лишь в случае отсутствия отягчающих обстоятельств. Таким образом, лицу, например, имеющему непогашенную судимость, являться с повинной, а равно идти на досудебное сотрудничество со стороной обвинения совершенно бесперспективно, так как наказание ему будет все равно назначено на общих основаниях.

В силу ч. 3 ст. 62 УК РФ положения ч. 1 этой же статьи не применяются, если подсудимому грозит наказание в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы. В данном случае, наказание будет назначено в пределах максимальной санкции статьи. Если учесть, что смертная казнь в России не применяется с 1997 г., пожизненное заключение назначается крайне редко, получается, что оснований к сотрудничеству у обвиняемого по делам данной категории в рамках лишь ст. 61 УК РФ просто нет. Данная норма в очередной раз минимизирует значение таких действий виновного, как явка с повинной, активное способствование органам предварительного расследования в изобличении других виновных и т.п.

В то же время согласно ч. 4 ст. 62 УК РФ факт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве признается уникальным смягчающим наказание обстоятельством. Более того, согласно данной норме в отношении лица, рискнувшего пойти на сделку со стороной обвинения, не только не применяются наиболее суровые виды наказания (смертная казнь и пожизненное лишение свободы), но и максимальный размер наказания ограничивается 2/3 от предельной санкции соответ-

ствующей статьи Особенной части УК РФ. Наличие обстоятельств, отягчающих наказание, в такой ситуации никакого значения не имеет. Следовательно, сделка подозреваемого, обвиняемого со стороной обвинения выгодна, например, убийцам, вновь совершившим убийство, и совершенно не выгодна судимому за мошенничество и вновь совершившему мошенничество.

В судебной практике весьма распространена комбинация – назначение наказания в отношении лица, совершившего преступления, предусмотренные п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Получается, что суд, например, при рецидиве преступлений и в случае наличия досудебного соглашения о сотрудничестве, назначая наказание по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, обязан применить ч. 4 ст. 62 УК РФ и ограничиться 2/3 максимума наказания – 13 лет 4 месяца лишения свободы. В то же время при назначении наказания по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ суд вправе назначить этому же лицу максимально возможное наказание 15 лет лишения свободы со штрафом до 1000000 руб.

Формальное применение норм УК РФ ведет к тому, что за преступление более тяжкое (квалифицированное убийство) может быть назначено наказание менее суровое, чем за менее тяжкое преступление (особо квалифицированный разбой), несмотря на то, что оно фактически является не более чем частью первого преступления.

Данное внутреннее противоречие значительно обостряется при назначении наказания по совокупности преступлений, поскольку в УК РФ отсутствует надлежащим образом разработанный механизм учета позитивного поведения виновного.

В связи с этим Пленум Верховного Суда РФ в своём Постановлении от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»[1] в п. 24 указал, что при наличии совокупности преступлений положения ч. 2 или ч. 4 ст. 62 УК РФ применяются при назначении наказания за каждое совершенное преступление.

С учетом вышеизложенного можно сделать следующие вывод о том, что соглашение о досудебном сотрудничестве заключается не в частных интересах конкретного потерпевшего, а исключительно в публичных интересах. Основная цель здесь состоит в полном раскрытии следователем преступления, изобличение максимального числа виновных. Очевидно, что именно в таких ситуациях интересы государства и конкретного потерпевшего могут не совпадать. Роль следователя, про-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 №16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // СПС «КонсультантПлюс».

курора и суда здесь заключается именно в правильном определении баланса данных интересов.

Во-вторых, следователю необходимо иметь ввиду, что досудебное соглашение о сотрудничестве служит своей целью противодействию именно организованным преступным группам, в меньшей степени – это связано с преступлениями, совершёнными группами лиц.

В-третьих, имеется определенное противоречие между УК РФ, который предусматривает, что наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, и УПК РФ, который устанавливает гарантии прав обвиняемого и смягчение наказания при реализации этих гарантий. Совершенно ясно, что внесение изменения в УК РФ, в этой части не позволит реализовать положение о досудебном сотрудничестве в полном объеме.

В-четвёртых, если следователь, прокурор или суд идут на сотрудничество с обвиняемым, то здесь просматривается ущемление интересов потерпевших, так как осужденным назначаются минимальные наказания, возмещение ими ущерба весьма символично. Здесь есть повод задуматься о необходимости создания компенсационного механизма, наличие которого позволит гарантировать соблюдение интересов потерпевших от преступления.

В-пятых, примеры из средств массовой информации и судебной практики свидетельствуют о том, что наказание, назначаемое судами лицам, которые пошли на досудебное сотрудничество, является гораздо ниже наказания, назначенного иным лицам без учёта интересов потерпевших от преступных действий.

Устранение этих пробелов законодательства позволило бы при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве соблюсти баланс интересов и обвиняемых и потерпевших.

О.В. Гладышева

Конституционные основы использования результатов применения полиграфа в следственной практике[1]

В ст. 17 Конституции РФ закреплено, что права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Как установлено в ст. 51 Конституции РФ, никто не обязан свидетельствовать против самого себя, а также своих близких родственников и супруга, а в ч. 2 ст. 50 Конституции РФ определено, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта № 12-03-00332 Российского гуманитарного научного фонда.

федерального закона. Указанные положения Основного закона в своей совокупности имеют непосредственное отношение к одному из самых спорных на современном этапе развития науки уголовного процесса источнику сведений – результатам применения полиграфа.

Применение полиграфа в уголовном судопроизводстве уже традиционно вызывает оживленную дискуссию среди ученых и практиков. Основная обсуждаемая проблема заключается в определении возможности использования полиграфа как средства получения процессуальных доказательств, по которой сформировалось две диаметрально противоположных позиции: за и против. Не имея возможности в формате научной статьи подробно проанализировать теоретическую состоятельность аргументов сторонников и противников применения полиграфа в уголовном судопроизводстве, остановлюсь лишь на некоторых аспектах.

1. Правовую основу применения полиграфа в уголовно-процессуальной деятельности составляют приведенные выше конституционные положения, тем более, что на сегодняшний день отсутствует специальный отраслевой федеральный закон, регламентирующий порядок применения полиграфа и правила использования его результатов. Однако необходимые шаги в данном направлении предпринимаются.

Так, 24.12.2010 группа депутатов внесла в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проект Федерального закона № 478780-5 «О применении полиграфа»[1] (ответственным по законопроекту назначен Комитет по безопасности). Работа над текстом проекта велась более 10 лет, но закон так и не принят. В 2011 г. по вопросам применения полиграфа проведено заседание комитета Совета Федерации по конституционному законодательству, в протоколе заседания которого от 29.03.2011[2] имеются обстоятельства, в какой-то степени объясняющие трудности правового урегулирования применения полиграфа.

Для иллюстрации приведу некоторые выдержки из этого документа. «Главный научный сотрудник сектора биоэтики Института философии РАН Г.П. Юрьев в своем докладе сообщил, что с его участием создано новое поколение полиграфической аппаратуры, которую обмануть невозможно. По мнению Г.П. Юрьев факт признания полиграфического исследования как законного средства получения информации должен быть закреплен законодательно, поскольку посредством новой аппаратуры и сочетания методик можно со 100-процентной вероятностью определить, правду ли говорит человек, а от полиграфолога результат существенно не зависит.

---

[1] СПС «КонсультантПлюс».

[2] URL: http://www.e-xecutive.ru/blog/Legality.

На вопрос Е.Г. Тарло (председатель комитета. – О.Г.) о том, является ли субъективное, но отличное от действительности, суждение истинным с точки зрения исследования на полиграфе и истинность чего именно устанавливает полиграфолог, Г.П. Юрьев сообщил, что полиграф определяет согласованные и рассогласованные реакции человека, то есть устанавливает, уверен ли человек в том, что он говорит. Самое главное в том, что полиграф позволяет установить – по ошибке или умышленно лжет человек»[1].

В обсуждении основных докладов приняли участие известные российские ученые-процессуалисты: А.И. Александров, Л.А. Воскобитова, К.Ф. Гуценко, которые довольно резко высказались против использования результатов применения полиграфа в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

В результате обсуждения подготовлено заключение со следующими выводами: «В рамках существующей судебной практики, даже при условии доказательства полной достоверности результатов полиграфической экспертизы и обеспечения высокой квалификации полиграфологов, использование полиграфа в качестве средства получения доказательств представляется сомнительным.

Более того, даже условие о получении согласия обвиняемое на прохождение тестирования на полиграфе, по мнению Совета, не является достаточной гарантией его права не свидетельствовать против себя. Отказ обвиняемого от прохождения экспертизы, подтверждающей достоверность его показаний, уже сам по себе, вне зависимости от правдивости таких показаний, будет для суда являться косвенным подтверждением их недостоверности.

Совет считает использование полиграфа в качестве средства получения доказательств в уголовном судопроизводстве на данном этапе развития научных исследований … недопустимым и противоречащим ст. 49, 50, 51 Конституции России»[2].

В связи с этим отмечу два обстоятельства, вызывающие возражения:

1) используемая терминология: полиграфическая экспертиза (вместо психофизиологическая), полиграфическая аппаратура, экспертиза, подтверждающая достоверность показаний, и др.;

2) утверждения о том, что с помощью полиграфа можно установить, умышленно лжет человек или заблуждается либо, что от полиграфолога почти ничего не зависит.

---

[1] Заключение комитета Совета Федерации по конституционному законодательству «Конституционно-правовые проблемы использования полиграфа в уголовном процессе». URL: http://www.e-xecutive.ru/blog/Legality.

[2] Там же.

Считаю, что выводы, которые в результате своей работы сформулировал комитет, являются закономерными и вполне справедливо и адекватно отражают мнение специалистов в уголовном судопроизводстве. На мой взгляд, иного вывода и не могло быть исходя из тех сведений, которые были представлены уважаемым ученым.

Действительно, с точки зрения устоев доказывания в уголовном судопроизводстве невозможно согласиться с тем, что техника, а не человек, причем специально для этого подготовленный и уполномоченный, решает вопрос лжет или говорит правду другой человек. Признание такого положения означало бы фактически отказ от всех конституционных устоев в части обеспечения прав человека и сводило бы производство по уголовному делу к единственному действию – применению полиграфа.

Полагаю, что в уголовном судопроизводстве нет места экспериментальным, не проверенным, вызывающим справедливые сомнения средствам и результатам их использования. Однако полиграф к таким средствам вряд ли можно отнести, поскольку его применение имеет давнюю историю и получило распространение не только в нашей стране, но и в зарубежной правоприменительной практике[1].

Обобщение уголовных дел, проведенное в рамках исследования средств доказывания в уголовном судопроизводстве, продемонстрировало отнюдь не единичные случаи использования опросов с использованием полиграфа (ОИП), судебно-психофизиологической экспертизы (СПФЭ), специального психофизиологического исследования (СПФИ), допроса специалиста-полиграфолога, как в стадии предварительного расследования, так и при судебном разбирательстве уголовных дел[2]. Все эти действия основаны на применении полиграфа, а их результаты, наряду с иными процессуальными доказательствами, использовались

---

[1] Victim of Mistaken Identity Released // APA Magazine. 2006. v. 39. № 4. P. 30; Marketing Underway for Central Nervous System Lie Detection // APA Magazine. 2006. v. 39. № 4. P. 29-30; Father of drowned boys fails poly // APA Newsletter. 2005. v. 38. № 5. P. 11; Методы прикладной психологии в раскрытии и расследовании преступлений / Гримак Л.П., Скрыпников А.И., Лаговский А.Ю., Зубрилова И.С.: учеб. пособие. М., 1999. С. 135; Ганчевский Б. Основные теоретические подходы при осуществлении полиграфных исследований институтом психологии МВД Республики Болгария // Теория и практика применения полиграфа в правоохранительной деятельности: мат-лы 3-й науч.-практ. конф. ГУВД Краснодарского края / под ред. А.Г. Сапрунова, С.Л. Николаева. Сочи, 1999. С. 72.

[2] Постановление о назначении психофизиологической экспертизы из уголовного дела № 289033-2011 // Архив Новопокровского межрайонного СО СУ СК России. Краснодарский край.

судами при постановлении приговора[1]. Следовательно, практика применения полиграфа имеется.

В таком сочетании – категорическое несогласие ученых и экспертов по конституционному строительству и довольно осторожное, но, тем не менее, позитивное настроение практиков – видится лишь одна причина. Она заключается в том, что не всегда реально оцениваются технические возможности полиграфа и это второй аспект, на котором хотелось бы остановиться.

2. Технические характеристики полиграфа определяют этот прибор, как ориентированный на выявление и фиксацию видеоизображения психофизиологических реакций человека. В основном используется контактный полиграф, при котором на теле человека размещаются несколько (как правило – 7) датчиков, позволяющих контролировать состояние тех физиологических сфер, которые в наибольшей степени подвержены воздействию психологических факторов: давление, пульс, наполнение кровеносных сосудов и др. Научно доказано, что психологические реакции организма выражаются в виде определенных физиологических процессов, обнаружение которых не всегда возможно путем визуального наблюдения.

Бытующее мнение о простоте обмана полиграфа не более чем иллюзия. Это могут сделать лишь те, кто прошел специальную подготовку. Блокировка отдельных физиологических процессов возможна, но она также успешно выявляется при применении полиграфа и позволяет установить гораздо более значимые факты, чем хотелось бы тестируемому лицу. Упомяну хотя бы то обстоятельство, что выявление такого противодействия свидетельствует о специальной подготовке испытуемого и влечет прекращение применение полиграфа, ввиду его бесцельности.

Считаю, что технические характеристики полиграфа позволяют выявлять и фиксировать наличие или отсутствие психофизиологических реакций. Определить на основе этих результатов ложные ли сведения сообщает тестируемое лицо может только следователь при оценке результатов применения полиграфа в совокупности с иными данными, имеющимися по уголовному делу.

3. Следует разобраться и с вопросом о доказательственном значении результатов применения полиграфа. В литературе по этому поводу высказано такое мнение: «в России применение полиграфа в рамках оперативно-розыскной деятельности вполне обоснованно, однако результаты его использования носят вероятный, ориентировочный характер. Использоваться в качестве доказательств они не могут, так как не

[1] Приговор по уголовному делу № 1-32. 2009 // Архив гарнизонного военного суда. Краснодар.

имеют свойства достоверности, являющегося неотъемлемым свойством процессуальных доказательств»[1].

Как представляется, для определения процессуального значения результатов применения полиграфа, необходимо определиться с их сущностью.

Ранее уже было отмечено, что основное назначение прибора – выявлять психофизиологические реакции человека. Представляется ошибочным мнение о том, что полиграф сразу дает возможность установить правдивость показаний или их ложность, либо даже выявить степень достоверности сообщенных сведений. Для подтверждения этого вывода сошлемся на протокол допроса специалиста-полиграфолога: «зарегистрированные в ходе СПФИ психофизиологические данные подвергались экспертной оценке по действующим методикам, а так же в целях получения цифровых показателей, анализировались с помощью специальной компьютерной программы, разработанной для полиграфов типа «Крис». Анализ проверки показал, что реакции участника исследования носят адекватный характер и с помощью регистрируемых в его ходе показателей у П. уверенно идентифицируются значимые стимулы.

На вопрос: Что произошло в ночь с 18 на 19 апреля на территории домовладения по ул. Памирская, 2? Были получены реакции на варианты ответов: совершено убийство; совершен разбой; был до смерти избит человек.

На вопрос: Где ты находился в ночь с 18 на 19 апреля этого года? Были получены реакции: на территории домовладения погибшей женщины.

На вопрос: Что ты делал в ночь с 18 на 19 апреля этого года? Были получены реакции: совершал преступление.

На вопрос: Какие преступления совершил в ночь с 18 на 19 апреля? Были получены реакции: избил до смерти женщину; совершил хищение; незаконно проник в частное домовладение…

Вопрос следователя: Поясните, насколько достоверный результат проведенного психофизиологического исследования на полиграфе?

Ответ: С учетом опыта работы, международной практики достоверность опроса на полиграфе составляет от 94 до 97 процентов»[2].

Отмечу несколько аспектов, которые, на мой взгляд, свидетель-

---

[1] Исаева Л.М., Ананченков В.С. Проблемы внедрения опроса с использованием полиграфа в практику раскрытия преступлений: мат-лы Всерос. семинара-совещания «Научно-техническое обеспечение новых методов оперативно-розыскной деятельности, основанных на применении современных технологий». М., 2005.

[2] Уголовное дело № 2617621-2008 // Архив военного СО по Краснодарскому гарнизону.

ствуют о корректности составленного документа.

Во-первых, сущность ответов специалиста-полиграфолога заключается в указании на обстоятельства, при которых были получены реакции тестируемого лица, а вовсе не о том, правдивы ли были ранее данные показания.

Во-вторых, присутствует ответ на вопрос о достоверности результатов проведенного психофизиологического исследования на полиграфе.

На основании поверхностной оценки представленных материалов может быть сделан вывод о том, что тестируемое лицо созналось в совершенном преступлении, дало показание против самого себя и дальнейшее доказывание не требуется, так как достоверность полученных сведений весьма высока – 94-97 %.

Однако грамотная оценка дает совершенно иной результат. Ответ о достоверности касается не сути проверяемых обстоятельств, интересующих следователя в связи с расследуемым преступлением. Речь идет о достоверности выявления и передачи прибором (полиграфом) психофизиологических реакций.

Но можно привести и другой, обратный, пример. Например, специалист-полиграфолог П. в результате применения полиграфа дал следующие ответы:

«В ходе ПФИ были выявлены психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что гр-н А. располагает информацией о деталях случившегося, а именно о том, что:

1) он непосредственно вступил в сговор с гр. С. с целью совершения преступления в отношении С.И.;

2) убийство гр-на С.И. совершил С.А.М.;

3) автомобилем «Хонда-Цивик» управлял А.;

4) поджог автомобиля «Хонда-Цивик» совершил лично А.»[1].

Данные ответы закономерно вызвали сомнения у защитника, а затем и суда.

Такие выводы ни при каких обстоятельствах не могут быть получены в результате применения полиграфа. И, конечно, считать их процессуальными доказательствами ни в коем случае нельзя.

Вопрос о том, могут ли реальные результаты применения полиграфа (о полученных психофизиологических реакциях на заданные вопросы) иметь значение для расследуемого уголовного дела, представляется, должен иметь положительный ответ. Наличие ответных реакций на вопросы теста свидетельствуют о многих обстоятельствах. Например, о том, что тестируемый все-таки скрывает процессуально значимую информацию. Из содержания вопросов, на которые была выявлена ост-

---

[1] Уголовное дело № 289033-2012 // Новопокровский межрайонный СО СУ СК России по Краснодарскому краю.

рая и неоднократная реакция, можно примерно представить суть скрываемой информации и продумать дальнейшие действия по ее выявлению имеющимся потенциалом следственных и иных процессуальных действий. В частности, результаты применения полиграфа могут стать фактическим основанием для производства, например обыска.

Следует отметить и справедливость мнения специалистов, задающихся вопросом о причинах возникновения и проявления психофизиологических реакций. Возникает сомнение в том, что волнение человека вызвано именно заданным вопросом, а не посторонними факторами: состоянием здоровья, переживаниями по поводу возможного ложного обвинения и прочими. Для исключения подобных обстоятельств предусмотрена специальная методика тестирования, которую специалисты прекрасно знают и которой неукоснительно придерживаются.

Например, не подлежат тестированию лица в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, находящиеся под воздействием лекарств, в болезненном состоянии, в состоянии сильной физической усталости. Для выявления посторонних причин предусмотрена предтестовая беседа. Кроме того, если реакция на один и тот же вопрос и вариант ответа на него повторяется неоднократно, то это есть повод для выявления определенной закономерности, а отнюдь не случайного волнения, внезапно возникшего в силу посторонних причин.

Для синхронизации выявленной реакции и заданного вопроса в процессе тестирования практикуется применение видеозаписи.

Наконец напомню, что человек дает письменное добровольное согласие на прохождение тестирования с применением полиграфа.

Безусловно, что в случае применения полиграфа должны сохраняться конституционные гарантии законности и объективности оценки фактических данных, с учетом общих правил, закрепленных в уголовно-процессуальном законе:

- компетентности специалиста-полиграфолога;
- отсутствия оснований для его отвода;
- соблюдения условий тестирования и использования научно-обоснованных методик;
- выполнения формальных требований к тестированию (получение согласия тестируемого лица).

Результаты применения полиграфа могут использоваться в уголовно-процессуальном доказывании в совокупности с иными сведениями, в том числе для обоснования решений по уголовному делу.

В итоге сформулируем основные выводы.

1. Полиграф – техническое устройство, позволяющее выявлять и документально закреплять проявляемые организмом человека психофизиологические реакции. Результатом применения полиграфа становятся объективные данные о проявленных организмом человека психофизиологических реакциях в ответ на тот или иной стимул (вопрос).

2. С помощью полиграфа не может быть установлен факт истинности или ложности сообщаемых сведений.

3. Оценка результатов применения полиграфа осуществляется в соответствии с такими конституционными основами, как законность и объективность.

4. Доказательственное значение результаты применения полиграфа могут иметь только в совокупности с иными сведениями, находящимися в системной взаимосвязи и полученными посредством производства следственных и иных процессуальных действий.

А.И. Глушков

Роль руководителя следственного органа в обеспечении реализации прав и законных интересов обвиняемого

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Данные конституционные положения в полной мере распространяются и на лиц, привлечённых по уголовному делу в качестве обвиняемого. В этой связи все должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, обязаны обеспечить обвиняемому возможность реализации своих процессуальных прав и защиты законных интересов.

Предварительное следствие включает в себя комплекс следственных и иных процессуальных действий, выполняемых в ходе производства по уголовному делу. В зависимости от конкретных обстоятельств преступления, а также избранной тактики следователь самостоятельно определяет целесообразность, время, место, состав участников и иные вопросы, связанные с выполнением процессуальных действий. Однако это не означает, что производство по уголовному делу осуществляется бесконтрольно и лишь по неограниченному усмотрению следователя. В целях обеспечения контроля деятельности следователя по уголовным делам, организации качественной следственной работы и руководства ею с помощью процессуально-правовых средств, а также недопущения и пресечения нарушений со стороны следователя в уголовное судопроизводство законодателем был введён такой субъект правоотношений, как руководитель следственного органа.

Как показывает судебно-следственная практика, по уголовным делам вероятность возникновения ситуаций, когда могут быть нарушены права и законные интересы обвиняемых, больше всего существует во время производства следственных действий. В определённой степени это обусловлено тем, что, являясь основным способом собирания и проверки доказательств, указанные действия составляют основное содержание предварительного расследования. В свете рассматриваемых

проблем руководителю следственного органа при осуществлении процессуальных полномочий необходимо исходить из того, что участие обвиняемого в следственных действиях является не только одним из действенных средств реализации своих прав и законных интересов, но и, одновременно, служит реализации назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), а также решению задач предварительного следствия.

В силу изложенных обстоятельств правомочность участия обвиняемого в следственных действиях, ознакомления с протоколами этих действий и представления на них замечаний следует рассматривать не только в качестве уголовно-процессуальной гарантии обеспечения прав и законных интересов названного участника уголовного судопроизводства, но и в определённой мере как гарантию обеспечения публичных интересов.

При осуществлении контроля производства по уголовному делу руководитель следственного органа должен учесть, что гарантии реализации прав и законных интересов обвиняемого основываются на конституционных положениях о неприкосновенности личности, жилища и частной жизни граждан. Более детальная регламентация уголовно-процессуальных гарантий законодателем представлена в уголовно-процессуальном законе, и в первую очередь в принципах уголовного судопроизводства.

В частности, применительно к производству следственных действий в целях обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса, включая обвиняемого, положениями УПК РФ установлены конкретные предписания запретительного свойства. А именно: запрещено осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участников уголовного судопроизводства; обращение, унижающее их человеческое достоинство либо создающее опасность для жизни и здоровья (ч. 1 ст. 9 УПК РФ); никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению (ч. 2 ст. 9 УПК РФ).

Одним из обстоятельств, требующих пристального внимания со стороны руководителя следственного органа при обеспечении по уголовным делам гарантии прав и законных интересов обвиняемого, является производство следственных действий в дневное время суток. Положениями ч. 3 ст. 164 УПК РФ установлен запрет выполнения указанных действий в ночное время, т.е. с 22 час. до 6 час. Вместе с тем законодателем предусмотрено исключение из данного правила: в случаях, не терпящих отлагательства, производство следственных действий допускается и в ночное время.

Действующий уголовно-процессуальный закон не содержит детального разъяснения понятия «случаи, не терпящие отлагательства», а

также перечня такого рода ситуаций. В этой связи руководителю следственного органа необходимо действовать сообразно сложившейся судебно-следственной практики относительно критериев и сущности обстоятельств, признаваемых не терпящих отлагательств. Здесь во внимание должны приниматься конкретные обстоятельства, указывающие на необходимость безотлагательного производства того или иного следственного действия, вызванные обстановкой только что совершённого общественно опасного деяния, пресечения дальнейшей преступной деятельности, исключения возможности сокрыть или уничтожить предметы и документы, имеющие существенное значение для дела и некоторые другие[1].

Помимо однозначных запретов уголовно-процессуальный закон предусматривает ряд положений, которые также связаны с необходимостью реализации прав и законных интересов обвиняемого при выполнении следственных действий и подлежат неукоснительному исполнению следователем при производстве по уголовного делу.

В этой связи, например, руководителю следственного органа необходимо обратить внимание на выполнение следователем требований ч. 1 ст. 164 УПК РФ в части производства следственных действий только после составления соответствующего постановления. Данное требование закона относится к таким следственным действиям, как освидетельствование (ст. 179 УПК РФ) обыск (ст. 182 УПК РФ), выемка (ст. 183 УПК РФ). Постановление следователя должно отвечать требованиям законности, обоснованности и мотивированности (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Учитывая значимость названного процессуального акта, необходимо отметить, что производство указанных следственных действий без вынесения постановления будет считаться неправомерным, а полученные сведения будут рассматриваться как недопустимые доказательства. Письменный характер этих процессуальных решений служит гарантией обеспечения процессуальных интересов обвиняемого, который может обжаловать данные решения следователя более конкретно и предметно.

В соответствии с ч. 2 ст. 164 УПК РФ производство осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нём лиц; обыск и (или) выемка в жилище; личный обыск, за исключением случаев, предусмотренных законом; выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях; наложение ареста на корреспонденцию, разрешение на её осмотр и выемку в учреждениях связи; наложение ареста на имущество; а также осуществление контроля и запись телефонных и иных переговоров

---

[1] Об этом также см.: Парфенова М.В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого по УПК РФ // Прокурорская и следственная практика. 2002. № 3-4. С. 153.

производятся на основании судебного решения.

При решении вопроса, связанного с поддержанием ходатайства следователя в суд на получение разрешения о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы обвиняемого, руководитель следственного органа должен потребовать (и проконтролировать исполнение), чтобы в суд были представлены все необходимые материалы уголовного дела. Такой порядок позволяет избежать обращения в суд с незаконными и необоснованными ходатайствами, а также гарантировать реализацию прав и законных интересов обвиняемых.

Ограничивая определённым образом самостоятельность следователя в принятии процессуальных решений по уголовному делу, в то же время подобный процессуальный порядок служит дополнительной гарантией обеспечения прав и законных интересов, особенно актуальной в случаях, когда речь идёт о вторжении в сферу конституционных прав и свобод личности.

Важным средством реализации прав и законных интересов обвиняемого являются положения ч. 5 ст. 164 УПК РФ, регламентирующие обязательность следователя разъяснять обвиняемому процессуальные права, обязанности и порядок производства конкретного следственного действия.

В ходе выполнения указанных действий составляется протокол по правилам, предусмотренным ст. 166 УПК РФ. В этой связи руководителю следственного органа необходимо учесть, что этот процессуальный документ, отражая ход и результаты следственных действий, также имеет особое значение в реализации прав и законных интересов обвиняемого. Являясь основной формой закрепления доказательств, протокол обеспечивают возможность обвиняемому убедиться в правильности фиксации условий, хода и результатов следственного действия.

Осуществляя контроль соблюдения следователем законности при производстве по уголовному делу, руководитель следственного органа должен принять во внимание, что законодателем регламентированы определённые процессуальные требования к основаниям выполнения следственных действий. В первую очередь к ним следует отнести наличие у следователя правомочий на производство расследования. При их отсутствии становится беспредметным вообще рассмотрение вопроса об иных правовых требованиях, составляющих основание следственного действия. Проведение следственного действия неправомочным на то должностным лицом также делает полученные сведения недопустимым доказательством.

Наличие лишь общих правомочий на производство расследования нельзя считать достаточным основанием для проведения следственного действия. В целях недопущения фактов необоснованного их прове-

дения, законодатель предписывает, чтобы любое следственное действие помимо общих правомочий (правовых оснований) на проведение расследования производилось при наличии к тому конкретных, указанных в законе, фактических оснований. Под таковыми понимают конкретные фактические данные, обусловливающие необходимость принятия процессуального решения. В них раскрывается познавательный аспект принятия решения[1].

Не располагая необходимыми фактическими основаниями, невозможно сделать выбор необходимых средств для разрешения поставленных задач. В этой связи руководитель следственного органа должен учитывать, что соответствие правового и фактического основания является тем критерием, который определяет обоснованность производства определённого следственного действия.

Необходимость выполнения следственного действия должна подтверждаться конкретными материалами уголовного дела. Недопустимо принятие такого решения, которое хотя и имеет формальное обоснование, но было принято «на всякий случай», с целью «возможного» получения каких-либо компрометирующих материалов. Особенно это касается случаев, когда речь идёт о вторжении в личную жизнь граждан, ограничении их конституционных прав и свобод.

С.И. Голова

Прокурорский надзор при направлении уголовного дела в суд с обвинительным заключением

Вопрос о роли прокурора в уголовном судопроизводстве, его уголовно-процессуальных функциях является достаточно дискуссионными в отечественной доктрине. Положения ч. 1 ст. 37 УПК РФ позволяют вести речь о двух видах его деятельности. Во-первых, он как должностное лицо, осуществляет от имени государства уголовное преследование; во-вторых, надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

Оценка соединения этих двух функций давалась еще до принятия УПК РФ. Так, М.Н. Маршунов утверждал, что попытки их объедине-

---

[1] Зажицкий В.И. Правовые предпосылки использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве оснований для производства следственных действий // Проблемы формирования уголовно-розыскного права (актуальные вопросы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, контрразведывательной, частной сыскной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной деятельности): вневедомствен. сб. науч. работ. М., 1998. С. 32-41; Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С.104-121; Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Теория, законодательство, практика. М., 2010. С. 132.

ния нельзя назвать конструктивными[1]. Некоторые ученые оспаривали равнозначность уголовного преследования и надзорной функции прокурора, наделяя приоритетом один из видов процессуальной деятельности. При этом, одни из них выделяли функцию уголовного преследования[2]. Другие, рассматривая деятельность прокурора при осуществлении уголовного преследования через призму обеспечения законности, делали вывод: участие прокурора в осуществлении уголовного преследования производно и подчинено его основной функции – надзору за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия[3].

Следует обратить внимание, что Федеральным законом от 5.06.2007 № 87-ФЗ[4] внесены существенные изменения относительно функций прокурора по надзору за расследованием преступлений. Большинство полномочий прокурора передано руководителю следственного органа (дача следователю обязательных для исполнения письменных указаний; соединение, выделение уголовных дел, выделение материалов; дача согласия на производство наиболее значимых следственных и иных процессуальных действий и т.д.). Это позволило говорить о тенденции освобождения прокурора от руководства следствием. Как верно отмечает Г.К. Смирнов, прокурор утратил руководящую роль при осуществлении уголовного преследования органами предварительного следствия[5].

Анализируя главные направления деятельности прокурора на этапе окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения, автор приходит к выводу, что, по сути, единственным полномочием прокурора по осуществлению уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства сводится к направлению уголовного дела в суд в порядке ст. 222 УПК РФ[6]. Аналогичная точка зрения высказана А.П. Кругликовым[7].

Изменения, внесенные в уголовно-процессуальное законодатель-

---

[1] Маршунов М.Н. Комментарий к Закону «О прокуратуре Российской Федерации»: научно-практические рекомендации. М., 1998. С. 5.

[2] Петрухин И.Л. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием // Российская юстиция. 1998. № 9. С. 12-14.

[3] Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиулин А.Г. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений. М., 2000. С. 22-23.

[4] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 5.06.2007 № 87-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

[5] Смирнов Г.К. Проблемы совершенствования института участия прокурора в досудебном производстве // Российская юстиция. 2008. № 11. С. 50.

[6] Там же.

[7] Кругликов А.П. Изменения в УПК и роль прокурора в уголовном преследовании и обвинении // Правовой аспект. 2007. № 1. С. 51.

ство Федеральным законом от 28.12.2010 № 404-ФЗ[1] в соответствии с которыми прокурор уполномочен истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствие с УПК РФ (п. 1-5 ч. 2 ст. 37 и др.), несколько расширили процессуальные возможности прокурора в уголовном судопроизводстве.

Полагаем, что при завершении предварительного следствия у прокурора остается лишь единственная функция, на которую содержится указание в ч. 1 ст. 37 УПК РФ, – надзор за процессуальной деятельностью следователя.

На этом процессуальном этапе у прокурора должно быть сформировано внутреннее убеждение в том, что назначение уголовного судопроизводства достигнуто и выполнены задачи, связанные с уголовным преследованием.

Можно сказать, что его процессуальная деятельность прокурора по поступившему уголовному делу с обвинительным заключением включает: 1) проверку законности и обоснованности обвинительного заключения в рамках прокурорского надзора; 2) действия прокурора после утверждения обвинительного заключения по направлению уголовного дела в суд.

Прокурорский надзор является гарантией соблюдения процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, в результате которого разрешаются вопросы, связанные с оценкой всесторонности, полноты и объективности расследования. При направлении уголовного дела в суд участники уголовного судопроизводства имеют право на информирование их об этом. Подобная обязанность возлагается на прокурора. Помимо этого, обвиняемому вручается копия обвинительного заключения с приложениями. Защитнику и потерпевшему она вручается лишь при наличии ходатайства с их стороны. На практике возникает немало проблем, связанных с реализацией права обвиняемого на получение копии обвинительного заключения, особенно это касается лиц, не находящихся под стражей. Невручение ее обвиняемому при направлении уголовного дела в суд является основанием для возвращения дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. Выработана и определенная позиция по этому поводу Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 22.12.2009 № 28 «О применении судами норм уголовного процессуального законодательства, регулирующих подго-

---

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 16.

товку уголовного дела к судебному разбирательству»[1]. В нем сказано, что при рассмотрении в ходе предварительного слушания вопроса о назначении судебного заседания в отсутствие подсудимого, суду необходимо проверить вручены ли прокурором защитнику подсудимого копия обвинительного заключения, постановления прокурора об изменении обвинения (п. 13).

Вместе с тем, закон не требует удостоверения факта отказа обвиняемого от получения копии обвинительного заключения. Прокурор направляет дело в суд и указывает причины, по которым обвиняемому копия не вручена. Таким причинами являются отказ или уклонение обвиняемого от получения копии обвинительного заключения, а также его неявка по вызову прокурора (ч. 4 ст. 222 УПК РФ).

В юридической литературе предлагаются самые различные варианты решения подобной проблемы: вручение копии обвинительного заключения по поручению прокурора следователем, выезд к обвиняемому и фиксация отказа от принятия обвинительного заключения в присутствии понятых, направление обвиняемому через учреждение связи обвинительного заключения с уведомлением о вручении его адресату и т.д.

В правоприменительной практике имеют место случаи вручения обвиняемому и его защитнику обвинительного заключения на электронном носителе, что рассматривается судами как нарушение требований ч. 2 ст. 222 УПК РФ и основанием для возвращения дела прокурору в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ[2].

Далее необходимо обратить внимание на факультативность вручения копии обвинительного заключения защитнику и потерпевшему. О других участниках уголовного судопроизводства (гражданский истец, гражданский ответчик) закон вообще умалчивает. Целесообразно предусмотреть в уголовно-процессуальном законе обязанность прокурора направлять копии обвинительного заключения не только обвиняемому, но и другим участникам судопроизводства одновременно с уведомлением о направлении уголовного дела в суд, закрепив эти правила в ч. 2 ст. 222 УПК РФ.

Возвращение уголовного дела прокурором следователю свидетельствует о незаконности обвинения, ущемлении прав личности обвиняемого и других участников уголовного судопроизводства. В этих случа-

---

[1] О применении судами норм уголовного процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 (ред. от 28.06.2012) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 2.

[2] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 16-О11-9 / Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2011 г. // СПС «КонсультантПлюс».

ях представляется целесообразным уведомлять участников уголовного процесса о решении возвратить уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия.

В юридической литературе справедливо отмечено, что в правоприменительной практике дискуссионными остаются вопросы, связанные с возвращением уголовного дела следователю для производства дополнительного расследования, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков. В частности, формулировка «для производства дополнительного следствия», указанная в п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ отличается своей неопределенностью, позволяющей толковать ее как неполноту следствия. Ее неоднозначность позволяет возвратить уголовное дело следователю даже для производства хотя бы одного следственного действия. Однако при производстве следствия по уголовному делу принципиальными остаются вопросы о предмете и пределах доказывания. Предлагается несколько иная формулировка в отличие от действующей редакции, а именно: «о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия в целях устранения существенных нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, или изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых, или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями»[1].

Резюмируя сказанное, еще раз акцентируем внимание на том, что требуют восполнения пробелы уголовно-процессуального законодательства, регулирующего порядок вручения копии обвинительного заключения обвиняемому, иным участникам уголовного судопроизводства, возвращении уголовного дела для дополнительного следствия.

Н.В. Головко

Обеспечение прав и законных интересов потерпевших в ходе допроса по уголовным делам о торговле несовершеннолетними

Согласно положениям, регламентированным ст. 20-23 Конституции РФ, в нашей стране каждому человеку независимо от его возраста гарантируется право на жизнь, охрану собственного достоинства, свободу и личную неприкосновенность, защиту чести и доброго имени. В соответствии со ст. 7 Основного закона государство также возложило на себя обязанность по обеспечению поддержки семьи и детства.

---

[1] Зименков А.А. Возвращение прокурором уголовного дела следователю // Российский следователь. 2012. № 4. С. 8.

Указанные положения Конституции РФ в полной мере соответствуют международным нормативно-правовым актам, определяющим права и свободы любого человека и гражданина, в том числе не достигших совершеннолетия. Так, в частности, согласно ст. 17 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 г. «Каждый несовершеннолетний имеет право на особые меры защиты, требуемые его положением, со стороны семьи, общества и государства»[1].

В этой связи необходимо отметить, что до 1995 г. в России отсутствовала правовая база, регламентирующая возможность использования уголовно-правовых средств для защиты детей от одного из опасных и тяжких преступлений. Речь идёт о торговле несовершеннолетними – преступлении, посягающем на такие конституционные права детей, как жить, расти и воспитываться в семье, а также не выступать в качестве предмета торговли, эксплуатации и иной незаконной деятельности.

Установление уголовной ответственности за торговлю несовершеннолетними кардинально повлияло на деятельность правоохранительных органов и способствовало принятию с их стороны активных мер по борьбе с этим видом общественно опасных деяний. Однако данное обстоятельство, к сожалению, не обеспечило существенного снижения количества преступлений в отношении детей. Более того, как показало исследование судебно-следственной практики, имеет место не только тенденция расширения рынка торговли несовершеннолетними, но и появление новых, ещё более изощрённых методов их купли-продажи[2].

В ходе процессуального доказывания по делам о преступлениях названной категории следователи сталкиваются с проблемами, которые обусловлены недостаточно ясной и нечёткой дефиницией понятий купли-продажи, иных сделок и эксплуатации человека, а также его подневольного состояния. Это существенно осложняет их деятельность по установлению события преступления, виновности обвиняемого и иных обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делам о торговле несовершеннолетними. В силу изложенных обстоятельств представляется, что существующие средства борьбы с преступностью указанного вида недостаточно эффективны и не в полной мере соответствуют реалиям сегодняшнего дня. В частности, нуждается в совершенствовании процессуальный механизм осуществления уголовного преследования лиц, осуществляющих торговлю детьми.

Одним из средств процессуального доказывания является допрос.

---

[1] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 // СЗ РФ. 1994. № 15. Ст. 1684.

[2] См. подробно: Головко Н.В. Доказывание по уголовным делам о торговле несовершеннолетними: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 4.

Это наиболее распространённое следственное действие, посредством которого осуществляется доказывание по всем уголовным делам, в том числе о торговле несовершеннолетними. Общий порядок производства допроса регламентирован положениями ст. 187-191 УПК РФ.

Одновременно законодателем установлены особые процессуальные правила производства допроса лиц, выступающих по уголовному делу в качестве потерпевшего и свидетеля, которым ещё не исполнилось 18 лет (ст. 191 УПК РФ). Представляется, что предписания данной нормы закона необходимо применять при производстве любых иных следственных действий (например, очной ставке, следственным эксперименте, проверке показаний на месте и т.д.), в ходе которых предполагается получение устных или письменных показаний несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля. Целесообразность реализации данного предложения обусловлена следующими обстоятельствами.

Несовершеннолетним свойственна повышенная внушаемость, которая выражается «с одной стороны, в склонности подростка к неосознаваемому подчинению требованиям других лиц (взрослых, старших по возрасту сверстников) и, с другой, – в податливости его постороннему воздействию, благодаря которому подросток сознательно рассказывает не то, что помнит, а то, что ему говорили и хотят от него услышать старшие»[1].

В этой связи нельзя игнорировать тот факт, что потерпевший-ребёнок может опасаться расправы со стороны взрослых преступников. Особенно это обстоятельство актуально, когда расследуются уголовные дела об организованных формах вовлечения девочек в занятие проституцией. Наряду с этим необходимо учитывать, что несовершеннолетний может находиться в состоянии зависимости от взрослого-преступника в связи с отсутствием средств на пропитание, постоянного места жительства в данной местности, невозможности вернуться домой и т.д.

Как показала следственная практика, несовершеннолетние жертвы купли-продажи, находясь в неадекватном психическом состоянии под влиянием пережитых угроз, шантажа, насилия, нередко уклоняются от дачи показаний. Допрос ребёнка по данной категории уголовных дел затруднён ещё и тем, что после применённых к ним актов насилия и угроз подростки вообще могут утратить доверие к взрослым, включая и сотрудников правоохранительных органов. По этим причинам их допрос необходимо организовать и производить таким образом, чтобы дети прониклись чувством доверия к следователю и уверенностью в собственной безопасности.

Достижение психологического контакта с ребёнком может быть обеспечено с помощью следующего тактического приёма: ребёнку

---

[1] Романов В.В. Юридическая психология. М., 2000. С. 433.

предоставляется возможность свободно рассказать о своём происхождении, образе жизни, проблемах и обстоятельствах, толкнувших, в частности, к занятию проституцией. Затем в вопросно-ответной форме собрать косвенную доказательственную информацию о взрослых, которые заподозрены в совершении купли-продажи несовершеннолетнего. Содержание таких вопросов состоит в следующем: где, в течение какого времени и с кем он проживает, как оказался в данной местности, на какие средства существует. При наличии сведений о конкретном заподозренном взрослом, следует выяснить, знает ли ребёнок его, с какого времени, где и при каких обстоятельствах состоялось знакомство, каков характер их взаимоотношений, в каком месте может находиться этот взрослый в настоящее время и т.п.

При фиксации показаний несовершеннолетнего потерпевшего свободный рассказ о событии преступления должен быть записан по возможности дословно, с сохранением характера и стиля высказываний ребёнка. Здесь следует учесть, что дети зачастую вкладывают в отдельные слова и понятия совершенно иной смысл, чем общепринятый.

В разработанных мировом сообществом правовых актах-рекомендациях по защите детей, ставших жертвами торговли, большое значение отводится участию в допросе, собеседовании и первичных розыскных и процессуальных действиях специалиста-психолога[1]. Эффективность присутствия такого специалиста при допросе несовершеннолетнего обусловлена тем, что он владеет методами прикладной психологии и способен активизировать память ребёнка для получения сведений о месте, времени, способе совершения преступления, а также о лицах, их совершивших (составление словесного портрета, примет, одежды, «почерка» и особенностей преступных действий, орудий совершения преступных действий, использованных транспортных средств и т.д.).[2]

Кроме того, специалист-психолог по результатам своего личного наблюдения за поведением несовершеннолетнего может составить представление о ребёнке, ставшем жертвой купли-продажи, и о его психическом состоянии после пережитого. Эти сведения могут быть следователем получены и оформлены отдельным протоколом допроса специалиста, а впоследствии использованы в качестве самостоятельного доказательства по уголовному делу (ч. 4 ст. 80 УПК РФ)[3].

---

[1] Руководство по защите детей-жертв торговли людьми. Детский Фонд Организации Объединённых Наций. ЮНИСЕФ. URL: www.unicef.org/ceecis.

[2] Головко Н.В. Указ соч. С. 145.

[3] Алексеева Л.Б. Курс уголовно-процессуального права. Общая часть. М., 2004. С. 242.

Представляется, что первичный допрос несовершеннолетних жертв купли-продажи должны осуществлять только специально подготовленные сотрудники правоохранительного органа, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с подростками. При этом целесообразно ввести практику, чтобы таких потерпевших допрашивали сотрудники правоохранительного органа одного пола с допрашиваемым. Полагаем, соответствующую поправку необходимо внести в уголовно-процессуальное законодательство.

Специфика построения тактики допроса несовершеннолетних потерпевших по делам о торговле детьми обусловлена ещё и тем, что чаще всего пострадавшими выступают дети из неблагополучных семей, беспризорники, воспитанники интернатов и детских домов. Не имея опыта семейной жизни, они могут принимать за норму жестокое по отношении к себе обращение усыновителей, трудовую или сексуальную эксплуатацию. Беспризорники изначально психологически настроены к сотрудникам правоохранительных органов отрицательно, что обусловливает их нежелание сотрудничать со следователем, и выражается в нечестности, в нежелании отвечать на вопросы, в представлении недостоверной информации, нарочитой грубости, дерзости и т.д.[1]

В целях установления психологического контакта с допрашиваемым ребёнком, а также устранения у него ложного предубеждения в своей причастности к незаконной деятельности, целесообразно разъяснить, что его добровольное согласие на занятие противоправной деятельностью (например, попрошайничеством, проституцией) не является основанием для привлечения к уголовной ответственности. Более того, по нашему мнению, должностные лица любого правоохранительного органа (органа расследования, прокуратуры и суда) в пределах своей компетенции должны гарантировать, что дети-жертвы купли-продажи не будут подвергаться уголовному преследованию и иным наказаниям за совершение правонарушений, связанных с их статусом жертвы (например, незаконное пересечение государственной границы и нелегальное пребывание на территории другой страны).

Сотрудники правоохранительных органов должны свести к минимуму длительность и объём допроса для максимального устранения дальнейшего травмирования или причинения психологического страдания несовершеннолетнему потерпевшему. В этой связи, на наш взгляд, в законодательном урегулировании нуждается продолжительность производства допроса потерпевшего ребёнка.

Согласно ст. 425 УПК РФ допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 часа,

---

[1] Мамайчук М.М. Психологические аспекты следственных действий с участием несовершеннолетних: учеб. пособие. СПб., 1995.

а в общей сложности более 4 часов в день; в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. Полагаем, что аналогичный процессуальный порядок должен быть установлен и при производстве допроса несовершеннолетнего потерпевшего. Соответствующие дополнения целесообразно внести в диспозицию ст. 191 УПК РФ.

Е.П. Гришина

Производство экспертизы на стадии проверки сообщения о преступлении: концепции и проблемы правоприменения

Глобальные государственно-политические, социально-экономические и правовые преобразования, происходящие в современной России, в качестве необходимого и обязательного условия своей успешности предполагают реформирование правоохранительной деятельности. Последнее же в свою очередь потребовало серьезных изменений и новых подходов к организации уголовного преследования, начиная со стадии возбуждения уголовного дела.

Перманентный рост преступности создает серьезные нагрузки для судебно-следственных органов и повышает предъявляемые к их деятельности требования: в январе-декабре 2012 г. органами внутренних дел (далее – ОВД) рассмотрено 26,24 млн. заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, по каждому четырнадцатому сообщению (7,1%) принято решение о возбуждении уголовного дела; всего возбуждено 1861,4 тыс. уголовных дел, зарегистрировано 2302,2 тыс. преступлений[1]; в январе-июне 2013 г. ОВД рассмотрено 16,09 млн. заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, что на 6,3% больше, чем за семь месяцев 2012 г., почти по каждому шестнадцатому сообщению (6,3%) принято решение о возбуждении уголовного дела; всего возбуждено 1018,7 тыс. уголовных дел; зарегистрировано 1303,7 тыс. преступлений[2].

Значимость стадии возбуждения уголовного дела предопределяется тем, что с нее начинаются уголовное преследование и реализация назначения уголовного судопроизводства, а также «запускается» процесс доказывания. И здесь «обнажаются» две проблемы: с одной стороны, как справедливо отмечает Г.П. Химичева, ничто так не способствует совершению новых преступлений, как безнаказанность за преж-

---

[1] Состояние преступности за январь-декабрь 2012 г. URL: http://www.mvd.ru.
[2] Состояние преступности за январь-июль 2007 г. URL: http://www.mvd.ru.

нее деяние[1], а с другой – сложно не согласиться с А.Ф. Кони, задолго до современных процессуальных нововведений написавшего: «… уголовное преследование слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности; ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до предания суду часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиненного человеку поспешным и необоснованным привлечением его к уголовному делу»[2].

Процессуальный порядок возбуждения уголовного дела урегулирован в разделе VII УПК РФ.

Статья 144 УПК РФ «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении» в ч. 1 устанавливает буквально следующее: «Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по ему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать образцы для сравнительного исследования, исследовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий».

Таким образом, законодатель существенно расширил перечень следственных действий, которые допустимо производить на стадии проверки сообщения о преступлении, усилив ее информационно-удостоверительную значимость.

Законодательное регулирование производства следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела должно исходить из приоритета прав и свобод личности над любыми даже «самыми высшими» государственными соображениями (в этом усматривается принципиальное отличие принципа состязательности от принципа публичности). Вместе с тем, приходится признать, что ряд принципиально важных вопросов, касающихся именно порядка возбуждения,

---

[1] Химичева Г.П. Возбуждение уголовного дела: проблемы регламентации и совершенствования деятельности // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 2. URL: http://www.k.press.ru.

[2] Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Соч. в 8 т. М., 1967. Т.4. С. 171.

осуществления и прекращения уголовного преследования, так и остались неурегулированными в действующем УПК РФ[1].

Объем научной статьи не позволяет подробно остановиться на научно-практических и правовых проблемах всех следственных действий, допустимых на стадии возбуждения уголовного дела, поэтому автор останавливается на одном из них – назначении и производстве судебной экспертизы.

Узакониванию самой возможности подобного следственного действия до возбуждения уголовного дела (детерминированной потребностями правоохранительной деятельности) предшествовала длительная научная дискуссия.

Л.В. Лазарева утверждает, что никакие предварительные исследования не могут заменить собой судебную экспертизу, поэтому выход из ситуации видится ею только в проведении судебной экспертизы и, если нужно, то и до возбуждения уголовного дела[2].

А.В. Кудрявцева считает, что исследования, проводимые до возбуждения уголовного дела, необходимо регламентировать в уголовно-процессуальном законе, хотя и не относит их к экспертным[3].

Н.Л. Бикмаева связывает институт судебной экспертизы с объективизацией процесса доказывания[4], разумеется, в таком качестве данный процесс должен быть представлен и на стадии возбуждения уголовного дела, поскольку стадии уголовного судопроизводства обладают преемственностью и взаимообусловленностью.

Е.А. Зайцева допускает возможность производства судебной экспертизы на стадии проверки сообщения о преступлении, в случаях, когда без такового невозможно принять решение о возбуждении уголовного дела[5].

Необходимость производства экспертизы до возбуждения уголовного дела обусловлена отчасти тем обстоятельством, что заменить заключение эксперта справкой специалиста, полученной в процессе вне-

---

[1] На это обстоятельство указывает, в частности, Р. Мазюк: Мазюк Р.В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. С. 3-4.

[2] Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. URL: http://Lawtheses.com.

[3] Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза в уголовном процессе России: моногр. Челябинск, 2001. С. 238.

[4] Бикмаева Н.Л. Историко-криминалистические тенденции развития судебной экспертизы и судебных экспертных учреждений России: XIX – конец XX в.: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2006. URL: http://www. DisserCat.ru.

[5] Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 34.

процессуального консультирования, не всегда возможно (например, если речь идет о химическом составе изъятого вещества, принадлежности его к определенной группе, например к синтетически наркотикам и т.п.).

Производство экспертизы до возбуждения уголовного дела – вынужденная мера, применение которой означает, что при ином подходе принять законное процессуальное решение практически невозможно, что, однако, не означает допустимость ограничения или ненадлежащего соблюдения прав лиц, если эти права прямо или косвенно затрагиваются этой экспертизой.

Согласно ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

Проведение экспертизы, в том числе и до возбуждения уголовного дела, может быть сопряжено с применением мер процессуального принуждения в отношении живых лиц. Подобного рода положение противоречит принципу неприкосновенности личности. Вместе с тем следует признать и то обстоятельство, что лицо может оказаться заинтересованным в том, чтобы в отношении него было проведено экспертное исследование (например, чтобы снять подозрение в совершении преступления).

Выход из подобной ситуации может быть только один – дополнить ст. 195 УПК РФ ч. 1.2. следующего содержания: «1.2. Проведение до возбуждения уголовного дела экспертиз, сопряженных с мерами процессуального принуждения в отношения живых лиц, допускается только с письменного согласия этих лиц.

Лицам, давшим письменное согласие на проведении в отношении них экспертизы до возбуждения уголовного дела, предоставляются права, предусмотренные статьей 198 настоящего Кодекса».

Дополнение ст. 195 УПК положениями, касающимися обеспечения прав и законных интересов лиц при производстве экспертизы до возбуждения уголовного дела, обеспечит единство и согласованность правового регулирования, и в конечном итоге окажет позитивное влияние на реализацию не только правовых требований, но и нравственно-этических основ уголовного преследования.

М.Е. Гущев

Некоторые проблемы получения информации о соединениях абонентов и (или) абонентских устройств в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности

Одной из главных черт, характеризующих мировое развитие в начале третьего тысячелетия, является повышение доступности средств коммуникации.

Эта тенденция в полной мере применима и к РФ. В настоящее время большинство жителей страны имеют сотовые телефоны. Различные источники оценивают количество сотовых телефонов в России в пределах от 236,7 до 237,7 млн. единиц, по состоянию на 2010 г., что ставит Россию на шестое место в мире по количеству мобильных телефонов на душу населения[1].

Несомненно, что помимо положительного эффекта от доступности средств электронной коммуникации, под которыми понимается техника передачи информации из одного места в другое в виде электрических сигналов, посылаемых по проводам, кабелю, оптоволоконным линиям или вообще без направляющих линий[2], можно наблюдать и рост использования этих средств в преступной деятельности.

В данной работе хотелось бы остановиться на некоторых вопросах получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Право каждого на тайну телефонных переговоров по своему конституционно-правовому смыслу предполагает комплекс действий по защите информации, получаемой по каналам телефонной связи, независимо от времени поступления, степени полноты и содержания сведений, фиксируемых на отдельных этапах ее осуществления. В силу этого информацией, составляющей охраняемую Конституцией РФ и действующими на территории РФ законами тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи[3].

В аспекте противодействия преступности и розыска лиц, совершивших преступление целесообразно рассмотреть два пути получения

---

[1] The World Factbook. URL: https://www.cia.gov/library/; http://ru.worldstat.info.

[2] URL: http://www.krugosvet.ru.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 № 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи».

информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: оперативно-розыскной и уголовно-процессуальный.

Согласно ст. 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии информации:

1) о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно;

2) о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно;

3) о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ.

Конституционный Суд РФ полагает, что для доступа к сведениям, в том числе о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи, органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, необходимо получение судебного решения. Иное означало бы несоблюдение требования ч. 2 ст. 23 Конституции РФ о возможности ограничения права на тайну телефонных переговоров только на основании судебного решения[1].

Аналогичной позиции придерживается и Верховный Суд РФ в «Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ»[2].

Таким образом, следуя логике высших судов РФ, органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, для получения информации о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов, когда отсутствует необходимость в фиксации содержания телефонных переговоров, то есть в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок», необходимо получить разрешение суда.

В уголовно-процессуальном порядке получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 № 345-О.

[2] Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.06.2012)

осуществляется следователем в соответствии с правилами, установленными ст. 186.1 УПК РФ.

Согласно данной статье, при наличии достаточных оснований полагать, что информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами имеет значение для уголовного дела, получение следователем указанной информации допускается на основании судебного решения.

При этом ст. 186.1 УПК РФ предполагается истребование следователем информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами из организации, осуществляющей услуги связи.

УПК РФ обязывает следователя хранить документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность ознакомления с ними посторонних лиц и обеспечивающих их сохранность.

Предполагается необходимым экстраполировать указанные требования и на доказательства, сформированные следователем на основании результатов оперативно-розыскной деятельности, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Вместе с тем, имеется и ряд вопросов, связанных с получением оперативными работниками и следователями информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, нуждающихся в законодательной регламентации.

Так, неясен механизм получения судебного разрешения, а также законность действий и допустимость информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, получаемой оперативным работником или следователем в ходе иных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Например, гражданин, сообщая о совершении в отношении него вымогательства, предлагает оперуполномоченному ознакомиться с журналом входящих и исходящих вызовов своего мобильного телефона чтобы подтвердить факт неоднократного обращения к нему вымогателя.

Считаю, что в данном случае можно обратиться к пункту 7.1 «Обзора судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ», где Верховный Суд РФ, анализируя положения ст. 8 Закона об ОРД, согласно которым проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии соответствующей информации, допускает проведение оперативно-розыскного мероприятия, требующего входа в жилище лица, без су-

дебного решения в случае согласия и на условии добровольности проживающих в нем лиц.

Аналогичным образом может быть ограничено и конституционное право заявителя на тайну его переговоров в части предоставления им информации о соединениях его абонентского устройства на условии добровольности.

Но будет ли законным исследовать сотовый телефон представляющего оперативный интерес лица, обнаруженный в ходе обследования его жилища, и получить таким образом информацию о соединениях данного абонентского устройства или же для указанных действий необходимо получать отдельное решение суда, либо предусматривать такую возможность в постановлении о проведении обследования жилища, представляемом в суд?

Или может ли следователь, производящий осмотр сотового телефона свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого, получить информацию о соединениях их абонентских устройств без санкции суда?

На эти вопросы высшие суды РФ, укрепив неприкосновенность тайны телефонных переговоров, ответа не дали.

«Усугубляет» ситуацию и развитие криминалистической техники. Так, устройство UFED, разработанное компанией Cellebrite, «представляет собой высокопроизводительное решение по восстановлению мобильных данных, способное извлекать, декодировать и анализировать обладающие исковой силой данные с устаревших телефонов и смартфонов, планшетных устройств и портативных устройств GPS для использования в правоохранительных органах»[1].

Одной из возможностей устройства является получение информации о входящих и исходящих соединениях исследуемого устройства, которые закон полагает относящимися к охраняемой Конституцией РФ тайне.

Безусловно, возникает вопрос допустимости доказательств, получаемых следователем в ходе осмотра сотового телефона с привлечением специалиста и использованием устройства UFED, проводимого без санкции суда, в уголовном процессе.

Между тем, практика ряда регионов показывает, что применение данных устройств следователями не сопровождается получением судебного решения.

Показательно, что с критикой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Определении Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 №345-О, выступали многие ученые и практические работники (Ю.В. Астафьев, В.М. Быков, Т.В. Винокурова, Т.П. Сазонова, А.Е. Чечетин и др.).

---

[1] URL: http://www.cellebrite.com/ru/company.

Так, А. Богдановский полагает, что Конституция РФ устанавливает судебную защиту именно содержания переговоров по телефону. Никто не имеет права без разрешения суда узнать, о чем говорили два (или более) пользователя телефонной связи, но не нужно такого разрешения для того, чтобы узнать номера входящих и исходящих звонков.

К тому же Конституционный Суд РФ забывает, что электронные соединения и не могут быть такой же тайной, как содержание телефонных переговоров. Ведь содержание переговоров невозможно узнать, пока не прослушаешь или не запишешь их, а электронные соединения автоматически фиксируются на магнитных носителях и могут быть в любой момент распечатаны и выданы тому, кому это положено. Положено же выдавать их, согласно ч.4 ст. 63 Федерального закона № 126 «О связи», отправителям и получателям – законным владельцам сотовых телефонов, т.е. потерпевшим.

Создается парадоксальное положение. По мнению Конституционного Суда РФ, согласно ст. 23 ч. 2 Конституции РФ, никто не имеет права получить сведения об электронных соединениях преступника без получения судебного решения об этом. Потерпевший же, как законный владелец похищенного сотового телефона, имеет право в любой момент получить распечатку электронных соединений своего телефона, хоть до, хоть после похищения телефона. Оператор связи обязан выдавать ему такие распечатки. Потерпевший вправе относить и относит распечатки оперативным работникам и следователям. Строгое слово «никто» не пугает никого – ни операторов связи, ни потерпевших, ни работников правоохранительных органов – именно потому, что информация об электронных соединениях не является сведениями, сообщенными в ходе телефонных переговоров.

Таким образом, в результате логической ошибки, неправильного прочтения закона и необоснованного толкования слов русского языка Конституционный Суд РФ совершил ошибку в истолковании нормативного акта. Это могло произойти, на мой взгляд, из-за нашей общей некоторой увлеченности «правами человека», а точнее, «правами лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления», и забывчивости о наличии таких же прав у другой стороны – у лица, потерпевшего от преступления. К сожалению, не избежали такой увлеченности и члены Конституционного Суда РФ[1].

Однако, несмотря на широкий резонанс в научных кругах, высшие суды РФ и законодатель, обогативший УПК РФ ст. 186.1, в совей позиции неизменны, что породило в том числе и обозначенные выше вопросы. Вопросы эти, на наш взгляд, необходимо разрешить в тесном взаимодействии оперативно-розыскных, следственных и судебных ор-

---

[1] Богдановский А. Может ли ошибаться Конституционный Суд? // Законность. 2006. № 8.

ганов в ближайшее время. В противном случае полноценная деятельность правоохранительных органов по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений будет блокирована.

Е.В. Егорова

Об актуальных проблемах отграничения осмотра от смежных следственных действий

На протяжении многих десятилетий осмотр является важнейшим, одним из самых распространенных на практике следственных действий, с помощью которого осуществляются собирание и проверка доказательств, устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Правовой регламентации проведения осмотра законодатель уделяет достаточно большое внимание. В этом позволяет убедиться анализ целого ряда статей, содержащихся в главах 10, 11, 19, 22, 24 и 37 УПК РФ. Вместе с тем действующий УПК РФ не раскрывает понятия этого следственного действия, хотя термин достаточно часто встречается в законе и усилиями ученых выработаны основные подходы к решению данной проблемы. Не содержится в уголовно-процессуальном законе и указания на то, что следует понимать под местом происшествия, несмотря на то, что осмотр такого места – одно из немногих следственных действий, проведение которого допустимо до возбуждения уголовного дела. К сожалению, в УПК РФ, несмотря на существование ст. 176, именуемой «Основания производства осмотра», эти основания не определены.

Не менее важен, как с теоретической, так и практической точки зрения, вопрос о соотношении осмотра с другими, в определенной степени схожими следственными действиями, где основным способом получения сведений является наблюдение. В частности, речь идет об освидетельствовании, проверке показаний на месте, обыске.

Отсутствие четких законодательно закрепленных критериев отграничения одних следственных действий от других нередко приводит к тому, следователи, дознаватели подменяют одно другим, что не позволяет им в ходе проведения расследования получать необходимые доказательства, способствующие установлению обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Анализ специальной литературы позволяет прийти к выводу о том, что наибольшие сложности возникают при разграничении осмотра и освидетельствования, между которыми уголовно-процессуальное законодательство не проводит четкого различия, несмотря на регламентацию этих следственных действий. Думается, что во многом этому способствует этимологическое значение термина «освидетельствование»

которое в толковом словаре русского языка определяется как «осмотреть или удостоверить кого-либо или что-либо в целях чего-нибудь»[1]. Эта особенность находит свое отражение и в юридической литературе. Так, например, А.И. Винберг, Г.М. Миньковский, Е.Ф. Толмачев, А.Е. Трусов указывали, с одной стороны, на самостоятельность освидетельствования как процессуального действия, а с другой, считали его разновидностью осмотра, но, не как способа познания, а как процессуального действия. Они писали: «Освидетельствование – процессуальное действие, являющееся разновидностью следственного осмотра. Оно заключается в осмотре человека с целью установления и фиксации определенных следов или признаков»[2]. Такая двойственность взглядов ученых на освидетельствование не претерпела существенных изменений и в настоящее время. Например, А.Г. Филиппов полагает, что «Особый вид следственного осмотра – осмотр живых людей (освидетельствование). Ввиду его отчетливо выраженной специфики освидетельствование иногда рассматривается как самостоятельное следственное действие, хотя правильнее считать его разновидностью следственного осмотра»[3].

Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская также отмечают, что «особым видом следственного осмотра является освидетельствование, то есть осмотр человека. Его цель – установить на теле человека следы преступления, особые приметы и иные признаки, позволяющие судить о связи данного человека с расследуемым событием»[4].

Другие ученые указывают на самостоятельный характер освидетельствования. В частности, А.Э. Жалинский пишет, что «освидетельствование это самостоятельное следственное действие, осуществляемое на основании обязательного для всех заинтересованных лиц постановления следователя им самим, либо по его поручению врачом и направленное на непосредственное восприятие следов преступления и иных признаков на теле человека и последующую их фиксацию»[5].

Н.И. Сазонов также считает, что «освидетельствование – следственное действие, проводимое по постановлению следователя в ходе расследования уголовного дела и состоящее в осмотре тела человека с

---

[1] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1963. С. 694.

[2] Винберг А.И. и др. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1956. С. 58.

[3] А.Г. Филиппов. Криминалистика: учебник. М., 2009. С. 126.

[4] Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г. Российская криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М., 1999. С. 570.

[5] Жалинский А.Э. Освидетельствование на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид наук. М., 1964. С. 7.

целью обнаружения доказательств или с целью проверки ранее полученных доказательств»[1].

На самостоятельность освидетельствования указывает и А.П. Рыжаков, поясняя, что «Это самостоятельное следственное действие, в процессе которого на теле человека выявляют наличие (отсутствие) особых примет, следов преступления, телесных повреждений, определяют состояние его опьянения или иные свойства и признаки, имеющие значение для уголовного дела, в основном путем наблюдения и отражения результатов в соответствующем протоколе»[2].

Особый интерес представляет, на наш взгляд, позиция Ю.Г. Торбина, который пишет: «Вряд ли в полной мере можно согласиться с утверждениями авторов, считающих освидетельствование разновидностью следственного осмотра, поскольку ими не учитывается семантическая сущность этих понятий. Происходит подмена криминалистических и процессуальных их значений»[3]. И в результате приходит к выводу о том что «освидетельствование можно рассматривать как одно из следственных действий, охватываемых общим понятием «следственный осмотр»[4].

Анализ приведенных точек зрения позволяет прийти к выводу о том, что ряд авторов считают освидетельствование осмотром тела человека, другие – особым видом или разновидностью следственного осмотра, третьи – самостоятельным следственным действием.

Мы убеждены в том, что осмотр и освидетельствование являются самостоятельными следственными действиями, хотя и имеющими некоторые общие черты. Они направлены на обнаружение следов преступления и выяснения других обстоятельств расследуемого события. Освидетельствование, как и осмотр представляет собой процессуальный способ собирания и проверки доказательств. Оно развилось непосредственно из осмотра и практически связано с ним, так как фактические данные, необходимые для принятия решения о производстве освидетельствования следователь, как правило, получает в процессе осмотра места происшествия, жилища, предметов и других объектов. Осмотр, как и освидетельствование, осуществляется с преобладанием чувственного познания. В процессе их производства используются также методы наблюдения, осуществляются различные измерения, сравнения, обнаружение следов, их описание и фиксация. Общими для них являются и некоторые процессуальные положения. Полученные

---

[1] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко М., 2003. С. 424.

[2] Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2002. С. 450-451.

[3] Торбин Ю.Г. Следы и особые приметы на живых лицах. М., 2006. С. 12.

[4] Там же. С. 17.

результаты оформляются протоколами, в которых описываются все действия следователя, а также все обнаруженное при осмотре и (или) освидетельствовании в той последовательности, в какой производились эти следственные действия и в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент их проведения.

Однако следует особо подчеркнуть, что осмотр обладает как процессуальными, так и тактическими особенностями. Их анализ позволяет обосновать самостоятельность осмотра, отграничив его тем самым от освидетельствования и иных процессуальных действий, глубже раскрыть его сущность, назначение и содержание, определить процессуальный порядок и особенности производства.

Поместив осмотр и освидетельствование в одну главу УПК РФ, законодатель, тем не менее, термин «освидетельствование» не только вынес в наименование этой главы, но и предусмотрел отдельную статью (ст. 176 УПК РФ), определяющую общие требования к содержанию и процессуальному порядку производства данного следственного действия. Перечисляя в ст. 176 УПК РФ виды осмотра (осмотр места происшествия, местности, жилища, предметов и документов), законодатель не случайно не называет в их числе живых лиц.

Тем не менее, задачи освидетельствования несколько уже задач осмотра. Освидетельствование ограничивается обнаружением особых примет, следов преступления, телесных повреждений, а также выявлением состояния опьянения и иных свойств и признаков, имеющих значение для дела. В то же время при осмотре не только обнаруживаются следы преступления, но и добываются другие доказательства: выясняется обстановка места происшествия, выявляются новые источники доказательств и иные обстоятельства, имеющие значение для дела (ст. 176 УПК РФ).

В подобной ситуации действия следователя в процессе освидетельствования приобретают некоторые особенности, определяемые спецификой объекта освидетельствования, каковым является тело живого лица, его задачами и процессуальным режимом осуществления, а также нравственно-этическими нормами, связанными в известной мере с ограничением личных прав освидетельствуемого лица, прежде всего, права на телесную неприкосновенность.

К уголовно-процессуальным особенностям, присущим освидетельствованию, и не характерным для осмотра относятся:

- вынесение постановления о проведении освидетельствования, которое является обязательным для освидетельствуемого лица;

- возможность проведения освидетельствования в принудительном порядке, поскольку его производство существенным образом затрагивает личные права граждан и, прежде всего, право на телесную неприкосновенность;

- возможность проведения освидетельствования лица другого пола, сопровождающимся обнажением данного лица, врачом в отсутствии следователя, в то время как осмотр может проводиться лишь самим следователем, дознавателем, судом;

- в случае присутствия понятых они должны быть одного пола с освидетельствуемым лицом, если оно сопровождается обнажением последнего (в ситуациях, когда понятые по усмотрению следователя участвуют в освидетельствовании);

В настоящее время не до конца решенной остается и проблема соотношения осмотра с таким следственным действием как проверка показаний на месте. Во многом это предопределено совпадением мест проведения данных следственных действий, а также тем, что проверка показаний на месте официально была признана самостоятельным действием сравнительно недавно – лишь с принятием УПК РФ 2001 г., в то время как фактически она осуществлялась на протяжении многих десятилетий. Введенный в 60-х гг. XX века в УПК пяти союзных республик СССР (но не в УПК РСФСР) данный способ собирания и проверки доказательств получил широкое распространение в практике предварительного расследования (в том числе и в органах внутренних дел России); следователями он обычно применялся в рамках следственного эксперимента, допроса на месте события или осмотра места происшествия с участием обвиняемого.

Еще в 1961 г. Р.С. Белкин определил проверку показаний на месте как «следственное действие, заключающееся в показе обвиняемым или свидетелем определенного места, связанного с событием преступления, рассказе о совершенных на этом месте действиях, сопоставлении сведений, сообщенных этими лицами, с объективной обстановкой на месте и иногда демонстрации некоторых действий»[1].

Сущностным признаком проверки показаний на месте является исследовании его фактической обстановки. По замечанию Р.С. Белкина «материальная среда, та обстановка, в которой совершается преступление и остаются его следы, ограничена определенным пространством. Это пространство принято именовать местом происшествия»[2]. Как показывает практика, таким местом, где проводится проверка показаний, является место происшествия, выступающее и в качестве самостоятельного объекта осмотра. При этом оно подвергается исследованию и в ходе осмотра, в том числе, проводимого с участием потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, и в ходе проверки показаний.

Более того, не достаточно четко, на наш взгляд, законодателем определены различия в целях проведения осмотра и проверки показа-

---

[1] Белкин Р.С. Проверка и уточнение показаний на месте: лекция. М., 1961. С. 3.
[2] Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М., 1966 . С. 123.

ний на месте. Так, согласно ч. 1 ст. 176 УПК РФ, цель осмотра состоит в обнаружении следов преступления и выяснении других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. А целью проверки показаний на месте ч. 1 ст. 194 УПК РФ определяет установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Не вызывает сомнение то, что осмотр может проводиться с этой же целью, так как он является одним из следственных действий, с помощью которых получают доказательства, позволяющие устанавливать новые обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Поэтому для разграничения целей этих следственных действий целесообразно обратится к анализу мнений ученых, изложенных в юридической литературе.

Исследование обстановки места расследуемого события при проведении осмотра заключается в обнаружении, исследовании, оценке и фиксации состояния свойств и признаков материальных объектов, связанных с расследуемым событием с целью установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в то время, как, согласно ч. 1 ст. 194 УПК РФ проверка показаний на месте производится в целях исследования имеющихся и получения новых доказательств. Такая парадоксальная ситуация вызвана, на наш взгляд, тем, что целью любого следственного действия является установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Поэтому целесообразнее в качестве критериев отграничения осмотра от проверки показаний на месте использовать совокупность других.

Во-первых, осмотр отличается от проверки показаний на месте по кругу решаемых задач. Так, основными задачами проверки показаний на месте, как верно отмечает М.В. Меркулова, являются:

«1. Обнаружение места происшествия или нескольких мест происшествий, о которых следователю ранее не было известно, а лицо или лица, давшие показания о происшедшем, затрудняются сообщить ориентирующие данные, по которым следователь самостоятельно мог бы отыскать названные места.

2. Установление того пути, по которому допрошенное лицо проникло на место происшествия или удалилось с него, который следователем ранее установлен не был и который имеет существенное значение для дела, причем допрошенное лицо затрудняется описать этот путь из-за незнания точного наименования окружающих улиц, переулков и расположенных на них объектов.

3. Обнаружение каких-либо следов преступления или вещественных доказательств, местонахождение которых неизвестно следствию и не может быть точно определено при наличии показаний о них допрошенного лица. О существовании таких доказательств следователь мог ранее располагать какими-либо данными или предполагать возможность их существования.

4. Обнаружение новых доказательств (следов и вещественных доказательств), ранее не известных следствию и не упомянутых в показаниях допрошенного лица.

5. Обнаружение потерпевших, ранее неизвестных следователю.

6. Установление свидетелей, ранее не известных следователю.

7. Установление других подозреваемых (обвиняемых).

8. Установление причастности подозреваемого (обвиняемого) к другим преступлениям, о которых следователю известно, но лица, их совершившие, не установлены.

9. Установление причин и условий, способствовавших совершению преступления.

10. Установление или уточнение отдельных обстоятельств, связанных с действиями допрошенного лица на месте происшествия или в других пунктах в случаях, когда эти обстоятельства следователю не ясны, а другими способами установить или уточнить их невозможно.

11. Установление действительной обстановки места происшествия в момент происшедшего на нем события.

12. Установление осведомленности допрошенного липа или допрошенных лиц относительно места происшествия, отдельных объектов или маршрутов, описанных в их показаниях.

13. Установление осведомленности допрошенных лиц относительно действительных обстоятельств события или действий, участниками или очевидцами которых они были.

14. Проверка следственных или розыскных версий»[1].

Очевидно, что не все из указанных задач могут быть разрешены в ходе осмотра.

Во-вторых, проведение проверки показаний на месте возможно только на месте определенного события, в то время как осмотру могут быть подвергнуты не только место происшествия, жилище, помещение, но и предметы, документы, трупы. Такие виды осмотра не имеют ничего общего с проверкой показаний на месте.

В-третьих, отлична процессуальная регламентация рассматриваемых следственных действий и, соответственно, их сущность и содержание.

В-четвертых, проверка показаний на месте как следственное действие возможна лишь на стадии предварительного расследования, и не может быть проведена до возбуждения уголовного дела и на этапе судебного следствия.

В отличие от нее, осмотр места происшествия и осмотр предметов, документов, трупа допускается в исключительных случаях до возбуждения уголовного дела, а в ходе судебного следствия ст. 284 и 287 УПК

---

[1] Меркулова М.В. Тактика проверки показаний на месте события / под ред. В.П. Лаврова. М., 2009. С. 160.

РФ указывают на возможность осмотра вещественных доказательств, местности и помещения.

В-пятых, проведение проверки показаний на месте не возможно без участия лица (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего), чьи показания проверяются. В ходе осмотра по решению следователя также могут присутствовать указанные участники процесса, но это участие не обязательно. Более того, присутствие при осмотре потерпевшего, подозреваемого, иных лиц не требует их предварительного допроса.

Сложнее на наш взгляд отграничить осмотр от обыска. Тем не менее, представляется возможным определить ряд признаков, которые в совокупности позволяет не смешивать эти два самостоятельных следственных действия. Во-первых, цель обыска состоит в обнаружении и изъятии предметов, документов и ценностей, могущих иметь значение для уголовного дела. При наличии достаточных данных полагать, что они находятся в каком-либо месте или у какого-либо лица. Начиная же осмотр, следователь не знает, и не может предполагать, какие объекты он обнаружит.

Во-вторых, обыск, как правило, заканчивается изъятием вышеуказанных объектов, тогда, когда осмотр, обнаружение и изъятие – лишь первый этап, за которым следует изучение их признаков и свойств. Более того, изъятие объектов является главной задачей обыска, а при проведении осмотра такое изъятие может быть осуществлено, но не является его целью.

В-третьих, отличается основание проведение указанных следственных действий, а также процессуальный порядок их производства. Например, проведение обыска начинается с предложения лицу добровольно выдать подлежащие изъятию объекты.

В-четвертых, решение о проведении обыска оформляется постановлением следователя, за исключением случаев, когда необходимо получение судебного решения, а при проведении осмотра вынесение такого постановления, как правило, не требуется. Исключение составляет лишь осмотр жилища без судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства, при несогласии проживающих в нем лиц.

В-пятых, обыск от осмотра во многом отличается не только по их процессуальным признакам, но и по приемам и методам их осуществления.

Полагаем, что указанные критерии отграничения осмотра от других смежных следственных действий, в частности, освидетельствования, проверки показаний на месте и обыска, могут быть использованы и в процессе дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства, и в правоприменительной практике, позволяя исключить отдельные ошибки и повысить качество доказывания по уголовным делам.

В.И. Елинский
Е.А. Ануфриева
Е.Ю. Фролова

Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел в связи со служебной деятельностью

Использование служебного положения в сфере правоохранительной деятельности охватывает два рода действий: в-первых, совершение лицом действий, которые связаны с предоставленными ему полномочиями (компетенцией), с выполняемыми функциями, т.е. осуществление их в сфере служебной деятельности (например, фальсификация материалов уголовного дела; незаконное содержание под стражей и т.д.); во-вторых, совершение лицом действий вне служебных обязанностей, но благодаря занимаемому служебному положению (например, злоупотребление служебным положением, превышение служебных полномочий, присвоение полномочий должностного лица, взяточничество и т.д.).

В первом случае сотрудник ОВД имеет возможность совершать юридически значимые действия, влекущие правовые последствия (например, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, вынесение судебного решения).

В эту группу входят так называемые «незаконные методы расследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства».

Например, СУ СК России по Ростовской области возбудило уголовное дело в отношении начальника следственного отдела по Аксайскому району Ростовской области гр. Д. по ч. 1 ст. 293 УК РФ, в связи с недобросовестным исполнением своих должностных обязанностей, выразившихся в непринятии мер к передаче 12 уголовных дел, возбужденных по факту хищения имущества граждан и организаций, прокурору в порядке ст. 220 УПК РФ.

Уголовные дела списаны гр. Д. в архив, однако согласно данным ИЦ ГУВД по Ростовской области, уголовные дела числились как переданные в суд.

По уголовным делам указанной группы, как правило, встречается активное противодействие расследованию, требующее серьезных усилий для его преодоления и нейтрализации наступивших последствий.

Во втором – при совершении преступления подобные полномочия не обязательны. Действия виновных обусловлены чисто профессиональными функциями, дающими возможность использовать полномочия, явно выходящие за пределы собственных. Это становится возможным в виду обязательности исполнения законных требований со-

трудника указанных органов, обеспеченных авторитетом государственного органа власти, от имени которого он действует.

Например, старший оперуполномоченный УР К., после обращения к нему гр. И. о возможном совершении в отношении последнего вымогательства со стороны гр. Р., используя свое служебное положение, задержал и доставил в отделение гр. Р. Применив спецсредства (наручники), К. стал угрожать ему привлечением к уголовной ответственности за вымогательство, а после, из корыстной заинтересованности, пообещал не привлекать гр. Р. к уголовной ответственности и предложил заплатить ему 1000 $ США за «закрытие» дела. В ходе судебного было установлено, что, не имея полномочий для принятия решения по данному вопросу, К., обманным путем, используя свое служебное положение, завладел деньгами потерпевшего Р., за якобы непривлечение к уголовной ответственности.

В качестве критериев криминалистической классификации преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД в связи со служебной деятельностью, можно определить следующие:

По конкретной сфере деятельности ОВД, в которой сотрудником ОВД совершено преступление:

- в сфере уголовного судопроизводства;
- в сфере административного производства;
- в сфере оперативно-розыскной деятельности.

По качественному составу группы лиц, совершающих преступления в сфере деятельности ОВД:

- участники группы – сотрудники одного подразделения ОВД;

Так, инспекторы отдела по борьбе с преступлениями в сфере потребительского рынка и исполнения административного законодательства, Щ. и К., используя свое должностное положение, путем обмана, обещая попустительство по службе со стороны всех сотрудников данного подразделения ОВД, похищали денежные средства лиц, нарушавших правила обращения с ломом и отходами черных и цветных металлов и их отчуждения.

- участники группы – сотрудники из разных подразделений ОВД;
- одним из участников группы является руководитель подразделения ОВД.

Примером может послужить разоблаченная группа сотрудников поста ДПС в г. Астрахань, которые на протяжение трех лет систематически вымогали взятки с водителей. Часть полученных денег они делили между собой и часть передавали командиру роты ОБ ДПС областного УВД, ежемесячный доход которого от данной противоправной деятельности составлял 150 тыс. рублей.

По уровню организованности группы:

- группой лиц по предварительному сговору;
- организованной группой;

- преступным сообществом (преступной организацией).

Анализ судебно-следственной практики показывает, что в основном «профессиональные» преступления совершаются в корыстных целях. Нередко им предшествуют подготовительные действия, включающие в себя планирование тактики поведения в случае задержания и разработка способа совершения преступления.

Для сокрытия преступлений в сфере деятельности ОВД в большинстве случаев сотрудники ОВД, например, не берут предмет взятки в руки, а лишь указывают, куда его нужно положить. Этим объясняется то обстоятельство, что зачастую на преступнике не остается следов красящего вещества, которым обрабатывается предмет взятки, избегают вслух обсуждать условия и иные обстоятельств преступления, для общения используют SIM-карты, оформленные на других лиц.

Практике известны случаи, когда перед совершением преступления сотрудники ОВД заводят дела оперативного учета на выгодополучателей, оформляют необходимые документы для последующей имитации, в случае задержания, проведения мероприятий по документированию факта передачи им взятки выгодополучателем.

Так, например, оперуполномоченные ОБЭП ОМВД г. Самары Р. и Ш. принуждали предпринимателей К., и Н., раз в месяц платить им по 3000 рублей за предоставление услуг по «крышеванию» их деятельности. Гр. К. сообщил в подразделения ФСБ России о противоправных действиях Р. и Ш., и последние были задержаны в момент передачи им гр. К. очередного денежного вознаграждения. После задержания Р. и Ш. пояснили, что произошла ошибка. Гр. К. находится у них в оперативной разработке, и они проводили оперативный эксперимент в целях документирования преступных действий гр. К., заключающийся в даче взятки им как должностным лицам.

В подтверждение своих слов Р. и Ш. предоставили документы, которые были ранее ими составлены в этой связи в соответствии с нормативно-правовыми актами, регламентирующими оперативно-розыскную деятельность. Однако в последующем Р. И Ш. свою вину признали и пояснили, что заранее продумали линию поведения в случае возможного задержания и подготовили подложные документы.

Предметом преступления, наряду с деньгами, могут быть ценные бумаги, различное имущество, в том числе и недвижимое, права и услуги, а также имущество, изъятое из свободного оборота или ограниченное в таком обороте, при этом виновные лица несут ответственность и за незаконный оборот этих предметов.

Так, начальник ОУР ОМВД г. Магадана Т. совместно со своими подчиненными задержал гр. К., у которого в ходе личного обыска было изъято промышленное золото массой 132,4 г. Узнав от гр. К., что у него по месту жительства хранится еще 2 кг промышленного золота, похищенного им ранее, Т. предложил последнему передать ему большую

часть данного золота за сохранение в тайне факта хищения и хранения гр. К. промышленного золота в крупном размере, что будет способствовать непривлечению его к уголовной ответственности, на что гр. К. согласился.

После чего они проследовали к месту жительства гр. К., где он незаконно передал Т. промышленное золото массой 1595,7 г, стоимостью 859603 руб. 59 коп., упакованное в пластмассовый флакон, который Т. присвоил себе, превысив свои должностные полномочия. За совершение указанных действий Т. был осужден по ч. 1 ст. 286 УК РФ и по п. «б» ч. 2 ст. 191 УК РФ.

Помимо материального вреда (как реального, так и упущенной выгоды) существенный характер последствий от данных преступлений может выражаться в причинении и иного вреда (в нарушении конституционных прав и свобод граждан, подрыве авторитета органов государственной власти).

Так, например, Ломоносовским судом г Санкт-Петербурга участковый уполномоченный Б. был признан виновным по ст. 285 ч. 1 в том, что выполнил заведомо ложное объяснение от имени потерпевшей Г., и расписался за нее, о том, что якобы во время конфликта с мужем она не воспринимала реально угрозу собственной жизни, на основании которого незаконно отказал в возбуждении уголовного дела в отношении её мужа Г., нарушив право Г. воспользоваться правами потерпевшей и способствовал уходу от уголовной ответственности гр. Г.

Своими действиями участковый уполномоченный Б. подорвал авторитет правоохранительных органов в глазах гр. Г. При допросе гр. Г. сообщила сведения о том, что до встречи с участковым уполномоченным Б., она доверяла полиции, обратилась за защитой, но после поступка Б. она не доверяет сотрудникам полиции, авторитет которой в ее глазах подорван в связи с действиями участкового уполномоченного.

Характерными способами одновременного совершения и сокрытия преступления являются завуалированные (замаскированные) способы приема – передачи взятки под прикрытием законными формами передачи материальных ценностей или оказания услуг.

Известны разные случаи маскирования дачи – получения взятки:

- получение ценностей под видом дарения (например, за прекращение уголовного дела следователь У. предложил оформить на себя конфискованный ранее у подозреваемого автомобиль БМВ договором дарения); якобы взаймы; погашение несуществующего долга или прощение действительного долга;

- купля-продажа ценных вещей за бесценок (например, сотрудники УБЭП Ростовской области за не привлечение к уголовной ответственности гр. Л. потребовали оформить на одного из своих знакомых машину ВАЗ 21099, оценочная стоимость которой составляла 120 тысяч

рублей, пообещав заплатить в рассрочку 40 тысяч рублей); неравноценный обмен вещей;

- внесение денежных средств на банковский счет взяткополучателя или открытие лицевого счета на его имя (например, за прекращение в отношении предпринимателя М. уголовного дела ведущий дело следователь С., предложил предпринимателю перечислить на счет одного из зарубежных банков 3 млн. долларов);

- оказание материальной помощи, передача акций юридического лица или иных ценных бумаг родственникам или доверенным лицам взяткополучателя;

- использование в качестве посредников представителей обвиняемых, (заинтересованное лицо выясняет, с какой адвокатской или юридической фирмой следователь «сотрудничает». Заключая договор с такой конторой, заинтересованная сторона по делу формально оплачивает представительские услуги, которые на самом деле включают в себя завуалированную взятку. В качестве посредников могут выступать родственники или знакомые следователя, а иногда коллеги следователя, сами официально не имеющие никакой связи с заинтересованной стороной);

- использование коррумпированного адвоката (такой адвокат становится посредником во взяточничестве между коррумпированными следователями и доверителями).

Е.В. Емельянова

Реализация трудовых прав и соблюдение обязанностей осужденными, отбывающими наказания в местах лишения свободы

Реализация уголовно-исполнительной политики России на современном этапе реформирования системы исполнения наказаний, характеризуется несколькими отличительными особенностями, которые сформулированы в теории уголовно-исполнительного права и закреплены в российском законодательстве. В первую очередь, следует выделить гуманизацию уголовно-исполнительного законодательства и обеспечение прав и законных интересов осужденных. Среди них особо значимо правовое положение осужденных в сфере труда, и занятие осужденными трудовой деятельностью, которое было и остается одним из самых действенных средств исправления лиц, лишенных свободы (ст. 9 УИК РФ).

Специфика правового положения осужденных, в том числе в сфере трудовой занятости, заключается в том, что осужденные в процессе отбывания наказаний продолжают обладать правами и нести обязанности, как и другие члены общества, но при этом в зависимости от вида уголовного

наказания на них распространяются те или иные правоограничения, предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством. Таким образом, правовое положение осужденных в сфере труда складывается из гарантированной Конституцией РФ свободы труда и тех правоограничений, которые устанавливаются уголовно-исполнительным законодательством. Данное положение находит свое подтверждение в сравнительном анализе норм Конституции РФ, уголовно-исполнительного и трудового законодательства. При этом важно подчеркнуть, что суть идеи основоположников отрасли исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права заключена не в обязательном привлечении осужденного к труду, а в изменении отношения человека и общества к труду в процессе реализации уголовного наказания.

В этом смысле труд осужденных значительно отличается от труда свободных граждан. Отличия эти связаны в основном с правоограничениями, которые затрагивают и условия труда осужденных.

Так, осужденные лишаются права свободно распоряжаться своими способностями к труду (они обязаны трудиться), а также абсолютной свободы выбора рода деятельности и профессии. Вместе с тем, у них остается свобода такого выбора из числа вариантов, представленных в данном конкретном учреждении, исполняющем наказание. Осужденные ограничены в праве на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая забастовку. Они имеют право на разрешение трудовых споров, ограниченное запрещением прекращать работу для их разрешения, поскольку в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством отказ от работы или прекращение работы являются злостными нарушениями установленного порядка отбывания наказания и могут повлечь применение мер взыскания и материальную ответственность осужденных (ч. 6 ст. 103 УИК РФ). В таком контексте отказ от работы или прекращение работы является условием реализации возможности дисциплинарного гарантирования надлежащих взаимоотношений между сотрудниками учреждений, исполняющих наказания, и осужденными. И все же, в данном случае наблюдается нарушение некоторых прав осужденных. Так, при выполнении осужденными работ работодателем могут быть нарушены, например, техника безопасности, правила охраны труда, производственной санитарии и т.п. При этом согласно вышеназванной норме осужденный-рабочий не может прекратить работу для разрешения конфликта, а если прекратит, то подвергнется взысканию за нарушение установленного порядка отбывания наказания. На наш взгляд, требуется на законодательном уровне отграничить запрещение на организацию и проведение забастовки от возможности осужденным временно приостанавливать работу для разрешения трудовых конфликтов. Право на отдых, выходные и праздничные дни, продолжительность рабочего

времени, ежегодный оплачиваемый отпуск устанавливаются осужденным в соответствии с законодательством РФ о труде, но с конкретизацией в уголовно-исполнительном законодательстве. Так, время начала и окончания работы (смены) определяется графиками сменности, устанавливаемыми администрацией ИУ по согласованию с администрацией предприятия, на котором работают осужденные (ч. 1 ст. 104 УИК РФ). В отношении оплачиваемого отпуска устанавливаются ограничения лишь в плане выезда за пределы ИУ (ч. 3 ст. 97 УИК РФ). Осужденные лишены права на пособие по безработице, поскольку согласно ст. 3 Закона РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» осужденные по решению суда к исправительным работам, а также к наказанию в виде лишения свободы не могут быть признаны безработными[1]. За осужденными закреплено право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. В соответствии с ч. 1 ст. 104 УИК РФ правила охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии устанавливаются в соответствии с законодательством РФ о труде. За осужденными сохраняется право на вознаграждение за труд, без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного законом минимального размера оплаты труда (ст. 105 УИК РФ). За осужденными сохраняется право на обязательное социальное страхование. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 98 УИК РФ осужденные к лишению свободы, привлеченные к труду, подлежат обязательному государственному социальному страхованию, а осужденные женщины также обеспечиваются пособиями по беременности и родам в порядке, установленном Правительством РФ, которые выплачиваются осужденным женщинам независимо от исполнения ими трудовых обязанностей и иных обстоятельств[2]. Осужденным гарантируется право на государственное пенсионное обеспечение в старости, при инвалидности, потере кормильца и в иных случаях, предусмотренных законодательством РФ (ч. 2 ст. 98 УИК РФ). Осужденные, утратившие трудоспособность в период отбывания лишения свободы,

---

[1] Российская газета. 1996. 6 мая.

[2] В целях реализации п. 1 ст. 98 УИК РФ Правительством РФ принято постановление от 15.10.2001 № 727 «О порядке обеспечения пособиями по обязательному государственному социальному страхованию осужденных к лишению свободы лиц, привлеченных к оплачиваемому труду», согласно которому установлены случаи выплаты пособий по нетрудоспособности осужденных, случаи отказа в выплатах, а также за счет каких средств эти выплаты осуществляются. Кроме того, в настоящее время определен порядок проведения экспертизы временной нетрудоспособности осужденных к лишению свободы лиц, привлеченных к оплачиваемому труду, и выдачи им документов, удостоверяющих временную нетрудоспособность, утвержденный приказом Минздрава РФ, Минюста РФ и Фонда социального страхования РФ от 14.07.2003 № 316/185/180.

имеют право на возмещение ущерба в случаях и порядке, предусмотренных законодательством РФ.

Кроме того, правовое положение осужденных в области труда имеет свои особенности, дающие им некоторые преимущества перед остальными гражданами. Например, неработающие по не зависящим от них причинам и не получающие пенсии осужденные обеспечиваются питанием и предметами первой необходимости за счет государства (ч. 3 ст. 99 УИК РФ). Осужденным, не имеющим профессии, по которой они могли бы работать в ИУ, предоставляется возможность получить среднее профессиональное образование (ч. 1 ст. 108 УИК РФ)[1].

Обязанности осужденных в сфере труда распространяются на тех из них, кто работает в полной мере в соответствии с Трудовым кодексом РФ, но с некоторой спецификой. Например, меры поощрения применяются к осужденным не только за добросовестное выполнение трудовых обязанностей, а в комплексе за исполнение установленного порядка отбывания наказания. К осужденным, помимо предусмотренных трудовым законодательством видов поощрений (благодарность, награждение подарком, денежная премия), применяются и специфические поощрения. Эти поощрения связаны, прежде всего, с облегчением условий содержания осужденных.

Среди взысканий применяются: выговор; дисциплинарный штраф в размере до 200 руб.; водворение осужденных, содержащихся в исправительных колониях или тюрьмах, в штрафной изолятор на срок до 15 суток; перевод осужденных мужчин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, содержащихся в исправительных колониях общего и строгого режимов, в помещения камерного типа, а в исправительных колониях особого режима – в одиночные камеры на срок до шести месяцев и некоторые другие. Эти меры применяются в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством.

Сравнительный анализ норм трудового права и норм уголовно-исполнительного права, приводит к выводу о том, что наказание лишением свободы по определению выдвигает обеспечение реализации изоляции от общества на первое место. Благодаря этому приоритету,

---

[1] Однако применить эту норму на практике в настоящее время весьма проблематично, т.к. в исправительных колониях отсутствуют учреждения, дающие осужденным возможность получить среднее профессиональное образование (техникумы, колледжи). Ранее в УИК РФ было закреплено получение осужденными начального профессионального образования и эта норма выполнялась, такое образование осужденные получали на базе имеющихся профессиональных училищ. В настоящее время в ст. 108 УИК РФ внесены изменения в связи с принятием ФЗ РФ от 29.12. 2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации», в котором отсутствует система начального профессионального образования.

осужденный оценивает свой труд как путь преодоления отчужденности общества именно в создаваемых для него обстоятельствах отбывания наказания. Условия отбывания наказания ущемляют свободу труда осужденного ровно настолько, насколько они являются условиями реализации кары – его изоляции от общества, но не более того.

Изоляция от общества, как факт, проявляется для осужденного в блокировании некоторых его возможностей. Именно это обстоятельство оказывает непосредственное влияние на содержание труда в местах лишения свободы.

А.В. Ендольцева

Процессуальные гарантии ограничения произвольного усмотрения органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство

Построение в России демократического общества неразрывно связано с задачей создания прочных основ правовой защищенности личности. Очевидно, что достижение столь высокой цели возможно лишь при условии осуществления мер по реализации конституционных положений о правах и свободах человека как высшей ценности. Реализация этого важнейшего принципа важна в любой сфере общественной жизни, особенно при осуществлении уголовного судопроизводства, где законные интересы личности затрагиваются наиболее ощутимо. В связи с этим ученые и практики находятся в непрерывном поиске оптимальных и действенных мер, эффективных средств и способов правовой защиты лиц, в том числе процессуальных гарантий обеспечения и защиты их прав и законных интересов.

Процессуальные гарантии прав личности в уголовном процессе должны быть многоаспектными и пронизывать всю деятельность должностных лиц и государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство. Прежде всего, это гарантии недопустимости незаконного и необоснованного возбуждения уголовного дела и предъявления обвинения, гарантии соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства, гарантии охраны и защиты чести и достоинства личности, ее неприкосновенности, недопустимости незаконного и необоснованного применения мер процессуального принуждения и т.д. Кроме того, и это обстоятельство хотелось бы выделить особо, процессуальные гарантии должны ограничивать произвольное усмотрение органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Эволюцией правовой системы самых различных государств, в том числе и самой России, подтверждается необходимость наличия в законодательстве, наряду с традиционной схемой реакции государства на

преступление, институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания. Однако относиться к решению вопроса об освобождении от уголовной ответственности необходимо с чувством полной ответственности, руководствуясь принципами целесообразности и разумности, применяя его лишь в тех случаях, когда оно обосновано по существу, и не допуская формального решения этого вопроса.

Анализ положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод, что освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности будет являться законным, если оно: 1) поставлено при наличии к тому оснований и условий, установленных в материальном законе; 2) принято компетентным на то органом или должностным лицом; 3) его постановление облечено в установленную законом процессуальную форму и принято на той стадии уголовного процесса, на которой это признано допустимым законом.

Характеристика субъекта, уполномоченного на принятие решения об освобождении от уголовной ответственности, невозможна без рассмотрения вопроса о соответствии норм данного института положениям Конституции РФ. В соответствии со ст. 49 Конституции признание лица виновным в совершении преступления является исключительной прерогативой суда. Возникает принципиально важный вопрос о том, могут ли органы предварительного расследования решить вопрос об освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности или принять такое решение может только суд?

В юридической литературе этот вопрос остается весьма спорным. Так, по мнению И.С. Ноя и М.С. Строговича, что если лицо освобождается от уголовной ответственности, оно не признается виновным, совершенное им не оценивается как преступление, а само лицо не признается преступником[1]. Представляется, что в рамках такой позиции правовая природа деяния ставится в зависимость от решения правоприменителя, что справедливо критикуется в литературе[2]. Другие авторы приходят к выводу, что освобождение от уголовной ответственности должно производиться только в суде, поскольку только суд может вершить правосудие, т.е. признать лицо виновным в совершении преступления[3]. Третьи считают необходимым в законе предусмотреть

---

[1] Ной И.С. Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий // Советское государство и право. 1982. № 7. С. 93, 95, 97; Строгович М.С. Презумпция невиновности и прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Советское государство и право. 1983. № 2. С. 75.

[2] Данилюк С.А. Вопросы освобождения от уголовной ответственности // Правоведение. 1987. № 3. С. 88.

[3] Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974. С. 38; Добровольская Т.Н. Об изменении порядка прекращения уголовных дел и некоторых спорных проблемах правосудия// Конституция

лишь освобождение от наказания. Только такое решение проблемы представляется им последовательным и законным[1].

Однако сохранение в новом УПК РФ института досудебного прекращения уголовного дела, по мнению В.А. Леонтьевского, свидетельствует о том, что законодатель обоснованно не откликнулся на предложения ученых о передаче соответствующих полномочий только суду[2]. Во-первых, предоставление исключительного права освобождения от уголовной ответственности только суду не связано с судебной процедурой, завершающейся вынесением приговора, которая и обладает полным набором процессуальных гарантий. А требовать, чтобы при освобождении от уголовной ответственности выносился приговор, означает отказ от данного института вообще. Во-вторых, никакого противоречия, как указывает этот автор, между институтом освобождения от уголовной ответственности и ст. 49 Конституции РФ нет, поскольку положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства в свете данной конституционной нормы должны быть истолкованы следующим образом: «всякое не облеченное в форму обвинительного приговора установление факта совершения преступления необходимо расценивать как нетождественное признанию гражданина виновным в совершении преступления»[3].

Отметим, что еще 30 лет назад профессор А.Д. Бойков отметил, что пока так и не дан «убедительный ответ на вопрос… о процессуальных формах освобождения от уголовной ответственности и их соотношении с принципом презумпции невиновности»[4]. Как мы видим, в российской науке однозначный ответ на этот вопрос так и не появился. Вместе с тем, принятое толкование института освобождения от уголовной ответственности находится в прямом и достаточно очевидном противоречии с таким фундаментальным конституционным принципом как презумпция невиновности, как бы не утверждали обратное отдельные авторы[5]. Данная коллизия требует либо отказаться от зако-

---

СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979. С.117-118.

[1] Сабанин С.Н., Тупица А.Я. Понятие и виды освобождения от уголовной ответственности и наказания. Свердловск, 1987. С. 17; Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 143; Кусcмауль Р. Всякое прекращение уголовного преследования – реабилитирует // Российская юстиция. 2000. № 9. С. 45.

[2] Леонтьевский В.А. Освобождение от уголовной ответственности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 10.

[3] Там же. С. 10-11.

[4] Бойков А.Д. Состояние и задачи научных исследований в области советского уголовного процесса и судопроизводства // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. М., 1980. С. 91.

[5] Молодцов А.С. Понятие и юридическая природа освобождения от уголовной

нодательного воплощения концепции освобождения от уголовной ответственности, либо принять как должное весьма сомнительное соответствие этого института принципу презумпции невиновности.

Попробуем изложить иное видение института освобождения от уголовной ответственности de lege ferenda. Полагаем, что при материально-правовой конструкции освобождения от уголовной ответственности необходимо учитывать положения уголовно-процессуального законодательства, т.е. свести воедино материальное право и процесс, которые не могут и не должны функционировать отдельно друг от друга.

Руководствуясь конституционным принципом презумпции невиновности, считаем, что до того, как лицо будет признано виновным приговором суда, его нельзя освободить от «вынесения отрицательной оценки его поведения в форме обвинительного приговора», т.е. от уголовной ответственности, поскольку освобождается от уголовной ответственности «лицо, совершившее преступление», как указывает законодатель. Но нет никаких процессуальных препятствий, – считает Л.В. Головко (и мы с ним полностью согласны), – для того, чтобы освободить данное лицо от рассмотрения вопроса о возможности отрицательной оценки его поведения в форме обвинительного приговора. Иными словами, лицо в данном случае освобождается не от уголовной ответственности в материально-правовом смысле, а от уголовного преследования в смысле процессуальном, т.к. уголовное преследование, составляющее стержень уголовного процесса, вовсе не обязательно должно завершиться постановлением обвинительного приговора (иначе не существовало бы, например, института оправдательного приговора)[1]. При таком подходе к решению рассматриваемой проблемы государство в лице компетентных органов и должностных лиц сознательно и правомерно (при наличии к тому оснований и условий, установленных в материальном законе) отказывается от принадлежащего ему права совершать дальнейшие процессуальные действия в целях изобличения лица в совершении преступления. В том числе остается открытым и вопрос о виновности соответствующего лица.

Вместе с тем, считаем, что отнесение вопроса об освобождении от уголовного преследования к компетенции следователя, дознавателя допустимо лишь в том случае, когда основание освобождения поддает-

---

ответственности // Проблемы защищенности в уголовном судопроизводстве: сб. науч. тр. Ярославль, 1991. С.53; Кореневский Ю. Противоречит ли Конституции прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // Российская юстиция. 1997. № 1. С. 19-20.

[1] Головко Л.В. Освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного преследования: соотношение понятий // Государство и право, 2000. № 6. С. 47-48..

ся однозначной оценке и не может влечь за собой наступление других уголовно-правовых последствий (например, в случае истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, которое влечет за собой безусловное прекращение уголовного дела). А там, где возможен процесс индивидуализации правовых последствий совершенного преступления, его осуществление, – как указывает И.Э. Звечаровский (и с этим следует согласиться), – должно являться исключительной прерогативой суда[1]. В связи с этим предлагаем, деятельное раскаяние лица, совершившего преступление, или его примирение с потерпевшим по делам публичного обвинения, рассматривать в качестве основания освобождения от наказания, а не от уголовной ответственности. Подобный шаг уже был сделан законодателем с принятием Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ[2], которым утратила силу ст. 77 УК РФ «Освобождение от уголовное ответственности в связи с изменением обстановки», а глава 12 «Освобождение от наказания» дополнена ст. 80.1 УК РФ «Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки».

Напомним, что освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), а также в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) предполагают при принятии решения усмотрение правоприменителя. То есть, помимо нормативного предписания, общественные отношения регулируются и усмотрением должностных лиц. Однако их усмотрение в связи с существующими дефектами законодательной техники в виде наличия в правовых нормах неясных формулировок или неточных терминов, оценочных признаков, содержание которых законодателем не конкретизировано и уточняется правоприменителем по своему усмотрению, может порождать различные по своим правовым последствиям акты применения норм права.

Указанная проблема обусловлена наличием в УК РФ управомочивающих норм, природа которых уже сама по себе предполагает некоторую альтернативность принимаемых решений. Действующая законодательная формула освобождения от уголовной ответственности «…лицо может быть освобождено…», предусмотренная в ст. 75, 76 УК РФ, предоставляет право на принятие решение, а не обязанность поступить определенным образом (см. также ст. 25, 28 УПК РФ). Однако эта свобода не абсолютна, а относительна. Усмотрение правоприменителя не может быть ничем не ограничено, а, наоборот, должно иметь установленные законом пределы. Проблема таких пределов сводится, как отмечает Ю.В. Грачева, к поиску оптимального соотношения меж-

---

[1] Звечаровский И.Э. Проблемы совершенствования поощрительных норм Особенной части УК РСФСР // Вестник Ленинградского ун-та. Сер. 6. 1991. Вып. 1. С. 73.

[2] Российская газета. 2003. 16 декабря.

ду связанностью правоприменителя жесткими рамками уголовно-правовой нормы и свободой выбора одного из законных решений[1].

Однако нельзя забывать, что подобные альтернативные указания закона могут способствовать произволу применителя и являться условиями для совершения должностных преступлений, обусловленных коррупционными отношениями, а также «лазейками» для незаконного прекращения уголовных дел, не имеющих судебной перспективы в связи с недоказанностью причастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления. Такие обстоятельства, безусловно, влекут за собой нарушение прав лиц, вовлеченных в уголовный процесс, причем как подозреваемых и обвиняемых, так и потерпевших. Поэтому задача государства – обеспечить справедливое правосудие по уголовным делам, эффективную защиту личности, ее прав и свобод, а также интересов общества от преступных посягательств.

Е.А. Загрядская

Проблемные вопросы обеспечения гарантий на неприкосновенность личности при продлении меры пресечения в виде заключения под стражу

Одним из фундаментальных прав личности, гарантированным любым развитым государством является неприкосновенность личности. Всеобщая декларация прав человека провозглашает, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность относится к числу основных прав человека, закрепленных в основных законах стран – Конституциях. «Неприкосновенность личности» является комплексным историко-правовым понятием, которое впервые частично оформилось в законодательстве Англии в 1679 г. с принятием Habeas Corpus Act, впоследствии последовательно реформировалось и развивалось с общим развитием прав и свобод человека.

В российской правовой системе институт неприкосновенности личности, прежде всего, нашел отражение в ст. 22 Конституции РФ, в соответствии с которой «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

Уголовный процесс в целях обеспечения прав участников уголовного судопроизводства и достижения его назначения неизбежно огра-

[1] Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 4.

ничивает те или иные права личности, так неизбежностью стало последовательное формирование института процессуального пресечения и наиболее строгой его разновидности – заключения под стражу. Несмотря на достаточно длительное практическое применение норм УПК РФ, касающихся избрания и продления сроков заключения под стражу, а также наличия официальных толкований высших судебных инстанций по данному вопросу в следственной правоприменительной практике часто встречаются спорные ситуации, требующие всестороннего исследования и выработки комплекса мер по их преодолению, в том числе посредством изменения уголовно-процессуального законодательства.

В силу требований ч. 2 ст. 109 УПК РФ продление срока содержания обвиняемого под стражей свыше двух месяцев возможно только при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения. При этом срок содержания под стражей может продляться не более чем на срок предварительного следствия, что является самой сутью меры пресечения, так как она может существовать только в рамках уголовного судопроизводства. Однако в правоприменительной практике может сложиться ситуация, когда данное императивное предписание, может быть, неумышленно нарушено.

Так, в производстве следственного отдела по г. Т-ску СУ СК России по О-кой области находилось уголовное дело по обвинению В. и Н. в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «б» ч. 2 ст. 131, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 132, п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Обвиняемые по данному уголовному делу были задержаны в порядке ст. 91 УПК РФ, впоследствии в отношении них была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, срок предварительного следствия и срок содержания под стражей ввиду фактической сложности уголовного дела неоднократно продлялся. В дальнейшем следователем с согласия руководителя следственного органа было принято решение об изменении меры пресечения в отношении обвиняемых на подписку о невыезде и надлежащем поведении. После изменения меры пресечения В. было совершено преступление, предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, по данному факту следователем органов внутренних дел возбуждено уголовное дело и В. повторно задержан в порядке ст. 91 УПК РФ, впоследствии судом в отношении него повторно избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на период предварительного следствия, то есть на 2 месяца. Далее уголовное дело было направлено в следственный отдел по г. Т-ску для соединения. При поступлении уголовного дела оно было соединено с ранее возбужденным уголовным делом, при этом в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 153 УПК РФ срок предварительного следствия определялся по уголовному делу, имеющему наиболее длительный срок предварительного расследования. Таким образом, сложилась ситуация, что фактически срок заключения

В. под стражей избранный судом значительно превысил срок предварительного следствия.

Законодателем предусмотрен только один случай, когда срок содержания под стражей может превышать срок предварительного следствия – выполнение требований Конституционного суда РФ № 4-П от 22.03.2005 (направление уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного заключения). В данном случае мера пресечения по своей сути должна была действовать только в рамках предварительного следствия, что, в сущности, существенно ограничивало права В. на неприкосновенность личности. С другой стороны мера пресечения в виде заключения В. под стражу была избрана судом на конкретно определенный в постановлении срок, ее законность и обоснованность обвиняемым и его защитником не обжаловались. При данных обстоятельствах, по нашему мнению, с целью полноценного обеспечения императивного права обвиняемого на неприкосновенность личности следовало, считать, что мера пресечения ограничена исключительно сроком предварительного следствия, при этом не принимать во внимание сроки, указанные в постановлении суда, на основании которого В. был повторно заключен под стражу. То есть следовало в случае необходимости продлить срок предварительного следствия и возбудить перед судом ходатайство о продлении срока содержания под стражей на тот же срок. На данном примере (несмотря, на то, что на практике подобные случаи встречаются не часто) наглядно продемонстрирован пробел в уголовно-процессуальном законодательстве, который требует скорейшего разрешения.

Другим примером отсутствия правового регулирования является продление сроков содержания под стражей прокурором, при принятии решения в порядке ст. 221 УПК РФ. С июня 2012 г. за прокурором были закреплены новые полномочия, так в соответствии с ч. 2.1 ст. 221 УПК РФ «установив, что к моменту направления уголовного дела в суд срок домашнего ареста или срок содержания под стражей оказывается недостаточным для выполнения судом требований, предусмотренных частью третьей статьи 227 настоящего Кодекса, прокурор при наличии оснований возбуждает перед судом ходатайство о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей». Закрепление за прокурором указанных полномочий явилось достаточно логичным изменением законодательства, но не привело к единообразному применению норм УПК РФ в этой части. Неясным является вопрос о том, полномочен ли следователь, при выполнении требований ст. 215-217 УПК РФ ходатайствовать о продлении срока содержания под стражей более чем на 10 суток (то есть более чем для выполнения прокурором требований ст. 220 УПК РФ). Как показывает практика, данный вопрос решается по-разному, в зависимости от фактической позиции районных судов и прокуратур. В частности в некоторых субъектах Приволж-

ского федерального округа, прокурор фактически не использует представленные ему ч. 2. 1 ст. 221 УПК РФ полномочия, то есть о продлении срока содержания под стражей «для прокурора и суда» ходатайствует, как и ранее следователь. Напротив, в других субъектах прокурор активно использует предоставленные ему полномочия.

Другим интересным аспектом реализации прокурором указанных полномочий являются случаи продления срока содержания под стражей на сроки свыше 6-ти и 12-ти месяцев соответственно. Как известно в ст. 109 УПК РФ в качестве дополнительной гарантии неприкосновенности личности был закреплен особый порядок продления срока содержания обвиняемого под стражей. На практике нередки случаи, когда уголовное дело направляется прокурору для принятия решения в порядке ст. 221 УПК РФ на истечении 6-ти и 12-ти месячного срока содержания обвиняемого под стражей и перед прокурором возникает необходимость реализовывать полномочия, предусмотренные ч. 2.1 ст. 222 УПК РФ. Однако, в соответствии с ч. 2 и 3 ст. 109 УПК РФ продление срока содержания под стражей может быть осуществлено в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела и при наличии оснований для избрания этой меры пресечения судьей того же суда по ходатайству следователя, внесенному с согласия руководителя соответствующего следственного органа по субъекту РФ, иного приравненного к нему руководителя следственного органа либо по ходатайству дознавателя в случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 223 УПК РФ, с согласия прокурора субъекта РФ или приравненного к нему военного прокурора, до 12 месяцев. Срок содержания под стражей свыше 12 месяцев может быть продлен лишь в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, судьей суда, указанного в ч. 3 ст. 31 УПК РФ, или военного суда соответствующего уровня по ходатайству следователя, внесенному с согласия в соответствии с подследственностью Председателя СК России либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при соответствующем федеральном органе исполнительной власти), до 18 месяцев. Указанные нормы предусматривают возбуждение ходатайства о продлении срока содержания под стражей следователем и дознавателем, но речи о прокуроре здесь не идет. Кроме того, как известно уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает аналогии права и аналогии закона. При данных обстоятельствах закономерным становится вопрос: существует ли особый порядок возбуждения перед судом ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей свыше 6-ти и свыше 12-ти месяцев в порядке ч. 2.1 ст. 221 УПК РФ. Законодатель последовательно предусмотрел дополнительные гарантии неприкосновенности личности, следовательно, не смотря на то, что законодатель-

ной регламентации данной процедуры не существует, в случае продления срока содержания обвиняемого под стражей свыше 6-ти месяцев соответствующее ходатайство должен возбуждать прокурор субъекта РФ, а свыше 12-ти Генеральный прокурор РФ соответственно (или их заместители). Рассматривать же данные ходатайства должны районный и вышестоящий по отношению к нему суд соответственно. Недостаток правового регулирования отразился на том, что на практике данный вопрос решается по-разному.

Так, в производстве следственного отдела г. О-ка СУ СК России по О-ой области находилось уголовное дело по обвинению Ж. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 158, пп. «а», «з», «к» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 162 УК РФ уголовное дело было направлено прокурору, когда срок содержания Ж. под стражей составлял 11 месяцев 10 суток, после изучения в районной прокуратуре уголовное дело направлено в прокуратуру области, заместителем прокурора области уголовное дело возвращено для пересоставления обвинительного заключения, после устранения выявленных недостатков уголовное дело было вновь направлено прокурору в порядке ст. 221 УПК РФ. Так как на момент повторного поступления уголовного дела в прокуратуру области срок содержания обвиняемого под стражей был не достаточным для выполнения требований ч. 3 ст. 227 УПК РФ заместителем прокурора области перед областным судом было возбуждено ходатайство о продлении срока содержания обвиняемого Ж. под стражей свыше 12-ти месяцев, которое было удовлетворено.

В правовом государстве крайне важным является детальная регламентация процедур ограничения конституционных прав и их качественная судебная защита. Наличия каких-либо пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве свидетельствует об уязвимости личности перед лицом государственного аппарата и требует скорейшего законодательного восполнения.

Е.А. Зайцева

Конституционные гарантии прав участников проверочных мероприятий

В марте 2013 г. в сфере уголовного судопроизводства произошли масштабные изменения регламентации досудебного производства, касающиеся проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела и новой формы предварительного расследования – «дознания в сокращенной форме»[1]. Значение данных законоустановлений еще

[1] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: феде-

предстоит оценить теоретикам и практикам, и прежде всего, не только с точки зрения эффективности вводимой системы норм для решения задач уголовного процесса, но и с точки зрения полноты и безупречности регламентации гарантий прав личности.

Существенной новеллой федерального закона № 23-ФЗ от 4.03.2013 являются положения о дополнении перечня следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела в рамках проверочных мероприятий. С учетом потребностей правоприменительной практики, формулируя новые нормы об экспертизе на начальном этапе уголовного судопроизводства, наш законодатель должен исходить из принципиальных идей защиты личности, заложенных в главе 2 Конституции РФ.

При анализе новых законоустановлений, введенных в ст. 144 УПК РФ Федеральным законом № 23-ФЗ от 4.03.2013, сразу можно обратить внимание на различные термины, использованные в тексте этого нормативно-правового акта для обозначения лиц, вовлеченных в проверочную деятельность на указанной стадии: законодатель их именует «участниками досудебного производства», «участниками проверки сообщения о преступлении», «лицами, участвующими в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении». Безусловно, первый термин ввиду подразумеваемого чрезмерно широкого круга лиц является недостаточно точным, т.к. включает в себя всех участников уголовно-процессуальных отношений, возникающих как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии предварительного расследования. Объем понятия «участники проверки сообщения о преступлении» значительно уже: под ними подразумеваются участники процессуальных отношений на стадии возбуждения уголовного дела в целом.

Что же касается термина «лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении» – то он, по логике, используется для обозначения только тех лиц, которые непосредственно участвуют в процессуальных действиях проверочного характера на стадии возбуждения уголовного дела.

В связи с вышеизложенным возникает ряд вопросов:

1) действительно ли законодатель закладывал такое содержание в примененные термины при формулировании новелл Федерального закона от 4.03.2013 № 23-ФЗ, либо они обозначают один и тот же круг лиц?

2) достаточны ли по своему характеру закрепленные данным законом гарантии прав лиц, участвующих в проверочных мероприятиях?

Относительно первого вопроса, полагаем, что законодатель использовал для обозначения участников проверочных мероприятий различные названия в синонимичном значении. Такой вывод вытекает из

ральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

принципиальных положений о необходимости уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ). В силу прямых требований закона лица, осуществляющие уголовное производство, обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ).

Необходимо помнить, что ввиду скоротечности стадии возбуждения уголовного дела (максимальный срок проверочных мероприятий согласно ч. 3 ст. 144 УПК РФ составляет 30 суток), стоящих перед стадией задач и определенного «информационного голода» в период доследственной проверки в процессуальные отношения вступает круг лиц, чей статус еще формально не закреплен: заявители, не являющиеся реально потерпевшими от преступления; очевидцы и иные обладающие информацией о событии и его участниках лица; лица, потерпевшие от преступлений; лица, в отношении которых осуществляются проверочные мероприятия на предмет их причастности к совершению преступления.

Именно для этих категорий законодатель формулировал новеллы о том, что если они участвуют в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, то им:

1) разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ;

2) делается предупреждение о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ;

3) обеспечивается возможность осуществления прав, предусмотренных УПК РФ, в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы:

а) право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ;

б) пользоваться услугами адвоката;

в) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном главой 16 УПК РФ;

г) требовать обеспечения безопасности в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

Применительно к этим категориям участников проверочных мероприятий «срабатывает» именно этот комплекс прав, перечисленный нами в п. «а»-«г» – ввиду достаточной определенности предписаний законодателя. Что касается фразы «разъясняются их права и обязанно-

сти, предусмотренные настоящим Кодексом», то ее необходимо расценивать в контексте следующих законоустановлений – данным лицам «обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы». То есть, перечень прав участников проверочных мероприятий, закрепленный в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, не является исчерпывающим, на это указывает и языковая связка, примененная законодателем – «в том числе» – которая подтверждает, что перечисленные права входят в число иных прав, «предусмотренных настоящим Кодексом».

К ним, например, можно отнести «универсальный комплекс прав участника следственного действия», вытекающий из предписаний ч. 4-6 ст. 164, ч. 5-10 ст. 166, ст. 167, ч. 2 ст. 18 УПК РФ. Естественно, что этими правами лицо наделяется в случае участия в производстве конкретного следственного действия.

Относительно же закрепленного в ч. 1 ст. 144 УПК РФ «базового» комплекса прав участника проверочных мероприятий можно отметить, что он касается, прежде всего, конституционных гарантий, таких, как:

- право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом – ст. 51 Конституции РФ;

- право на получение квалифицированной юридической помощи – ч. 1 ст. 48 Конституции РФ;

- право на судебную защиту и обжалование решений, действий (или бездействия) органов государственной власти и должностных лиц – ст. 46 Конституции РФ;

- право на жизнь – ч. 1 ст. 20 Конституции РФ. (Данное положение, отмечают авторы комментария к Конституции РФ, «… предполагает не только непосредственно действующий запрет произвольного лишения жизни государством, а также любыми другими субъектами, но и позитивную ответственность государства за защиту жизни индивида. … Признание такой ценности в качестве конституционной и отнесенной к высшим ценностям (ст. 2 Конституции) диктует максимально широкие контуры государственных обязанностей по защите жизни. В них вписывается обеспечение всей системы конституционных гарантий, в частности путем принятия и исполнения законов, направленных на устранение рисков для жизни, возникающих в связи с любыми, в том числе преступными, посягательствами на нее…»[1]).

В силу положений ч. 3 ст. 56 Конституции РФ права и свободы, предусмотренные ст. 20, 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46 - 54 Конституции РФ не подлежат ограничению ни в каких ситуациях,

---

[1] Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. М., 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

они неотчуждаемы и являются непосредственно действующими.

Таким образом, законодатель в ч. 1 ст. 144 УПК РФ сделал акцент на конституционных правах и свободах участников проверочных мероприятий. Такой законодательный прием отчасти понятен: в анализируемой нами норме речь идет о неопределенном круге лиц, чьи интересы могут быть затронуты в той или иной мере проводимыми проверочными мероприятиями. Тем не менее, полагаем, законодателю следовало бы продумать гарантии прав лиц, в отношении которых проводятся судебные экспертизы в ходе проверки сообщения о преступлении. Дело в том, что комплекс прав, предусмотренный ст. 198 и 206 УПК РФ существенно отличается от «универсального комплекса прав участника следственного действия», проанализированного нами выше. Закрепление в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ предписания об обязательном удовлетворении ходатайства сторон о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, если экспертиза проводилась до возбуждения уголовного дела, нельзя признать действенной гарантией обеспечения прав участников проверочных мероприятий в связи с назначением и производством судебной экспертизы.

С учетом вышеизложенного, полагаем, содержание ст. 144 УПК РФ в части прав участников проверочных мероприятий должно быть уточнено. Прежде всего, необходимо закрепить запрет на применение принуждения при проведении судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела: в отношении живых лиц судебная экспертиза в качестве проверочного мероприятия должна осуществляться только по письменно подтвержденному добровольному согласию этих лиц и с соблюдением прав подэкспертного, закрепленных в ст. 198 УПК РФ.

В этом контексте обращает на себя внимание еще одна новелла федерального закона № 23-ФЗ, закрепленная в виде ч. 1 ст. 202 УПК РФ: «Следователь вправе получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также в соответствии с частью первой статьи 144 настоящего Кодекса у иных физических лиц и представителей юридических лиц в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах... Получение образцов для сравнительного исследования может быть произведено до возбуждения уголовного дела».

Способ нормативного закрепления этого законоустановления не оставляет сомнений, что получение образцов проводится в безальтернативном порядке – по усмотрению следователя, который наделяется таким правом на стадии возбуждения уголовного дела, когда даже еще не известно – является ли проверяемое событие преступлением.

В связи с тем, что получение образцов для сравнительного исследования нередко сопряжено с вторжением в сферу охраняемых Конституцией РФ прав и свобод личности, полагаем, что изъятие данных

образцов также должно получаться только при наличии письменно подтвержденного добровольного согласия лица, подвергаемого этой процедуре.

Представляется, что принуждение в связи необходимостью производства экспертиз до возбуждения уголовного дела недопустимо, равно как и любое другое процессуальное принуждение, ибо стадия возбуждения уголовного дела играет роль своеобразного «барьера», ограждающего российских граждан от любого, предусмотренного УПК РФ, ограничения или умаления прав личности, от какого бы то ни было вторжения органов дознания и предварительного следствия в частную жизнь гражданина, охраняемую Конституцией РФ. Защищаемые Основным законом ценности несоизмеримо важнее и весомее, чем интересы органов предварительного расследования по скорейшему разрешению сообщения о совершенном или готовящемся преступлении. С учетом этого, полагаем, что система норм, регулирующих проверочные мероприятия, должна быть модернизирована в соответствии с конституционными идеями защиты прав и законных интересов личности, а гарантии прав участников доследственной проверки должны найти более четкое нормативное закрепление.

В.О. Захарова

Организация раскрытия и расследования преступлений: классификация понятий

Учение об организационных основах деятельности по раскрытию и расследованию преступлений прошло длительный период развития. Условно его можно разделить на ряд этапов:

- первый этап (с середины до 80-х гг. XX в.) связан с трансформацией на криминалистическую основу положений наук организации и управления;
- для второго этапа (80-е – 90-е гг. XX в.) характерен определенный спад научного интереса к этой проблеме;
- для третьего, современного этапа (с начала XXI в.) характерно стремление на основе накопленного эмпирического материала, связанного с криминалистической деятельностью, и творческого использования базовых наук в области организации управления, разработать теорию организации криминалистической деятельности.

При этом следует отметить, что весь путь становления и развития организационных основ криминалистической деятельности проходил в рамках криминалистики как неотъемлемая ее часть. Так, по мнению Н.П. Яблокова, вопросы организации раскрытия и расследования преступлений достаточно подробно рассматриваются во всех частях кри-

миналистики: методологии, тактике и методике[1].

Дефиниция «организация» применяется очень широко. В экономике, кибернетике, биологии, технических науках она выступает синонимом упорядоченности. Как научная категория, организация означает внутреннюю упорядоченность, согласованность, взаимодействие более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленные его строением.

Анализ научных работ, посвященных организации и управлению, позволяет сделать вывод, что общим для большинства авторов является взгляд на организацию как на процесс создания структуры системы (деятельности) и ее качественного совершенствования, а на управление – как на удержание созданной структуры в заданном (определенном) состоянии[2].

Г.А. Туманов проанализировал взгляды ученых на сущность организации и управления и их соотношение и разделил их на пять групп. Он выделил абстрактно-логический; конкретно-логический; управленческо-организационный; организационно-управленческий; спонтанно-организационный подходы. В соответствии с ними организация и управление – это близкие, но разные понятия: организация – часть управления; организация – функция управления; управление нуждается в организации. По его мнению, которое мы разделяем, организация – это деятельность по созданию структурной упорядоченности объекта[3].

Мысль об организации, как образующем начале расследования, впервые высказал ученый-криминалист А.В. Дулов. По его мнению, организовать расследование – это, прежде всего, определить его цели[4].

А.М. Ларин под организацией расследования понимал рациональный выбор, расстановку и приложение сил, орудий и средств, создание и использование оптимальных условий для достижения целей уголовного судопроизводства[5].

---

[1] Яблоков Н.П. О месте вопросов организации расследования в системе криминалистики // Проблемы организации расследования преступлений: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2006. С. 28-32.

[2] Глушков В.И., Добров Г.М., Терещенко В.И. Беседы об управлении. М., 1974. С. 174; Терещенко В.И., Брусиловский Б.А. Совершенствование структуры научных и управленческих организаций. Киев, 1975. С. 3; Туманов Г.А. Организация как функция государственного управления // Советское государство и право. 1986. № 1. С. 38-45.

[3] Туманов Г.А. Организация как функция государственного управления // Сов. государство и право. 1986. № 1. С. 38-45.

[4] Дулов А.В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979. С. 48-49.

[5] Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970. С. 59.

По мнению Р.С. Белкина, организация расследования – собирательное понятие, характеризующее различные уровни организации деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Она включает в себя четыре уровня:

1. Высший уровень организации расследования – система мер, обеспечивающих эффективность функционирования элементов системы и достижение поставленных перед ней целей. Это наиболее общий уровень организации расследования, когда единство системы обусловлено лишь единством целей, процессуальных и криминалистических основ функционирования ее элементов. Объектом первого уровня организации расследования является расследование преступлений как специфическая форма деятельности всех компетентных органов государства, т.е. органов предварительного следствия и дознания.

2. На втором уровне организация расследования выступает как основная функция следственного аппарата одного ведомства. Это управленческий уровень, состоящий из комплекса мер, обеспечивающих оптимальную структуру органов расследования, уровень управления ими, эффективность их деятельности и совершенствование ее средств и методов.

3. Третий уровень организации расследования – методический. Он включает в себя организацию расследования конкретного преступления; комплекс мер по созданию оптимальных условий для определения и применения наиболее эффективных и целесообразных в данной конкретной следственной ситуации рекомендаций криминалистической методики расследования преступлений.

4. Четвертый уровень – тактический, включающий в себя организацию проведения отдельного следственного действия или организационно-технического мероприятия в рамках конкретного акта расследования, а также комплекс мер, обеспечивающих выбор и применение в конкретной следственной ситуации наиболее эффективных и целесообразных технико-криминалистических средств и тактических приемов для достижения целей следственного действия или мероприятия[1].

До настоящего времени среди ученых-криминалистов и процессуалистов нет единого подхода к дефиниции организация раскрытия и расследования преступлений. Мы согласны с мнением В.Д. Зеленского, что различные точки зрения ученых по этому вопросу можно условно разделить на две группы[2]:

5. Л.М. Карнеева, А.М. Ларин, Л.А. Соя-Серко, С.И. Цветков полагают, что стержневым элементом организации являются мероприятия, обеспечивающие расследование. К ним они относят рациональный

---

[1] Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 147-148.

[2] Критерием деления является понимание целевого назначения организации и ее содержание.

выбор, расстановку сил, средств, создание и использование оптимальных условий для достижения целей уголовного судопроизводства[1]. Данная позиция в целом правильная, но она не полно отражает основной, базовый признак организационного подхода – образующее начало деятельности. Происходит это, по справедливому мнению В.Д. Зеленского, из-за недооценки деятельностного подхода[2].

6. А.В. Дулов, В.Е. Коновалова, С.А. Кучерук, И.П. Можаева, В.В. Степанов, М.П. Шаламов, Н.П. Яблоков придерживаются мнения, что организация является образующим началом расследования и средством обеспечения его эффективности[3]. Разделяем данную точку зрения и мы, поскольку она представляется более обоснованной.

Наиболее точное определение понятия «организации расследования» дал В.Д. Зеленский, согласно которому это «процесс его упорядочения путем создания умственной модели предстоящей и осуществляемой деятельности, создания условий для ее качественного производства и руководство практической реализацией»[4].

Отличие организации как криминалистического учения от процессуального порядка состоит, прежде всего, в том, что первое представляет системно-научные положения, носит рекомендательный характер, а второй – правовой характер, и, следовательно, обязательный для исполнения практическими работниками[5].

---

[1] Михайлов А.И., Соя-Серко Л.А., Соловьев А.Б. Научная организация труда следователя. М., 1974. С. 8-9; Цветков С.И. Состояние и перспективы использования данных науки управления в криминалистике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1977. С. 9-10.

[2] Зеленский В.Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Проблемы организации расследования преступлений: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2006. С. 23.

[3] Кучерук С.А. Тактика и взаимодействие органов следствия и дознания как основа деятельности при раскрытии и расследовании преступлений в особо сложных условиях: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 13-16; Степанов В.В., Можаева И.П. Организационные основы деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений как структурный элемент криминалистики // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 1 (3). С. 12-33.

[4] Зеленский В.Д. Указ. соч. С. 23.

[5] Можаева И.П., Степанов В.В. Организационные основы деятельности следователя по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. М., 2007. С. 13.

С.В. Зуев

Защита прав потерпевших в уголовном судопроизводстве (в свете решения Конституционного Суда РФ от 2.07.2013 № 16-П[1])

2.07.2013 в открытом заседании Конституционный Суд РФ рассмотрел дело о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Поводом к рассмотрению дела явились жалоба гражданина Республики Узбекистан Г. и запрос Курганского областного суда. Основанием к рассмотрению дела предстала обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции РФ оспариваемые заявителями положения закона.

Согласно ч. 1 ст. 237 УПК РФ судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случаях, если: обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление составлены с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения, акта или постановления; копия обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления не была вручена обвиняемому, за исключением случаев, если суд признает законным и обоснованным решение прокурора, принятое им в порядке, установленном ч. 4 ст. 222 или ч. 3 ст. 226 УПК РФ; есть необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера; имеются предусмотренные ст. 153 УПК РФ основания для соединения уголовных дел; при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ.

Оспаривающий конституционность названых законоположений гражданин Республики Узбекистан Г. в ходе рассмотрения Калининским районным судом города Санкт-Петербурга уголовного дела, по которому он был признан потерпевшим, дважды заявлял ходатайства о возвращении данного уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом на том основании, что органы предварительного расследования, по его мнению, квалифицировали действия обвиняемого как менее тяжкое, чем следует из фактических обстоятельств дела, преступление, допустив тем самым при составлении обвинительного заключения существенные нарушения требований УПК РФ.

Однако суд оставил эти ходатайства без удовлетворения, объясняя

[1] СЗ РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

это тем, что указанные в ч. 1 ст. 237 УПК РФ существенные нарушения требований УПК РФ, влекущие возвращение уголовного дела прокурору, не могут касаться ни его фактических обстоятельств, ни вопросов квалификации содеянного, ни доказанности вины обвиняемого и что ст. 252 УПК РФ предусматривает проведение судебного разбирательства лишь по тому обвинению, которое было предъявлено обвиняемому.

В другом случае Курганский городской суд Курганской области, рассматривая уголовное дело по обвинению ряда граждан в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 УК РФ, принял по собственной инициативе решение о возвращении данного уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, мотивировав свое решение несоответствием предъявленного обвинения описанию инкриминируемых обвиняемым деяний в силу квалификации их действий как менее тяжких, чем следует из фактических обстоятельств дела, преступлений.

Курганский областной суд, которому в связи с обжалованием государственным обвинителем соответствующего постановления суда первой инстанции данное уголовное дело было передано на рассмотрение в апелляционном порядке, в своем запросе в Конституционный Суд РФ утверждает, что ч. 1 ст. 237 УПК РФ – с учетом сложившейся практики ее применения и пределов судебного разбирательства – не соответствует ст.ст. 1 (ч. 1), 2, 17 (ч. 3), 21 (ч. 1), 45 (ч. 1), 52, 55 (ч. 1 и 3), 71 (пп. «в», «о») и 72 (п. «б» ч. 1) Конституции РФ, поскольку не позволяет суду в случае обнаружения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении несоответствия описания преступного деяния формулировке предъявленного обвинения по собственной инициативе – при отсутствии заявления обвиняемого, потерпевшего либо их представителей о нарушении их процессуальных прав на досудебной стадии производства по уголовному делу – возвратить данное уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом по основаниям, допускающим или предполагающим в дальнейшем возможность ухудшения положения обвиняемого, чем фактически исключают при постановлении итогового решения по уголовному делу возможность правильного применения судом уголовного закона и вынесения им по результатам судебного разбирательства законного, обоснованного и справедливого решения.

В результате рассмотрения поданной жалобы и поступившего запроса Конституционного Суда постановил:

Признать положения ч. 1 ст. 237 УПК РФ не соответствующими Конституции РФ, ее ст. 10, 17 (ч. 1), 19 (ч. 1 и 2), 21 (ч. 1), 45, 46 (ч. 1 и 2), 55 (ч. 3), 118 (ч. 1 и 2) и 120 (ч. 1), в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с ч. 2 ст. 252 УПК РФ, исключающей в судебном разбира-

тельстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

В обосновании принятого решения Конституционный Суд РФ представил следующие доводы.

Неправильное применение положений Общей и Особенной частей УК РФ, неправильная квалификация судом фактически совершенного обвиняемым деяния, а потому неверное установление основания уголовной ответственности и назначения наказания (хотя и в пределах санкции примененной статьи) влекут вынесение неправосудного приговора, что недопустимо в правовом государстве, императивом которого является верховенство права, и снижает авторитет суда и доверие к нему как органу правосудия. Продолжение же рассмотрения дела судом после того, как им были выявлены допущенные органами предварительного расследования процессуальные нарушения, которые препятствуют правильному рассмотрению дела и которые суд не может устранить самостоятельно, а стороны об их устранении не ходатайствовали, приводило бы к постановлению незаконного и необоснованного приговора и свидетельствовало бы о невыполнении судом возложенной на него Конституцией РФ функции осуществления правосудия.

Закрепляя в числе принципов государственного устройства России осуществление государственной власти на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную и самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, Конституция РФ, как следует из ее ст. 10, 11 (ч. 1), 18, 118 (ч. 2), 120 (ч. 1), 125-127 и 128 (ч. 3), отводит судебной власти, независимой и беспристрастной по своей природе, решающую роль в государственной защите прав и свобод человека и гражданина. Именно возложенными на нее прерогативами по осуществлению правосудия предопределяется ценность закрепленного ст. 46 (ч.ч. 1 и 2) Конституции РФ права на судебную защиту как гарантии всех других прав и свобод человека и гражданина, а также значение судебных решений как государственных правовых актов, которые выносятся именем РФ и имеют общеобязательный характер[1].

---

[1] Постановления Конституционного Суда РФ: от 4.04.2002 № 8-П // СЗ РФ. 2002. № 15. Ст. 1497; от 17.03.2009 № 5-П // СЗ РФ. 2009. № 14. Ст. 1770; от

По смыслу ст. (ч. 1), 2, 4 (ч. 2), 15, 17, 19, 118 (ч. 1) и 123 (ч. 3) Конституции РФ, в Российской Федерации, правовая система которой основана на принципе верховенства права как неотъемлемом элементе правового государства, право каждого на судебную защиту предполагает обеспечение всем субъектам права свободного и равного доступа к правосудию, осуществляемому независимым и беспристрастным судом на основе состязательности и равноправия сторон, а также охрану их прав и законных интересов не только от произвола законодательной и исполнительной власти, но и от ошибочных решений суда. Обязанность государства обеспечить осуществление права на справедливую, компетентную и действенную судебную защиту вытекает также из являющихся составной частью правовой системы РФ Всеобщей декларации прав человека (ст. 8), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 6) и Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 2).

Надо заметить, что далеко не все согласны с решением Конституционного Суда РФ от 2.07.2013 № 16-П. Не единодушны в своем решении были и члены данного суда.

Так, судья С.М. Казанцев считает, что исправление допущенных органами, осуществляющими уголовное преследование, нарушений или ошибок, если этим ухудшается положение подсудимого и нарушается его право на защиту, не может рассматриваться в качестве той конституционно значимой цели, ради которой требуется наделять суд несвойственной ему функцией обвинения и ограничивать право подсудимого на защиту. По его мнению, закрепленный в действующем законодательстве принцип недопустимости ухудшения положения подсудимого путем привлечения его к ответственности за те деяния, которые не были ему инкриминированы в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении, сам по себе не нарушает принципов справедливости, состязательности и равноправия сторон[1]. В своих рассуждениях С.М. Кузнецов ссылается на позицию А.В. Смирнова относительно того, что на досудебных стадиях процесса отечественное законодательство сохраняет существенные элементы следственного (инквизиционного или розыскного) порядка судопроизводства, при котором уголовный преследователь сосредоточивает в своих руках не только обвинительную, но и значительную часть судебной власти[2].

26.05.2011 № 10-П // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3356; от 8.11.2012 № 25-П // СЗ РФ. 2012. № 48. Ст. 6743.

[1] Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ С.М. Кузнецова // Собрание законодательства РФ. 2013. № 28. Ст. 3881

[2] Смирнов А.В. Некоторые актуальные проблемы уголовного права и процесса в свете положений российской Конституции и международного права // Рос-

Поддерживая со своей стороны в целом решение Конституционного РФ, хочется обратить внимание на то, что безусловное следование инициативе участников стороны обвинения или защиты, которые всегда преследуют собственный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от кого-либо. Кроме того, принятие на себя судом вынесение решения, направленного на исправление допущенных органами, осуществляющими уголовное преследование, нарушений или ошибок, которые могут затрагивать права и законные интересы потерпевших, не может рассматриваться как заведомо противоречащее закону.

В.Н. Исаенко

О некоторых проблемах защиты прав потерпевших в досудебном производстве

Обеспечение прав и законных интересов потерпевших – неотъемлемая обязанность должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, процессуальный контроль, а также прокурорский надзор в досудебном производстве.

Данная их обязанность диктуется положениями целого ряда международно-правовых актов, которыми являются Всеобщая Декларация прав человека 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международный пакт о гражданских и политических права 1966 г., Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений 1983 г., Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29.11.1985 № 40/34 и многие другие документы.

Согласно п. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и п. «а» Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. каждое участвующее в нем государство обязуется обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.

Общие требования международных правовых документов о защите их прав в виде норм прямого действия или в несколько измененной форме без искажения смысла воспроизведены и развиты в ст. 2, 19, 45, 46, 52, 53 и других Конституции РФ, в ст. 6, 6.1, 7, 11, 16 и др. УПК РФ, а также во многих иных федеральных законах.

сийский юридический журнал. 2011. № 2. С. 132-139.

В Рекомендации № R (85) 11, принятой 28.06.1985 Комитетом министров Совета Европы и адресованной государствам – членам этого сообщества, указано, что основной функцией уголовного правосудия должно быть удовлетворение запросов и охрана интересов потерпевшего.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (п. 2) подчеркнуто, что к числу решений и действий (бездействие) должностных лиц на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, способных причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства или иных лиц, чьи интересы нарушены, либо могут затруднить доступ граждан к правосудию, относится отказ в признании лица потерпевшим, поскольку он затрудняет доступ к правосудию и осложняет реализацию права на защиту нарушенных преступлением интересов.

Особенность уголовного судопроизводства состоит в том, что восстановление названных прав и интересов обеспечивается в первую очередь за счет своевременного начала расследования, установления и изобличения виновного, к которому потерпевший или его представитель могут предъявить законные претензии, в том числе материального характера. В противном случае цели защиты прав и интересов пострадавшего от преступления не будут достигнуты.

Соответственно, задачей участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения является принятие мер по надлежащему обеспечению, а также по восстановлению нарушенных прав и законных интересов этих лиц с момента их обращения в правоохранительные органы. Эта задача должна решаться на всех этапах досудебного производства. В первую очередь обеспечивать реализацию прав потерпевших обязаны сотрудники следственных органов и их руководители.

В постановлении Пленума Верховного Суда от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» подчеркнуто, что лицо, которому преступлением причинен вред, приобретает предусмотренные законом права и обязанности с момента вынесения следователем, дознавателем, руководителем следственного органа или судом постановления о признании его потерпевшим. Вместе с тем следует иметь в виду, что правовой статус лица как потерпевшего, устанавливается, исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им. Отказ в признании лица потерпевшим, а также бездействие, выразившееся в непризнании лица потерпевшим, могут быть обжалованы этим лицом в порядке, предусмотренном ст. 124 и 125 УПК РФ (п. 3).

В данном пункте постановления разъясняется также, что в решении

о признании потерпевшим должно быть указано, какими действиями и какой именно вред ему причинен, в том числе при причинении вреда сразу нескольких видов (физического, имущественного и морального, вреда деловой репутации).

Данная позиция Верховного Суда РФ ориентирует следователя, дознавателя вначале исчерпывающе установить характер негативных последствий для пострадавшего от преступления физического или юридического лица, прежде чем оно получит процессуальный статус потерпевшего. Данное обстоятельство. Как представляется, влечет определенное ограничение возможности обеспечения доступа потерпевшего к правосудию, реализации его процессуальных прав, предусмотренных ст. 42 УПК РФ.

Положение усугубляется и тем, что в УПК РФ отсутствуют нормы, предусматривающие допуск потерпевшего к материалам доследственной проверки даже при ее проведении на основании его обращения. Согласно ч. 2 ст. 145 УПК РФ заявителю сообщается о решении, принятом по ее результатам, и разъясняется право и порядок его обжалования. Это нередко отодвигает принятие решения о возбуждении уголовного дела и признании лица потерпевшим на неопределенный период, что следует расценивать как ограничение права потерпевшего на доступ к правосудию, установленного в ст. 52 Конституции РФ.

В досудебном производстве по уголовному делу наиболее распространены следующие виды нарушений прав потерпевших:

1. Непринятие или несвоевременное принятие от пострадавшего заявления о преступлении, волокита в его проверке и принятии законного и обоснованного решения по ее результатам, а равно несвоевременное возбуждение уголовного дела, волокита в расследовании.

2. Неуведомление заявителя о результатах проверки, предварительного расследования, что зачастую является следствием неразъяснения заявителю его прав.

3. Несвоевременное признание пострадавшего от преступления потерпевшим, несмотря на наличие в деле доказательств причинения ему вреда. Иначе говоря, он попросту выводится из числа участников процесса со стороны обвинения в надлежащем для него качестве.

Это – тот самый случай, когда фактическое положение потерпевшего не соответствует его правовому статусу. Следовательно, существует определенный пробел в законодательстве, суть которого в ущемлении права потерпевшего на ознакомление с материалами проверки сообщения о совершенном в отношении него преступлении. Так, 23.08.2009 жительница г. Серпухова Московской области Р. подала в УВД по г. Серпухову и Серпуховскому муниципальному району заявление о возбуждении уголовного дела по факту хищения принадлежащего ей имущества. В сентябре 2009 г. Р. дала объяснения по факту, изложенному в заявлении, и передала копии документов на похищенное иму-

щество, а в декабре 2009 г. вновь была опрошена в качестве свидетеля. До момента обращения с жалобой в суд заявитель не была признана потерпевшей. Постановлением Серпуховского городского суда Московской области от 25.12.2009 жалоба Р. удовлетворена частично – признано незаконным бездействие следователя Л. в части непринятия мер по признанию Р. потерпевшей по делу и ее допросу в качестве потерпевшей[1].

Вместе с тем следственной практике встречаются ситуации, в которых с целью установления факта действительного причинения гражданину вреда, дающего основание для его признания потерпевшим, требуется значительное время, проведение большого объема необходимых следственных и иных процессуальных действий. В частности, жительница г. Подольска Московской области С. обратилась к следователю по особо важным делам следственного отдела по г. Подольску Главного следственного управления Следственного комитета РФ по Московской области Б. с ходатайством о признании ее потерпевшей по уголовному делу, возбужденному 17.03.2012 в отношении бывшего начальника следственного управления при УВД по городскому округу Подольск и Подольскому муниципальному району П., так как его действиями в ходе расследования помощниками следователей Ш. и К.С.В. уголовного дела, где она является потерпевшей, существенно нарушены ее конституционные права на доступ к правосудию, а также на возмещение причиненного ей ущерба в особо крупном размере.

Постановлением следователя от 14.05.2012 С. было отказано о признании ее потерпевшей. С. обжаловала данное решение в суд в порядке ст. 125 УПК РФ. Постановлением судьи Подольского городского суда Московской области от 27.07.2012 С. отказано в ее жалобе на постановление следователя со следующей аргументацией.

Следователь, отказывая С. в признании потерпевшей, указал, что в ходе следствия подлежат исследованию все уголовные дела, по которым предварительное следствие проводилось ненадлежащими лицами, и по результатам исследования уголовных дел и иных обстоятельств будет дана оценка степени существенного нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а в зависимости от данной оценки будет рассматриваться вопрос о признании лиц, чьи права и законные интересы нарушены, потерпевшими по уголовному делу. На момент обращения С. с ходатайством о признании ее потерпевшей следствием не было получено достаточных данных о существенном нарушении ее прав и законных интересов. Суд также указал,

---

[1] Справка Московского областного суда «По результатам изучения практики применения городскими (районными) судами Московской области норм уголовно-процессуального права, регулирующего участие потерпевшего вт уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

что по делу проводится предварительное расследование, в ходе которого решается множество вопросов, в том числе и вопрос о признании лиц в качестве потерпевших по делу. На период вынесения постановления 14.05.2012 указанный вопрос не был следователем разрешен по существу, и поэтому отказ в удовлетворении ходатайства законен и обоснован.

Судебная коллегия Московского областного суда согласилась с указанными доводами и не усмотрела оснований для удовлетворения кассационной жалобы С., поскольку существенных нарушений уголовно-процессуального закона при вынесении постановления, которые могли бы повлечь его отмену, не было установлено[1].

Продолжает привлекать внимание и вопрос о том, кого следует признавать потерпевшим по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица. Согласно ч. 8 ст. 42 УПК РФ права потерпевшего в таких случаях переходят к одному из его близких родственников, при отсутствии таковых – к родственникам. Обращает на себя внимание то, что в рассматриваемой норме близкий родственник, который может быть признан потерпевшим, назван в единственном числе, а родственники – во множественном.

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 разъясняется, что в случае гибели лица от преступления, если при этом затрагиваются права и законные интересы сразу нескольких лиц, являющихся близкими родственниками погибшего, и они настаивают на предоставлении им прав потерпевшего, эти лица могут быть признаны таковыми с обязательным приведением мотивов такого решения. Принимая во внимание, что перечень близких родственников, указанный в п. 4 ст. 5 УПК РФ, является исчерпывающим, иные лица (например, соседи, знакомые погибшего) не могут быть признаны потерпевшими.

Однако до настоящего времени не дано разъяснений по поводу того, какие мотивы могут быть приведены и какие материалы дела могут быть положены в основу решения о признании потерпевшими группы близких родственников. Данное обстоятельство продолжает вызывать сложности и обусловливать различные подходы к решению этого вопроса в следственной практике.

Продолжает вызывать нарекания отсутствие в ст. 198 УПК РФ норм, предусматривающих равные права потерпевшего по сравнению с правами подозреваемого, обвиняемого при назначении судебной экспертизы и ознакомлении с заключением эксперта. Профессор В.М. Быков обоснованно обратил внимание и на то, что законодатель ошибочно, по его мнению, не указывает срок, в течение которого участники

---

[1] Кассационное определение Московского областного суда от 11.09.2012 № 22к-6478/12 // СПС «КонсультантПлюс».

уголовного процесса, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, должны быть следователем ознакомлены с заключением эксперта. По мнению ученого, этот срок должен быть не более пяти суток, иначе заинтересованные участники процесса не смогут своевременно ходатайствовать о назначении дополнительной или повторной экспертизы или истребовать заключение специалиста по результатам проведенной экспертизы[1]. Представляется возможным согласиться с данным предложением.

Полагаем также, что, несмотря на неоднократные разъяснения Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ о равном объеме прав, которыми могут пользоваться как подозреваемый, обвиняемый, так и потерпевший в связи с производством экспертизы, очевидна необходимость законодательного закрепления такого равенства.

Существуют и другие пробелы в законодательстве, препятствующие как самостоятельной реализации потерпевшим своих прав и отстаивания законных интересов в досудебном производстве, так и влекущие определенные недостатки в деятельности его участников со стороны обвинения, что является дополнительным барьером к полноценной защите прав потерпевших.

Обычно нарушения уголовно-процессуального закона, сопряженные с ненадлежащим обеспечением их прав, обусловлены:

а) недостаточной профессиональной подготовкой следователей и дознавателей;

б) недостаточным уделением ими внимания изучению норм международного права, положений Конституции РФ, УПК РФ, постановлений высших судов РФ по вопросам обеспечения прав потерпевших;

в) неполным выполнением требований УПК РФ, что особенно проявляется в случаях, когда потерпевшему объявляются, но не разъясняются его права, предусмотренные ч. 2 ст. 42 УПК, не раскрывается их содержание, что обусловливает невозможность им использования этих прав даже тогда, когда для этого имеются основания;

г) определенными упущениями в процессуальном контроле и прокурорском надзоре на данном участке;

д) оставлением руководителями следственных органов, прокурорами без внимания очевидных нарушений прав потерпевшего при изучении дела, особенно когда это происходит не в связи с жалобой на нарушение названных прав, а по другому поводу;

е) формальным отношением к проверке фактов необоснованного отклонения следователями ходатайств пострадавших от преступлений лиц об ознакомлении с материалами проверки их обращений, признании их потерпевшими, оказании содействия в приобретении ими

---

[1] Быков В.М. Постановление Пленума Верховного Суда РФ о правах потерпевшего в уголовном судопроизводстве // СПС «КонсультантПлюс».

должного процессуального статуса и обеспечения доступа к правосудию, что влечет прямые нарушения их конституционных прав.

Средствами предупреждения таких нарушений являются:

- предоставление потерпевшим возможности изложения и официального рассмотрения их разъяснений, мнений и ходатайств на всех этапах судопроизводства;

- разъяснение ведущими производство по делу лицами роли потерпевшего в ходе предварительного следствия, т.е. ознакомление их со всеми указанными в законе правами, в том числе права на возмещение причиненного преступлением вреда (ст. 44 УПК).

Изложенное свидетельствует о необходимости принятия комплекса организационных и практических мер по предупреждению ущемлений прав потерпевших в досудебном производстве на основе регулярного анализа состояния процессуальной деятельности следователей на данном участке.

В международном праве существует широко используемое понятие «прайвеси» (privacy), которое пока не имеет аналога ни в русском языке, ни в российском праве. Под ним понимаются все те аспекты жизни человека, которые подлежат безусловной правовой охране от каких бы то ни было посягательств извне, в том числе со стороны государства. Суть понятия «прайвеси» в 1890 г. лаконично и емко сформулировали американские юристы С. Уоррен и Л. Брандейс: «прайвеси» – это «право быть оставленным в покое». Представляется, что, опираясь на нормы международного и отечественного права, материалы правоохранительной практики реально возможно выработать подходы, использование которых поможет своевременно распознавать и предупреждать нарушения «прайвеси», т.е. конституционных прав граждан, которые в различном качестве вовлекаются в сферу уголовного судопроизводства, а первую очередь прав потерпевших. Своевременное и профессиональное реагирование на факты совершения преступлений обеспечит принятие мер по установлению и устранению их негативных последствий в разумные сроки, чтобы потерпевшие были спокойны и уверены в том, что их права будут надежно защищены.

И.В. Казначей

К вопросу о конституционных гарантиях участников уголовного судопроизводства использующих технические средства коммуникации в процессе доказывания

Обозначая потенциал допустимого использования технических средств коммуникации с позиций других участников собирания доказательств, обоснованным является утверждение В.М. Бозрова и Н.В. Костовской полагающих, что: «все собранные защитником (равно как

и другими субъектами на стороне защиты) материалы передаются лицу, ведущему досудебное производство, с ходатайством о приобщении их к делу в качестве доказательств или о вызове для допроса лиц, ранее опрошенных защитником. Таким образом, непосредственное формирование доказательственной базы по уголовному делу полностью сосредоточено в руках следственных органов»[1]. Данное мнение, косвенно подтверждает неравнозначность существующего использования рассматриваемой группы технических средств, среди участников процедуры собирания доказательств.

Еще одним условием законодателя, показательно исключающим равнозначность использования технических средств коммуникации, среди участников предусмотренных ст. 86 УПК РФ, является непозволительность применения аналогии в уголовно-процессуальном праве. Отсутствие на законодательном уровне аналогии в УПК РФ, устраняет возможность единообразно применить алгоритм действий, определяемый ст. 166 УПК РФ об использовании технических средств коммуникации (установленный для следователей, дознавателей, прокуроров и суда ч. 4. ст. 164 УПК РФ), по отношению к другим участникам процедуры собирания доказательств.

Категоричность действующих норм УПК РФ в отношении процесса доказывания, в частности собирания доказательств такова, что их несоблюдение влечет признание доказательств недопустимыми. На этот счет согласимся с мнением А.Л. Арипова, утверждающего, что: «при собирании доказательств отбираются фактические данные из массы объектов и предметов материального мира по признаку их относимости к расследуемому делу. При этом только те данные, которые надлежащим образом закреплены в процессуальных актах, могут быть признаны в качестве доказательств»[2]. Сторонником убеждений А.Л. Арипова, является А.Е. Федюнин указывающий, что: «Именно неопределенный порядок документирования фактов применения технических средств, а также форма представления полученных результатов органам предварительного расследования до настоящего времени являются одними из основных препятствий на пути соответствия материалов, полученных с применением технических средств, требованиям, предъявляемым к доказательствам действующим уголовно-процессуальным законодательством».[3]

Таким образом, в виду отсутствия однообразного процессуального

---

[1] Бозров В.М., Костовская Н.В. Некоторые проблемные вопросы оценки доказательств судом // Мировой судья. 2012. № 11. С. 13-22.

[2] Арипов А.Л. Собирание доказательств // Законность. 2009. № 8. С. 67

[3] Федюниен А.Е. Правовое регулирование применения технических средств в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 140.

механизма закрепления правил использования технических средств коммуникации в процессе собирания доказательств для подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, защитника, установилась единственная форма реализации такого использования, как: «помощь» или «содействие» органам уголовного преследования в собирании доказательств, посредством предоставления предметов. Наряду с этим, правовым фильтром предлагаемого содействия таких участников, выступают нормы ст. 75 УПК РФ.

Фактически такая группа участников процедуры доказывания лишается самостоятельной возможности собирать доказательства с использованием технических средств коммуникации, ограничиваясь помощью или содействием. А.А. Давлетов в отношении существующего несовершенства нормативно-правового обеспечения участников ч. 2, 3 ст. 86 УПК РФ, в собирании доказательств отметил, что: «собирание доказательств на сегодняшний день со стороны потерпевшего, подозреваемого, защитника не подкреплено каким-либо механизмом реализации»[1].

Очевидно, что недостаточная научная проработанность вопросов регламентированного использования технических средств коммуникации всеми участниками ст. 86 УПК РФ, розниться со ст. 15 УПК РФ и ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, гарантирующих один из основополагающих принципов современного судопроизводства: соблюдение состязательности сторон в процедуре доказывания.

Подтверждением имеющегося правового пробела служит Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 467-О «По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[2], согласно которому закрепленное в ст. 86 УПК РФ право подозреваемого, обвиняемого, их защитников собирать и представлять доказательства является одним из важных проявлений гарантии данных участников процесса на защиту от уголовного преследования и формой реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон. Официальные источники недвусмысленно подтверждают, что соблюдение равенства сторон в уголовном судопроизводстве определяется не столько их формальным равноправием, сколько точностью и полнотой реализации процессуальных функций обвинения и защиты[3]. Одной из иллюстраций отме-

---

[1] Давлетов А.А. Исключение доказательств – институт состязательного процесса // Актуальные проблемы права России и стран СНГ: мат-лы VII межд. науч.-практич. конф. (7-8.04.2005). Челябинск, 2005. Ч. I. С. 26-28.

[2] Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3. С. 176-185.

[3] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

ченного, является отсутствие упоминания в контексте ч. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ (защитник, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и т.д.), возможности собирать доказательства данной группой посредством предоставления иных документов, предполагающих использование технических средств коммуникации в рамках ст. 84 УПК РФ, заменив указанное на право собирать доказательства путем получения «предметов», истребования «справок», «характеристик», предоставления «письменных документов», и т.д. Одновременно учредив правила собирания доказательств с допустимым использованием технических средств коммуникации в предоставлении иных документов для участников ч. 1 ст. 86 УПК РФ, наделенных полномочиями на производство следственных действий.

Все эти явления, детерминируя друг друга, препятствуют соблюдению правил ст. 15 УПК РФ, гарантирующей состязательность сторон для всех участников уголовного судопроизводства в допустимости использования технических средств коммуникации, для собирания доказательств. Таким образом, обнаруживается нарушение правил ч. 3 ст. 123 Конституции РФ устанавливающих, абсолютное равноправие сторон в уголовном судопроизводстве.

Основываясь на представленном обратим внимание на ч. 2 ст. 84 УПК РФ, в которой законодателем императивно изложен перечень того, что обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять в качестве доказательств. Список ограничен письменными документами и предметами, без установления иных допустимых разновидностей доказательств. В п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитнику, в собирании доказательств делегируется право получать документы, вовсе без указания их формы (письменной или иной). Тем ни менее, при обозначении возможностей участников ч. 1 ст. 86 УПК РФ, законодатель предполагает расширительное обозначение: «производство следственных и иных процессуальных действий», не ограничивая последних в выборе доказательств на момент их собирания.

Таким образом, в соответствии с российским законодательством учреждается, что в рамках ст. 86 УПК РФ, только участникам перечисляемым в ч. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ строго предписано ограничится письменными документами и предметами. При всем том, употребление законодателем единственно-закрепленного выражения о письменных документах для участников ч. 2, 3 ст. 86 УПК РФ, должно быть осмысленно с позиций востребованного использования технических средств коммуникации для современного процесса собирания доказательств.

К.В. Камчатов

Конституционная гарантия компенсации потерпевшим от преступлений причиненного ущерба: состояние законности и проблемы обеспечения

Одной из форм практической реализации функций прокуратуры РФ, указанных в ст. 1 федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», является решение задач по обеспечению законности, конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве. Применительно к лицам, потерпевшим от преступления, основная конституционная гарантия содержится в ст. 52 основного закона – «права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Именно эти два направления в связке с положениями ст. 6 УПК РФ признаются одними из основополагающих направлений организации и осуществлении прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве.

Системный анализ правоприменительной практики и статистических показателей применительно к рассматриваемому вопросу позволяет выделить ряд тенденций.

Так, на фоне отрицательной динамики зарегистрированных преступлений (в 2011 г. зарегистрировано на 8,5% меньше, чем в предыдущий год; 2012 г. зарегистрировано 2 302,2 тыс. преступлений, что на 4,3% меньше, чем за аналогичный период прошлого года; в 2013 г. данная тенденция вероятнее всего будет сохраняться[1]) размер причиненного материального ущерба по оконченным и приостановленным уголовным делам (из числа находившихся в производстве) имеет незначительный рост[2]. Отчасти, это может говорить о повышении социальной опасности преступных деяний, совершение которых приводит к более существенным последствиям.

Теперь остановимся на обобщенных результатах практики процессуального закрепления и возмещения причиненного. Так, в 2010 г. сумма возмещенного ущерба до направления дела, подследственным СК при прокуратуре РФ, в суд (изъято и возвращено, добровольно погашено) составляет 12,4% от суммы ущерба, в причинении которого предъявлено обвинение по уголовным делам. Сумма имущества, на которое наложен арест в соответствии с требованиями, установленными ст. 115 УПК РФ, составляет 37,6% от суммы предъявленного.

---

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2011 – 1 пол. 2013 г. URL: http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports.

[2] По материалам статистических данных формы Сводный отчет по России, 1-Е за 2010-2012 гг.

Указанные показатели за рассматриваемый период по уголовным делам, подследственным органам дознания и предварительного следствия МВД России составляют уже совсем иную картину – 76,7% и 25,7%.

В 2011 в СК России рассматриваемые показатели составили 35,2% и 89,2%, следствие и дознание МВД России 82% и 19,5%. В 2012 г. в СК России 8,2% и 5,8%, следствие и дознание МВД России – 59,2% и 16,4%.

Приведенный анализ позволяет говорить о более стабильной практике органов предварительного следствия и дознания МВД России, чем в СК России. Кроме того, исходя из показателей статистики, сотрудники МВД России, прогнозируя динамику сведений о причиненном вреде, упреждающе организуют обеспечительные меры.

Важно иметь в виду еще одно обстоятельство. Общеизвестно, что объективные предпосылки реализации вышеуказанных гарантий формируются на досудебных стадиях. В этой связи состояние законности при возбуждении уголовного дела и проведении предварительного расследования напрямую соотносятся и обуславливают их эффективность. В период 2010-2012 гг. сохраняется положительная динамика выявленных прокурором нарушений закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении, которые составляют большинство от всех выявленных нарушений на досудебных стадиях. Незаконный отказ в возбуждении уголовного дела – искусственная конструкция перевода реального преступления в разряд латентных, при котором применительно в потерпевшему последний остается наедине со своими проблемами и бедами[1]. Срабатывает порочный стереотип: нет преступления – нет проблемы. Этим приносится еще больше страданий потерпевшим, которые не могут найти защиты и поддержки у власти. Таким образом, главная задача в уголовном судопроизводстве – защита граждан и организаций, потерпевших от преступлений, – выполняется неудовлетворительно[2].

Важно отметить, что статистика это все, что не подпадает в раздел латентных преступлений, поэтому руководствоваться абсолютными числами в качестве основных представляется некорректным. Другой вопрос, что в настоящее время кроме статистического учета мы не может располагать другим, более совершенным механизмом оценки эф-

---

[1] Бойков А.Д. Концептуальные проблемы проекта нового Уголовно-процессуального кодекса России // Прокурорская и следственная практика. 1997. № 2. С. 104.

[2] Из опыта работы городских и районных прокуроров в современных условиях: методическое пособие по материалам совещания-семинара городских и районных прокуроров Приволжского федерального округа / под ред. С.И. Герасимова. М., 2003. С. 12, 16.

фективности правоохранительной деятельности. С учетом того факта, что статистика не показывает полной объективной картины, полагаю необходимым сослаться на результаты обобщения практики прокурорского надзора и анкетных опросов прокурорских работников, проводимых в рамках научно-исследовательской деятельности НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ.

На практике ущемление или ограничение указанных конституционных гарантий лиц и организаций, потерпевших от преступлений, может выражаться как в непосредственной, так и в опосредованной форме, когда нарушения должностными лицами требований закона неизбежно отражаются на потерпевших.

Так, обобщение результатов надзорной деятельности прокуроров на досудебных стадиях уголовного судопроизводства позволяет говорить о тенденциях правонарушений в рассматриваемой сфере, характеризуемой их повторяемостью и распространенностью. Надзирающими прокурорами на постоянной основе устанавливаются нарушения прав и свобод лиц и организаций, потерпевших от преступлений: умышленно занижается его размер, характер вреда не определяется и не конкретизируется, не устанавливается степень тяжести физического вреда.

Нередко в процессе производства предварительного расследования лица, которым причинен вред преступлением, не устанавливаются или процессуально не оформляются. Фактические данные о вреде не определяются и процессуально не закрепляются. В ряде случаев в силу малозначительности совершенного преступления, а также наличия гражданско-правовых отношений, некомпетентно воспринятых органами предварительного следствия в досудебных стадиях уголовного судопроизводства уголовные дела (уголовное преследование) прекращаются, потерпевшие не получают доступ в правосудию в разумные сроки. Нередко нарушаются право потерпевших на получение информации, в частности, не ознакомление с результатами судебных экспертиз, отражающих характер и специфику причиненного ущерба.

Нарушения прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, отмечаются при проверках законности и обоснованности приостановления дознания и предварительного следствия: непроведение следственных действий, направленных на изъятие похищенного или предметов (орудий) преступлений (например, выемки, обыск, осмотр места происшествия); неустановление в полной мере объема похищенного имущества и причиненного вреда.

Одной из причин возвращения прокурорами уголовных дел в порядке, предусмотренном ст. 221 УПК РФ указано не устанавливается в полном объеме имущественный вред по делам о хищениях.

Распространенными причинами для возвращения судами уголовных дел прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ, явля-

лись неуказание характера и последствий совершенного преступления и неустановление характера и размера ущерба.

Анализ постановления судом оправдательных приговоров и постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям показывает, что предпосылки такого решения возникают на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, особенно на первоначальных стадиях расследования. Должностные лица органов дознания и предварительного следствия, надзирающие прокуроры, утвердившие обвинительные заключения (акты), не производили по делам полный и объективный анализ доказательств в их совокупности и взаимосвязи. В качестве основных причин в рассматриваемой сфере, побудивших суд вынести рассматриваемые виды решений и оказавших существенное влияние на права и законные интересы потерпевших, можно выделить малозначительность ущерба, а также ошибки, допущенные при производстве экспертиз по установлению тяжести причиненного вреда здоровью потерпевших, причины смерти, а также размера причиненного преступлением ущерба.

Существует ряд сложностей объективного и субъективного характера. Принимаемые участниками уголовного судопроизводства, осуществляющими уголовное преследование, меры не всегда являются эффективными. По-прежнему одним из острых вопросов, остается вопрос по возмещению ущерба, причиненного различного вида хищениями. Сложности возмещения практические повсеместно возникают при соблюдении прав потерпевших в рамках расследования уголовных дел о преступлениях в сфере топливно-энергетического комплекса, нецелевого расходования бюджетных средств, организованной преступности, рейдерских захватов, незаконной добычи и переработки биологических и природных ресурсов, в сфере долевого строительства многоквартирных жилых домов. По делам последней категории в качестве потерпевших нередко признаются несколько тысяч лиц, которым причинен ущерб в размере нескольких миллиардов рублей.

Репрезентативность проведенного анализа в целом подтверждается результатам опроса прокурорских работников. Так, в качестве одной из причин, которая характеризует УПК РФ как достаточным для защиты потерпевшими своих прав и законных интересов, является отсутствие возможности возмещения ущерба в случае неустановления лица, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого и невозможность взыскания с преступника материального вреда при отсутствии у него денежных средств. Одними из самых распространенных нарушений, указанных прокурорами, отмечалось неверное и неполное установление характера и размера ущерба, а также необеспечение возмещения вреда в виде непринятия обеспечительных мер. Также отмечаются непризнание гражданским истцом, не разъяснение потерпевшим права на подачу гражданского иска.

Среди сложностей, с которыми прокуроры сталкивались при обеспечении прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, отмечено отсутствие процессуального механизм оперативного возмещения вреда; невозможность взыскания имущественного ущерба с лиц, к которым применены принудительные меры медицинского характера; сложности с документальным подтверждением стоимости и принадлежности потерпевшему имущества; установление тяжести и существа вреда, причиненного юридическому лицу; несвоевременное представление сведений об ущербе; оценка значительности и существенности причиненного вреда; включение в исковые требования потерпевших сумм упущенной выгоды, которые не вменялись в состав обвинения. Указанные сложности преимущественно связаны с пробелами уголовно-процессуального законодательства.

Чуть менее половины опрошенных прокуроров считают обеспечительные меры, предусмотренные ст. 115 УПК РФ, не эффективными. Свою позицию, наряду с объективными факторами (только при ОРМ и следственных действиях можно установить вред, причиненный преступлением; сложность выявления; многоступенчатая система оценки и организации, бюрократические препоны; отсутствие у подозреваемых (обвиняемых) имущества или причиненный ущерб значительно превышает возможности его возмещения; сокрытие активов, вывод имущества из собственности), они обосновывает тем, что на практике достаточно часто лицо, ведущее расследование, несвоевременно заявляет ходатайства о принятии обеспечительных мер. Отмечается безынициативность, формализм, второстепенное отношение, традиционное непринятие указанных мер, как занимающих много времени. Это приводит к тому, что не устанавливается наличие и местонахождение имущества, распространена волокита при исполнении решений в части взыскания. Серьезную озабоченность вызывает отсутствие межведомственного взаимодействия.

Совершенствования прокурорского надзора в данной сфере прокуроры видят преимущественно в экстенсивном подходе развития, прежде всего связанным с дополнением нормативной правовой базы. Это более широкая конкретизация видов ущерба, безусловное предоставление права прокурору на предъявление гражданского иска в пользу потерпевшего, создание процессуальных механизмов полного возмещения вреда, причиненного преступлением, обязательность предъявления иска в интересах потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, введение отдельной статистической отчетности о возмещении вреда, установления процессуальной возможности опроса потерпевших в целях точного установления их позиций по уголовному делу, характера и размера причиненного вреда; введение принципа возме-

щения вреда; создание специального фонда помощи потерпевшим.

Указаны также и интенсивные методы: более активно применять институт гражданского иска, организовывать всесторонний контроль за возмещением ущерба, незамедлительно организовывать мероприятия по возмещению вред.

В заключении можно сказать, что не все предложения практических работников могут быть поддержаны. Вместе с тем, многих из них более чем необходимы для дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства. Особо необходимо отметить предложения относительно закрепления универсальных положений, обязывающих профессиональных участников уголовного судопроизводства, участвующих в уголовном преследовании, незамедлительно организовывать и осуществлять обеспечительные меры в целях полного и беспрепятственного возмещения причиненного преступлением вреда. В этой связи следует поддержать положения проекта федерального закона № 173958-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» (ред., подготовленная и принятая Государственной Думой Федерального Собрания РФ во II чтении 05.07.2013)[1], предусматривающего введение в УПК РФ ст. 160.1 «Меры по обеспечению гражданского иска», положения которой обязывают следователя, дознавателя в случае установления причинения имущественного вреда совершенным преступлением принять меры к установлению имущества подозреваемого, обвиняемого, либо лиц, которые в соответствии с законодательством РФ несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, и наложению ареста на данное имущество.

В целях повышения эффективности прокурорского надзора в рассматриваемой сфере считаем необходимым обратить внимание на возможность реализации мер управленческого (кадровое перераспределение, издание организационно-распорядительных актов) и методического характера (информационно-аналитическое обеспечение, распространение положительного опыта). Целесообразность данных предложений соотносится с результатами опроса прокурорских работников, указавших в качестве факторов, негативно влияющих на качество прокурорского надзора за соблюдением прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений в уголовном судопроизводстве, загруженность другими видами надзора (39% респондентов) и отсутствие соответствующих информационно-методических материалов (32% респондентов).

---

[1] URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf.

Ю.С. Каркошко

Особенности производства следственных действий, затрагивающих конституционное право на неприкосновенность жилища

Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения (ст. 25 Конституции РФ).

Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин отмечают, что данное право занимает значительное место в системе личных прав и свобод, обеспечивает защиту частной жизни человека от какого-либо постороннего вмешательства, вторжения в те сферы, в которых человек должен быть свободен. Оно отвечает естественному праву человека на анонимность его частной, личной и семейной жизни. Гарантия неприкосновенности жилища означает, что никто не имеет права без законного основания войти в жилище, а также оставаться в нем против воли проживающих в нем лиц. Одновременно названные авторы утверждают, что законодательство четко регламентирует случаи, когда это допускается, и круг уполномоченных на то органов[1].

В развитие положений Конституции РФ ст. 12 УПК РФ регулирует особенности осмотра жилища, а также обыска и выемки в нем. Вместе с тем ни слова не сказано о производстве в жилище других следственных действий, таких как проверка показаний на месте, следственный эксперимент, что приводит к возникновению проблем в практической деятельности следственных органов.

Так, после подробного допроса А., обвиняемого в совершении убийства, следователь решил, что его показания подлежат проверке на месте происшествия – в жилом доме.

На заявление Б., проживающей в этом доме и возражавшей против следственного действия в ее жилище, следователь, ссылаясь на ст. 12 и 177 УПК РФ ответил, что такое согласие потребовалось бы только в случае производства следственного действия – осмотра места происшествия.

В дальнейшем суд по жалобе Б. признал действия следователя незаконными в связи с нарушением конституционного права Б. на неприкосновенность жилища. [2]

Следует согласиться с мнением суда, применившего нормы Конституции Российской Федерации для урегулирования уголовно-

---

[1] Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учеб. М., 2004. С. 587.

[2] Архив следственного управления СК России по Свердловской области.

процессуальных правоотношений и вставшего таким образом на защиту конституционных прав гражданина. В данном случае в ходе проверки показаний на месте следователю необходимо было получить согласие владельца жилища на производство следственного действия в доме, отразив его мнение в протоколе, составляемом по правилам ст. 166 и 167 УПК РФ, и при получении возражений, прекратив проверку, обратиться в суд с соответствующим ходатайством.

Конституционным Судом РФ также высказывалось мнение о том, что положения ст. 194 УПК РФ не являются неопределенными и не содержат дозволения проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц при проверке на месте показаний, ранее данных подозреваемым или обвиняемым. [1]

В то же время не все положения действующего уголовно-процессуального закона, регулирующие производство следственных действий в жилище, представляются целесообразными.

Законодатель в ст. 29 УПК РФ, определяя компетенцию суда, установил полномочия по контролю за исполнением законов и обеспечению прав граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве на досудебных этапах, в частности отразив, что только суд правомочен принимать решения о производстве выемки в жилище (п. 5 ч. 2). Таким образом, в подобной ситуации постановления следователя недостаточно. Необходимо получить для этого решение суда, принимаемое в соответствии со ст. 29, 165 УПК РФ.

Критикуя данное положение закона, следует отметить, что выемка, в том числе в жилище, зачастую сопровождается согласием гражданина выдать предметы и документы, подлежащие изъятию. При наличии такого согласия основания считать нарушенным конституционное право гражданина на неприкосновенность жилища отсутствуют. Возникает вопрос, зачем получать судебное решение, разрешающее выемку в жилище, если лицо, проживающее в нем, против этого не возражает, и его согласие является добровольным и явно выраженным.

В целом уголовно-процессуальное законодательство нуждается в корректировке. Необходимо предусмотреть дополнительные гарантии, охраняющие интересы граждан, в жилище которых проводятся следственные действия. Так, представляется необходимым регламентировать производство проверки показаний на месте, следственного эксперимента в жилище. В то же время следует разрешить производство выемки в жилище при наличии согласия на производство данного

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2010 № 911-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киятова Николая Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 194 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

следственного действия со стороны проживающих лиц.

И.И. Карташова

Реализация принципа прямого действия Конституции Российской Федерации при расследовании преступлений

Конституция РФ 1993 г. в силу своей политико-правовой природы имеет фундаментальное значение для построения и дальнейшего развития всей системы отраслевого законодательства. Основной закон России устанавливает границы сферы правового регулирования, осуществляемого в государстве; задает направление властно-публичной деятельности, как в области осуществления правового регулирования, так и реализации нормативных предписаний в соответствии с Конституцией, и, одновременно с этим, устанавливает пределы прямого действия конституционных норм.

Нормативные положения, закрепленные в Конституции, являются, с одной стороны, основой, фундаментом для построения уголовного процесса в целом как отрасли права и отрасли законодательства, а с другой стороны, носят обеспечительный, гарантирующий характер. Так, в ст. 6 УПК РФ закреплено двойственное назначение уголовного судопроизводства. При этом на уровне конституционных предписаний установлены минимальные гарантии, как в отношении безопасности, восстановления прав, их компенсации всем членам общества, так и в целях обеспечения защиты личности, приобретшей специальный статус участника уголовно-процессуальных правоотношений (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный). Основополагающее значение приобретает норма ст. 2 Конституции РФ, признающей человека, его права и свободы высшей ценностью.

Значение основного закона России подчеркивается в ч. 1 ст. 15, впервые в истории отечественного конституционализма закрепившей принцип ее прямого действия. Указанное конституционное положение получило свое развитие в отношении конкретной группы норм (Глава 2. Права и свободы человека и гражданина) в ст. 18, в соответствии с которой права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

В связи с отсутствием официальных разъяснений содержания указанных конституционных положений в науке и на практике возникает дискуссионный вопрос о том, обязаны ли должностные лица органов, осуществляющих расследование преступлений, при осуществлении своей деятельности и вынесении правоприменительных актов руководствоваться и применять непосредственно нормы Конституции РФ без

необходимости их конкретизации нормами отраслевого законодательства?

Для ответа на поставленный вопрос первоначально необходимо определиться с пониманием содержания правовой категории «прямое действие» Конституции РФ. Исследование конституционных положений, актов толкования Конституционного Суда РФ, а также научных выводов, подтвердило тезис о многозначности рассматриваемого понятия. «Прямое действие» основного закона России может быть рассмотрено в качестве конституционного принципа, юридического свойства основного закона России, принципа правореализационной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, комплексного конституционно-правового института, научной категории.

Сущность «прямого действия» в общем виде заключается в возможности воздействия Конституции на общественные отношения с помощью собственных средств. Оно может осуществляться посредством влияния на правосознание с целью формирования правовой культуры. При этом воздействуют не конкретные нормы, а Конституция в целом, ее «дух и смысл». Социально-психологическое воздействие всегда непосредственное (прямое); основной закон действует на всех и каждого. Не исключение властно-публичные субъекты уголовно-процессуальных правоотношений. Напротив, для урегулирования правоотношения в действие включаются конкретные нормативные предписания основного закона.

Под юридическим прямым действием Конституции РФ как конституционным принципом предлагается понимать основополагающее начало, определяющее сущность и порядок непосредственной реализации конституционно-правовых норм уполномоченными на то властными субъектами для регулирования конкретных правоотношений без необходимости их конкретизации в отраслевом законодательстве. Сущность юридического прямого действия Конституции РФ заключается в нормативно обеспеченной возможности субъектов всего многообразия правоотношений к непосредственной реальной реализации конституционных норм, а также их эффективной реализации, в результате которой достигаются цели конституционно-правового регулирования.

Нами сформулирован комплексный критерий, позволивший разграничить непосредственное (прямое) и опосредованное действия. Он включает в себя: а) предметный критерий (группы общественных отношений, объективно входящие и (или) включаемые государством по своей воле в предмет конституционно-правового регулирования); б) субъектно-институциональный критерий (по субъекту реализации конституционных норм); в) процедурно-процессуальный критерий (по механизму действия конституционных предписаний).

Сфера непосредственного юридического действия (реализации) конституционных норм ограничена определенными пределами, в качестве которых выступает предмет конституционно-правового регулирования. При этом не все отношения, входящие в предмет конституционно-правового регулирования и закрепленные в Конституции РФ, подлежат непосредственной реализации. Ограниченность правового пространства, предусматривающего прямое действие (реализацию) детерминирована политико-правовым назначением и функциями Конституции. Конституция не является исчерпывающим регулятором всего многообразия общественных отношений. Основной закон государства призван урегулировать отношения, которые имеют первоочередное значение для существования, функционирования государства и общества в определенном правовом русле, а также установить основополагающие принципы, назначение которых стать основой, исходными началами для формирования сложной и притом эффективной системы правового регулирования отношений в интересах развития общества и государства. Нормы Конституции РФ действуют в сфере уголовных, уголовно-процессуальных правоотношений, но специально на их регулирование не рассчитаны. В сфере отраслевого регулирования общественных отношений конституционные нормы играют роль, с одной стороны, вектора его развития и формирования, с другой, – ограничивают данную сферу, определенными пределами: устанавливают минимум и максимум государственного вмешательства.

Развитость отраслевого регулирования (качественная, а не количественная) приводит к тому, что при реализации субъективных прав привлечение конституционных норм становится в практической деятельности излишним, поскольку все базовые предписания Конституции (наиболее часто они закреплены в форме конституционных принципов) включаются в систему отраслевого регулирования, либо дублируясь (в той же форме, без конкретизации), либо получая дальнейшее развитие уже как институт соответствующей отрасли права и законодательства (как элемент институционального отраслевого строительства).

В зависимости от сочетания вида правовой нормы по характеру регулируемых ею отношений (материальная или процессуальная) с видом правоотношений выявлена следующая закономерность: реализация правоприменителями при расследовании и рассмотрении уголовных дел материальных конституционных норм прямо запрещено; в уголовном судопроизводстве применяются конституционные процессуальные нормы, регулирующие саму процедуру судопроизводства (ст. 123, ч. 1. ст. 47), определяющие объем прав и обязанностей участников процесса (ч. 2 ст. 47, 48, 49, 51, 52). При этом в связи с их развитием в отраслевом законодательстве указанные конституционны нормы-принципы приобретают значение усиления мотивировки того или ино-

го процессуального действия в случае необходимости обеспечения баланса интересов всех субъектов уголовно-процессуальных отношений, подчеркивается конституционная, основополагающая природа тех или иных прав граждан.

Другим пределом прямого действия, являющимся, одновременно с этим, и условием прямого действия (реализации) Конституции РФ, а также критерием отграничения непосредственного действия ее норм от опосредованного, выступают требования, предъявляемые к субъектам их реализации в тексте самого основного закона России. Таким образом, субъекты непосредственной реализации Конституции РФ являются уполномоченными и одновременно с этим обязанными самой Конституцией (на высшем законодательном уровне) на обеспечение прямого действия той или иной нормы основного закона.

Отчасти раскрытие содержания принципа «прямого действия» Конституции РФ производится Конституционным Судом РФ посредством указания на субъектный критерий путем перечисления субъектов, для которых рассматриваемый принцип является обязательным. Так, в соответствии с правовыми позициями Конституционного суда РФ, выраженными в его решениях, «требования о прямом действии и строгом соблюдении Конституции РФ, закрепленные ст. 15 (ч. 1 и 2), обращены не только к законодателю, но и ко всем другим органам публичной власти и их должностным лицам», «... в силу прямого действия Конституции РФ являются обязательными как для законодателя, так и для правоприменительных органов, в том числе судов»[1]. Иными словами, Конституционный Суд РФ при толковании ст. 15 Конституции РФ ограничивает круг субъектов, применяющих непосредственно нормы основного закона, органами публичной власти и их должностными лицами, то есть субъектами, наделенными властными полномочиями. Представленные правовые позиции Конституционного Суда РФ не свидетельствует о тотальном прямом действии, непосредственном применении всех норм Конституции всеми субъектами, обладающими властными полномочиями. Поскольку сфера действия нормы ст. 15 Конституции РФ о её прямом действии предметно ограничена, постольку обращена к органам публичной власти и их должностным ли-

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других» // Российская газета. 2006. 03 мая.

цам как субъектам применения лишь, конкретных, отдельных конституционных норм, а не всего основного закона в целом.

Таким образом, роль принципа прямого действия Конституции в процессе осуществления деятельности по расследованию преступлений в полной мере подлежит реализации должностными лицами в социально-психологическом смысле. При этом юридическое непосредственное применение конституционных норм ограничено предметом правового регулирования. Выявлена целесообразность подробной регламентации процессуальной властно-публичной деятельности на уровне отраслевого законодательства в рамках и на основе конституционных предписаний.

И.А. Кирянина

Проблемы исчисления сроков предъявления обвинения подозреваемому, в отношении которого ранее была избрана мера пресечения, в случае помещения подозреваемого в психиатрический стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы

Нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие порядок предъявления обвинения подозреваемому, в отношении которого ранее была избрана мера пресечения, в случае помещения его в психиатрический стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы не были предметом оценки Конституционного суда РФ с точки зрения их соответствия Конституции РФ. Вместе тем, отсутствие в законе четко прописанной процедуры, порядка исчисления сроков предъявления обвинения подозреваемому, в отношении которого ранее была избрана мера пресечения, в случае помещения его в психиатрический стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы, ведет на практике к возникновению различного толкования норм уголовно-процессуального закона и их неоднозначному применению.

При решении вопроса об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого практические работники нередко сталкиваются с проблемой, в какой период после получения заключения судебно-психиатрической экспертизы следователю надлежит предъявить обвинение подозреваемому, в отношении которого ранее была избрана мера пресечения?

Срок, в течение которого в отношении указанного лица должно быть вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, законодателем не установлен.

Согласно ст. 203 УПК РФ, в случае помещения подозреваемого в психиатрический стационар для производства судебно-

психиатрической экспертизы срок, в течение которого ему должно быть предъявлено обвинение в соответствии со ст. 172 УПК РФ прерывается до получения заключения экспертов.

Устанавливая срок предъявления обвинения для подозреваемых, в отношении которых избрана мера пресечения, в случае помещения их в соответствующий стационар, законодатель подчеркивает исключительность подобной ситуации, указывая и на особый правовой статус подозреваемого и на необходимость соблюдения его прав и свобод.

В соответствии с положениями ст. 100 УПК РФ, обвинение должно быть предъявлено подозреваемому не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения, а если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу – в тот же срок с момента задержания. Если в этот срок обвинение не будет предъявлено, то мера пресечения немедленно отменяется, за исключением случаев, предусмотренных частью второй настоящей статьи.

Как следует из положений ч. 2 ст. 100 УПК РФ, обвинение в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 206, 208, 209, 210, 277, 278, 279, 281 и 360 УК РФ, должно быть предъявлено подозреваемому, в отношении которого избрана мера пресечения, не позднее 30 суток с момента применения меры пресечения, а если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу – в тот же срок с момента задержания. Если в этот срок обвинение не будет предъявлено, то мера пресечения немедленно отменяется.

Таким образом, ст. 100 УПК РФ предусматривает следующие варианты предъявления обвинения подозреваемым, в отношении которых избрана мера пресечения:

В случае, если в отношении подозреваемого избрана меры пресечения, не связанная с заключением под стражу, – не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения, в т.ч. подписки о невыезде.

В случае, если подозреваемому избрана меры пресечения в виде заключения под стражу – не позднее 10 суток с момента задержания.

В случае, если обвинение предъявляется подозреваемому, который не задерживался и в отношении него применена мера пресечения, не связанная с заключением под стражу, в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 206, 208, 209, 210, 277-279, 281, 360 УК РФ, то оно должно быть предъявлено не позднее 30 суток с момента применения указанной меры пресечения.

В случае, если обвинение предъявляется подозреваемому, который задерживался и в отношении него применена мера пресечения в виде заключения под стражу, в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 206, 208, 209, 210, 277-279, 281, 360 УК РФ, то оно должно быть предъявлено не позднее 30 суток с момента задержания.

Таким образом, в случае, если следователем в отношении подозреваемого, в отношении которого избрана мера пресечения, принято решение о назначении судебно-психиатрической экспертизы и о помещении его в стационар, срок предъявления обвинения, предусмотренный ст. 100 УПК РФ, прерывается до получения заключения экспертов.

Естественно, на практике, следователь может столкнуться с рядом сложностей. Например, лицо было задержано в порядке ст. 91 УПК РФ, затем, в порядке п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ срок задержания продлен до 72 часов и только потом избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Получается, что у следователя, в таком случае, остается менее 5 суток на предъявление обвинения?

В этом случае ему необходимо руководствоваться положениями ст. 100, 172 УПК РФ.

Прерывание срока не предусматривает его приостановление. Поэтому после получения заключения судебно-психиатрической экспертизы в отношении подозреваемого, в отношении которого ранее была избрана мера пресечения, действуют положения ст. 172 УПК РФ, согласно которым обвинение должно быть предъявлено лицу не позднее 3 суток с момента получения заключения экспертов.

Для исправления подобных коллизий ст. 100 УПК РФ может быть дополнена указанием о том, что в подобных ситуациях, когда вынесенное постановление о привлечении в качестве обвиняемого фактически не может быть ему предъявлено по причинам, устранение которых находится вне полномочий следователя, то указанные законодателем сроки (10 и 30 суток соответственно) являются обязательными для вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, при этом мера пресечения не подлежит немедленной отмене. А вот предъявляться указанное постановление должно, при наличии к тому оснований, с соблюдением требований ст. 172 УПК РФ, т.е. в течение 3 суток с момента получения заключения судебно-психиатрической экспертизы.

И.М. Комаров

Профессиональная защита от уголовного преследования: анализ понятия

В современных условиях развития российского общества институт профессиональной защиты от уголовного преследования находится на этапе своего становления, что, естественно, порождает ряд проблем, разрешение которых требует научно-практического исследования, основанного на анализе уголовной судебно-следственной практики.

Одним из механизмов, обеспечивающих соблюдение прав граждан в уголовном судопроизводстве, является их профессиональная защита

от уголовного преследования, осуществляемого уполномоченными государственными органами.

Однако, что собой, в сущности, представляет профессиональная защита от уголовного преследования?

Анализ современных определений понятия защиты в уголовном судопроизводстве позволяет систематизировать их на группы в зависимости от тех или иных существенных признаков, которые авторы кладут в основу своих дефиниций.

Ряд процессуалистов определяют защиту от уголовного преследования как процессуальную функцию[1].

Другие авторы полагают, что под защитой от уголовного преследования следует подразумевать определенные процессуальные действия[2].

По мнению процессуалистов, которых условно можно отнести к третьей группе авторов, защита от уголовного преследования может быть рассмотрена в качестве определенного вида деятельности участников уголовного судопроизводства[3].

Принципиально не расходятся с вышеприведенными определениями понятия защиты данные Г.А. Гинзбургом, А.Г. Поляком, В.А. Самсоновым[4], В.Д. Адаменко[5], А.М. Лариным[6], Г.П. Саркисянц[7] и Ю.Ф.

---

[1] Адвокат в советском уголовном процессе: пособие для адвокатов / под ред. И.Т. Голякова. М., 1954. С. 35, 67; Макарова З.В. Защита в российском уголовном процессе: понятие, виды, предмет и пределы // Правоведение. 2000. № 3. С. 218-220.

[2] Саркисянц Г.П. Защитник в уголовном процессе. Ташкент, 1971. С. 6; Добровольская Т.Н. Защита судебная. М., 1972. Т. 9. С. 394; Фаткуллин Ф.Н., Зинатуллин З.З., Аврах Я.С. Обвинение и защита по уголовным делам: учебное пособие. Казань, 1976. С. 110.

[3] Давыдов П.М., Сидоров Д.В., Якимов П.П. Судопроизводство по новому УПК РСФСР. Свердловск. 1962. С. 35; Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. С. 41; Мартынчик Е.Г. Развитие уголовно-процессуального законодательства. Кишинев, 1977. С. 10; Стецовский Ю.И. Уголовно-процессуальная деятельность защитника. М., 1980. С. 3; Комарова К.С. Защита от незаконного и необоснованного задержания и заключения под стражу в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 9; Бородин С.В. Профессиональная защита в системе уголовно-процессуального исследования преступлений (методологические, процессуальные и криминалистические аспекты): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. С. 8.

[4] Гинзбург Г.А., Поляков А.Г., Самсонов В.А. Советский адвокат. М., 1968. С. 34.

[5] Адаменко В.Д. Сущность и предмет защиты обвиняемого. Томск, 1983. С. 63.

[6] Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 25.

[7] Саркисянц Г.П. Защитник в уголовном процессе. Ташкент, 1971. С. 6.

Лубшевым[1].

Однако как бы не разнились известные определения понятий профессиональной защиты от уголовного преследования, концептуальным в содержании их сущности, на наш взгляд, является тезисе В.Д. Адаменко о том, что «если нет обвинения, то защита бессмысленна»[2]. На этом же тезисе выстроена и концепция понятия защиты М.С. Строговича, определенная им в качестве процессуальной функции, сутью которой является то, что защита – есть реакция на обвинение и возникает лишь там, где оно возникло[3].

Интересным в аспекте рассмотренных выше взглядов ученых на понятие защиты от уголовного преследования выглядят результаты опроса практических работников – следователей, адвокатов и судей. Значительная их половина (57.5%) видит в защите выполнение профессиональной функции противоположной уголовному преследованию, 25.6% респондентов полагают, что это определенного вида процессуальная деятельность участников предварительного расследования со стороны защиты, 12.3% в своих ответах совместили в понятии защиты – процессуальную функцию и деятельность процессуальных участников расследования, а 4.6% затруднились с ответом.

Не вдаваясь в анализ и критику определений понятия защиты, данных уважаемыми в науке уголовного процесса авторами, обратим внимание, что практически все они, за исключением, О.Я. Баева, М.О. Баева, К.С. Комаровой и С.В. Бородина, относятся к уголовно-процессуальным нормам, действовавшим до 2002 г.

По этой причине в современных условиях уголовного судопроизводства на пути определения понятия профессиональной защиты от уголовного преследования следует, на наш взгляд, обратиться к соответствующим исследованиям данной проблемы. В этом аспекте актуальным следует считать авторитетные мнения О.Я. Баева[4] и М.О. Баева[5], в соответствии с которыми исходным основанием этого процесса являются: 1) принципиально новое для нашего уголовного процесса законодательное видение назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и 2) отсутствие подлежащих защите приоритетов (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Данные положения, в нашем понимании являются сущностными

---

[1] Лубшев Ю.Ф. Адвокат в уголовном деле: учебно-практич. пособие / под ред. И.Б. Мартковича. М., 1997. С. 18.

[2] Адаменко В.Д. Сущность и предмет защиты обвиняемого. Томск, 1983. С. 9.

[3] Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. С. 71.

[4] Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. М., 2008. С. 451.

[5] Баев М.О. Теория профессиональной защиты: тактико-этические аспекты. М., 2006. С. 32-33.

основаниями современного определения понятия профессиональной защиты от уголовного преследования.

Вместе с тем, в этой связи, нельзя не обратить внимание на серьезный недостаток УПК РФ, который, по нашему мнению, требует своего устранения в аспекте вопросов профессиональной защиты от уголовного преследования.

Статья 5 УПК РФ устанавливает значение основных понятий, используемых в кодексе. Ее подробный анализ в аспекте рассматриваемых в настоящем параграфе проблем свидетельствует, что законодатель не определил значение понятия «защита», хотя понятие «обвинение» и «уголовное преследование» определены достаточно точно. Анализ содержания УПК РФ также не позволил выявить данное определение в соответствующих процессуальных нормах. Нам не известны причины, по которым законодатель поступил именно таким образом, так как в специальной литературе отсутствуют необходимые комментарии. Однако, считаем, законодательное определение этого важного процессуального понятия в законе должно присутствовать. Оно позволит отличать данный вид деятельности от других видов, связанных, например, с процедурами предварительного расследования, а, кроме того, создаст определенный фундамент для дальнейших научных исследований определения понятия профессиональной защиты от уголовного преследования.

Вероятно, это понятие может быть определено в п. 12 (прим.) ст. 5 УПК РФ. По нашему мнению, законодательно возможно закрепить следующее понятие: «Защита – процессуальная деятельность лиц, принимающих участие в уголовном процессе, с целью выполнения назначения уголовного судопроизводства».

Проведенное исследование понятия защиты позволяет нам выделить существенные признаки, которые отражают внутреннее содержание данного теоретического понятия, а это, в свою очередь, позволяет дать авторское его определение – определение понятия профессиональной защиты в уголовном судопроизводстве.

С учетом особенностей данного вида деятельности мы склоняемся к мнению, что профессиональная защита от уголовного преследования представляет собой определенного вида процессуальную деятельность.

Она носит профессиональный характер, то есть является основным родом занятий, трудовой деятельности, требующей определенной подготовки и являющейся обычно источником существования[1]. Поэтому, именно, профессиональную защиту может осуществлять соответствующим образом подготовленный специалист, преимущественно адвокат.

Предметом этого вида профессиональной деятельности является

---

[1] Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. М., 1998. С. 573.

защита законных интересов «подозреваемого и обвиняемого, их защита по своей юридической сущности имеет публично-правовое значение; она необходима для охраны прав и свобод лиц, привлекаемых к уголовной ответственности»[1], а целью «именно и только защита, помощь правосудию путем выполнения очерченной в законе специфически односторонней функции, защиты от осуществляемого против клиента уголовного преследования и обвинения в совершении преступления, защиты его и законных интересов»[2].

Здесь особо отметим, действительно, специфически односторонний характер функции защиты, на что достаточно давно обращают внимание процессуалисты[3], но в этой связи актуальным следует считать и мнение И.Д. Перлова о том, что деятельность защитника с одной стороны является односторонней, но, с другой – обстоятельства, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его ответственность, защитник должен выявлять не односторонне, однобоко, а полно, всесторонне, объективно[4].

Перед тем как дать соответствующее определение отметим, что по нашему убеждению деятельность адвоката-защитника всегда носит процессуальный характер, так как всегда в своей основе имеет только соблюдение и выполнение норм УПК РФ, с конечной целью деятельности «в обосновании того, что его подзащитный не виноват вовсе, либо виноват вовсе не так и не в том, в чем его обвиняют представители системы уголовного преследования»[5].

Поэтому профессиональная защита от уголовного преследования – это процессуальная деятельность адвоката по охране личности от необоснованного подозрения (обвинения), незаконного ограничения ее прав, свобод и законных интересов, с целью отыскания в процессе предварительного расследования обстоятельств, оправдывающих подозреваемого (обвиняемого) или смягчающих его ответственность в

---

[1] Макарова З.В. Активная профессиональная защита подозреваемых, обвиняемых, но не противодействие расследованию и правосудию / Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: сб. науч. трудов. М., 2007. С. 333.

[2] Баев О.Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений: проблемы качества, права и правоприменения. М., 2009. С. 175.

[3] Якимович Ю.К. Некоторые аспекты участия защитника в уголовном процессе / Правовые вопросы борьбы с преступностью: сб. / под ред. М.К. Свиридова. Томск, 1985. С. 11.

[4] Перлов И.Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1968.

[5] Баев О.Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве (правовые и криминалистические средства предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий: проблемы и возможные решения). М., 2010. С. 13.

инкриминируемом деянии.

Мы не претендуем на исключительность данного определения, но на наш взгляд, оно достаточно полно отражает сущность профессиональной защиты от уголовного преследования в стадии предварительного расследования.

Я.В. Комиссарова

О некоторых проблемных аспектах криминалистического обеспечения расследования преступлений

Согласно ст. 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства. Возложенная таким образом на государство обязанность реализуется посредством различного рода деятельности, в том числе правоохранительной. В ст. 18 Конституции РФ подчеркивается: права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. В свою очередь, эффективность правосудия определяется не только результативностью уголовно-процессуальной деятельности как таковой. Вынесение обоснованных и справедливых приговоров немыслимо без совершенствования криминалистического обеспечения расследования преступлений. С этой точки зрения научная дискуссия о целесообразности включения в криминалистику новых разделов имеет важное прикладное значение.

Руководствуясь тезисом о том, что получение криминалистически значимой информации всегда предполагает работу с ее материальным носителем, криминалисты, когда речь заходит об идеальных следах, неизбежно сталкиваются с так называемой «психофизиологической проблемой», суть которой заключается в поиске ответа на вопрос о соотношении психических и физиологических (нейробиологических) процессов и которая в настоящее время весьма далека от урегулирования даже на гипотетическом уровне[1]. Однако данное обстоятельство не помешало Л.А. Суворовой защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук, включив в число положений выносимых на защиту, тезис о целесообразности выделения «криминалистическая энграммологии» в самостоятельный подраздел «криминалистического следоведения», полагая что он должен охватывать «криминалистически значимые закономерности и особенности возникнове-

[1] См. подробно: Общая психология. В 7 т.: учебник для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Б.С. Братуся. Т. 3. Память / В.В. Нуркова. М., 2006. С. 272-277.

ния, существования, искажения, воспроизведения, иных трансформационных процессов идеальной уголовно релевантной информации, а также основанные на познании этих закономерностей законные и допустимые приемы и способы ее использования субъектом уголовно-процессуального исследования преступлений»[1]. Очевидно, что новатор не знает сути понятий, которыми отважно оперирует.

Слово «энграмма» (в переводе с греч.) означает «внутренняя запись»; так древние греки называли восковые таблички для записи значений различных знаков. Впоследствии под энграммой стали понимать гипотетическую «запись» в мозге, материальный носитель единичного воспоминания, совокупность изменений в нервной ткани, обеспечивающих сохранение результатов воздействия действительности на человека.

Изложенное позволяет нам внести важное уточнение в использование криминалистических терминов. Идеальные следы – это образы, несущие информацию о событии или его деталях, интересующую лиц, ведущих производство по делу, «следы в памяти», а энграммы – их физиологическая основа. Именно энграммы в литературе часто именуют «следами памяти».

Попытки уяснить физиологию памяти посредством изучения электрической активности человеческого мозга предпринимаются на протяжении почти 100 лет. Господствующей в настоящее время является точка зрения[2], согласно которой в мозге последовательно (иногда перекрывая друг друга) разворачиваются как электрические, так и биохимические процессы. Сначала в ответ на стимуляцию в мозге складываются замкнутые конфигурации активных нейронов (своеобразные модели стимулов). Активность нейронов приводит к выработке специфических белков, которые становятся материалом для структурных изменений в нервных клетках. Между клетками складываются устойчивые синаптические соединения – «материальные носители памяти», энграммы. Однако ряд феноменов (к примеру, феномен спонтанного восстановления памяти после воздействия электрошока) не укладывается в рамки гипотезы о последовательных стадиях развития энграммы, что с позиций физиологии не позволяет признать данную гипотезу оптимальной.

Внести таким образом ясность в решение вопроса мешают некоторые выявленные на сегодняшний день закономерности функционирования памяти. Предельно точным объяснением специфики проблемы, актуальной для уголовного судопроизводства в связи со сложностью решения вопроса о достоверности свидетельских показаний, является

---

[1] Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. С. 6, 13–15.
[2] Общая психология … С. 281.

высказывание известного специалиста в области исследования памяти Майкла Андерсона: «Люди склонны считать, что если они вспоминают что-либо случившееся двадцать лет назад, значит, они воспроизводят воспоминания двадцатилетней давности. Это справедливо только в том случае, если в течение этих двадцати лет мы ни разу не вспоминали об этом эпизоде. Но если мы вспоминали о нем, не исключено, что мы воспроизводим ту информацию, которую воспроизводили ранее. Факт воспроизведения какой-либо информации – сам по себе воспоминание со своим собственным контекстом и особенностями. Чем чаще мы вспоминаем то или иное событие, тем больше этих воспроизведенных событий накапливается в памяти. Если каждый раз информация воспроизводится полно и точно, этот процесс благоприятствует ее сохранению в памяти, если же вследствие вмешательства реконструкции воспроизведение неполное и неточное, может оказаться, что мы помним не то, что произошло на самом деле»[1].

Таким образом даже при беглом ознакомлении с сутью «психофизиологической проблемы» предложение о формировании «криминалистической энграммологии» представляется преждевременным. Но и целесообразность пополнения раздела «Криминалистическая техника» за счет «криминалистической полиграфологии» (во всяком случае, в том виде, в каком эту идею, в свое время выдвинутую В.А. Образцовым, развивает в своих публикациях Ю.И. Холодный) вызывает серьезные сомнения.

Ю.И. Холодный придерживается мнения о том, что по результатам тестирования на полиграфе можно судить о наличии или отсутствии энграммы в памяти человека и о ее состоянии. Указывая, что воспринятая человеком посредством анализаторов (зрительного, слухового и т.д.) информация «в результате деятельности различных структур мозга трансформируется в совокупную активность множества нейронов, которые образуют нейрональный след того или иного события в виде энграммы», он полагает, что в последующем «это нейрофизиологическое отражение конкретного события, запечатленного в памяти, предстает в сознании человека как образ («идеальный след») этого события»[2].

С учетом отмеченного выше отсутствия в науке единого подхода к решению психофизиологической проблемы, вариабельности и труднодоказуемости выдвигаемых на этот счет гипотез (включая те, с помощью которых ученые пытаются объяснить природу энграмм), специфики процесса извлечения информации из памяти, такого рода сужде-

---

[1] Баддли А., Айзенк М., Андерсон М. Память / под ред. Т.Н. Резниковой. СПб., 2011. С. 272-273.

[2] Полиграф в России: 1993-2008: ретроспект. сб. статей / авт.-сост. Ю.И. Холодный. М., 2008. С. 45-47, 87-90.

ния с научной точки зрения нельзя признать корректными.

В свое время А.Н. Леонтьев писал о несводимости психического к физиологическому (невозможности свести психологические законы к законам деятельности мозга), о том, что уже к концу 70-х гг. прошлого столетия сложились достаточно четкое фактическое различение психических процессов, с одной стороны, и реализующих эти процессы физиологических механизмов, с другой, а также система объективных психологических методов, в том числе методов пограничных, психолого-физиологических исследований[1]. Этот постулат не утратил своей актуальности и сегодня. Связь мозга и психики является системной, а не линейной; принципиально невозможно найти прямое соответствие любого психического явления каким-то физиологическим процессам головного мозга[2].

За десятилетия проведения проверок на полиграфе во многих странах мира было не только накоплено значительное количество эмпирического материала, свидетельствующего об эффективности его применения, но и предложено множество теорий, отражающих попытки ученых и практиков описать природу психофизиологических реакций, выявляемых в ходе исследования с применением полиграфа[3]. В начале XXI в. по ходатайству Министерства энергетики США под патронажем Национальной академии наук по заданию Правительства США был сформирован Комитет по исследованию научной обоснованности полиграфа (Committee to Review the Scientific Evidence on the Polygraph). В результате фундаментального анализа практически всех аспектов проблемы, проводившегося экспертами в течение 19 месяцев, американские ученые констатировали, что «теоретическое обоснование применения полиграфа является весьма слабым», а различные теории оправдывают свое существование в различных ситуациях[4].

На наш взгляд, появление новых теорий (при условии их фундаментального научно-экспериментального обоснования) вполне способно приблизить ученых и практиков к пониманию природы психофизиологических реакций, выявляемых в ходе тестирования на полиграфе, но о разработке универсальной теории в обозримом будущем речь не идет. Это значит, что «криминалистическая полиграфология» пока не может претендовать на статус отрасли криминалистической техники. Впро-

---

[1] Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2-х т. Т. II. М., 1983. С. 123.

[2] См., например: Чеховских М.И. Психология: учеб. пособие. М., 2003. С. 8-9.

[3] Обзор теорий см.: Обухов А.Н., Обухова И.П. Теоретические и методические основы применения полиграфных устройств: учеб. пособие. Домодедово, 2010. С. 13-25.

[4] Цит. по: Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественно-научные основы // Вестник криминалистики. Вып. 2 (14). М., 2005. С. 45-48.

чем, данное обстоятельство, учитывая специфику человекознания, не должно служить основанием для отказа от использования полиграфа в борьбе с преступностью и кадровой работе в форме, адекватной существующей степени научной обоснованности психофизиологического метода «детекции лжи» с применением полиграфа.

По мнению автора статьи[1], эмпирическим путем доказанная эффективность использования полиграфа (при условии соблюдения всех «технологических» параметров проведения исследования), а также знание и понимание природы отдельных, наиболее важных процессов, обуславливающих возникновение психофизиологических реакций в ходе тестирования на полиграфе, являются основанием для того, чтобы вопрос о возможности производства экспертиз с применением полиграфа перевести из разряда дискуссионных в практическую плоскость. Главное не переоценить значимость полученных таким образом доказательств.

А.В. Котяжов

О некоторых аспектах защиты конституционных прав и свобод граждан, при розыске следователем несовершеннолетнего, пропавшего без вести

Исследователи и политические деятели оценивают Конституцию РФ как первую конституцию, вобравшую в себя ценности мирового конституционализма. Статья 2 Основного закона гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства». Развиваясь в национальном законодательстве, данная норма определяет смысл и содержание правоприменительной деятельности органов расследования, в том числе при защите прав несовершеннолетних потерпевших[2] и иных граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Смена идеологии и падение уровня жизни населения в переходный период построения правового государства способствовали деформации восприятия общечеловеческих ценностей. В результате дети все чаще становятся жертвами убийств, нередко сопряженных с изнасилованием

---

[1] См. подробно: Комиссарова Я.В. Задачи, объект и предмет судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4). С. 251-275.

[2] Федеральный закон от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в уголовный кодекс Российской Федерации»; ч. 2 ст. 45 и ст. 191 УПК РФ; Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 1.06.2012 № 761.

или насильственными действиями сексуального характера, а также похищений, с целью получения выкупа, сексуальной эксплуатации и т.п. Только за 2012 г. в результате совершения преступлений 2139 несовершеннолетних погибло, 2705 подросткам причинен тяжкий вред здоровью, что соответственно на 21,5% и 7,4% превысило показатели 2011 г.[1] Общество обеспокоено несоблюдением обязанности родителей по воспитанию детей, что нередко влечет самовольные уходы несовершеннолетних из дома, их безнадзорность и гибель в результате несчастных случаев.

Ужесточение уголовно-правовой ответственности и негативное отношение общества к лицам, совершившим преступления в отношении несовершеннолетних, вызвали высокий уровень противодействия расследованию, в том числе путем совершения преступлений в условиях неочевидности, их маскировки исчезновением несовершеннолетних.

В 2012 г. из 13455 находившихся в розыске несовершеннолетних, пропавших без вести, местонахождение и судьба 1382 детей остались неизвестными.

Внезапное исчезновение и отсутствие информации о судьбе несовершеннолетнего, обладающего ввиду физической и психической незрелости высокой степенью виктимности, предполагает наличие угрозы его жизни, здоровью, свободе и личной неприкосновенности (ст. 20, 22, 41 Конституции РФ) и должно вызывать реакцию правоохранительных органов, направленную на незамедлительную организацию розыска в т.ч. с использованием комплекса средств и методов, рекомендованных криминалистикой.

Проведенный нами анализ криминалистической литературы, нормативных актов правоохранительных органов и следственной практики позволил определить деятельность следователя по розыску несовершеннолетнего, пропавшего без вести, как систему действий следователя, осуществляемых при постановке задачи розыска указанного лица в период проверки сообщения о преступлении на всех этапах расследования, либо в работе по приостановленному уголовному делу, с целью обнаружения пропавшего без вести несовершеннолетнего или его трупа, посредством использования предусмотренных законом и рекомендованных криминалистикой средств и методов.

На основе нашего исследования можно утверждать, что возникновение задачи розыска при расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с исчезновением несовершеннолетних, в большей степени вызвано скрытым противодействием розыску (как части расследования) со стороны преступника и связанных с ним лиц. По 145 уголовным делам (из 169 изученных) установлены признаки противодействия розыску со стороны преступника. По остальным 24 делам выяс-

[1] Отчет по форме 3-ЕГС. Раздел 4. М., 2013.

нилось, что причинами исчезновения несовершеннолетних был самовольный уход из дома либо несчастный случай.

По нашему мнению, основная цель противодействия розыску по рассматриваемым нами делам состоит в воспрепятствовании обнаружению пропавшего или его останков, а также других следов – источников доказательственной и ориентирующей информации о событии преступления и личности преступника.

Несовершеннолетний потерпевший, является одним из основных носителей криминалистически значимой информации, отображающей различные элементы расследуемого события как в форме материально-фиксированных следов, так и в форме мысленных образов в своем сознании. Его обнаружение позволяет установить механизм преступления (время, место, способ, обстановку совершения преступления), установить личность преступника по оставленным им следам (отпечатки пальцев, носители генетической информации и т.п.). Поэтому преступник, стремясь избежать уголовной ответственности, избирает такие способы противодействия розыску, использование которых позволит либо никогда не обнаружить потерпевшего («постоянное» противодействие), либо хотя бы отсрочить момент обнаружения пропавшего или его останков («временное» противодействие). В последнем случае он нередко рассчитывает на утрату (уничтожение) необходимых доказательств в результате воздействия условий среды – погодных, биологических и т.п. факторов с течением времени[1].

По рассматриваемому виду преступлений противодействие начинается еще до начала расследования, когда имеющий временное преимущество преступник осуществляет подготовку к совершению преступления, уничтожает свои следы на месте преступления либо подменяет их следами лиц, не имеющих отношения к преступлению. Им подчас заблаговременно готовится «ложное алиби» или осуществляется маскировка факта совершения преступления, путем создания представления о самовольном уходе ребенка из дома.

Как показывает практика, для преодоления противодействия розыску пропавшего необходимо применение комплекса розыскных средств (следственных, организационных и иных действий в совокупности с розыскными тактическими операциями), рекомендованных криминалистикой. Их выбор, а также тактика применения зависят от способа противодействия и сложившейся следственно-розыскной ситуации.

Для нейтрализации оказываемого (и предупреждения будущего) противодействия розыску в период доследственной проверки и на первоначальном этапе расследования необходима организация широкомасштабных розыскных мероприятий с привлечением весьма значи-

---

[1] Мешков В.М. Основы криминалистической теории временных связей. М., 1994. С.60.

тельных людских и технических ресурсов. Сущность указанных мероприятий заключается в т.ч. проверке на причастность к совершению преступления широкого круга заподозренных лиц, путем проведения допросов, следственных осмотров, выемки, получения образцов генетического характера, информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; сбора характеризующей информации о личности заподозренных, проверки алиби, обследование при помощи полиграфа и т.п.

Понятие заподозренного можно определить как лицо, в отношении которого имеются данные о причастности к совершению преступления, однако ни один из пунктов ч. 1 ст. 46 УПК РФ к нему не подходит.

Практика показывает, что в ряде случаев в число таких лиц при расследовании связанном с розыском несовершеннолетнего, пропавшего без вести, попадает значительная часть населения небольшого муниципального образования. Массовой проверке заподозренных способствует комплекс мероприятий – взятие объяснений, оперативная проверка и полиграфный опрос, производимый на основании добровольного согласия указанных лиц.

Несомненно, указанные меры в случае пропажи ребенка (обнаружения трупа пропавшего с признаками насильственной смерти), весьма эффективны, а отказ заподозренного лица от полиграфного опроса является одним из признаков противодействия расследованию.

Так, в июне 2009 г. в г. Шимановске Амурской области во время следования из школы домой пропали без вести Т. и В., 9 лет. На телефонные звонки девочки не отвечали, хотя мобильный телефон продолжал работать. По данному факту немедленно было возбуждено уголовное дело и были созданы оперативный штаб и следственно-оперативная группа. В широкомасштабных розыскных мероприятиях были задействованы сотрудники территориального органа внутренних дел и аппаратов УВД по Амурской области, МЧС, Федеральной пограничной службы ФСБ РФ, общественность, средства массовой информации. В результате проведения оперативно-технических мероприятий был установлен примерный район работы мобильного телефона – участок лесного массива в 4-х километрах от города. При его прочесывании были обнаружены трупы детей с признаками насильственной смерти. В ходе осмотра места преступления обнаружили следы шин автомобиля УАЗ. Среди лиц, управлявших автомобилями указанной модели, в качестве свидетеля был допрошен Ч., который сообщил, что в день пропажи детей заметил в городе неизвестный автомобиль УАЗ, с цифрами 3 и 4 в государственном номере. При его активном участии был составлен композиционный портрет водителя. Однако от проведения опроса с использованием полиграфа, а также допроса с участием специалиста по активации памяти Ч. отказался, мотивируя тем, что у него бывают нервные срывы, которые усилились с течением времени.

Проверка информации показала, что Ч. описал внешность гр. Р., также работающего в Шимановске водителем служебного автомобиля УАЗ, государственный номер 243. Причастность последнего к совершению преступления не подтвердилась. В ходе дальнейшего расследования после проведенной оперативно-тактической комбинации Ч. признался в том, что обманом посадил ранее незнакомых ему девочек в свой служебный автомобиль и, с целью реализации внезапно возникшего умысла на убийство, вывез детей в лес, где совершил преступление и скрыл трупы потерпевших. Полученные сведения были подтверждены проверкой показаний на месте и результатами судебных экспертиз. Преступник осужден по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ к лишению свободы пожизненно[1].

Несмотря на эффективность указанных мер (полиграфного обследования, дактилоскопирования, изъятия образцов генетической информации и др.), их применение в отношении лиц, ранее заподозренных, но оказавшихся непричастными к преступлению, не в полной мере отвечает назначению уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 6 УПК РФ), а в ряде случаев нарушает неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

По нашему мнению, введение в уголовно-процессуальный закон понятия заподозренного лица, позволило бы устранить коллизию уголовно-процессуальных норм и положений иных федеральных законов.

С.М. Коцюмбас

О некоторых проблемах реализации прав потерпевшего при расследовании уголовных дел

Защита прав потерпевшего как жертвы преступления, в том числе и обеспечение его безопасности, а также безопасности его близких родственников (ч. 3 ст. 11 УПК РФ) представляют собой важное направление деятельности законодателей и правоохранителей всех цивилизованных государств мира. Россия в этом отношении не является исключением.

В странах так называемой англо-саксонской правовой системы потерпевшие имеют статус ответственного свидетеля в собственном деле. Здесь следует отметить, что не всегда, когда национальное уголовно-процессуальное законодательство предоставляет потерпевшим довольно пассивную роль в деле защиты своих нарушенных прав, жертвы преступлений остаются беззащитными.

Дело в том, что в этих случаях функцию обвинения в основном ответственно берут на себя правоохранительные органы государства,

[1] Уголовное дело № 987287-2010 // Архив Амурского областного суда.

которые осуществляют достаточно эффективную защиту личных и имущественных прав потерпевших и свидетелей обвинения, равно как и обеспечение их безопасности.

В целях морально-психологической поддержки и юридической подготовки жертв преступлений к нелегкой судебной процедуре эти государства создали специальные службы для оказания всесторонней помощи потерпевшим от преступлений лицам. Эти специальные службы призваны гарантировать охрану безопасности потерпевших и свидетелей совершенного преступления, постоянно сопровождать их в течение всего хода уголовного судопроизводства.

Действующее российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, в котором потерпевший наделен сравнительно высоким правовым статусом и активной процессуальной ролью, не должно исключать положений об обязательной и эффективной защите и поддержке потерпевших со стороны правоохранительных органов, в частности органов, выполняющих функции государственного обвинения.

Прежде чем перейти к проблемам реализации и соблюдения прав потерпевших, которые существуют в настоящее время, хотелось бы обратить внимание на то, что Государственная Дума РФ в апреле текущего года приняла в первом чтении законопроект, наделяющий потерпевших дополнительными правами.

Законопроект предусматривает право потерпевших на получение копий процессуальных документов, затрагивающих их интересы, мнение потерпевшего будет учитываться при избрании меры пресечения обвиняемому, меры защиты в отношении потерпевших будут применяться и после завершении производства по делу. Также законопроектом предусмотрено право потерпевшего подавать заявление об установлении судом над лицом, освобожденного из мест лишения свободы, административного надзора, а также получать письменное уведомление о прекращении такого административного надзора. Кроме того, суд сможет наделять потерпевшего правом получения информации о прибытии осужденного к месту отбывания наказания и о времени его освобождения из мест лишения свободы.

Несмотря на возникающие вопросы в том числе и фактическое превращение потерпевшего во второго государственного обвинителя, несомненно, указанные в проекте закона нововведения расширяют права потерпевших и безусловно будут способствовать реализации данных прав.

Также в свете последних законодательных инициатив обращает на себя внимание и то, что Конституционный суд РФ рассмотрел дела о проверки соответствия Конституции РФ ст. 237 УПК РФ, которая регламентирует возвращение судами уголовных дел прокурорам.

Но это все дело ближайшего будущего. А что происходит у нас на данный момент? Все чаще в судебной практике мы сталкиваемся с

нарушением конституционных прав потерпевших на доступ к правосудию, когда следователи направляют в суд дела с обвинительными заключениями не соответствующими закону, где, например, вопреки материалам дела имеет место занижение объема обвинения, выводятся из дела лица причастные к совершению преступлений.

Такое «выборочное правосудие» создает условия для коррупции, нарушает конституционные права граждан, а именно, потерпевших от преступлений, наносит вред авторитету правоохранительных органов, судебной власти и государства в целом.

Следующее на, что хотелось бы обратить внимание. Положения ч. 3 ст. 42 УПК РФ, ст. 52 Конституции РФ, ст. 6 Европейской конвенции по правам человека предусматривают, что потерпевшему должно быть обеспечено возмещение вреда, причиненного преступлением.

По всем уголовным делам рассмотренным судами Белгородской области в 2012 г. органы предварительного расследования разъясняли потерпевшим права, предусмотренные ст. 42 и 44 УПК РФ, в том числе право на предъявление гражданского иска.

Вместе с тем, форма разъяснения такого права позволяет прийти к выводу о «формализме», допускаемом органами следствия, о чем дополнительно свидетельствует низкий процент заявления гражданских исков по уголовным делам который составляет в среднем – 20%.

Отметим, что не все лица, пострадавшие от преступления, понимают, что представляет собой гражданский иск, как при производстве по уголовному делу можно получить возмещение причиненного преступлением вреда и не осознают многие другие аспекты, которые очевидны для людей с юридическим образованием и совершенно не понятны тем, кто не имеет отношения к юриспруденции.

В этой связи разъяснение прав пострадавшим от преступления не должно сводиться к простому их перечислению, а должно быть более содержательным, имеющим цель не формальной отписки, а выяснения у потерпевшего действительного осознания своих прав. Что касается сбора доказательств, подтверждающих гражданский иск, то органы расследования собирают их не в полном объеме, что является одним из факторов, влияющем на принятие судами решений о передаче исков для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства в связи с неподтвержденностью размера вреда доказательствами. Как показывает практика, по большинству уголовных дел следователи не предпринимают реальных меры по установлению имущественного положения обвиняемого (гражданского ответчика) и его имущества, на которое может быть наложен арест в целях реального возмещения ущерба причиненного потерпевшему преступлением.

По основной массе дел следователи порой лишь прикладывают справку о доходах обвиняемого, если таковые имеются, оставляя не менее важные вопросы без внимания (запросы в банки, управления по

регистрации недвижимости, ГИБДД) и другие учреждения и организации, которые могут обладать информацией о наличии у обвиняемого денежных средств и иного имущества. В таких случаях суд, не являясь органом уголовного преследования лишен возможности по своей инициативе предпринимать указанные меры.

В настоящей статье, с учетом ее рамок, обозначены лишь некоторые сложные вопросы, связанные с реализацией прав потерпевших при расследовании преступлений. Однако, на наш взгляд, данная проблема является актуальной для правоприменительной практики и требует более глубокой научной проработки.

В.Ф. Крючкова

Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству – конституционное право граждан

В России ежегодно около 10 миллионов человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел по особо тяжким преступлениям. Из них каждый пятый получает угрозы с целью изменения либо отказа от даваемых показаний. Значительное количество граждан, ставших жертвами или свидетелями преступлений, не обращаются в правоохранительные органы, опасаясь мести со стороны преступников, либо не веря в эффективность государственной защиты.

Провозглашение России правовым государством предполагает создание эффективного механизма защиты прав и свобод человека и гражданина во всех сферах общественной жизни. Уголовное судопроизводство сопряжено с возможностями достаточно опасного «воздействия» на действия его участников, в особенности на свидетелей и потерпевших.

Одним из гарантов противодействия данному «посткриминальному» воздействию является в настоящее время система норм, обеспечивающих личную безопасность свидетелей и потерпевших. Этот институт является относительно новым для российской правоприменительной практики, в связи с чем возникает множество проблем, от своевременного и правильного разрешения которых зависит эффективность защиты прав личности в уголовном процессе.

В первую очередь это касается мер и оснований государственной защиты свидетелей и потерпевших, поскольку именно государство должно быть заинтересовано в укреплении правопорядка, полноты и объективности расследования, которые невозможно обеспечить, если в стране отсутствует надежная система защиты указанных лиц.

В Российской Федерации законодательная основа для образования системы государственной защиты указанных лиц в настоящее время

практически сформирована, что является следствием воздействия международного права и зарубежного законодательства, а также опыта накопленного другими государствами.

Прочную основу и необходимые условия для развития отраслевого законодательства по вопросам государственной защиты лиц, вовлечённых в процесс уголовного судопроизводства и содействующих ему, заложила Конституция РФ. Основополагающими, безусловно, являются, правовые предписания, указанные в ч. 1 ст. 45 Конституции, гарантирующей государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в РФ.

В настоящее время действует Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009-2013 годы», которая утверждена постановлением Правительства РФ от 2.10.2009 № 792. Участниками Программы являются органы, осуществляющие меры безопасности и социальной поддержки, – МВД России, ФСБ России, Минобороны России, ФСКН России, ФСИН России, ФТС России, Минздравсоцразвития России, ФМБА России.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством на государственную защиту в уголовном процессе могут претендовать только участники уголовного судопроизводства, которые чётко определены и указаны в ч. 3 ст. 11 УПК России: потерпевший, свидетель или иные участники уголовного судопроизводства, а также их близкие родственники, родственники или близкие лица.

Следователю СК России необходимо принимать меры безопасности, предусмотренные законодательством РФ[1], при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю и иным участникам уголовного судопроизводства, а также близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иным опасным деянием, то есть, при наличии реальной угрозы в отношении защищаемого лица.

В соответствии с ФЗ от 20.08.2004 №119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», меры государственной защиты могут быть применены до возбуждения уголовного дела в отношении: заявителей, очевидцев или жертв преступлений, либо иных лиц, не являющихся участниками процесса, но способствующих предупреждению или раскрытию преступления.

Средствами государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, являются процессуальные и другие меры безопасности, предусмотренные российским законодателем в УПК Рос-

[1] Статья 166 ч. 9, ст. 186 ч. 2, ст. 193 ч. 8, ст. 241 п. 4 ч. 2 УПК РФ.

сии[1], а также в ст. 6 ФЗ о защите участников уголовного судопроизводства.

При необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности. В этом случае следователь выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведённых с его участием. Постановление помещается в конверт, который после этого опечатывается и приобщается к уголовному делу (ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

В целях обеспечения безопасности опознающего предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

Для эффективности соблюдения указанной меры, следователю необходимо предложить свидетелю (потерпевшему) в помещение, которое при этом не подлежит визуализации со стороны обвиняемого. Обвиняемый же в присутствии своего адвоката должен находится в посещении, исключающем визуальное наблюдение опознающего.

При наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, близких лиц контроль и запись телефонных и иных переговоров допускается по письменному заявлению указанных лиц, а при отсутствии такого заявления – по судебному решению (ч.2 ст.186 УПК РФ).

На основании определения или постановления суда, в случаях когда этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц возможно проведение закрытого судебного разбирательства (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ).

Законодатель предусмотрел последовательное отражение положений ч. 9 ст. 166 в ч. 5 ст. 278 УПК России, которая дает возможность уже в ходе судебного производства не только сохранить в тайне подлинные данные о личности отдельных участников уголовного судопроизводства, но и произвести их допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

---

[1] Часть 3 ст.11, ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ.

Однако, как показывает практика, применения только процессуальных мер обеспечения безопасности в ходе предварительного расследования, а также на судебных стадиях бывает недостаточно, поэтому при наличии реальной угрозы посткриминального воздействия в отношении защищаемого лица наряду с указанными также применяются меры безопасности, предусмотренные ФЗ о защите участников уголовного судопроизводства. В соответствии со ст. 6 данного закона в отношении защищаемого лица могут применяться одновременно несколько либо одна из следующих мер безопасности:

1) личная охрана, охрана жилища и имущества;

2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности;

3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице;

4) переселение на другое место жительства;

5) замена документов;

6) изменение внешности;

7) изменение места работы (службы) или учебы;

8) временное помещение в безопасное место;

9) применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

Согласно ст. 3 ФЗ о защите участников уголовного судопроизводства органами, обеспечивающими государственную защиту таких лиц, являются органы:

1) принимающие решение об осуществлении государственной защиты,

2) органы, осуществляющие меры безопасности,

3) органы, осуществляющие меры социальной поддержки.

В числе органов, принимающих решение об осуществлении государственной защиты, данный закон называет следственные органы, а в числе органов, осуществляющих меры безопасности – органы внутренних дел РФ. В соответствии с Указом Президента РФ от 06.09.2008 № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» в ОВД РФ образованы подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, на которые возложены функции по применению мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья лиц, подлежащих государственной защите, а также по обеспечению сохранности их имущества.

Согласно ст. 24 ФЗ о защите участников уголовного судопроизводства в рамках рассматриваемого взаимодействия следователь и подразделения государственной защиты наделены следующими взаимными правами и обязанностями.

Следователи имеют право:

1) производить процессуальные действия или давать необходимые поручения подразделениям государственной защиты, путем вынесения постановления о применении меры по обеспечению безопасности потерпевших, свидетелей;

2) требовать в случае необходимости от подразделений государственной защиты, применения дополнительных мер государственной защиты;

3) полностью или частично отменять меры безопасности по согласованию с подразделением государственной защиты.

Подразделения государственной защиты имеют право:

1) избирать необходимые меры безопасности, предусмотренные ФЗ о защите участников уголовного судопроизводства, определять способы их применения, при необходимости изменять и дополнять применяемые меры безопасности;

2) обращаться к следователю, в производстве которого находится уголовное дело, с ходатайством о применении мер безопасности при производстве процессуальных действий либо об их отмене;

3) проводить оперативно-розыскные мероприятия в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

В ходе расследования преступлением следователями для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства наряду с мерами безопасности, осуществление которых возложено на подразделения государственной защиты, должны применяться также процессуальные меры предусмотренные ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Согласно ст. 21 ФЗ о защите участников уголовного судопроизводства государственная защита осуществляется с соблюдением конфиденциальности сведений о защищаемом лице. Порядок защиты сведений об осуществлении государственной защиты устанавливается Постановлением Правительства РФ от 03.03.2007 № 134 «Об утверждении Правил защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». В соответствии с пп. 2 и 3 данного постановления: к сведениям, подлежащим защите, относятся сведения об осуществлении государственной защиты и о защищаемом лице; основанием для защиты таких сведений является решение об осуществлении государственной защиты путем применения мер безопасности принимаемое следователем, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело. За разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса предусмотрена уголовная ответственность (ст. 311 УК РФ).

Порядок осуществления государственной защиты участников уголовного судопроизводства условно может быть разделен на следующие

этапы:

1) прием, регистрация и проверка заявления (сообщения) о наличии угрозы посягательства на жизнь, здоровье и (или) имущество участников уголовного судопроизводства;

2) вынесение следователем постановления о применении мер безопасности и направление его в подразделения государственной защиты;

3) избрание и применение подразделениями государственной защиты мер безопасности;

4) отмена мер безопасности.

Основные ошибки, допускаемые следователями, при вынесении постановлений о применении мер безопасности сводятся к следующему:

1) отсутствует согласование с руководителем следственного органа,

2) отсутствует оттиск гербовой печати на подписи руководителя следственного органа,

3) не раскрываются основания применения мер безопасности,

4) отсутствует достоверная информация о защищаемом лице,

5) избрание в постановление следователем конкретных мер безопасности,

6) отсутствует подпись защищаемого лица.

Для того чтобы подразделение государственной защиты могли незамедлительно приступить к применению мер безопасности следователю необходимо максимально полно проинформировать указанные подразделения о личных данных и местонахождении защищаемого лица (необходимо указывать также контактный телефон). Причем для обеспечения конфиденциальности данных сведений они должны содержаться не в постановления о применении мер безопасности, а в сопроводительном письме к нему, копия которого к материалам уголовного дела не приобщается. Само сопроводительное письмо должно посылаться (передаваться) с соблюдением режима секретности.

К постановлению должны прилагаться:

1) копии материалов проверки, свидетельствующие о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве,

2) сопроводительное письмо, содержащее (как отмечалось выше) личные данные защищаемого лица и информацию о его местонахождении,

3) письменное поручение следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий направленных на выявление лица (лиц) угрожающих участнику уголовного судопроизводства с целью привлечения к уголовной ответственности, даваемое в порядке предусмотренном п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

Постановление (определение) о применении мер безопасности дей-

ствует до принятия органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты, решения об их отмене.

Между представителем подразделения государственной защиты и лицом, в отношении которого вынесено постановление о применении данных мер, заключается договор об условиях применения мер безопасности, взаимных обязательствах и взаимной ответственности сторон. По условиям данного договора на сторону защищаемого лица, возлагаются определённые обязанности, несоблюдение которых может являться основанием прекращения применения мер безопасности. В частности:

- обязанность исполнять все законные распоряжения и требования подразделения государственной защиты;
- обязанность немедленно информировать подразделение государственной защиты, о каждом случае угрозы или противоправных действий в отношении него;
- обязанность не разглашать сведения о применяемых мерах государственной защиты без разрешения подразделения государственной защиты;
- обязанность предоставлять в подразделение государственной защиты, информацию о своём круге общения, местах своего проживания и постоянного посещения, работы, маршрутах передвижения, используемых средствах связи и автотранспорта, а так же выполнять иные требования и рекомендации.

На данном этапе фактически все контакты лица с иными участниками уголовного судопроизводства и иными связями должны быть исключены. Это обусловлено принятием на себя подразделением государственной защиты обязательств по исполнению условий договора и федерального законодательства. С данного момента следователь должен также учитывать рекомендации подразделения государственной защиты при решении вопроса о производстве того или иного следственного действия с участием лица, так как вся ответственность за его жизнь и здоровье возлагается на подразделение государственной защиты.

В ходе осуществления мер государственной защиты органы осуществляющие расследование, обязаны осуществлять непосредственный контакт с подразделениями, осуществляющими государственную защиту. Это обусловлено возможностью возникновения новых угроз, осуществлением оперативно-розыскной деятельности по сопровождению расследования, возникающими новыми обстоятельствами при осуществлении мер защиты, а также допустимости устранения угрозы лицу.

Данное взаимодействие может осуществляться со стороны следователя посредством составления процессуальных документов (поручения или постановления), а со стороны подразделения государственной за-

щиты оперативно-служебных документов (рапорта, докладной записки, справки, ходатайства, постановления).

Т.Г. Кудрявцева

Очная ставка, процессуальные тонкости

Пункт 3е ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, п. 3d ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусматривает норму о праве обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей (право на очную ставку) и праве на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него.

Изучая судебную практику, приходится сталкиваться с решениями Европейского Суда по правам человека, которые указывают на нарушения вышеназванных прав при постановлении судебных решений судами РФ. В связи с этим Верховный суд РФ принимает решения ввиду новых обстоятельств и отменяет постановленные судебные решения (Постановления Президиума ВС РФ: от 18.11.2009 № 206-П09; от 12.12.2012 № 244-П12 и др.).

Каков же выход из той ситуации, когда в ходе предварительного следствия у нас имеется свидетельствующее лицо, дающее показания против подозреваемого, обвиняемого (далее – виновного лица), а в судебное заседание оно не может явиться и свидетельствовать об этом? Как же мы можем воспроизвести показания свидетельствующего лица в ходе судебного разбирательства, не нарушив нормы процессуального права? На какие процессуальные тонкости необходимо обращать особое внимание?

Согласно ч. 2 ст. 281 УПК РФ, при неявке в судебное заседание потерпевшего или свидетеля суд вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе принять решение об оглашении ранее данных им показаний в случаях:

- смерти потерпевшего или свидетеля;
- тяжелой болезни, препятствующей явке в суд;
- отказа потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться в суд;
- стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд.

Решение суда о признании причин неявки таких свидетелей (потерпевших) уважительными должно быть достаточно убедительным, государственные органы должны принять меры для обеспечения их явки в судебное заседание, чтобы осуждение подсудимых было в решающей степени основано на таких доказательствах, которые они не имели возможности оспорить.

Если таковых оснований не установлено, то показания таких свидетельствующих лиц оглашению в судебном заседании не подлежат.

Восполнением этого является возможность оглашения протоколов следственных действий, полученных с участием виновного лица. Показания свидетельствующего лица воспроизводятся в протоколе очной ставки, проведенной в ходе предварительного расследования.

При проведении очной ставки необходимо соблюдать процессуальные права участников, особенно право на защиту виновного лица, то есть проводить очную ставку с участием защитника либо выполнить тонкости процедуры отказа от защитника – ст. 51 ч. 1 (виновный не должен подпадать под категорию перечисленных лиц), 52 ч. 1 (добровольный отказ от защитника должен быть выражен только письменно в присутствии защитника, что последний подтверждает в этом же заявлении своей подписью и с указанием даты) УПК РФ.

Виновный имеет право на защиту с момента проведения с ним первого следственного действия (ст. 46 ч. 4 УПК РФ), в материалах дела должны иметься документы, свидетельствующие об этом (постановление о назначении защитника и ордер, либо ордер о защите по соглашению). Нарушение этой нормы приводит к признанию полученных с нарушением права на защиту доказательств недопустимыми.

Как указано в Постановлениях Европейского Суда, Нечто и Ванфули были признаны виновными в совершении разбойного нападения на основании протоколов очных ставок, проведенных между подозреваемыми и потерпевшими в отсутствие адвоката, чем нарушено право указанных лиц на защиту.

Признавая данное нарушение, Европейский Суд исходил из того, что 3.10.2002 при задержании Нечто и Ванфули каждому из них было разъяснено право подозреваемого, и каждый из них изъявил желание иметь защитника с момента задержания.

4.10.2002 были проведены очные ставки между подозреваемыми Нечто и Ванфули с одной стороны и потерпевшими Я. и М., с другой, при этом в протоколах следственных действий была сделана запись о том, что Нечто и Ванфули согласны на проведение очной ставки в отсутствие адвоката.

Адвокат был допущен к участию в следственных действиях с 5.10.2002, то есть после проведения очных ставок, с момента предъявления обвинения (Постановление ПВС РФ от 12.12.2012 № 244-П12).

При проведении очной ставки в протоколе необходимо отразить право лиц, между кем проводится очная ставка, задать вопросы друг другу, которое закреплено в ч. 2 ст. 192 УПК РФ. Указание этого момента при проведении очной ставки очень важно, этим еще на стадии предварительного расследования виновному и его защитнику предоставляется возможность задать вопросы лицу, свидетельствующему против виновного. И если в последующем, это свидетельствующее ли-

цо не сможет явиться в суд и дать показания, то право виновного задать вопросы свидетельствующему против него нарушенным не будет. В Определениях Конституционного Суда РФ: от 27.10.2000 № 233-О по жалобе гражданина В.В.Щенникова; от 21.12.2000 № 291-О по жалобе гражданина А.Н.Лопаева; от 07.12.2006 № 548-О по запросу Абинского районного суда Краснодарского края прямо указывается, что «обеспечение прав обвиняемого, включая права, гарантированные пп. «е» п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и пп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, возможно в том числе путем проведения в ходе досудебного производства очных ставок с его участием и предоставления возможности задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями он не согласен».

В соблюдении вышеизложенного усматриваю очень важные моменты для того, чтобы иметь возможность не утратить доказательственное значение показаний свидетельствующего лица на стадии судебного разбирательства.

М.Н. Кузьмин

К вопросу обеспечения допустимости доказывания в ходе расследования преступлений, совершенных лицами по должности обладающими правовым иммунитетом

Допустимость – есть пригодность доказательства с точки зрения законности источников, методов и приемов получения соответствующей информации[1].

Хотя в законе отсутствует норма, определяющая понятие «допустимость», вывод о признании за доказательствами такого свойства логически вытекает из содержания ст. 50 ч. 2 Конституции РФ: «Доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы», – и ч. 3 ст. 69, в соответствии с которой «доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 68 УПК».

Следует согласиться с мнением Шейфера С.А. о том, что недопустимость доказательства порождает и использование ненадлежащих средств доказывания, не соответствующих характеру следов преступления и предусмотренному законом порядку их изъятия (очная ставка, проведенная вместо опознания). Такие же последствия наступают в случаях, когда следователь или суд при получении доказательств про-

[1] Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.

извольно изменяют требуемое законом сочетание познавательных средств. Например, не соблюдаются требования закона о том, чтобы очная ставка проводилась между двумя ранее допрошенными лицами (ст. 162 УПК); опознающие предварительно допрашивались об обстоятельствах, при которых они наблюдали соответствующее лицо и предмет, и о его приметах и особенностях, по которым они могут произвести опознание (ч. 2 ст. 164 УПК), что проявляется в существенных отступлениях от порядка проведения следственного действия, вызывающих искажение информации[1].

Рассмотрим основные положения, определяющие надлежащий порядок собирания и закрепления показаний. Так, свидетелем по уголовному делу является лицо, которому могут быть известны какие- либо обстоятельства, подлежащие доказыванию по данному делу (ч. 1 ст. 72 УПК).

Кроме того, законодатель называет те случаи, когда определенные лица не могут быть допрошены в качестве свидетелей (потерпевших) или когда сведения определенного содержания, сообщаемые указанными участниками процесса, не будут иметь доказательственного значения.

К числу сведений, не имеющих доказательственного значения, относятся показания свидетеля (потерпевшего), если он не может указать источник своей осведомленности (ст. 74, 75 УПК), а также показания, в которых высказываются предположения о тех или иных фактах, но не содержится категорических утверждений относительно этих фактов, так как в соответствии со ст. 309 УПК обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Необходимо иметь в виду, что в соответствии с п. 18 указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31.10.1995 в случаях, когда подозреваемому, обвиняемому, его супругу и близким родственникам при дознании или на предварительном следствии не были разъяснены положения ст. 51 Конституции, показания этих лиц должны признаваться судом полученными с нарушением закона и не могут являться доказательствами виновности обвиняемого (подозреваемого)[2].

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 72 УПК не может допрашиваться в качестве свидетеля лицо, которое в силу своих физических или психических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показа-

---

[1] Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972.

[2] О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31.10.1995 // Российская газета. 1995. 28 декабря.

ния. В п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 26.04.1984 «О судебной практике по применению, изменению и отмене принудительных мер медицинского характера»[1] в связи с этим же указано, что показания лица, в отношении которого поставлен вопрос о применении к нему принудительных мер медицинского характера, в силу ст. 69 УПК не могут рассматриваться как источник доказательств по делу.

Еще одна норма о свидетельском иммунитете содержится в ст. 19 Закона РФ от 8.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального собрания РФ»[2] (в редакции Федеральных законов от 12.03.96 № 24-ФЗ и от 15.08.96 № 114-ФЗ). В соответствии с указанным Законом, депутат Совета Федерации и депутат Государственной Думы вправе отказаться от дачи свидетельских показаний по гражданскому или уголовному делу об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с выполнением им депутатских обязанностей.

Особой разновидностью свидетельского иммунитета является дипломатический. Статья 31 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. предусматривает, что дипломатический агент не обязан давать показания в качестве свидетеля. Свидетельский иммунитет распространяется на членов семьи дипломатического агента, живущих вместе с ним, если они не являются гражданами государства пребывания; членов административно-технического персонала представительства и живущих с ними членов семьи, если они не являются гражданами страны пребывания; членов обслуживающего персонала представительства, если они не являются гражданами государства пребывания или не проживают в нем постоянно, относительно действий, совершаемых при исполнении своих обязанностей.

По-иному решается вопрос в отношении консульских должностных лиц и сотрудников консульства. Консульское должностное лицо может отказаться от свидетельства только в случае, если предмет показаний связан с выполнением служебных обязанностей (ст. 44 Венской конвенции о консульских отношениях 1963 г.)[3].

Субъекты, на которых распространяется дипломатический иммунитет, по нашему мнению, должны быть конкретизированы в ст. 33 УПК. Следует учитывать, что современным законодательством России предусматриваются тайны: государственная (ст. 29 Конституции; ст. 2 Закона о государственной тайне; ст. 283, 284 УК, служебная (ст. 139 ГК РФ, ст. 183 УК), таможенная (ст. 14 Закона о таможенном тарифе),

---

[1] Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. № 3.

[2] Российская газета. 1994. 12 мая; Российская газета. 1996. 15 марта.

[3] Конев В., Громов Н., Николайченко В. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе // Российская юстиция. 1997. № 9.

коммерческая (ст. 139 ГК РФ, п. 2 ст. 15 Закона РФ о валютном контроле), банковская (ст. 25 Закона РФ о банках и банковской деятельности), личная и семейная (ст. 150 ГК РФ), врачебная (ст. 35 и 61 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан, ст. 9 Закона о психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании; ст. 14 Закона РФ о трансплантации органов или тканей человека), нотариальная (ч. 2 ст. 16 Основ законодательства РФ о нотариате), тайна усыновления (ст. 139 Семейный Кодекс РФ), тайна страхования (ст. 946 ГК, 137 УК) и некоторые другие. При этом не всегда остается неясным, освобождают ли указанные виды тайн от дачи показаний на предварительном следствии и в суде.

При решении практических коллизий следователь, прокурор должны выяснять закреплен ли порядок ведения допроса, представления документов в соответствующей норме отраслевого закона. Если не закреплен, то наша позиция сводится к возможности допроса таких лиц на предварительном следствии по всем интересующим вопросам.

Анализ различных законодательных актов позволяет сделать вывод о том, что реализация различных форм свидетельского иммунитета является правом соответствующих лиц и предполагает возможность отказаться от него. О волеизъявлении лица на этот счет следователем производится запись в протоколе допроса либо в протоколе разъяснения прав.

Учитывая, что в практике расследования возможны ситуации, когда отказавшийся от иммунитета участник процесса в силу различных обстоятельств вновь изъявит желание обрести его, необходимо предусмотреть в УПК механизм рассмотрения такого рода ходатайств. По нашему мнению, закон должен содержать запрет на восстановление иммунитета в границах содержания ранее данных показаний, но гарантировать возможность восстановления иммунитета в отношении обстоятельств, еще не известных следствию. При этом право отказа от дачи показаний не должно включать право отказа от уже данных показаний.

В процессе расследования уголовного дела следователь должен использовать в качестве средств доказывания лишь те следственные действия, которые прямо указаны в законе. Обеспечение допустимости доказательств за счет выбора надлежащего средства доказывания во многом связано с недопущением следственных ошибок, в результате которых нарушаются права и законные интересы участников уголовного процесса.

Так, на практике наблюдаются тенденции к производству допросов потенциальных обвиняемых в качестве свидетелей. Этим лицам предъявляется обвинение только при окончании предварительного следствия. Подобный подход является практически повсеместным. Очевидно, что при этом существенным образом попираются права на за-

щиту преследуемых уголовным законом лиц, поскольку в процессе следствия они лишены возможности пригласить защитника, ходатайствовать о проведении тех или иных следственных действий и т.д. А когда, как правило, перед завершением расследования следователь все же предъявит обвинение, попытка реализации обвиняемым своих прав тонет в отклоненных следователем ходатайствах. Возникает законный вопрос: «Почему бы не допрашивать таких лиц в качестве подозреваемых по делу?»

Проблема заключается в том, что закон позволяет это делать не всегда. Так, в соответствии со ст. 52 УПК подозреваемым признается лицо, задержанное в связи с подозрением в совершении преступления, либо в отношении которого применена мера пресечения до предъявления обвинения. Лица же, совершившие преступления, но в силу разных причин не задержанные в порядке ст. 122 УПК, формально под диспозицию указанной нормы не подпадают и до предъявления обвинения допрашиваются в качестве свидетелей.

Как нам представляется, в сложившейся ситуации при осуществлении надзора необходимо ориентироваться все же на судебную практику, поскольку только суд, в конечном счете, определяет относимость, допустимость и достоверность полученных в ходе предварительного следствия данных.

В процессе проведения расследования действия самого следователя должны отвечать определенным требованиям, обеспечивающим допустимость доказательств, что обеспечивается прежде всего за счет неукоснительного исполнения требований закона, регламентирующих порядок производства как данного следственного действия, так и общих условий предварительного расследования. Эти требования запрещают домогаться показаний обвиняемого и других участников процесса путем насилия, угроз и иных незаконных мер (ст.20 УПК, ст. 21 Конституции РФ); предполагают обеспечение права лица, участвующего в деле и не владеющего языком, на котором ведется производство предварительного расследования, пользоваться услугами переводчика с отнесением расходов за счет государства (ст. 17, 57, 107, 134 УПК, а также права на защиту (ст. 19, 46-52 Конституции РФ, 46-52 УПК); предусматривают определенный порядок ведения протокола допроса (ст. 87, 141, 142, 151-152, 160 и др.).

Е.А. Курнышева

Прекращение уголовного дела по истечению сроков давности уголовного преследования в контексте норм Конституции Российской Федерации

Прекращение уголовных дел является одной из форм окончания

предварительного расследования и важнейшим институтом уголовно-процессуального права. Под прекращением уголовного дела на стадии предварительного расследования понимается такое его окончание, которое производится в силу наличия обстоятельств, исключающих дальнейшее производство по уголовному делу, либо оснований для освобождения лица от уголовной ответственности.

Несмотря на то, что институт прекращения уголовного дела существует в уголовном процессе достаточно давно, не все вопросы его применения находят разрешение в действующем законодательстве, а в специальной литературе по многим положениям до сих пор ведутся споры, это касается и прекращения уголовного дела по истечении сроков давности уголовного преследования.

В данной статье мы рассмотрим проблемные вопросы прекращения уголовного дела по истечению сроков давности уголовного преследования на стадии предварительного следствия в случае неустановления лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

Процессуально прекращение уголовного дела по истечению сроков давности уголовного преследования закреплено в п. 3 ч. 1 ст. 24, п. 2 ч. 1 и ч. 2 ст. 27 и других статьях УПК РФ.

Казалось бы, что в этих процессуальных нормах права нет какой-либо неясности или двусмысленности. Однако на сегодняшний день и в практическом применении, и в уголовно-процессуальной науке отсутствует единообразный подход к прекращению уголовного дела на стадии предварительного расследования по п. 3. ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в случае если лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности за совершенное преступное деяние, не установлено.

На практике по рассматриваемому вопросу приходится сталкиваться с противоположным мнением толкования норм уголовно-процессуального законодательства. Так, ряд практических работников полагают, что при неустановлении лица, совершившего преступление, по уголовному делу срок уголовного преследования по которому истек, с целью списания таких дел, необходимо руководствоваться п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и принимать решение о прекращении уголовного дела.[1]

В то же время, согласно п. 1.24 Приказа СК России от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» прекращать уголовные дела, предварительное следствие по которым приостановлено в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, по истечении сроков давности уголовного преследования, указанных в ст. 78 УК РФ, по основаниям, предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК

[1] Гугин В.И., О некоторых актуальных проблемах деятельности следственных органов Республики Башкортостан // Российский следователь. 2010. № 15.

РФ, возможно только после установления этих лиц.

Вполне естественно, что по данному вопросу на диаметрально противоположные разделились и мнения ученых.

Указанное позволяет сделать вывод, что изучение прекращения уголовного дела по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ на стадии предварительного расследования без установления лица, совершившего преступление, имеет и теоретическое и практическое значение, поскольку определяет общее понимание применения норм материального права в рамках процессуального законодательства.

Рассмотрение данного вопроса с нашей точки зрения возможно только в системной связи норм уголовного и уголовно-процессуального права с положениями Конституции РФ.

При толковании предписаний п. 3 ч. 1 ст. 24 и ч. 2 ст. 27 УПК РФ, регламентирующих процедуру прекращения уголовного дела и уголовного преследования, следует исходить из того, что эти процессуальные формы принятия решения могут быть использованы только на основе норм материального закона, которым установлены условия наступления истечения сроков давности. Из ч. 1 ст. 78 УК РФ следует, что освобождается от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности лицо, совершившее преступное деяние. То есть требования данной статьи применяются только к лицу. При буквальном толковании нормы кодифицированного закона полагаем, что использование установленных сроков давности к преступному деянию, а не к конкретному лицу, недопустимо. Смысл последующих частей рассматриваемой статьи, в частности течение сроков давности, приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия и суда, думается, подтверждает нашу точку зрения.

Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении № 19 от 27.06.2013 указал на то, что освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление. При этом, подчеркнул, что по каждому уголовному делу надлежит проверять, имеются ли основания для применения к лицу, совершившему преступления, положений статей УК РФ устанавливающих основания освобождения от уголовной ответственности.

Законодатель не допускает использование норм УК РФ вне рамок уголовного процесса, поэтому требования ст. 78 УК РФ кладутся в основу принятия решения в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. А это значит, что прекращение уголовного дела на стадии предварительного следствия по истечении сроков давности (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) возможно только в отношении лица, которое освобождается от уголовной ответственности при наличии условий, предусмотренных ст.78 УК РФ.

По нашему мнению, принимая решение о прекращении уголовного дела по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, когда лицо, совершившее преступле-

ние не установлено, орган предварительного расследования выходит за рамки правовых норм. Вынесенное при таких обстоятельствах постановление, как нам видится, будет не соответствовать критериям, указанным в ч. 4 ст. 7 УПК РФ в частности законности. А это, по сути, является не соблюдением ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, из положений которой вытекает, что органы предварительного расследования и их должностные лица обязаны соблюдать законы.

Принимаемое органом расследования решение должно определяться принципами уголовного процесса, которые закреплены в УПК РФ на основе положений Конституции РФ и являются основополагающими правовыми идеями, определяющими построение всего уголовного процесса, его сущность, характер и демократизм.[1]

Конституция в ст. 2 декларирует, что человек, его права и свободы являются в Российской Федерации высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства. Согласно ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

В ч. 2 ст. 27 УП РФ имеется прямое указание на необходимость получения согласия лица на прекращение уголовного дела по истечении сроков давности уголовного преследования.

С нашей точки зрения прекращение уголовного дела по п. 3 ч. 1. ст. 24 УПК РФ, при неустановлении лица, совершившего преступление, без учета требований ч. 2 ст. 27 УПК РФ недопустимо. В противном случае не только не выполняется предписание закона, но и не реализуется назначение уголовного судопроизводства (защита прав личности), основанного на положении Конституции РФ (ст. 46, 47, 49), так как отсутствует волеизъявление лица, имеющего в уголовном процессе свои личные интересы.

Пункт 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ основанием прекращения уголовного дела предусматривает истечение сроков давности уголовного преследования. Следовательно, ключевым в установлении истечения сроков давности выступает институт уголовного преследования.

Законом уголовное преследование определяется как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Толкование норм закона позволяет придти к выводу, что п. 55 ст. 5 УПК РФ связывает уголовное преследование с наличием процессуальной фигуры конкретного лица – подозреваемого или обвиняемого.

---

[1] Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. М., 2010. С. 55.

В связи с тем, что уголовное преследование может осуществляться только при установлении конкретного лица, в отношении которого оно ведется (подозреваемый или обвиняемый), факт установления такого лица является важным для определения сроков давности привлечения его к уголовной ответственности и обязательным для принятия решения по основания, указанным в п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

По нашему мнению Конституционный Суд РФ дискуссии о возможности применения п. 3.ч. 1 ст. 24 УПК РФ по уголовному делу, преступник по которому не установлен, поставил точку. Так в своем определении от 18.10.2012 № 1992-О Конституционный Суд указал, что «из содержания пункта 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации, предусматривающего такое основание отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела, как истечение срока давности уголовного преследования, и применяемого в нормативной связи с частью второй статьи 78 УК Российской Федерации, согласно которой сроки давности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу, а в случае совершения лицом (включая неустановленное) нового преступления сроки давности по каждому преступлению исчисляются самостоятельно, не следует, что действующее правовое регулирование допускает произвольное исчисление сроков давности, в том числе при неустановлении подозреваемого в совершении преступления»[1].

Резюмируя вышеизложенное можно сделать вывод, что прекращение уголовного дела на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ не допустимо, если лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности, не установлено.

А.И. Леонов

Проблемы защиты данных предварительного расследования при получении судебного решения на производство следственных действий ограничивающих конституционные пава граждан

В ходе производства предварительного расследования к материалам уголовного дела в разном объеме получают доступ достаточно широкий круг лиц, среди которых в зависимости от формы расследования можно выделить начальника подразделения дознания, начальника ор-

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 18.10.2012 № 1992-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степаненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Федеральных законов «О прокуратуре Российской Федерации» и «О Следственном комитете Российской Федерации».

гана дознания, прокурора, руководителя следственного органа и судью. В связи с данным обстоятельством следует говорить об осуществлении соответствующего судебного и ведомственного контроля, а также прокурорского надзора. В свою очередь, указанные виды контроля и надзора, несомненно, должны предусматривать меры для обеспечения защиты информации, находящейся в материалах уголовных дел при проведении следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан.

Обращаясь к судебному порядку получения разрешения на производство отдельных следственных действий отметим, что многие ученые считают нецелесообразным его использование в связи с отсутствием повышения уровня защиты прав личности на предварительном расследовании. Такой вывод был сделан вначале В. Кальницким[1], который в этой связи поставил под сомнение необходимость участия суда в принятии решений о производстве следственных действий. Затем схожую позицию по этому вопросу высказали В. Быков[2] и С. Россинский[3]. Даже некоторые последовательные сторонники этого направления судебной деятельности были вынуждены признать, что уровень защиты прав личности в уголовном процессе с введением этого института не повысился[4]. В защиту существующего порядка принятия решений о производстве следственных действий выступил Н. Колоколов[5].

В данной статье мы попытаемся осветить авторскую позицию целесообразности принятия судебного решения на производство отдельных следственных действий с точки зрения эффективности реализации уголовно-процессуальных норм, обеспечивающих защиту данных предварительного расследования.

Как отмечает Н.А. Колоколов[6] по своей сущности судебный кон-

---

[1] Кальницкий В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства неэффективны // Уголовное право. 2004. № 1. С. 73-75.

[2] Быков В.М. Судебный контроль за предварительным следствием // Уголовный процесс. 2007. № 1. С. 84; Он же. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань, 2008. С. 208-209.

[3] Россинский С.Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? // Российский судья. 2009. № 8. С. 17-21; № 9. С. 19-22.

[4] Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практич. пособие. М., 2009. С. 60; Ковтун Н.Н., Суслова Е.Н. Эффективность оперативного судебного контроля // Уголовное судопроизводство. 2010. № 3. С. 6-14.

[5] Колоколов Н.А. Конституционное право на неприкосновенность жилища: к вопросу об эффективности превентивного судебного контроля // Российский судья. 2010. № 6. С. 13-16; № 7. С. 4-8.

[6] Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: учебное пособие. М., 2004. С. 50.

троль, осуществляемый на стадии предварительного расследования, – это не только способ урегулирования (разрешения) процессуально-правовых конфликтов, но и способ обеспечить законность в действиях субъектов расследования, ограничивающих конституционные права и законные интересы граждан. Однако, обращаясь к порядку получения такого решения можно отметить следующие недостатки как уголовно-процессуальных норм, так и организационного порядка, влияющие на степень конфиденциальности данных предварительного расследования.

1. Так, при необходимости производства следственного действия, ограничивающего конституционные права граждан, субъект расследования выносит соответствующее постановление, в котором обосновывает свое решение. Далее снимаются копии материалов уголовного дела, подтверждающие обоснованность ходатайства. Здесь необходимо отметить, что не у каждого следователя или дознавателя имеется в кабинете копировальный аппарат, что вынуждает его обращаться к иным сотрудникам правоохранительных органов за помощью, что уже расширяет круг лиц, осведомленных о производстве следственного действия. Далее постановление и копии материалов уголовного дела представляются на рассмотрение руководителю следственного органа или прокурору в зависимости от формы предварительного расследования. После получения согласия, в соответствии с порядком делопроизводства составляется сопроводительное письмо в суд соответствующего уровня, которое регистрируется в секретариате с краткой записью содержания письма. Предоставленные в суд документы также регистрируются в секретариате, потом рассматриваются председателем суда и передаются уже непосредственно исполнителю, то есть судье, который будет рассматривать данное ходатайство. Далее, при рассмотрении ходатайства, в судебном заседании помимо следователя или дознавателя участвуют прокурор, секретарь судебного заседания и опосредованно помощник судьи.

Таким образом, о том, что будет произведено то или иное следственное действие становится известно еще задолго до его фактического проведения около 8 человек, что, конечно же, не может сказаться на эффективности сохранения в тайне указанных сведений.

2. Факт передачи соответствующих материалов уголовного дела, обосновывающих необходимость проведения какого-либо следственного действия, не означает, что субъект расследования в соответствии с ч. 3 ст. 161 УПК РФ решил предать гласности данные предварительного расследования. В связи с этим судья должен принять меры для обеспечения конфиденциальности тех материалов, которые передал ему субъект расследования, но в УПК РФ данный вопрос не регламентирован.

3. При использовании в уголовном деле псевдонима одного из

участников уголовного судопроизводства суд при вынесении решения о разрешении производства следственного действия или об отказе в его производстве с указанием мотивов отказа, должен обеспечить безопасность такого участника, однако в УПК РФ данная процедура не регламентирована.

4. В соответствии с ч.1 ст. 15 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»[1] тексты судебных актов, за исключением приговоров, размещаются в сети «Интернет» после их принятия. При этом ч. 5 ст. 15 указанного закона устанавливает перечень судебных актов, не подлежащих опубликованию, однако в данный перечень не вошли судебные решения о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан. Более того, ч. 3 ст. 15 позволяет лишь скрывать в целях обеспечения безопасности участников судебного процесса из указанных актов персональные данные, что не может сказаться на эффективности обеспечения защиты данных предварительного расследования.

5. В юридической литературе до настоящего времени не выработано единого мнения о моменте окончания действия следственной тайны. Наиболее распространенной является точка зрения о том, что сохранение данных предварительного расследования в тайне необходимо лишь до тех пор, пока оно не будет завершено направлением дела в суд с обвинительным заключением (актом) либо прекращением уголовного преследования[2]. Отчасти соглашаясь с указанной точкой зрения подчеркнем, что следователь или дознаватель при получении судебного решения на производство следственных действий не могут предать гласности данных предварительного расследования до момента фактического проведения следственного действия, однако в ч. 3 ст. 161 УПК РФ такого ограничения нет.

6. Представляется интересной для дискуссии позиция Конституционного суда, изложенная в Определении Конституционного Суда РФ от 16.12.2008 № 1076-О-П[3]. Так, в Определении указано, что ч. 3 и 5 ст. 165 УПК РФ не предоставляют суду возможность отказать в удовле-

---

[1] Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 28.06.2010) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

[2] Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации. Хабаровск, 2001. С. 108; Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб., 2005. С. 157.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2008 № 1076-О-П «По жалобам граждан Арбузовой Елены Николаевны, Баланчуковой Александры Васильевны и других на нарушение их конституционных прав частями третьей и пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

творении ходатайства лица, в отношении которого проводился обыск, и его защитника об участии в судебном заседании по проверке законности проведенного обыска, и не освобождают суд от обязанности направить им копию судебного решения для обеспечения права на его обжалование. Несмотря на то, что в Определении речь идет о проверки законности уже проведенного обыска, в правоприменительной практике может сложиться ситуация, когда следователь или дознаватель получив судебное решение на производство обыска провели следственное действие в отсутствии проживающих там лиц, которые не получили копии судебного решения. Лицо, у которого проводился обыск являлось по своему правовому статусу свидетелем, что не позволило ему впоследствии знакомиться с материалами уголовного дела и соответственно с судебным решением, и в соответствии с УПК РФ и Определением не дает ему право на получение копии судебного решения для обеспечения права на его обжалование. Несмотря на указанные и вполне рациональные ограничения в части получения копии судебного решения считаем, что положения Определения не должны восприниматься в указанных случаях как нарушение прав на доступ к правосудию и возможности обжалования судебного решения.

7. Часть 3.1 ст. 165 УПК РФ гласит, что при рассмотрении ходатайства о производстве следственных действий, касающихся реализации или уничтожения вещественных доказательств, указанных в п. 3 ч. 2 ст. 82 УПК РФ (этиловый спирт, спиртосодержащая продукция, наркотические средства, психотропные вещества, предметы, длительное хранение которых опасно для жизни и здоровья людей или для окружающей среды), в судебном заседании вправе также участвовать подозреваемый, обвиняемый, их защитники и (или) законные представители. Анализ указанной нормы не позволяет понять какие следственные действия проводятся в случаях реализации или уничтожения вещественных доказательств, а также почему в судебном заседании вправе присутствовать участники со стороны защиты. Безусловно, участие последних позволяет говорить о том, что данные, ставшие им известными в ходе судебного рассмотрения могут быть разглашены, так как подозреваемый (обвиняемый) не могут быть предупреждены об ответственности за разглашение указанных сведений. Указанную позицию в своих определениях неоднократно указывал Конституционный Суд России: «нормы, устанавливающие недопустимость разглашения данных предварительного расследования, подлежат применению в системном единстве с другими, базовыми для нее, уголовно-процессуальными нормами, определяющими правовой статус различных участников уголовного судопроизводства, и определяющей статус подозреваемого ст. 46 УПК РФ, содержание которой аналогично нормам о статусе обвиняемого и не предполагает возложение на него обязанности давать подписку о неразглашении без соответствующего раз-

решения ставших ему известными в связи с участием в предварительном расследовании данных и последующего привлечения к уголовной ответственности за их разглашение[1].

Таким образом, проведенный обзор недостатков существующего порядка получения судебного решения на производство следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан далеко не совершенен, имеет множество дискуссионных положений и нуждается в дальнейшем совершенствовании. С точки зрения обеспечения защиты данных предварительного расследования проблемы связаны в первую очередь с отсутствием проработки вопросов действия служебной, следственной и судебной тайны на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

А.М. Ломшин

Расследование преступлений, создающих препятствия малому и среднему бизнесу, как гарантия соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина

Согласно ст. 34 Конституции РФ «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию».

В связи с этим вопрос борьбы с преступлениями, создающими препятствия малому и среднему бизнесу, является одной из первостепенных государственных задач.

Повышение благосостояния народа РФ во многом обусловлено развитием малого и среднего бизнеса, в результате чего появляются проблемы, связанные с совершением преступлений в этой сфере. К таким преступлениям относятся вымогательство, нарушение законодательства при государственной регистрации субъектов предпринимательской деятельности и их лицензировании, ненадлежащее исполнение законодательства контролирующими органами, создание различных административных барьеров предпринимательству, прямое и косвен-

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. № 467-О по жалобе гражданина Пятничука П.Е. на нарушение его конституционных прав положениями ст.ст. 46,86 и 161 УПК РФ; Определение Конституционного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 151-О по жалобе гражданина Воржева А.И. на нарушение его конституционных прав положениями ст.ст. 29 и 161 УПК РФ; Определение Конституционного Суда РФ от 24 мая 2005 г. № 218-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Черемных Е.К. на нарушение его конституционных прав статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

ное воспрепятствование законной предпринимательской деятельности.

Как показали результаты проведенного нами в 2012-2013 гг. анкетирования лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, большинство опрошенных 50% ответили, что лично сталкивались с проявлениями коррупции в своей работе, 6% респондентов указали, что знают лиц, которые сталкивались с данными явлениями; 24% интервьюируемых пояснили, что лично не сталкивались, но слышали о подобных фактах; 20% опрошенных сообщили, что не слышали о проявлениях коррупции. На вопрос, сообщали ли они или их знакомые в правоохранительные органы о фактах коррупции, 6% опрошенных указали, что их знакомые сообщали об этом в правоохранительные органы. Ни один из респондентов не указал, что лично сообщал о фактах коррупции, хотя, как следует из полученных результатов, большинству из них эти факты были известны. 20% указали, что не сообщали, поскольку не желают связываться с правоохранительными органами, 34% не сообщали, поскольку не верят в эффективность работы правоохранительных органов, 24% указали, что не сообщали, поскольку это не в их интересах.

С 15.01.2011 по декабрь 2012 г. было выявлено свыше 20 тыс. фактов взяточничества. Уголовному преследованию за коррупционные преступления подвергнуто свыше полутора тысяч лиц, обладающих особым правовым статусом. Точное число – 1568, из которых 150 – следователи органов внутренних дел, 21 – следователи наркоконтроля, 42 – прокуроры, 41 – члены избирательных комиссий, 509 – депутаты органов местного самоуправления, 589 – выборные главы органов местного самоуправления, 34 – депутаты законодательных органов субъектов России, 116 – адвокаты и 11 – судьи[1].

На сегодняшний день актуален вопрос о координации деятельности следственных и оперативно-розыскных органов, направленной на своевременное выявление и предупреждение преступлений в сфере малого и среднего бизнеса.

Так, сотрудниками Департамента экономической безопасности МВД России и УФСБ по Тверской области задержана заместитель главы Калязинского района Тверской области З. при получении взятки за выделение земельного участка. «З. потребовала взятку у предпринимателя, который выиграл конкурс на приобретение 8 га земли. С целью давления на предпринимателя торги были признаны недействительными. После передачи незаконного денежного вознаграждения в 2 млн. рублей заместитель главы Калязинского района Тверской области была задержана в рабочем кабинете» – говорится в сообщении пресс службы ДЭБ.

---

[1] Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина «Российской газете». URL: http://www.sledcom.ru/smi.

В ходе расследования были собраны доказательства, что чиновница участвовала в других коррупционных схемах, связанных с созданием искусственных сложностей при купле-продаже земельных участков. В отношении З. возбуждено уголовное дело по статье «получение взятки»[1].

5.07.2010 сотрудники департамента экономической безопасности (ДЭБ), МВД России и УБЭП МВД по Белгородской области задержали первого заместителя главы администрации Губкинского городского округа по экономическому развитию Г. и двух его сообщников. Как сообщили в пресс-службе ДЭБ, задержанные подозревались в получении взятки в 38 млн. руб. Эти денежные средства они намеревались получить от представителей коммерческой организации, которые обратились в администрацию Губкинского городского округа с заявлением о выделении муниципального земельного участка площадью четыре гектара под строительство автосалона. За незаконное вознаграждение злоумышленники обещали оказать содействие в срочном и беспрепятственном оформлении земельного участка в собственность коммерческой компании. В отношении задержанных было возбуждено уголовное дело по статье «Получение взятки»[2].

В Архангельске следственными органами на основании материалов оперативно-розыскной деятельности регионального управления ФСБ возбуждено уголовное дело в отношении депутата областного Собрания П. Депутат-справедливоросс, а также четверо его сообщников подозреваются в организации преступного сообщества, противозаконной деятельности, в том числе принуждении к совершению сделок.

По версии следствия, озвученной в пресс-службе регионального следственного управления, П. в 2009 г. создал и возглавил в Архангельской области организованную преступную группу с целью совершения тяжких и особо тяжких преступлений.

28.04.2013 по месту жительства подозреваемых проведены обыски, в ходе которых были изъяты документы и электронные носители информации, пояснили в ведомстве. Также состоялись допросы свидетелей и потерпевших по делу.

Для расследования уголовного дела создана следственно-оперативная группа, в которую вошли сотрудники регионального следственного управления и управления ФСБ по Архангельской области. Дело принято к производству отделом по расследованию особо важных

---

[1] Замглавы одного из районов Тверской области задержана за взятку в 2 млн руб. URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta.

[2] Белгородский чиновник подозревается в получении взятки в 38 млн. руб. URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta.

дел[1].

Таким образом, подобные преступные нарушения конституционного права на занятие предпринимательской деятельностью являются многочисленными. В связи с этим деятельность правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений, создающих препятствия малому и среднему бизнесу, является способом защиты прав и свобод человека и гражданина.

Н.А. Ломшина

Некоторые проблемы обеспечения прав личности при расследовании преступлений в сфере реализации приоритетного национального проекта развития агропромышленного комплекса

Развитие агропромышленного комплекса является одним из приоритетных направлений политики государства, в связи с чем расследование преступлений в указанной сфере занимает важное место в деятельности правоохранительных органов. Бюджетные деньги, направленные на реализацию приоритетного национального проекта развития агропромышленного комплекса, стали лакомой приманкой для преступников, что привело к увеличению количества преступлений в данной области, возникновению новых способов и изощренных средств их совершения, вследствие чего участники стадии раскрытия таких правонарушений допускают ряд ограничений конституционных прав и свобод.

Согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Согласно ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Нормы УПК основываются на Конституции РФ, в связи с чем ст. 6 УПК РФ предусматривает, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Только строгое соблюдение конституционных норм, гарантирующих защиту прав и свобод личности, является основным гарантом законности и обоснованности всей стадии уголовного судопроизводства, основополагающее значение которой имеет стадия расследования

[1] Депутата Архангельского облсобрания подозревают в создании преступной группировки. URL: http://www.news29.ru/novosti.

уголовного дела.

При раскрытии преступлений должно соблюдаться требование быстроты производства по уголовному делу. Применительно к досудебному производству быстрота означает безотлагательное возбуждение и осуществление предварительного расследования, оперативное выполнение входящих в него всех требуемых следственных и иных процессуальных действий в нужный момент[1].

Между тем, имеются отдельные случаи грубой волокиты, допущенной при расследовании преступлений, препятствующих реализации приоритетного национального направления развития агропромышленного комплекса.

Так, 23.10.2008 дознавателем ОВД по Ардатовскому муниципальному району Республики Мордовия возбуждено уголовное дело в отношении гражданина Б. по ч. 1 ст. 159 УК РФ. В ходе расследования было установлено, что 23.03.2007 Б. в рамках приоритетного национального проекта «Развитие АПК» получил кредит на сумму 300 тыс. руб. сроком на 5 лет, для приобретения скота и реконструкции животноводческого помещения. Часть полученных денежных средств Б. были потрачены не по целевому назначению, а именно на приобретение автомобиля. 21.06.2007 гражданином Б. подано заявление на имя Министра сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия о предоставлении субсидий на возмещение процентных ставок по кредиту, к которому приложены не соответствующие действительности документы о целевом использовании кредита. Впоследствии ему выплачена субсидия на возмещение процентных ставок по кредиту в сумме более 30000 рублей.

23.11.2008, 18.12.2008 и 22.01.2009 срок дознания по данному уголовному делу продлевался на 30 суток, а всего до 4-х месяцев. 13.02.2009 уголовное дело надзирающим прокурором передано для производства предварительного расследования в СО при ОВД по Ардатовскому муниципальному району РМ. Затем по данному уголовному делу следователем пять раз принимались незаконные решения о прекращении уголовного дела, которые на основании постановления прокурора были признаны незаконными и отменены. Связано это с тем, что следователь своевременно не обеспечил выполнение всех необходимых следственных действий по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления[2].

---

[1] Еникеев З.Д. Международно-правовые основы быстроты уголовного судопроизводства и проблемы их реализации в современной России // Международное публичное и частное право. 2010. № 4. С. 16-21.

[2] Уголовное дело № 1-27/2009 // Архив Ардатовского районного суда Республики Мордовия

Расследование преступлений должно быть быстрым и эффективным прежде всего с тем, чтобы установить виновное лицо и осуществить его уголовное преследование.

Так, гражданин Д. обвинялся органом предварительного расследования по ч. 1 ст. 159, ч. 1 ст. 327 УК РФ в том, что с целью незаконного получения компенсации по целевому кредитному договору на приобретение племенного скота изготовил и представил в Минсельхоз Республики Мордовия недостоверные договор купли-продажи скота у гражданки Т. и акт приема-передачи сельскохозяйственных животных на сумму 23400 руб. В результате этих действий Д. получил 16570 руб. Между тем, еще на стадии предварительного расследования Д. пояснял, что заключал договор купли-продажи о приобретении двух свиноматок и составлял акт их приема-передачи, но когда пришел за ними, то отказался их забирать, так как они не стоили запрошенной суммы. За эти же деньги он приобрел двух свиноматок у гражданина С., а в Минсельхоз Республики Мордовия представил ранее изготовленные документы.

Таким образом, собранные в ходе предварительного расследования доказательства свидетельствовали об использовании Д. кредитных средств по целевому назначению, а поэтому его действия не являются преступными.

Приговором суда гражданин Д. оправдан в связи с отсутствием в его действиях состава преступления[1].

Данный пример указывает, что следователь при расследовании преступлений в сфере реализации приоритетного национального проекта развития агропромышленного комплекса должен учитывать все детали, повторно проверять поступившую информацию. Данные преступления в основном совершаются в сельских поселениях, жители которого связаны тесными дружескими и родственными связями, а это может затруднить работу следователя. К примеру, целью получения кредита является покупка сельскохозяйственных животных, техники, улучшения надворных построек. Совершается преступление, когда лицо нарушает данное правило и тратит полученные денежные средства не по назначению, а в дальнейшем получает субсидию из бюджета. В указанном случае перед следователем стоит задача установить, действительно ли лицо не приобретало заранее оговоренных договором товаров, что невозможно установить без личного осмотра. Здесь следователь может столкнуться с представлением искаженной или ложной информации. Например, в случае, когда гражданин, указавший, что приобрел крупный рогатый скот, может попросить соседа перегнать в назначенное время скот в его двор. Следователь, который

[1] Уголовное дело № 2-76/2012 // Архив Зубово-Полянского районного суда Республики Мордовия

не обладает специальными познаниями, вряд ли сможет определить, именно этот ли скот был приобретен гражданином.

Согласно ст. 52 Конституции РФ права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Лицо, осуществляющее расследование по конкретному делу, является своеобразным гарантом прав потерпевших. В сфере реализации приоритетного национального проекта развития агропромышленного комплекса основная доля уголовных дел приходится на преступления, связанные с предоставлением поддельных документов для получения кредита на развитие личного подсобного хозяйства с последующим присвоением данных денежных средств. Кроме того, данные действия влекут за собой последующее получение субсидии из федерального и регионального бюджетов на возмещение части затрат по выплате процентов за пользование такими кредитами. Таким образом, субъектом, пострадавшим от преступления, по данным делам является государство в лице федерального и регионального бюджетов. Однако нередко именно представители власти способствуют совершению преступлений в сфере реализации приоритетного национального проекта развития агропромышленного комплекса.

К примеру, изучение материалов уголовного дела показало, что прокурором было утверждено обвинительное заключению по обвинению супругов В. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 327, ч. 2 ст. 159, ч. 3 ст. 30 ч. 2 ст. 159 УК РФ. Из сути обвинительного заключения следует, что В., которые не вели личное подсобное хозяйство, внесли заведомо ложные сведения в анкету заемщика и справку о сдаче молока и мяса с фиктивной суммой полученных доходов с целью получения субсидий по целевому кредиту в банке в рамках национального проекта развития агропромышленного комплекса. Данные документы были подписаны и заверены гербовой печатью главой администрации поселка Т., которая заведомо знала о фиктивности и подложности представленных ей документов. Таким образом, в действиях Т. имеются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ. Однако оценка действиям Т. в ходе следствия дана не была[1].

Указанные ограничения прав личности не являются единичными, избежать которые можно только в случае, когда следователь теоретически подкован и его действия по раскрытию преступлений являются логичными, последовательными и целенаправленными. Однако субъект расследования часто сталкивается с отсутствием теоретических разработок по расследованию отдельных преступлений, вследствие чего возникают трудности в процессе их раскрытия. В связи с чем мы

[1] Уголовное дело № 1-148/2012 // Архив Кадошкинского районного суда Республики Мордовия

считаем, что имеется необходимость в разработке отдельной методики расследования преступлений, препятствующих реализации приоритетного национального проекта развития агропромышленного комплекса, которая станет подспорьем для следователя и позволит избежать нарушения конституционных прав и свобод личности.

Е.А. Лушин
А.М. Шувалова

О структуре частных криминалистических методик расследования преступлений

Уголовное преследование является одной из форм реализации государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечению других конституционно значимых ценностей (глава 2 Конституции РФ) в тех случаях, когда эти ценности становятся объектом преступного посягательства.

Необходимость охраны личных прав и свобод граждан отражена в ряде международных документов – Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948, Международном пакте о гражданских, социальных и культурных правах, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и других.

Федеральным законом «О Следственном комитете Российской Федерации» № 403-ФЗ от 28.12.2010 основными задачами органов предварительного следствия определены:

- оперативное и качественное расследование преступлений в соответствии с подследственностью, установленной уголовно-процессуальным законодательством РФ;
- защита прав и свобод человека и гражданина;
- организация и осуществление в пределах своих полномочий выявления обстоятельств, способствующих совершению преступлений, принятие мер по устранению таких обстоятельств;
- разработка мер по реализации государственной политики в сфере исполнения законодательства РФ об уголовном судопроизводстве.

Для выполнения поставленных задач необходимо не только знание уголовного и соблюдение уголовно-процессуального законодательства, но и умение использовать разработанные наукой криминалистикой методики расследования различных видов преступлений.

Однако не все предлагаемые методики дают достаточно полное представление о необходимых действиях следователя.

Среди криминалистов нет однозначного взгляда на то, что именно должна включать в себя частная методика расследования. Одни авторы считают, что в ней должны быть отражены такие элементы как:

- криминалистическая характеристика;

- следственные ситуации и их разрешение на предварительном следствии;

- особенности проведения отдельных следственных действий[1].

Иные авторы предлагают разделить первоначальный и последующий этапы расследования. И предлагаемая им структура частной методики расследования выглядит следующим образом:

- криминалистическая характеристика;

- описание типичных следственных ситуаций и особенностей планирования действий следователя на начальном и последующем этапах расследования;

- изложение тактики первоначальных следственных действий и сопутствующих ОРМ;

- особенности тактики последующих действий[2].

Третьи более подробно останавливаются на этапе решения вопроса о возбуждении уголовного дела и включают в методику следующие пункты:

- криминалистическая характеристика конкретного вида преступлений;

- обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании преступлений данного вида;

- особенности возбуждения уголовного дела по преступлениям данной категории;

- типичные ситуации и действия следователя на первоначальном этапе расследования;

- особенности тактики первоначальных и последующих следственных действий[3].

Некоторые включают в структуру частной методики «особенности использования при расследовании специальных знаний»[4].

Наиболее развернутые структуры предложены в учебнике по криминалистике под редакцией А.Ф. Волынского и В.П. Лаврова. По мнению авторов этого учебника, частная методика расследования должна включать в себя:

- криминалистическая характеристика;

- обстоятельства, подлежащие установлению;

---

[1] Криминалистика: учеб. для бакалавров / под ред. Л.Я. Драпкина. М., 2013. С. 831.

[2] Криминалистика: учеб. / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. М., 2013. С. 928.

[3] Криминалистика: учеб. для бакалавров /под ред. А.Г. Филиппова. М., 2013. С. 463.

[4] Криминалистика: учеб. / под ред. Е.П. Ищенко // СПС «Консультант Плюс».

- методы обнаружения преступления, рассмотрение первичных материалов, возбуждение уголовного дела и первоначальные следственные и оперативно-розыскные действия;

- особенности планирования и построения следственных версий;

- особенности проведения дальнейших следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий;

- особенности использования специальных знаний;

- выявление и устранение при расследовании обстоятельств, способствующих совершению преступления данного вида;

- особенности привлечения общественности к расследованию преступлений данного вида.[1]

А так же в учебнике под редакцией Е.П. Ищенко, кроме выше упомянутых элементов добавлено «профилактические действия следователя».[2]

Мы не будем углубляться в полемику по данному вопросу. Отметим только, что, на наш взгляд в настоящее время необходимо более подробно, в том числе и в рамках создания частных криминалистических методик, разрабатывать вопросы преодоления противодействию расследованию.

Противодействие обнаружению, раскрытию и расследованию преступлений со стороны лиц, их совершивших, и других лиц, не заинтересованных в выявлении и раскрытии преступлений, является одним из факторов, существенно осложняющих расследование преступлений. Неумение нейтрализовать противодействие часто приводит в лучшем случае к осложнениям в процессе расследования, а в худшем – к невозможности раскрыть преступление.

Способы противодействия весьма многочисленны и многообразны, как правило, тщательно продуманны, порой бывают весьма изощренными.

Так, согласно исследованиям уголовных дел, проведенных Малышкиным П.В., в 45% случаев преступниками предпринимались самые разнообразные, иногда весьма ухищренные действия по сокрытию совершенных преступлений и в более чем двух третьих случаев это существенным образом мешало успешному раскрытию данных преступлений. В тоже время анкетирование осужденных, неоднократно совершавших различные преступления, показало, что 56% из них после совершения преступных деяний предпринимали различные действия по сокрытию совершенных ими преступлений и это, по их мнению, позволило в ряде случаев избежать уголовной ответственности за совер-

---

[1] Криминалистика: учеб. для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М., 2008. С. 943.

[2] Криминалистика: учеб. / под ред. Е.П. Ищенко // СПС «Консультант Плюс».

шенное преступное деяние[1].

Несмотря на важность высказанного тезиса мы согласны с тем, что «проблемам противодействия предварительному расследованию, несмотря на всю их актуальность, в рамках методики расследования как раздела криминалистической науки, на наш взгляд в настоящее время, не уделяется должного внимания»[2].

В методиках расследования отдельных видов и групп преступлений, в большинстве случаев встречаются только отдельные положения, касающиеся преодоления противодействия: способы разоблачения лжи в процессе допроса, проверка алиби, указываются наиболее типичные места сокрытия труппа или орудия преступления и др. В большинстве случаев это касается так называемого «внутреннего» противодействия[3]. Однако на современном этапе развития преступности, ее организованности и проникновения практически во все составляющие общественной жизни нередко в процессе расследования следователю приходится сталкиваться не только с «внутренним», но и «внешним» противодействием.

Понятно, что виды и способы противодействия во многом завися от конкретного преступления, от личности подозреваемого и потерпевшего, от сложившейся следственной ситуации и т.п. Однако по отдельным видам преступлений можно выделить наиболее часто встречающиеся виды и способы противодействия, соответственно дать какие-либо рекомендации следователю по способам преодоления.

Например, при расследовании изнасилований наиболее вероятно ожидать противодействия, направленного в основном на сокрытие преступления путем психологического воздействия на потерпевшую, уничтожения следов изнасилования, создания ложного алиби. Соответственно, следователю необходимо предвидеть, что обвиняемый и его защитник попытаются опорочить потерпевшую, заявив о ее безнравственном, провоцирующем поведении; или потерпевшая под их давлением изменит свои показания. Иные способы противодействия будут наиболее вероятными при расследовании коррупционных или, например, налоговых преступлений. Наиболее изощренные и сложные методы противодействия встречаются при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами.

---

[1] Малышкин П.В. Распознавание преступных инсценировок при криминалистическом исследовании обстановки места происшествия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1990. С. 2.

[2] Гармаев Ю.П. Методика расследования преступлений: правоприменительная практика и комментарии законодательства // СПС «Консультант Плюс».

[3] Виды противодействия довольно подробно рассмотрены, например, в работе «Противодействие предварительному расследованию: понятие и классификация // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 3 / под ред. О.Я. Баева. Воронеж, 2002. С. 137-145.

Таким образом, представляется, что на современном этапе назрела острая необходимость в разработке вопросов преодоления противодействия расследованию. Причем, по нашему мнению, данные вопросы должны быть включены отдельным пунктом в структуры частных методик расследования.

Т.С. Лятифова

Обеспечение прав и свобод человека в ходе исполнения правоохранительными органами государственных функций

Вопросы реализации прав человека обсуждались учеными с давних времен и не потеряли своей актуальности в настоящее время. В целях их соблюдения были выработаны стандарты, получившие нормативное закрепление в международных правовых актах (Всеобщая декларация прав человека, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция о правах ребенка, Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, Венская декларация о преступности и правосудии, Устав ООН и др.), которые в последствии были признаны большинством государств.

Россия, не являясь исключением, в ходе проводимых реформ законодательства постепенно включила в него ряд общепризнанных норм и принципов международного права, закрепляющих приоритет прав и свобод человека. Примером тому служит действующее в настоящее время российское уголовно-процессуальное законодательство, напрямую связанное со стандартами международного права. Так, принятый в 2001 г. УПК РФ содержит нормы, закрепляющие принцип состязательности и равноправия сторон (обвинения и защиты).

Особенно активно нормы международного права стали внедряться в российское законодательство после принятия Конституции РФ 1993 г. Согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Защита прав и свобод человека, закрепленная в нормах международного права и Конституции РФ предполагает, что государство берет на себя обязательства по защите законных интересов, прав и свобод каждой конкретной личности. Деятельность государства приобретает, таким образом, правовой характер. Вместе с тем, установление и закрепление государством законодательных норм, защищающих личность, не предусматривает анархии и вседозволенности. Наоборот, в целях защиты прав и свобод каждого отдельного члена общества от противоправных посягательств установлены определенные запреты, ограничения, а

также введена ответственность за нарушение установленных норм поведения[1].

В случае несоблюдения конкретной личностью установленных норм поведения между обществом и личностью возникает специфический правовой конфликт, содержание которого предусмотрено нормами материального (например, уголовного) права, а пути его разрешения – нормами процессуального права (в данном случае уголовно-процессуального)[2].

Обеспечение, реализация и защита прав и свобод человека представляет собой своеобразный юридический механизм, под которым в широком смысле понимается социально обусловленный, законодательно предусмотренный комплекс согласованных действий с целью получения заинтересованной личностью блага, опосредованного правом (свободой)[3]. Механизм обеспечения прав человека включает в себя объект, субъект, их задачи и функции, а также принципы и правовые основы деятельности. Действие данного механизма возможно только посредством четкого исполнения органами, участвующими в его реализации, своих функций[4].

Исполнение указанных функций осуществляется посредством соответствующего государственного аппарата, который представляет собой систему органов власти, учреждений и должностных лиц, наделенных соответствующими государственными властными полномочиями. Структура федеральных органов исполнительной власти, утверждена Указом Президента РФ от 21.05.2012 № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти.

Власть, как пишет Д.Н. Бахрах, это важнейшее, необходимейшее средство управления, обеспечивающее согласование воль, а значит, и действий разных людей[5].

Государство, имея перед собой множество разнообразных по содержанию задач, призвано решать их в целях развития общества, до-

---

[1] Васильев Ф.П. Административное регламентирование деятельности МВД России: учебное пособие. В 7 ч. Ч. 3: Исполнение государственных функций. М. 2012. С. 29.

[2] Волчецкая Т.С. Криминалистика вчера и сегодня: перспективы ее развития // Актуальные вопросы развития государства и права: Юбилейный сб. научных трудов. Ч. 2. Калининград, 2002. С. 136-137.

[3] Мельников В.Ю. Необходимость создания механизма обеспечения, реализации и защиты прав человека в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2013. № 2. С. 19-22.

[4] Вопросам исполнения государственых функций уделяли внимание в своих исследованиях доктор юридических наук Ф.П. Васильев, доктор юридических наук А.С. Дугенец.

[5] Бахрах Д.Н. Административное право России. М., 2008. С. 15, 16.

стижения максимально положительного эффекта в обеспечении комфортного и удобного существования своих граждан[1].

Большинство отечественных ученых-юристов высказывают мнение о том, что обеспечение прав и свобод человека, как высшей демократической ценности, осуществляют правоохранительные органы путем реализации своих функций[2].

Предметом правоохранительной функции государства являются права и свободы человека и гражданина, закрепленные в законодательстве и имеющие непреложный характер. Этого мнения придерживаются отечественные ученые-юристы. В.Е. Студеникин, давая определение понятию правоохранительной деятельности, пишет, что она опирается на устои законности и правопорядка[3].

В качестве объекта ученые выделяют правопорядок, который, в общем смысле, есть некое поле, на котором происходят основные правовые события: формируются, применяются нормы, претерпевают изменения, увы, еще и нарушаются и т.п. Это, по существу, то, на что направлены конкретные действия правоохранителей в повседневной жизни[4].

Существуют различные подходы к отнесению органов к числу, правоохранительных (осуществляющих правоохранительную функцию). На первый взгляд, кажется, что существует значительное количество органов, которые следовало бы отнести к правоохранительным. Однако, деятельность правоохранительных органов направлена на противодействие правонарушениям.

По мнению автора статьи, позиция Гулягина А.Ю. в этой связи заслуживает внимания. Гулягин А.Ю. выделил дополнительные критерий отнесения государственных органов к числу правоохранительных. А именно, сфера тех правоотношений, в которых непосредственно действуют органы государства по противодействию правонарушениям.

В выстроенную им систему критериев отнесения конкретных органов к правоохранительным включены

1) специально уполномоченные государственные органы, действующие в сфере:

- уголовной юрисдикции;

---

[1] Гулягин А.Ю. Правоохранительная деятельность: основные правовые характеристики // Административное право и процесс. 2011. № 6. С. 7-9.

[2] Артемьев А.М. Государственная правоохранительная служба: системные свойства, функции, правовое обеспечение: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. С. 63-66.

[3] Студеникин В.Е. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел как объект управления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 45.

[4] Артемьев А.М. Государственная правоохранительная служба: системные свойства, функции, правовое обеспечение: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008.С. 107-108.

- административной юрисдикции;
- оперативно-розыскной деятельности;
- контрольно-надзорной деятельности;
- нормативно-правовой законности;

2) охраняющие права и свободы человека посредством обеспечения правопорядка.

3) их деятельность основана на праве;

4) характеризующиеся принудительным характером восстановления нарушенных прав[1].

Основополагающей категорией в осуществлении правоохранительными органами своих функций выступает законность. Наиболее точное определение законности дает В.П. Рябцев, рассматривая её в трех основных аспектах:

- как принцип организации и функционирования общества и государства, который проявляется в том, что ко всем органам государства, учреждениям, предприятиям, общественным организациям, должностным лицам и гражданам предъявлено требование строжайшего выполнения законов и подзаконных актов, что их точное и неуклонное исполнение обеспечивается общественными и государственными мерами;
- как метод государственного руководства обществом, позволяющий государственной власти обеспечить претворение в жизнь воли государства и интересов народа;
- как своеобразный режим общественно-политической жизни, определенный образ взаимоотношений между органами государственной власти и населением, между отдельными индивидами[2].

Данный подход раскрывает значимость и многогранность данной категории. Принцип законности выступает в качестве правовой основы государственной и общественной жизни.

Конституция РФ закрепила положения, которые являются требованиями законности, в частности:

- соответствие правам и свободам человека и гражданина законов, иных правовых актов, деятельности государства и местного самоуправления. Права и свободы человека являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной власти, местного самоуправления (ст. 18);
- соблюдение (исполнение) законов законодательной, исполнительной и судебной властью, федеральными и региональными органами государственной власти, всеми должностными лицами означает, что их

---

[1] Гулягин А.Ю. Правоохранительная деятельность: основные правовые характеристики // Административное право и процесс. 2011. № 6. С. 7-9.
[2] Законность в Российской Федерации. М., 2008. С. 6-9.

деятельность и принимаемые ими правовые акты не должны противоречить действующему законодательству;

- обеспечение государством прав и свобод человека и гражданина. Важнейшими составными гарантиями законности выступают обеспечение высокого уровня прокурорского надзора за реализацией требований законности, эффективность принимаемых прокуратурой мер юридической ответственности и защиты, способствующих восстановлению нарушенных конституционных и отраслевых прав и свобод граждан, а также качественная и профессиональная работа сотрудников прокуратуры по обеспечению законности и правопорядка;

- равенство граждан перед законом и судом;

- иерархичность законодательства в соответствии с юридической силой составляющих его законов. Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории страны. Ей не должны противоречить любые законы и иные правовые акты, принимаемые в России. Конституционным федеральным законам не могут противоречить федеральные законы. Те и другие законы имеют верховенство на всей территории России по отношению к законам субъектов РФ (ст. 4, 15, 76)[1].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что принцип законности носит основополагающий характер и отображается в российской правовой системе в различных областях законодательства (например, в ст. 3 УК РФ, .ст. 6 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»[2], ст. 33 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[3]).

По мнению В.П. Рябцева: «Законность – постоянно функционирующее и развивающееся состояние общественных отношений, характеризуемое уровнем регламентации и соблюдения требований государства, выраженных в законодательных и иных нормативных правовых актах, в соотнесении со степенью удовлетворения представлений и ожиданий правоприменителей и общества в целом, характеризуемое состоянием и динамикой правонарушаемости, ее структурой и тенденциями»[4].

Таким образом, основой обеспечения прав и свобод человека является:

---

[1] Бессарабов В.Г., Кашаев К.А. Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. М., 2007.

[2] СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.

[3] СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

[4] Законность в Российской Федерации. М., 2008. С. 25.

1) четкое нормативное закрепление стандартов обеспечения прав и свобод человека в законодательстве;

2) создание нормативной базы, обеспечивающей основу исполнения государственных функций правоохранительными органами;

3) разработка и создание единого механизма обеспечения прав и свобод человека;

4) обеспечение законности в деятельности правоохранительных органов, в том числе посредством эффективного контроля.

Е.С. Мазур

Экспертные возможности диагностики физиогномических признаков человека по папиллярным узорам

В соответствии со ст. 58 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в системе здравоохранения РФ одним из видов медицинских экспертиз является судебно-медицинская экспертиза. Деятельность судебно-медицинского эксперта основывается на практическом применении данных судебно-медицинской науки, которая, исходя из конституционных прав граждан на охрану здоровья и на судебную защиту от посягательств на жизнь и здоровье, с учетом норм процессуального законодательства, опирается на прогрессивные методы исследования и внедрения их в экспертную практику.

Положения и достижения наук, смежных, по отношению к судебной медицине, переносятся в сферу судебно-медицинской экспертизы в соответствии с задачами, решаемыми экспертами в их профессиональной деятельности. Привлекаемый извне научный материал исследуется, анализируется, систематизируется и адаптируется для обеспечения большей эффективности в работе как правоохранительных органов, так и органов здравоохранения.

В последние годы в ходе научных исследований активно изучается возможность использования особенностей строения гребневой кожи при идентификации личности[1]. Одной из областей использования папиллярных узоров в целях идентификации человека является дактилоскопия, другой, гораздо более широкой и многообещающей – дермато-

[1] Божченко А.П. Судебно-медицинская оценка дерматоглифических признаков пальцев рук в идентификации личности: автореф. дис. … докт. мед. наук. СПб., 2009. С. 32-33; Сидоренко А.Г. Возможности ладонной дерматоглифики при судебно-медицинской идентификации личности: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2006; Мазур Е.С. Дерматоглифика в прогнозировании конституциональных, физических и внешне-опознавательных признаков человека: дис. … докт. мед. наук. М., 2009.

глифика[1]. Отметим, что значительное время дерматоглифика воспринималась криминалистами как антинаучное знание, сродни хиромантии. Очевидно, данное обстоятельство не позволяло в полной мере раскрыть ее научный потенциал и как следствие – тормозило ее развитие. Вместе с тем, такое положение дел не смогло воспрепятствовать появлению новых разработок генетиков, антропологов и судебных медиков, позволивших решать определенные задачи, связанные с применением дерматоглифов как неспецифических маркеров[2].

На современном этапе возможности дерматоглифических методов исследования позволяют применять их в различных областях деятельности человека, таких как медицина (судебная, клиническая, спортивная), криминалистика, антропология и т.д. Так, в криминалистике дерматоглифика успешно применяется для идентификации личности в целях раскрытия и расследования преступлений, а в судебной медицине – при установлении личности неопознанных трупов, в экспертизах родства, спорного отцовства и материнства[3].

В частности, разработанные и предложенные методы дерматоглифики с использованием логистической регрессии позволяют прогнозировать различные признаки человека[4]. Например, с вероятностью 72-90% у мужчин и 81-98% у женщин могут быть установлены такие значимые физиогномические признаки, как форма лица, степень выраженности надбровья, рост бровей, форма лба, ширина и наклон глазной щели, степень выступания скул, форма спинки носа, кончик носа, толщина губ, ширина подбородка, форма волос, профиль лица (табл. 1).

Таблица 1. Значимые показатели физиогномических признаков

признаки	пол	
	мужской	женский
степень выраженности надбровья	74%	-
рост бровей	73%	-
форма лба	73%	97%
ширина глазной щели	77%	-
наклон глаз	72%	-

[1] Богданов Н. Тайные коды тела. М., 2007.

[2] Бадиков К.Н. Становление и перспективы развития дерматоглифики в криминалистике: дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2002.

[3] Звягин В.Н., Мазур Е.С. Использование метода дерматоглифики в прогнозировании некоторых антропометрических показателей человека: Информационное письмо. М., 2009.

[4] Экспертные возможности судебно-медицинской дерматоглифики / А.П. Божченко, Толкачева А.А., Теплов К.В. и др. // Использование специальных знаний в уголовном праве, уголовном процессе и криминалистике: сб. материалов «круглого стола» (15.03.2012) / под ред. Е.И. Сусенкова. Томск, 2012. С. 11-15.

степень выступания скул	76%	98%
форма спинки носа	74%	-
кончик носа	76%	-
толщина губ	76%	-
ширина подбородка	72%	-
профиль лица	81%	81%
форма волос	90%	98%

При этом у мужчин:

- сильно выраженное надбровье прогнозируется с вероятностью 0,7-0,8, слабо выраженное – с вероятностью 0,6-0,7, а прогнозируемость выраженности надбровья средней степени распределена равномерно, в диапазоне от 0,5 до 1;
- вероятность прогнозирования густых бровей равномерно распределена в диапазоне от 0,6 до 0,9, а тонкие брови прогнозируются в основном с вероятностью 0,6-0,7;
- вероятность прогнозирования прямой формы лба равномерно распределена в диапазоне от 0,6 до 1, а скошенная форма лба прогнозируется с вероятностью 0,7-0,8;
- малая ширина глазной щели прогнозируется в диапазоне 0,5-0,9, средняя ширина глазной щели – в диапазоне 0,9-1, а большая ширина глазной щели – в диапазоне от 0,7до 0,8;
- горизонтальная ось глазной щели прогнозируется в диапазоне 0,5-0,9, косовнутренняя ось наклона глазной щели – в диапазоне 0,6-0,7, косонаружняя ось наклона глазной щели – в диапазоне от 0,6 до 1;
- выступающие скулы преимущественно прогнозируются с вероятностью 0,6-0,8, а не выступающие – с вероятностью 0,7-0,8;
- выпуклая спинка носа прогнозируется в диапазоне 0,5-0,7, вогнутая спинка носа – в диапазоне 0,6-0,7, а прямая в – диапазоне от 0,5 до 1;
- толстый кончик носа прогнозируется с вероятностью 0,8-0,9, средний кончик носа – в диапазоне 0,6-0,8, а тонкий – с вероятностью 0,5 до 0,6;
- толстые губы прогнозируются с вероятностью в диапазоне от 0,5 до 0,9, губы средней толщины преимущественно прогнозируются с вероятностью 0,9-1, а вероятность прогноза тонких губ равномерно распределена в диапазоне от 0,5 до 0,8;
- узкий и широкий подбородки прогнозируются в основном с вероятностью от 0,5-0,6, а средний подбородок – с вероятностью 0,6-0,7;
- прямая форма волос прогнозируется с вероятностью 0,9-0,1, а волнистая – с вероятностью 0,7 до 0,8;
- прямой и подбородочный профиль прогнозируется с вероятностью 0,5-0,6, а носовой – в диапазоне вероятностей от 0,8 до 1.

У женщин:

- лоб как прямой формы, так и скошенной прогнозируются с вероятностью 0,9-1;
- выступающие скулы прогнозируются с вероятностью 0,9-1, а не выступающие – с вероятностью 0,6-0,7;
- как прямые, так и волнистые волосы прогнозируются с вероятностью 0,9-1;
- как прямой, так и носовой профили лица прогнозируются с вероятностью 0,9-1.

Остальные показатели у лиц женского пола не позволили получить статистически значимые оценки.

По результатам проведенного исследования для оценки физиогномических признаков лиц мужского пола было разработано 22 диагностических моделей и 7 – для лиц женского пола.

При этом следует отметить, что у женщин, по сравнению с мужчинами, количество прогностических признаков меньше, а процент достоверности у них значительно выше.

Таким образом, судебная медицина имеет важное социальное значение в борьбе с преступлениями против жизни и здоровья граждан, а современные разработки, осуществляемые в развитие обозначенных в настоящей статье научных направлений с использованием папиллярных узоров, намечают дальнейшие пути расширения круга диагностических и идентификационных задач при отождествлении человека в уголовном судопроизводстве.

И.В. Макогон

Процессуальное значение изучения личности преступника при расследовании преступлений

«Человек, его права и свободы являются высшей ценностью, провозглашает Конституция РФ. Признание, соблюдение и защита прав и свобод гражданина и человека – обязанность государства» (ст. 2). «Основные права и свободы человека не отчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ст. 17). Эти положения свидетельствует о радикальном повороте общественно-политической и правовой мысли, приобщение современной России к мировым стандартам. Поэтому Конституция РФ является гарантом прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений.

Под изучением личности преступника в процессуальных целях понимается деятельность следователя, оперативника, прокурора и суда основанная на положениях конституции и направленная на получение сведений, характеризующих участников процесса и имеющих значение для правильной квалификации преступления, для выбора наиболее эффек-

тивных тактических приемов при проведении следственных действий, а также для решения задач уголовного судопроизводства[1]. Такая деятельность, направленна на получение и анализ информации, содержащей сведения о биографических, антропометрических, демографических, социальных, психологических и иных данных, характеризующих личность, имеющую отношение к расследуемому событию. Эта информация включает в себя сведения о присущих ей анатомических, биологических, психологических и социальных свойствах, которые необходимы для идентификации личности, решения тактических задач следствия и установления фактической картины события преступления в процессе его раскрытия и расследования, а также для использования в целях осуществления криминалистического прогнозирования и предупреждения преступлений[2].

Процессуальное изучение личности является одним из взаимообусловленных, взаимосвязанных и важных элементов многоотраслевого и многоаспектного исследования личности как субъекта правовых отношений в сфере борьбы с преступностью, что раскрывается применительно к решению конституционных, уголовно-правовых, криминологических, уголовно-процессуальных, оперативно-розыскных и пенитенциарных задач. Такое значение обусловлено неограниченными возможностями в получении различного рода информации, способствующей процессу расследования и установлению истины по уголовному делу.

Процессуальное значение изучения личности предполагает возможность создания наиболее благоприятной следственной ситуации, позволяющей следователю принимать оптимальные тактические решения по уголовному делу, например при выборе тактических приемов допроса обвиняемого в конфликтной ситуации или при задержании вооруженного преступника[3].

Анализ большинства положений уголовного процесса и криминалистики показывает, что учет информации о личности в уголовном судопроизводстве позволяет решить множество задач. Вопросы изучения личности преступника в ходе расследования еще не достаточно полно анализируются в научной и учебной литературе[4], и в большинстве работ акцент делается на изучение личности в зависимости от процессуального

---

[1] Князьков А.С. Тактико-криминалистические цели и задачи получения и использования информации о личности обвиняемого при производстве следственных действий // Известия алтайского государственного университета. 2012. № 2-1. С. 89-93.

[2] Савельева М.В., Смушин А.Б. Криминалистика: учеб. М., 2013. С. 89-96.

[3] Демидов Н.Н. Изучение личности преступника в процессе расследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 5-20.

[4] Волынский А.Ф. Криминалистика: учеб. М., 2013. С. 34-87; Демидов Н.Н. Указ соч. С. 5-20.

положения субъекта[1].

Процессуальное изучение личности строится с учетом данного подхода и включает в себя изучение личности индивидуума, его внешних признаков строения и взаимодействия с другими лицами, его окружающими. С учетом этого личность преступника является объектом самостоятельного процессуального изучения, а данные о нем – важным элементом криминалистической характеристики преступления[2].

В изучении личности преступника в настоящее время наметились два направления. Первое предусматривает получение данных о личности неизвестного преступника с учетом специфики совершенного преступления (вида, способа, места и времени совершения деяния, предмета посягательства) по оставленным им следам на месте преступления, в памяти свидетелей и по другим источникам. Это позволяет правильнее определить направления и приемы его розыска и задержания. При розыске скрывшихся преступников и без вести пропавших лиц словесный портрет используется для подготовки информационно-розыскных ориентировок с описанием признаков внешности, характеристикой «особых примет» в строении тела и лица и «броских» динамических особенностей. Это дает возможность сотрудникам оперативных служб, осуществляющим розыск, создать и прочно удержать в памяти мысленный образ разыскиваемого лица. Чаще всего такая информация дает представление об общих свойствах какой-то группы лиц, среди которых может находиться преступник, и реже – о некоторых качествах и свойствах конкретной личности. Такого рода сведения в целях быстрого выявления и розыска преступника должны сопоставляться с криминалистическими данными о том, кто чаще всего совершает преступления расследуемого вида установленным способом в сложившейся обстановке[3].

Второе направление заключается в изучении личности задержанного подозреваемого или обвиняемого с целью исчерпывающей криминалистической оценки личности данного субъекта. В этих целях целесообразно собрать сведения не только о жизненной установке, ценностях, социальном положении, особенностях правосознания, но главным образом и о том, какая информация о личности субъекта преступления, его связях, особенностях поведения до и во время совершения преступления поможет наладить с ним психологический контакт, избрать эффективную так-

---

[1] Тарасов В.Ю. Методика исследования материально-фиксированных источников информации о поведении преступника роль методики в раскрытии и расследовании серийных убийств, совершенным по сексуальным мотивам // Закон и право. 2012. № 9. С. 90-92.

[2] Подольный Н.А. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 3. С. 100-104.

[3] Кряжев В.С. Особенности личности «убийцы-взрывника» // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). 2012. № 3. С. 33-33.

тику общения с целью получения от него правдивых показаний, а также определить наиболее действенные способы профилактического воздействия на него[1].

Криминалистический анализ следов преступления, как материальных, так и идеальных, невозможен без учета самых разнообразных зависимостей, связей между характером следов, с одной стороны, и признаками, свойствами и качествами личности преступника, с другой стороны. В криминалистике выделено и на практике находит применение рассмотрение большого количества разнообразных связей между преступлением и личностью виновного, а также личностью потерпевшего. Изучение внешнего облика человека позволяет решить ряд идентификационных и диагностических задач в процессе расследования преступлений[2].

Задачами процессуального изучения личности являются сбор информации во исполнение требований уголовно-процессуального законодательства, проверки версий, установления и проверки доказательств, оценки полученной криминалистически значимой информации и ее использование в процессе расследования преступлений.

Объем процессуального изучения личности выражается совокупностью устанавливаемых данных и глубиной их исследования, определяется в каждом конкретном случае исходя из задач, решаемых с использованием этих сведений, а также с учетом процессуальной роли объекта изучения. Например, при составлении словесного портрета подозреваемого в первую очередь устанавливаются следующие обстоятельства: пол, возраст, телосложение, походка, мимика, артикуляция, жестикуляция, фигура, рост, кожа и другие признаки внешности, но не имеют значение образование, семейное положение и т.п. А при подготовке к производству допроса следователю необходимо установить иной круг обстоятельств, характеризующих допрашиваемую личность: процессуальное положение допрашиваемого, черты характера, уровень образования и культуры, отношения с другими участниками расследуемого события, его психологические характеристики, наличие прежних судимостей и др.[3]

Таким образом, объем изучения личности конкретного участника уголовного судопроизводства зависит от задач, для решения которых данная деятельность осуществляется. Так, для решения идентификационных задач при расследовании, например, изнасилований могут иметь значение следующие признаки, характеризующие человека:

---

[1] Чистова Л.Е., Драгункина Е.Ю. Личность преступника, занимающегося незаконным культивированием наркотикосодержащих растений // Вестник московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 217-221.

[2] Балашов Д.Н., Евстигнеев Б.А. Криминалистическая диагностика и идентификация. Саратов, 2002. С. 12-16.

3 Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: монография. Томск, 2005. С. 45-48.

- признаки внешнего облика человека;

- признаки, отображающие знания, умения, навыки человека;

- признаки, отображающие механизм действий преступника, взаимодействия его с потерпевшей, с различными предметами в следах-отображениях внешнего строения и микрообъектах, взаимопереходящих следах;

- признаки, отображающие отдельные свойства человека в продуктах его жизнедеятельности (например, запах, кровь, пот, сперма, потожировое вещество, волосы, часть ногтя и подногтевое содержимое).[1]

В ходе расследования преступлений следователь может воспользоваться разнообразными методами. Необходимость и значимость методов процессуального изучения личности отмечал еще основоположник криминалистики, австрийский ученый Ганс Гросс, полагавший, что «важным условием точной деятельности судебного следователя является основательное знание человека как главного материала предварительного следствия»[2].

Методы процессуального изучения личности должны соответствовать предписаниям уголовно-процессуального закона об источниках и порядке получения доказательств. [3] К методам изучения личности относятся следующие:

1) допрос участника процесса;

2) изучение, в том числе при необходимости и в рамках криминалистической экспертизы, личных документов допрашиваемого (паспорта, диплома об образовании, документов о наградах, записной книжки, дневника и т.д.);

3) допросы свидетелей из числа сослуживцев, родственников, соседей, руководителей;

4) истребование официальных характеристик с места работы, службы, учебы;

5) истребование и приобщение к материалам уголовного дела медицинских документов обвиняемого (медицинских книжек, историй болезни, выписок из них);

6) направление запросов в информационные центры органов внутренних дел на предмет получения сведений о судимости обвиняемого. При этом должны четко соблюдаться права и свободы, участников уголовного процесса.

Так, в процессе допроса, очной ставки, при общении вне процессу-

---

[1] Пономарева Л.В. Характеристика личности преступника по делам об изнасилованиях // Бизнес в законе. 2007. № 2. С. 92-100.

[2] Pesoshin A.A., Rozhentsov V.V. Method of testing of driver's response to danger // European researcher = европейский исследователь. 2012. Т. 26. № 8-1. С. 1135-1137.

[3] Бастрыкин А.И. «Мы говорим на языке закона» // Закон. 2009. № 1. С. 9-25.

альных действий следователь может использовать методы непосредственного изучения личности, таких как беседа, наблюдение, метод эксперимента. Опосредованное изучение личности происходит, как правило, на первоначальном этапе расследования, когда следователь знакомится с личностью подозреваемого, возможных свидетелей, при анализе собранных документов и другой информации.

Одним из достоверных методов изучения личности преступника (кроме наблюдения, беседы, моделирования, независимых характеристик) при расследовании преступлений может выступать производство судебных экспертиз.

Достаточно информативными экспертизами, составляющими представление об отдельных характеристиках личности, являются: судебно-медицинская экспертиза состояния здоровья, экспертиза самоповреждений и искусственно вызванных болезненных состояний, экспертиза половых состояний (установление истинного пола, половой способности, бывшей или протекающей беременности и др.), медико-криминалистическая экспертиза по установлению возраста человека, судебно-психиатрическая экспертиза определения психического состояния лица, судебно-психологическая экспертиза, судебно-почерковедческая экспертиза и др.[1]

Могут быть использованы и более современные методы изучения личности при расследовании преступлений (например, с помощью полиграфа, гипноза, экстрасенсов)[2] при условии соответствия их определенным требованиям: научности, допустимости применения их к объекту исследования с учетом конституционных, уголовно-процессуальных и этических норм.

Н.В. Максимов

Применение средств и методов криминалистической техники как конституционная гарантия соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве

Нормативно-правовой основой использования криминалистических средств и методов являются Конституцией РФ, в частности, нормы, регламентирующие права и обязанности граждан, обеспечивающие гарантии соблюдения их свобод и законных интересов; уголовно-процессуальное законодательство, определяющее общие задачи уго-

---

[1] Макогон И.В., Косарева Л.В., Косарев В.Н. Судебная экспертиза и проблемы ее производства. Учебно-методическое пособие. Волгоград, 2010. С. 5-145.

[2] Макогон И.В., Косарева Л.В., Косарев В.Н. О нетрадиционных методах получения информации при расследовании преступлений / Правовой аспект. Волгоград, 2011. № 2-3 (10-11). С. 72-81.

ловного судопроизводства – быстрое и полное раскрытие преступлений[1], разоблачение виновных и обеспечение неотвратимости их наказания. Защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства определяются Законом «О полиции»[2].

Уголовно-процессуальное законодательство определяет процессуальный порядок применения средств криминалистической техники. УПК РФ регламентирует применение лишь некоторых средств криминалистической техники применительно к отдельным следственным действиям, таким например, как контроль и запись телефонных и иных переговоров (ст. 186), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1.), фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемку (ст. 190). Поэтому многие криминалисты считают необходимым в законе регламентировать лишь общие требования (принципы) допустимости средств и методов криминалистической техники в уголовном процессе. Так, Р.С. Белкин отмечал, что «ни закон, ни подзаконные акты не могут дать исчерпывающего перечня тех технических средств и тактических приемов, которые используются или могут быть использованы при доказывании. Не могут они содержать и всеобъемлющих указаний на порядок применения этих средств и приемов. Поэтому важное значение приобретают общие принципы допустимости применения в доказывании технических средств и тактических приемов»[3].

К числу таких требований А.Г. Филиппов и А.Ф.Волынский относят: «безопасность технических средств для окружающей среды, здоровья и жизни людей, которые их применяют и в отношении которых они применяются; научную обоснованность технических средств, гарантирующую получение достоверных и надежных результатов, не исключающих возможности их проверки путем повторения опытов (исследований); этичность применения технических средств, т.е. создание условий, исключающих оскорбление лица, унижение его чести и человеческого достоинства»[4].

Без сомнения, использование криминалистической техники, обеспечивающей расследование уголовных дел, должно удовлетворять условию безопасности для жизни и здоровья людей, не унижать их честь и достоинство. Данный принцип закреплен в уголовно-

---

[1] Лазарева В.С. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 3. С. 24.

[2] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

[3] Белкин, Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. М., 2001. С. 219.

[4] Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова, А.Ф. Волынского. М., 2007. С. 40.

процессуальном праве в качестве конституционного принципа всего уголовного процесса, а следовательно, проведения следственных действий и использования в производстве следственных действий технических средств и методов. Законодатель, применительно к регулированию общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства, однозначно запретил осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. В ст. 9 УПК, кроме того, подчеркнуто, что никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Использование средств и методов криминалистической техники возможно при проведении любого следственного действия. Определение необходимости ее применения в ходе предварительного расследования является прерогативой следователя, либо дознавателя. Важно, чтобы при этом, помимо указанных принципов, соблюдался процессуальный порядок применения криминалистической техники и закрепления получаемых с их помощью результатов. Факт использования средств криминалистической техники обязательно должен отражаться в протоколе следственного действия, где указываются их наименование (например, «Фотосъемка осуществлялась цифровым фотоаппаратом «Sony Cyber-shot DSC-HX1»), условия и порядок применения (освещение; панорамная, обзорная съемка), где и какие объекты (следы преступлений, вещественные доказательства) обнаружены и зафиксированы с помощью технических средств, какие методы и приемы при этом применялись. Полученные в результате применения технических средств объекты (фотоснимки, слепки, дактилоскопические пленки и т.п.) оформляются процессуально как приложения к протоколу следственного действия. На упаковках делаются пояснительные надписи (что, где, когда, в связи с чем изъято), которые удостоверяются подписями следователя, понятых и других лиц, участвовавших при проведении следственного действия.

В связи с тем, что согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, участники следственных действий должны предварительно уведомляться о применении технических средств. Это позволяет понятым и другим участникам следственных действий осмысленно воспринимать работу следователя и специалиста-криминалиста, а при необходимости (например, в суде) изложить по существу то, что они видели. Поэтому следует разъяснять участникам следственных действий, какие технические средства и в каких целях применяются, а по возможности продемонстрировать результаты их применения.

Кроме этого, применение технико-криминалистических средств и

методов в сфере уголовного судопроизводства должно быть научно обоснованным. По большому счету, они должны применяться только после их рекомендации к применению криминалистами – практиками, после тщательной научной апробации, проверки следственной и экспертной практикой их надежности, экономичности и эффективности. В то же время их применение не должно нарушать конституционных и процессуальных прав личности, норм этики, должны быть безопасными. Важным условием научной состоятельности применяемых средств и методов является обеспечение ими сохранности следов и предметов – вещественных доказательств, а также отсутствие искажения фиксируемой либо анализируемой криминалистической информации.

Можно полностью согласиться с мнением М.С. Строговича, который считал, что «процессуальными гарантиями являются те установленные законом средства, при помощи которых участвующие в уголовном процессе граждане могут защищать свои права и интересы»[1].

Сбор доказательств не апробированной криминалистической техникой является незаконным, а полученные доказательства – недействительными. На всех стадиях уголовного процесса недопустимо использовать доказательства, полученные в нарушение закона. Человек должен быть гарантирован от такой «техники» и этому служит норма, содержащаяся в ч. 2 ст. 50 Конституции РФ.

Обеспечение правильного применения криминалистической техники заключается в строжайшем соблюдении и применении конституционных норм в ходе производства по делу. Лишь при этом условии открывается возможность подвергнуть виновного справедливому, соответствующему тяжести преступления и его личности наказанию и оградить невиновного от необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

С.А. Минаева

К вопросу о сущности нарушений закона при производстве предварительного следствия

Конституция РФ в ст. 1-2 провозглашает Россию демократическим правовым государством, в котором высшей ценностью являются человек, его права и свободы, а первейшей обязанностью государства – их признание, соблюдение и защита. Профессор В.Д. Зорькин отмечает, что современное государство как суверенное политическое сообщество должно быть демократическим, социальным и правовым, чтобы в нем утверждались демократические начала управления и гражданское об-

[1] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т 1. Основные положения науки советского уголовного процесс. М., 1968. С. 41.

щество[1]. Среди главных признаков правового государства следует выделить, наряду с разделением властей и демократической формой правления, верховенство закона и права, взаимную ответственность государства и личности, связанность законом как государства, его органов и должностных лиц, так и граждан, а также эффективность контроля и надзора за исполнением законов.

В сфере уголовного судопроизводства это имеет особое значение, поскольку расследование и рассмотрение уголовных дел сопряжено с ограничением свободы и личной неприкосновенности, вторжением в частную жизнь граждан, применением мер процессуального принуждения. Однако ни один из видов человеческой деятельности не может осуществляться безошибочно. Несомненно, высокий уровень гарантий способствует снижению нарушений законности и ошибок в правоприменительной деятельности, но не может исключить таковые полностью. По этой причине нарушения законности являются объективной реальностью.

Так, анализ правоприменительной и судебной практики свидетельствует о росте числа нарушений закона, допускаемых при производстве предварительного следствия. Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка отмечает, что количество нарушений закона в работе следователей органов внутренних дел увеличилось с 521 тыс. в 2011 г. до 649 тыс. в 2012 г. Большинство из них (73%) установлено прокурорами в ходе надзора за предварительным следствием[2].

Указанные статистические данные позволяют сделать вывод о том, что режим законности зависит не только от распространенности и степени тяжести нарушений закона, но и от того, насколько эти нарушения своевременно выявляются, виновные в их совершении наказываются, а нарушенные права, свободы и законные интересы по возможности восстанавливаются. В этой связи особое значение в изучении механизма обеспечения законности приобретает исследование вопроса сущности категорий нарушения уголовно-процессуального закона, нарушения принципа законности и нарушения законности, а равно их соотношение между собой.

Основываясь на фундаментальных исследованиях в этой области, мы можем заключить, что понятия нарушение уголовно-процессуального закона и уголовно-процессуальное правонарушение соотносятся как общее и частное или как родовое и видовое понятие. При этом нарушение принципа законности является видом нарушения уголовно-процессуального закона по объекту, и одновременно с этим может являться уголовно-процессуальным правонарушением (преступлением или проступком), совершаемым следователем, руководи-

---

[1] Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 261.
[2] Чайка Ю. Доклад о коррупции. URL: http://oko-planet.su.

телем следственного органа, прокурором, дознавателем, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания или судьей.

Вследствие того, что принципы довольно часто реализуются через уголовно-процессуальные нормы, нарушение принципа зачастую влечет и нарушение норм частного характера. Например, производство обыска в случае, не терпящем отлагательств, без последующего уведомления суда одновременно нарушает принцип законности и принцип неприкосновенности жилища. Следовательно, в результате ненадлежащего применения положений уголовно-процессуального закона допускается нарушение принципа законности и, как следствие, нарушается и состояние законности. В этой связи был прав М.С. Строгович, говоря о том, что «если действиями лица нарушен закон – это есть нарушение законности, нарушение права, то есть правонарушение, и оно должно быть устранено[1]. Именно данный научный постулат взят нами за основу в исследовании вопроса о сущности нарушений закона и законности и их соотношения между собой.

В свою очередь, буквальное толкование ст. 7 УПК РФ позволяет заключить, что нарушение принципа законности при производстве предварительного расследования возможно в двух формах:

1) применение федерального закона, противоречащего УПК РФ;

2) нарушение судом, прокурором, следователем, руководителем следственного органа, дознавателем, начальником подразделения дознания или органом дознания норм УПК РФ в ходе уголовного судопроизводства, что приводит к признанию полученных таким путем доказательств недопустимыми. Если первое нарушение возможно только путем осуществления активных действий со стороны правоприменителя, то вторая форма может быть реализована как путем действия, так и бездействия.

Учитывая то, что нарушение уголовно-процессуального закона, а следовательно, и нарушение принципа законности и опосредованных через него уголовно-процессуальных норм, прежде всего, стоит рассматривать как уголовно-процессуальное нарушение (преступление и проступок), предлагаем понимать нарушение принципа законности, а равно нарушение законности при производстве предварительного расследования как уголовно-процессуальное правонарушение (преступление или проступок), представляющее собой умышленное, общественно-вредное (или общественно-опасное в случае совершения преступления) деяние, совершенное следователем, руководителем следственного органа, дознавателем, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, прокурором или судом, выражающееся в применении законов, противоречащих УПК РФ, нарушении уголов-

---

[1] Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С.189, 194-195.

но-процессуальных норм и принципов, что приводит к ущемлению или ограничению прав участников уголовного судопроизводства, признанию полученных доказательств недопустимыми, отмене итоговых и (или) промежуточных процессуальных решений, возвращению уголовного дела прокурором, руководителем следственного органа для производства дополнительного расследования, что в итоге приводит к ухудшению режима законности в органе предварительного следствия.

Продолжая исследование данного вопроса, стоит обратить внимание на то, что нарушения принципа законности (законности), как нам видится, это уголовно-процессуальные нарушения (преступление или проступок), совершаемые в сфере обеспечения законности, к числу наиболее типичных из которых следует отнести:

- нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства (75% опрошенных нами следователей указали на данное нарушение закона как наиболее распространенное);
- нарушение процессуального порядка собирания, проверки и оценки доказательств;
- нарушения при производстве следственных и процессуальных действий (65% руководителей следственного органа и 40% следователей указали на данное нарушение как на чаще всего допускаемое при производстве предварительного следствия);
- нарушения положений уголовно-процессуального закона, определяющих условия, основания, формы и содержание уголовно-процессуальных решений.

Указанные нарушения могут совершаться на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Более того, такие нарушения по своему содержанию являются идентичными как для предварительного следствия, так и дознания. По этой причине нам видится правильным говорить о типичных нарушениях законности при производстве предварительного расследования, своевременное выявление, предупреждение и устранение которых видится основной задачей процессуального контроля, осуществляемого руководителем следственного органа.

Однако анализ правоприменительной практики позволяет нам заключить, что по способу выявления руководителем следственного органа или прокурором нарушения закона можно классифицировать на явные (открытые) и латентные (или скрытые).

Например, в ходе изучения материалов уголовных дел нами выявлено такое нарушение закона, как допрос одного из свидетелей до возбуждения уголовного дела, а два других свидетеля допрошены после ознакомления потерпевшего с материалами уголовного дела в порядке ст. 216 УПК РФ. Данное нарушение закона носит явный характер и должно было быть выявлено руководителем следственного органа в ходе осуществления им процессуального контроля.

В тоже время в практической деятельности бывают нередкими случаи, когда допущенное нарушение закона не может быть выявлено ни руководителем следственного органа, ни прокурором в силу латентного характера. Например, под одному из изученных нами архивных уголовных дел при проведении ряда следственных действий (выемки, осмотры предметов) в качестве одного из понятых указана родная сестра следователя, проводившего расследование, в связи с чем полученные доказательства признаны недопустимыми.

Как правило, нарушения закона, совершаемые следователем или руководителем следственного органа, приобретают латентный характер в силу личной (корыстной или иной) заинтересованности следователя, руководителя следственного органа в исходе уголовного дела. Нередкими в этом случае являются преступные действия должностных лиц, а именно фальсификация доказательств, злоупотребление полномочиями, служебный подлог и др.

С учетом изложенного, а также, основываясь на фундаментальных исследованиях вопроса нарушения уголовно-процессуального закона, считаем возможным классифицировать нарушения законности (а равно нарушение принципа законности) по следующим критериям:

1) по субъекту – совершаются исключительно властными субъектами – следователь, руководитель следственного органа, прокурор, дознаватель, начальник органа дознания, суд;

2) по объекту – нарушают гарантированные права участников уголовного судопроизводства;

3) по последствиям – нарушения классифицируются на влекущие:

а) отмену процессуального решения следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, начальника органа дознания, прокурора;

б) возвращение уголовного дела прокурором или руководителем следственного органа для производства дополнительного расследования;

в) возвращение уголовного дела судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ;

г) влекущие изъятие уголовного дела и передачу его другому следователю;

д) влекущие оправдание лица, прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям;

е) влекущие незаконное и необоснованное обвинение (привлечение к уголовной ответственности);

4) по форме выявления – нарушения закона (законности) явного (открытого) характера, то есть их выявление возможно как самим следователем, так и руководителем следственного органа, прокурором при изучении уголовного дела, и нарушения скрытого (латентного) характера, выявить которые при изучении уголовного дела невозможно.

В заключение хотелось бы в очередной раз подчеркнуть, что всякое нарушение закона влечет за собой негативные правовые последствия в виде отмены процессуальных решений, признания доказательств недопустимыми, вследствие чего задачей руководителя следственного органа должно быть осуществление должного процессуального контроля, тем более что закон предоставляет ему для этого достаточный объем процессуальных полномочий.

А.Я. Минин

Право на информацию и расследование компьютерных инцидентов

Международное право содержит многочисленные упоминания об информационных правах как о неотъемлемых правах человека: «Каждый имеет право на свободу убеждений и свободное выражение их, это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ»; «Каждый имеет право на свободу выражения своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ»[1].

Конституционное право на информацию: согласно п. 4 ст. 29 Конституции РФ каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Для современного информационного общества характерна возможность каждому гражданину и человеку получать полную, точную, достоверную информацию из трансграничных информационно-телекоммуникационных сетей[2]. Базовым документом федерального значения по формированию информационного общества является «Стратегия развития информационного общества в РФ»[3], в которой учтены и основные положения Окинавской хартии глобального ин-

---

[1] Статья 19 Всеобщей Декларации прав и свобод человека, принятая на Генеральной ассамблее ООН (1948); ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950); вступила в силу 3.09.1953.

[2] Федеральный закон от 2.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях».

[3] Утв. Президентом РФ от 7.02.2008 № Пр-212. В приложении даны Контрольные значения показателей развития информационного общества в РФ на период до 2015 г.

формационного общества[1].

Таким образом, право на информацию имеет многоаспектный характер, что предполагает его дифференциацию на ряд основных юридических возможностей: а) возможность доступа к информации – реализуется через право искать ее и получать[2]; б) возможность обмена информацией – реализуется через право ее передавать и распространять[3]; в) возможность производства информации – реализуется через ряд нормативных предписаний о свободе творчества, о науке и культуре, о разработке и производстве информационных систем. При реализации данных правовых возможностей главное – это не нарушать права и свободы других членов информационного общества: собственников и владельцев, правообладателей и просто пользователей информации.

Вместе с тем охота за ценной конфиденциальной информацией превратилась в бизнес, приобрели повсеместный характер так называемые DDoS-атаки, влекущие отказ в обслуживании серверного оборудования компании либо сбой в работе компьютерных сетей государственных и правительственных организаций, а также мошенничество в системах дистанционного банковского обслуживания.

Значит, существенно повысилось и количество серьезных фактов незаконного и неприемлемого нарушения, прекращения функционирования информационных систем, включая объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации[4], то есть компьютерных инцидентов IT-безопасности, которые необходимо расследовать. При этом важно не только, какая информационная система пострадала - что взломано и посредством чего, но кто и как будет проводит расследование компьютерных инцидентов в киберпространстве.

Во всем мире создаются специализированные центры реагирования на инциденты в информационно-телекоммуникационных сетях (ИТКС)

---

[1] Хартия Глобального информационного общества (Окинава, 22.07.2000, принята лидерами стран G8) // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51-56.

[2] Пункт 1 ст. 8 Закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. 02.07.13) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» – физические и юридические лица, граждане и организации вправе осуществлять поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников при условии соблюдения законных требований.

[3] Согласно ст. 25 Закона РФ «О СМИ» от 27.12.93 (в ред. 01.09.2013) – не допускается воспрепятствование осуществляемому на законном основании распространению продукции СМИ со стороны граждан, объединений граждан, должностных лиц, предприятий, учреждений, организаций, государственных органов.

[4] В законопроекте от 08.08.2013 «О безопасности критической информационной инфраструктуры РФ» определяются понятия: компьютерные инцидент, нарушение критической информационной инфраструктуры РФ и др. URL: http://www.garant.ru/news.

для эффективного противодействия кибер-атакам[1]. Кроме того, IT-организации предлагают услуги на возмездной основе, учитывая, что для противодействия киберпреступности сотрудникам компетентных органов не всегда хватает уникальных технических знаний, опыта и современных частных методик расследования преступлений в сфере компьютерной информации.

Так, руководством Лаборатории Касперского (Чекуновым И.Г.) на посвященном противодействию киберпреступности пресс-брифинге 21.05.2013, официально озвучена идея о развитии партнерства в сфере расследования инцидентов в киберпространстве. Вполне разумное и апробированное предложение выстраивать эффективное государственно-частное партнерство по расследованию компьютерных инцидентов в интересах обеспечения киберзащиты, проведению работы по оперативному сбору и анализу данных об атаках (их методах, ресурсах злоумышленников, сигнатурах произошедших атак и т.п.), разработки частных методик расследования, а также улучшения качества подготовки специалистов для российского информационного общества, включая повышение квалификации специалистов, осуществляющих расследование компьютерных инцидентов (или инцидентов IT-безопасности) и компьютерные экспертизы.

Созданный сервис «Лаборатории Касперского» также предусматривает поэтапное выполнение работ, необходимых для устранения связанных с компьютерным инцидентом рисков:

1) оперативный анализ ситуации – восстановление хронологии событий, выявление причин и осмысление информации[2], полученной при обнаружении инцидента, описание вероятных механизмов и сценария кибер-атаки, анализ действий вредоносных программных средств, оценка результатов анализа и очевидных последствий, подготовка отчета о выполненной работе и, при необходимости, грамотное составление заявления об инциденте как основания для обращения в компетентные структуры правоохранительных и судебных органов, создание (резервное дублирование) материалов для предоставления в судебные инстанции;

---

[1] В МСЭ-Т принята международная рекомендация X.NCNS-1 – Supplement on guidance for creating national IP-based public network security center for developing countries – «Руководство по созданию Национальных центров безопасности сети связи общего пользования, базирующейся на протоколе IP, для развивающихся стран»: См.: Д. Костров. Киберзащита концентрируется. URL: http://www.iksmedia.ru/articles.

[2] Поиск ответов на вопросы: кто является участником события, что это за событие, когда оно произошло и сколько продлится, где и почему оно произошло, как или каким образом? (Пять известных wh-вопросов: who, what, when, where and why; и один how?).

2) расследование инцидента – информационно-технологическое (и финансовое) исследование события для подтверждения фактических цифровых данных, выявление причастных к нему лиц и получения в последующем юридически значимых улик (допустимых доказательств), документирования преступной деятельности и всех подробностей исследования, оценки ущерба и точности деталей события, то есть материалов важных для проведения первоначальной (или доследственной) проверки и последующего расследования в рамках возбужденного, например, по совокупности ст. 183, 272, 273 УК РФ, уголовного или иного дела;

3) экспертное сопровождение – технологическая и правовая поддержка принятых пострадавшей компанией решений, участие в последующих процессуальных действиях (при привлечении к следственным мероприятиям), консультирование по результатам собственного расследования, постановка вопросов эксперту, участие в комплексной экспертизе или подготовке экспертного заключения для судебного разбирательства по делу, официальное представление интересов заказчика в судопроизводстве, разработка рекомендаций для профилактики угроз и частных методик расследования инцидента.

Новый отдел расследования компьютерных инцидентов «Лаборатории Касперского» (Р. Стоянов) немногочислен, но его высококвалифицированные специалисты являются не только экспертами в сфере антивирусных и IT-технологий с уникальными компетенциями, но и способны со знанием дела обобщить существующую правоприменительную и правоохранительную практику по данному направлению.

Данная структура не является разновидностью частного детективного агентства и не претендует на официальное частное расследование. Скорее, это идеальный IT-аутсорсер, выгодный для пострадавших серьезно от компьютерных преступлений организаций. К тому же это не единственный субъект в рассматриваемой сфере эффективного реагирования на инциденты информационной безопасности и выполнения названных специфических услуг (LETA IT-company и Group-IB уже десять лет проводят расследования покушений на права и свободы граждан, связанные с IT-технологиями), профессионально представляющих интересы заказчика и дополняющих официальное расследование преступлений в сфере компьютерной информации правоохранительными и судебными органами.

Вместе с тем расследование компьютерных преступлений и инцидентов в России сегодня затруднено, что связано с рядом факторов: относительная новизна сферы компьютерной информации и специфика преступлений или совокупности их составов; правовая регламентация расследования данных правонарушений и компетенций субъектов исследования компьютерных инцидентов или нарушений информационной безопасности; малочисленность уникальных структур, особенно в

компетентных органах, да и в IT-структурах; дискуссионные проблемы аудита инцидентов и новаций российских законопроектов, а также особенности реализации отдельных положений международных правовых актов в национальном законодательстве.

Значит, нужно системно изучать практику эффективного реагирования на данные инциденты и оперативно совершенствовать российское законодательство, обеспечивающее правовое регулирование отношений в данной области, киберзащиту, неотвратимость наказания и ответственности преступников, высокую вероятность возмещения ущерба от незаконных действий, влекущих финансовые и репутационные риски, незаконное прекращение функционирования информационных систем и неприемлемые нарушения критической информационной инфраструктуры РФ.

Ю.С. Митькова

Прокурорский надзор в сокращенном досудебном производстве

Проводимая в настоящее время реформа органов внутренних дел коснулась всех служб и структурных подразделений полиции, в том числе и органов дознания. Главным шагом на пути к совершенствованию деятельности органа дознания стал Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (об уточнении порядка проверки сообщения о преступлении и привлечения понятых к участию в отдельных следственных действиях, а также о сокращенной форме дознания)»[1], которым вводится новая модель дознания, именуемая разработчиками Закона «дознанием в сокращенной форме».

Законодатель, оптимизируя порядок доступа граждан к правосудию, реализует идею сокращения процессуальных сроков путем ограничения перечня следственных и иных процессуальных действий при производстве дознания по делам о преступлениях, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, то есть относящихся к категории небольшой и средней тяжести и не представляющие особой правовой и фактической сложности.

При осуществлении предварительного расследования в форме сокращенного дознания неизбежно создаются предпосылки для ограничения конституционных прав и свобод граждан, вовлеченных в данную сферу правоохранительной деятельности, что ведет к выдвижению но-

[1] Федеральный закон № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: http://www.pravo.gov.ru.

вых требований к обеспечению законности деятельности органов дознания. Немаловажная роль в этом контексте отводится эффективному прокурорскому надзору, призванному исключить возможность незаконного и необоснованного, несоразмерного фактическим обстоятельствам дела ущемления их прав и свобод участников процесса, одновременно предусматривая эффективные средства их защиты, которые позволяли бы выявлять, пресекать и устранять допущенные нарушения в минимально короткие сроки[1]. Полагаем, что полномочия прокурора в рамках надзора за данной формой досудебного производства должны определенным образом трансформироваться с учетом вновь принятых федеральных законов и новых потребностей правоприменительной практики.

Анализ рассматриваемых законодательных новелл показывает, что новый закон в этой части нуждается в совершенствовании, поскольку оставляет без надлежащего правового регулирования ряд важных вопросов.

По замыслу законодателя, началу производства дознания в сокращенной форме должно обязательно предшествовать возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица. Таким образом, при данной форме предварительного расследования обязательным участником и, пожалуй, центральной фигурой должен стать подозреваемый, от волеизъявления которого зависит, быть упрощенному производству или не быть.

Основанием для начала дознания в сокращенной форме является ходатайство подозреваемого, заявленное после разъяснения ему соответствующего права перед первым допросом (при несомненном наличии определенных в законе условий). По результатам его рассмотрения дознаватель выносит постановление об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме либо об отказе в удовлетворении ходатайства, при этом последнее решение возможно лишь при установлении предусмотренных законом обстоятельств, исключающих данную форму предварительного расследования. Представляется логически обоснованным вступление в процесс и активное участие прокурора на данном этапе досудебного производства по уголовному делу, дабы не допустить неправомерного ограничения права подозреваемого на рассмотрение дела в упрощенном порядке и, в то же время, предотвратить безосновательное сокращение сроков производства по уголовному делу по правилам главы 32.1 УПК РФ.

Законодатель возлагает обязанность на дознавателя направить надзирающему прокурору уведомление об удовлетворении ходатайства

---

[1] Обеспечение прав человека в уголовном судопроизводстве средствами прокурорского надзора. Буланова Н.В. // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11; СПС «КонсультантПлюс».

подозреваемого и о производстве дознания в сокращенной форме в течение 24 часов с момента вынесения соответствующего постановления. Прокурор, в соответствии с требованиями Федерального закона РФ «О прокуратуре», реализуя предоставленные ему уголовно-процессуальным законодательством полномочия, обязан проверить поступившую информацию на предмет законности и обоснованности действий дознавателя. Надлежащая реализация указанной обязанности имеет место только в случае ознакомления прокурора с составленным дознавателем процессуальным документом, а зачастую и с иными материалами уголовного дела с целью выявления возможных нарушений. В этой связи полагаем необходимым внесение изменения в ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ в части возложения на дознавателя обязанности направлять прокурору копию соответствующего постановления (а не просто ставить прокурора в известность о принятом им решении об удовлетворении ходатайства, как это предусмотрено действующей редакцией ст. 226.4 УПК РФ). Эффективным надзорным средством обнаружения ошибок, использование которого целесообразно в данной ситуации, является закрепленное в ч. 3 ст. 37 УПК РФ полномочие прокурора на основании мотивированного письменного запроса истребовать материалы находящегося в производстве органа дознания уголовного дела. Реализация данного права в контексте проблематики сокращенного дознания, в первую очередь, направлена на выявление обстоятельств, исключающих данную форму досудебного производства.

Кроме того, ч. 4 ст. 226.4 УПК РФ наделяет подозреваемого правом обжаловать в установленном законом порядке не только положительно принятое решение по заявленному ходатайству, но также и отказ в удовлетворении ходатайства о проведении упрощенного дознания. Учитывая важность и процессуальную значимость названного постановления, представляется последовательным и в большей степени способствующим обеспечению прав участников досудебного производства, закрепление в УПК РФ положения о направлении прокурору копии указанного акта с целью своевременного выявления и реагирования на возможные нарушения требований со стороны дознания. Таким образом, полагаем необходимым изложить ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ в следующей редакции: «копия постановления об удовлетворении ходатайства подозреваемого и о производстве дознания в сокращенной форме или об отказе удовлетворении ходатайства в течение 24 часов с момента его вынесения направляется прокурору». Положения о праве потерпевшего на уведомление о принятом решении, а также о разъяснении ему порядка и правовых последствий производства дознания в упрощенном порядке, которые содержатся в существующей редакции ч. 5 ст. 226. 4 УПК РФ, считаем возможным изложить в дополнительной ч. 6 указанной нормы.

Признав, что необходимые следственные действия проведены и объем собранных доказательств достаточен для обоснованного вывода о совершении преступления подозреваемым, дознаватель составляет обвинительное постановление (ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ). В связи с этим, согласно ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ прокурору предоставляется трое суток для рассмотрения поступившего с обвинительным постановлением уголовного дела в отличие от двухсуточного срока, установленного ч. 1 ст. 226 УПК РФ. По всей видимости, разработчики Закона предположили, что для надлежащего обеспечения процессуальных прав и законных интересов участников уголовного процесса (прежде всего потерпевшего и подозреваемого или обвиняемого) при данной форме предварительного расследования потребуется большая по сравнению с дознанием в общем порядке продолжительность времени. В то же время, в случае возвращения уголовного дела для пересоставления обвинительного постановления, прокурор предоставляет последнему не более 2 суток (при обычном дознании – 3 суток), что, по меньшей мере, выглядит непоследовательным, ведь дознавателю для исполнения указаний прокурора, по определению требуется больше времени, чем прокурору для выявления недостатков.

По нашему мнению, несмотря на необходимость некоторого расширения круга полномочий прокурора, о котором нами указывалось выше, такое нормативное положение не согласуется с самой идеей ускоренного производства в целом. В связи с этим считаем целесообразным установить аналогичный определенному в ст. 226 УПК РФ срок – двое суток, для рассмотрения прокурором материалов уголовного дела с обвинительным постановлением, по которому осуществлялось дознание в сокращенной форме, и принятия по нему решения.

В ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ указано, что дознание в сокращенной форме производится в порядке, установленном главой 32 УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными главой 32.1 УПК РФ. Однако, подробно регламентировав деятельность прокурора на завершающем этапе расследования в упрощенном порядке, а местами фактически продублировав положения ст. 226 УПК РФ (ч. 2 ст. 226 УПК РФ и ч. 2 ст. 226.8 УПК РФ) законодатель умышленно, либо по ошибке опустил полномочие прокурора по самостоятельному возбуждению перед судом ходатайства о продлении срока домашнего ареста или содержания под стражей, как это сделано в ч. 2.1 ст. 226 УПК РФ, ведь очевидно, что по делам рассматриваемой категории судья вряд ли установит двухмесячный срок ареста. С целью согласования конструкции указанной нормы с аналогичным установлением, закрепленным в ст. 226 УПК РФ, считаем подлежащей корректировке ст. 226. 8 УПК РФ.

Таким образом, принимая во внимание изложенное, следует признать, что в российской современной действительности, в условиях начавшегося реформирования органов внутренних дел, назрела необ-

ходимость введения новой упрощенной (ускоренной) процессуальной формы досудебного производства, что неразрывно связано с необходимостью расширения защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса. Разрешение возникшей проблемы видится автору в совершенствовании нормативного регулирования осуществления прокурорского надзора при производстве дознания в сокращенной форме с целью предотвращения необоснованного ограничения прав и свобод личности и обеспечения быстрого, объективного и справедливого расследования уголовного дела.

Н.Г. Муратова
И.О. Антонов

Оценка достоверности доказательственной информации при расследовании уголовных дел

Теория доказательств по уголовному делу справедливо считается базовым институтом уголовно-процессуального права, в которой доказывание отражает суть всей уголовно-процессуальной деятельности. Оценка доказательств, в свою очередь, рассматривается как необходимая составная часть процедуры доказывания по уголовному делу. Оценка доказательств представляет собой мыслительную и процессуальную деятельность субъектов уголовного судопроизводства по определению допустимости, относимости, достоверности и значения доказательственной информации. Оценка доказательств присутствует на всех трех уровнях деятельности по доказыванию – информационном, логическом и юридическом[1]. Поэтому данная проблема в теории доказательств всегда была и будет в фокусе внимания как теоретиков, так и практиков уголовного судопроизводства.

Причем широта разброса мнений специалистов, глубина изучения названной проблемы не снимает дискуссионности с целого ряда ключевых вопросов в данной сфере, о чем свидетельствует широкое обсуждение проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины».

Эффективность оценки и, следовательно, обоснованность процессуальных решений и действий, предопределяется надежностью выработанных теорией и практикой критериев оценки достоверности доказательственной информации и параметров процедуры ее проведения.

Развитие нашей цивилизации, появление в жизни человека новых

---

[1] Ищенко П.П. Информационное обеспечение следственной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учеб. / под ред. А.В. Смирнова. М., 2008. С. 208.

технологий неизбежно проецируется на сферу уголовного судопроизводства, оказывает влияние на процедуру доказывания в уголовном судопроизводстве, подвергает постоянному естественному переосмыслению нормативно закрепленные критерии оценки доказательственной информации, а также регламентированные нормами права параметры деятельности по ее оценке.

В частности, новые технологии, приходящие в уголовный процесс и криминалистику, расширяют возможности по сбору, проверке и оценке доказательств по уголовным делам. Например, представители СК России утверждают, что имеющееся в их распоряжении современное криминалистическое оборудование обеспечивает решение задач по сбору доказательств по самым сложным и запутанным преступлениям. Электронная система израильского производства позволяет восстановить уничтоженные файлы на практически любых цифровых носителях. Благодаря использованию таких аппаратно-программных средств стало возможным применять в доказывании удаленные видео- и звуковые записи, СМС-сообщения, входящие и исходящие звонки на сотовых телефонах и других устройствах. Причем приобретение таких систем производится с учетом региональной специфики – на российском Дальнем Востоке задействована система, адаптированная под наиболее распространенные именно там модели телефонов[1].

Названные технические средства существенно расширяют возможности по осуществлению доказывания как по традиционным общеуголовным преступлениям, когда преступники используют современные информационные технологии, так и по так называемым киберпреступлениям.

Практика СК России показала, что имеющееся в их распоряжении современное криминалистическое оборудование позволяет решить весьма непростые задачи собирания доказательств по так называемым преступлениям «прошлых лет». Проблема раскрытия названной категории уголовных дел активно изучалась и озвучивалась Председателем СК России А.И. Бастрыкиным с момента создания Следственного комитета. Так, за время работы Следственного Комитета при прокуратуре РФ по Приволжскому федеральному округу в 2007/2008 гг. раскрыты 196 преступлений прошлых лет[2]. В то же время следует поддержать мнение о том, что в УПК РФ отсутствует должное правовое регулирование взаимодействия следователя с органами дознания по приоста-

---

[1] Интервью руководителя следственного управления Следственного комитета России по Амурской области А. Голомбиевского газете «Амурская правда». URL: http://sledcom.ru/smi/interview.

[2] Материалы к совещанию руководителей следственных органов Следственного комитета при прокуратуре РФ по субъектам РФ, входящим в Приволжский федеральный округ (Казань, 17-18.04.2008). Приложения.

новленным делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет[1].

Ведя речь об особенностях оценки доказательств при расследовании уголовных преступлений нельзя не отметить, что одной из самых заметных, на наш взгляд, является проблема использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. Все ли так совершенно в механизме легализации полученных результатов оперативно-розыскной деятельности, особенно, при полученной доказательственной информации? Можно отметить, что в оперативно-розыскном законодательстве все же делаются определенные шаги вперед по совершенствованию процедуры передачи результатов ОРД следователю. Однако уголовно-процессуальное законодательство довольно схематично формулирует правила оценки такой информации. Логичными в этой связи смотрятся вытекающие из такой оценки предложения по совершенствованию формулировок ст. 89 УПК РФ[2].

Интересен в этом отношении путь развития уголовно-процессуального законодательства, который выбрала Украина. В УПК Украины от 13.04.2012 № 4651-VI нашел закрепление институт негласных следственных действий[3]. Примечательно, что практически сразу после его принятия развернулась дискуссия по поводу обоснованности произошедших изменений в данной сфере. В юридической литературе уже высказываются точки зрения об исключении из ряда негласных следственных действий некоторых из них. Обосновывается это следующим образом: «следственное действие должно иметь свой объект и предмет исследования, единые в пространстве и времени методы исследования, получить регламентацию процедуры производства в такой степени качества, которая позволяла бы считать такие действия прозрачными, предсказуемыми, фиксируемыми процессуальными средствами доступными для контроля, достаточными для обеспечения прав и законных интересов участника процесса»[4].

---

[1] Бондарева И.Ю., Кулеева И.Ю. Проблемы совершенствования правового регулирования взаимодействия следователя и органа дознания по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет // Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства: мат-лы вузовской юбилейной науч.-практич. конф., посвященной 85-летию со дня рождения проф. Р.С. Белкина и юбилеям его учеников (25-26.10.2007). Ч.1. М., 2007. С.410-416.

[2] Захарцев С.И. Представление результатов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Следственного Комитета при прокураторе Российской Федерации. 2009. №1(3). С.18-19.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI (с изм. и доп. на 04.07.2013). URL: Continent-online.com.

[4] Уваров В.Г. Негласные следственные действия в новом УПК Украины // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. 2013. № 9(152). С. 214-217.

Для рассмотрения особенностей оценки достоверности доказательственной информации, полученной на основе результатов оперативно розыскной деятельности, примечательным ориентиром является Постановление Европейского Суда по правам человека от 10.03.2009 по делу «Быков (Bykov) против Российской Федерации» (Жалоба № 4378/02), в котором ЕСПЧ зафиксировал, что наличие справедливых процедур для рассмотрения вопроса о приемлемости доказательств, становится еще более важной, когда предметом спора является достоверность доказательств[1].

Нельзя обойти вниманием при рассмотрении вопросов оценки доказательств проблему законности использования доказательственной информации, либо информации, которая потенциально может стать таковой, вне производства по уголовному делу. Как известно, важнейшей задачей правоохранительных органов является профилактика преступности. Информирование общественности о ходе и результатах расследования уголовного дела способствует предупреждению преступности. Трудно не согласиться с позицией руководителя Управления взаимодействия со средствами массовой информации СК России В. Маркина, который считает, что необходимо обеспечить максимальный объем информации о работе следователей комитета для того, чтобы общество знало и понимало, чем занимается Следственный комитет РФ. Но при этом официально распространяются только те материалы, достоверность которых невозможно оспорить[2]. Несоблюдение этого правила может привести к обращениям в суд, тех лиц, чьи интересы могут быть затронуты распространением информации со стороны правоохранительных органов. Так, арбитражный суд Москвы своим решением обязал МВД России опровергнуть информацию, размещенную на официальном сайте министерства о том, что некоторые казанские компаний, якобы причастны к схемам хищения материнского капитала. На судебном процессе представители МВД России признали, что у них нет в настоящее время доказательств незаконной деятельности сотрудников названных компаний, но они, не могут исключить того, что такие доказательства могут появиться в дальнейшем. Информация, размещенная на официальном сайте МВД России в отношении казанских компаний, появилась в результате проведения оперативно-розыскной деятельности, но результаты оперативно-розыскной деятельности ответчик представить в арбитражный суд не посчитал возможным[3].

---

[1] Официальный сайт: Европейская конвенция о защите прав человека: право и практика. URL: http://www.echr.ru/documents/doc.

[2] Интервью руководителя управления взаимодействия со СМИ Владимира Маркина агентству «Интерфакс». URL: http://sledcom.ru/smi/interview.

[3] Суд обязал МВД России опровергнуть обвинения // Уголовный процесс. 2012. № 9. С. 7.

Следователю нередко приходится вести расследование в условиях сильного противодействия со стороны заинтересованных в исходе дела лиц. Вероятность попыток направить расследование по ложному пути возрастает, если речь идет об уголовном преследовании лиц, занимающихся криминальной деятельностью профессионально, организованных преступных формирований, киберпреступников. Современные информационные технологии, используемые для сбора, проверки и оценки доказательств в уголовном процессе, могут оказаться недостаточно совершенными в условиях активного противодействия со стороны преступников. Их несовершенство может привести к тому, что правоохранительным органам намеренно будет предоставлена информация несоответствующая действительности, что приведет в конечном итоге к ошибкам при оценке доказательств. Показательным в этом отношении является компьютерная программа одно время используемая полицией ФРГ для сбора значимой информации о криминальной деятельности в глобальных компьютерных сетях. Данная программа была протестирована специалистами, которые дали ей негативную оценку: 1) сама программа недостаточно защищена от хакерских атак, и, соответственно, злоупотреблений злоумышленниками с полученными при ее помощи сведениями; 2) программа при решении задач по сбору данных в сети может быть введена в заблуждение. Опытный хакер при желании способен подбросить ей дезинформацию[1].

Какие же критерии оценки достоверности доказательственной информации с учетом вышеизложенного, можно предложить? Во-первых, объективный обзор информационного поля с учетом правил его фиксации и объективизиции; во-вторых, выявление субъектов и источников информации и проверка их качества в соответствии с требованиям процедуры; в-третьих, построение многоуровневых критериев оценки доказательственной информации различными компетентными субъектами; в-четвертых, координация технологических процессов сбора оценочной информации; в-пятых, построение рабочих версий оценки доказательственной информации.

Ю.К. Орлов

О разграничении полномочий следователя, эксперта и руководителя судебно-экспертного учреждения

[1] Chaos Computer Club. От хакерской банды до влиятельной организации // Компьютербилд. 2013. № 11(90). С. 22-23.

Основным положением, определяющим статус судебного эксперта, является принцип независимости эксперта, закрепленный в ст. 4, 7 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ о ГСЭД). При проведении экспертизы эксперт независим. Не допускается какое-либо вмешательство в процесс экспертного исследования. Эксперт дает заключение, основываясь лишь на результатах проведенных исследований, в соответствии со своими специальными знаниями.

Вместе с тем, следователь обладает определенными процессуальными полномочиями в отношении эксперта. Во-первых, он определяет объем задания эксперту – какие объекты подлежат исследованию и какие вопросы необходимо решить. Это задание является для эксперта обязательным. Он должен провести исследование всех представленных ему объектов и разрешить все поставленные перед ним вопросы, а в случае невозможности этого – обосновать такую невозможность в своем заключении. Эксперт вправе расширить объем задания, решить по собственной инициативе какие-то вопросы. Но сузить его не может.

После назначения экспертизы за следователем остается право корректировки задания эксперту, если в этом возникает необходимость. Так, отдельные вопросы могут быть сняты (например, если какой-то объект оказался не относящимся к делу или недопустимым). Производство экспертизы может быть полностью прекращено (например, при прекращении уголовного дела). И на разрешение эксперта могут быть поставлены дополнительные вопросы, возникшие уже после назначения экспертизы (не путать с дополнительной экспертизой, которая может быть назначена только после завершения первичной).

Как должны оформляться такие изменения? В законе этот вопрос не урегулирован. Однако по смыслу закона об этом должно быть вынесено отдельное постановление, поскольку все решения следователя (кроме итогого документа – обвинительного заключения), должны оформляться постановлением. Поэтому нельзя признать правильной практику, когда следователи (по договоренности с экспертом или руководителем СЭУ) просто вносят изменения (дописки, вычеркивания) в постановление о назначении экспертизы.

Видимо, с постановлением о постановке перед экспертом дополнительных вопросов должны быть ознакомлены участники уголовного судопроизводства, которые должны обладать при этом такими же правами, как и при назначении экспертизы.

Следователь вправе присутствовать при всех проводимых экспертом исследованиях или только некоторых из них. При этом он может получать разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий (ст. 197 УПК). Вместе с тем, недопустимо вмешательство следователя в процесс экспертного исследования, дача ему каких-либо указаний,

что было бы нарушением принципа независимости эксперта. Поэтому существуют ограничения присутствия следователя при производстве судебной экспертизы. Так, он не вправе присутствовать при составлении экспертом заключения, а также на стадии совещания экспертов и формулирования выводов (ст. 24 ФЗ о ГСЭД). Таким образом, не допускается не только прямое вмешательство в процесс экспертго исследования, но и действия, которые могут оказать какое-то косвенное воздействие на убеждение эксперта, иным образом ограничивать его свободу и независимость.

Вместе с тем, следователь может обращать внимание эксперта на какие-либо процессуальные нарушения, допускаемые им, например, о неправильном хранении объектов. Указания же методического характера эксперту может давать только руководитель судебно-экспертного учреждения (СЭУ). Резюмируя сказанное, можно констатировать, что следователь наделен правом не методического, а процессуального контроля за деятельностью эксперта.

При разграничении полномочий следователя и эксперта возникает проблема переформулирования вопроса, поставленного перед экспертом, если он сформулирован методически неверно или даже безграмотно. Здесь возможны два варианта. Первый – когда вопрос сформулирован неправильно, но смысл его понятен. В таких случаях эксперт вправе его переформулировать (но с обязательным приведением первоначальной формулировки). Например, поставлен вопрос, соответствует ли почерк Иванова представленным образцам почерка? Очевидно, что следователя интересует вопрос, не выполнен ли данный текст Ивановым. Принятое на практике (и закрепленное в некоторых ведомственных нормативных актах) изложение переформулирования следующее: в соответствии со своими специальными знаниями эксперт понимает данный вопрос так-то.

Второй вариант – когда смысл вопроса непонятен. В таких случаях эксперт должен обратиться к следователю с ходатайством о переформулировки вопроса. Как должна процессуально оформляться такая переформулировка? Видимо, так же, как и постановка дополнительных вопросов – отдельным постановлением, с обязательным уведомлением об этом участников судопроизводства. Поэтому нельзя признать правильной практику, когда следователи просто вносят исправления в текст первоначального постановления. Это может послужить лишь поводом для оспаривания стороной защиты допустимости заключения эксперта ввиду формальных нарушений. Поэтому во избежание излишней канители следователю, если он не уверен в правильности своей формулировки или вообще не знает, как правильно сформулировать вопрос, лучше всего предварительно проконсультироваться с экспертом.

После завершения экспертизы при возникновении каких-либо сомнений или неясностей следователь может провести допрос эксперта, а также назначить дополнительную или повторную экспертизу. И, наконец, в распоряжении следователя остается такое действенное средство процессуального контроля, как отвод эксперта, в том числе и по мотивам его некомпетентности (ст. 70 УПК).

Однако все эти полномочия следователя возможны только при одном условии – следователь располагает ими только по делу, находящемуся в его производстве. В связи с этим вызывает недоумение получившая в последнее время распространение практика, когда следователи начинают осуществлять проверку заключения эксперта, полученного по другому делу следователем или даже судом (вызывают экспертов и руководителей СЭУ, истребуют копию экспертного заключения и т.п.). Между тем, проверка следователями обоснованности и допустимости заключения эксперта по делу, находящемуся (находившемуся) в производстве суда, является грубейшим нарушением всех основополагающих принципов правосудия, в том числе прямо закрепленных в Конституции РФ, – осуществления правосудия только судом (ст. 118), независимости судей (ст. 120). Только суд может оценивать имеющиеся в деле доказательства по своему внутреннему убеждению и принимать соответствующее решение. Признать заключение эксперта обоснованным или необоснованным, допустимым или недопустимым также может только суд, в производстве которого находится данное дело. Какое-либо вмешательство иных органов и должностных лиц в такую деятельность суда недопустимо.

В соответствии с ч. 5 ст. 5 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» лица, виновные в каком-либо вмешательстве в деятельность суда, несут ответственность, предусмотренную законом. Присвоение властных полномочий суда наказывается в соответствии с уголовным законом.

Федеральным законом от 2.07.2013 № 166-ФЗ УПК РФ был дополнен ст. 8.1, помещенной в главу о принципах уголовного судопроизводства, согласно которой судьи рассматривают и разрешают уголовные дела в условиях, исключающих постороннее воздействие на них. Вмешательство государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан в деятельность судей по осуществлению правосудия запрещается и влечет установленную законом ответственность.

Если кто-то из участников судопроизводства не согласен с заключением эксперта, он может оспаривать его в установленном законом порядке, в частности заявлять различные ходатайства – о признании его недопустимым, о назначении повторной экспертизы и др. Если эти ходатайства судом отклонены, то несогласная сторона может обжаловать это вместе с приговором или иным итоговым решением суда вы-

шестоящую судебную инстанцию, и только она может признать судебное решение незаконным и отменить или изменить его.

После вступления судебного решения в законную силу оно становится обязательным для всех без исключения органов и лиц, подлежит неуклонному исполнению на всей территории РФ. Неисполнение его, а равно иное проявление неуважения к суду влекут ответственность, предусмотренную законом (ст. 6 ФКЗ о судебной системе). Таким образом, и вывод суда об обоснованности и допустимости заключения эксперта, положенного в основу судебного решения, также становится обязательным для всех.

Если после вступления судебного решения в законную силу какая-то сторона считает, что при производстве экспертизы были допущены преступные злоупотребления, то она может обратиться в соответствующий суд с ходатайством о возобновлении дела по вновь отрывшимся или новым обстоятельствам в порядке, предусмотренном главой 42 ГПК РФ, главой 37 АПК РФ или главой 49 УПК РФ. И опять же только суд может произвести проверку и при наличии к тому оснований отменить или изменить судебное решение, в том числе и в отношении экспертизы.

Таким образом, проверка следователями заключения эксперта, полученного судом, означает грубое вторжение в компетенцию суда, присвоение властных полномочий суда по осуществлению правосудия и может повлечь ответственность виновных в этом лиц. Поэтому следователи не вправе принимать такие заявления участников судопроизводства, а должны разъяснять им существующий порядок оспаривания судебных решений.

Эксперты не обязаны давать следователям какие-либо пояснения по экспертизе, проведенной по заданию суда, и являться по их вызовам. Их процессуальный статус определен судом, и только суд наделен в отношении их процессуальными полномочиями. Ни от каких других органов и лиц они по данному делу не зависимы. Следователь может давать какие-либо указания только эксперту, привлеченному в этом процессуальном качестве им самим, и по делу, находящемуся в его производстве.

Следователь не вправе также производить проверку уголовного дела, находящегося в производстве другого следователя. Проверку и оценку имеющихся в деле доказательств, в том числе, заключения эксперта, может осуществлять только следователь, в производстве которого находится данное дело, то есть, если дело им возбуждено или принято к своему производству (ст. 156 УПК). Только он может принимать решения по данному делу (ст. 38 УПК). Поэтому если следователю стали известны какие-то данные, имеющие значение для дела, находящемуся в производстве другого следователя, (например, о некомпетентности или недобросовестности эксперта), он должен напра-

вить эти данные этому следователю или его руководителю. Только руководитель следственного органа вправе произвести любую проверку, может давать следователю указания, изъять у него уголовное дело и передать его другому следователю и пр. (ст. 39 УПК). Следователь же никакими правомочиями в отношении другого следователя не наделен и производить проверку доказательств по делу, находящемуся в производстве другого следователя, не вправе. Он не может проводить никаких проверочных действий, в том числе истребовать в экспертном учреждении заключения экспертов, направленные другому следователю. Проверка и оценка имеющихся в деле доказательств может осуществляться только следователем, ведущим расследование, а также его руководителем, а по окончании следствия – прокурором, который утверждает обвинительное заключение. Вмешательство в производство предварительного следствия каких-либо иных лиц означает нарушение принципа самостоятельности следователя, закрепленного в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК.

Таким образом, в досудебных стадиях действует тот же принцип – какие-либо указания эксперту может давать только следователь, в производстве которого находится уголовное дело, и который привлек его в этом процессуальном качестве.

Как отмечалось, руководитель судебно-экспертного учреждения, в отличие от следователя, осуществляет методический контроль за деятельностью эксперта. Он может вмешиваться в процесс экспертного исследования и давать эксперту указания методического характера. Однако вопрос о взаимоотношениях эксперта и руководителя СЭУ представляет собой самостоятельную и довольно сложную проблему, которая выходит за рамки настоящего сообщения, и поэтому здесь мы ее касаться не будем. Рассмотрим лишь вопрос о соотношении полномочий руководителя СЭУ и следователя.

Здесь возникает следующая проблема: кто назначает конкретного эксперта в случаях, когда производство экспертизы поручается судебно-экспертному учреждению. На практике следователи нередко в таких случаях в своем постановлении указывают конкретного эксперта, полагая, что у них есть такое право. Однако с этим согласиться нельзя. Во-первых, никаким законом такое право следователя не предусмотрено. Напротив, везде говорится, что следователь лишь направляет в соответствующее учреждение свое постановление и необходимые материалы, а поручение экспертизы конкретному эксперту из числа работников данного учреждения осуществляет его руководитель (ст. 199 УПК).

Во-вторых, это неверно и по существу. Следователь чаще всего не знает специализации конкретных экспертов, их нагрузку на данный момент и других обстоятельств, о которых лучше всего осведомлен руководитель. Поэтому такие назначения со стороны следователя мо-

гут отрицательно сказаться на работе данного учреждения, при неумеренном их применении даже дезорганизовать ее. Так, вполне может быть, что для данной экспертизы нет никакой необходимости привлечения эксперта столь высокого класса, которого лучше использовать при производстве более сложных (комплексных, многообъектных) экспертиз, и вообще, следователь может до бесконечности «эксплуатировать» полюбившегося ему эксперта (например, автотехника) во вред нормальной работе учреждения.

Таким образом, исключительным правом определения конкретного эксперта (экспертов) при поручении производства экспертизу судебно-экспертному учреждению наделен только руководитель этого учреждения. Конкретного эксперта (экспертов) следователь может назначать лишь, когда экспертиза проводится вне экспертного учреждения.

В.Е. Патрикеев

Конституционные права человека в уголовном процессе – актуальные проблемы на современном этапе

Статья 6 УПК РФ определяет назначение и принципы уголовного судопроизводства, анализ которых позволяет сделать вывод о приоритете прав человека в отношениях с государством. Такое положение соответствует международным стандартам.

В целом уголовно-процессуальное законодательство состоит не только из внутригосударственных правовых норм, но и включает в себя общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ. Систему международно-правовых актов в уголовном процессе России образуют международные договоры, заключенные РФ или СССР, но ставшие обязательными для России в силу правопреемственности, ратифицированные и официально опубликованные, взаимообусловленные универсальные и региональные. Это такие основополагающие документы как:

- Устав ООН (1946 г.);
- Всеобщая декларация прав человека (1948 г.);
- Декларация об основных принципах международного права (1970 г.);
- Международный пакт о гражданских и политических правах (1976 г.);
- Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.);
- Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.).

Уставом ООН и Декларацией о принципах международного права российскому законодателю предписывается закрепить принцип уваже-

ния прав и свобод человека в сфере уголовного процесса в качестве юридической обязанности для государственных органов. Всеобщей декларацией прав человека, Международным пактом о гражданских и политических правах, Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобода и Протоколами к ней, Конвенцией СНГ о правах и основных свободах человека в сфере уголовного процесса образованы материальные и процессуальные стандарты прав человека[1].

В документе Копенгагенского Совещания по человеческому измерению СБСЕ говорится о том, «изменение характера взаимоотношений государства и личности приводит к формированию одной из основных черт правового государства, которая может быть раскрыта в совокупности следующих условий: не только граждане несут ответственность перед государством, но и государство отвечает перед гражданами за обеспечение свободы, неприкосновенности личности и личной жизни, за соблюдение всех прав граждан; должен быть исключен произвол власти в отношении граждан; обеспечена правовая защита личности». Правовое государство – это, в том числе, и справедливость, основанная на признании и полном принятии высшей ценности человеческой личности, гарантируемая учреждениями, образующими структуры, обеспечивающие ее наиболее полное выражение[2].

Принятие Конституции РФ ознаменовало определенный этап, в рамках которого осуществлялся переход правовой системы РФ к признанию и гарантированности прав и свобод человека и гражданина, как высшей ценности. Государство на конституционном (высшем) уровне приняло на себя обязанность признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Защита прав и свобод человека и гражданина является частью широкого круга взаимоотношений между индивидом и властью. Эти взаимоотношения в нашем государстве на разных этапах его существования свидетельствовали о незащищенности простого человека перед государственным механизмом, особенно в рамках уголовно-процессуальных отношений.

Уголовное судопроизводство РФ является областью государственной деятельности, основанной на общепринятых принципах и нормах международного права, закрепленной нормами Конституции РФ и уголовно-процессуальным законодательством.

Права личности в уголовном процессе затрагиваются наиболее ощутимо, поскольку именно уголовный процесс образует сферу широкого и интенсивного применения – государственного принуждения.

---

[1] Егоров С.Е. Общепризнанные принципы и нормы о правах человека в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 8-9.

[2] Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ. URL: http://www.osce.org/ru/odihr/elections.

Должностные лица и государственные органы, на которые законом возложено ведение уголовных дел, обращаются к гражданам с обязательными для них требованиями[1].

В процессе реализации правоохранительной деятельности уполномоченные государственные органы затрагивают конституционные права многих лиц, являющихся гражданами российского государства. Каждому из участников этих отношений нормами уголовно-процессуального законодательства отводится своя роль.

Подозреваемые, обвиняемые в совершении противоправного деяния, содержащего признаки состава преступления, предусмотренные нормами УК РФ ограничиваются в таких основных конституционных правах как право на свободу неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища, право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, свободно выезжать за пределы РФ (ст. 23, 25, 27 Конституции РФ) и др.

Затрагиваются также права и законные интересы пострадавших от преступных деяний и иных участников уголовного процесса. И государство обязано защищать, восстанавливать права этих лиц, не преступавших закон.

Существуют проблемы обеспечения прав личности, как на стадии предварительного расследования, так и при осуществлении правосудия, поскольку в процессе уголовно-процессуальной деятельности появляется особый правовой статус личности. Граждане вовлекаются в орбиту уголовно-процессуальной деятельности в качестве различных участников процесса.

Зачастую нарушаются права граждан и на стадии судебного разбирательства уголовных дел, хотя Конституция РФ провозглашает, что суд – это единственный государственный орган, уполномоченный осуществлять правосудие – особую функцию государственной власти[2].

Соблюдение прав человека при рассмотрении уголовных дел основывается на конституционных принципах: равенства граждан перед законом и судом, независимости судей и их подчинении только Конституции и федеральному закону, гласности судебного разбирательства, осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, участия в нем представителей общественности, обеспечения обвиняемому юридической помощи, возможности юридической помощи при защите своих прав и законных интересов потерпевшими и иными участниками процесса.

Однако не исключены и судебные ошибки при отправлении право-

---

[1] Трунов И.Л. Современные проблемы защиты прав граждан в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. С. 7.

[2] Трунов И.Л. Указ. соч. С.11.

судия по уголовным делам, которые также сопровождаются нарушением прав участвующих в деле лиц. Распространены нарушения процессуальных сроков как назначения к слушанию и начала судебного разбирательства, так и установленных законом сроков рассмотрения уголовных дел по существу, что серьезно осложняет рассмотрение большого количества дел и, как следствие, недопустимо длительное пребывание обвиняемых (подсудимых) под стражей.

Нельзя обойти вниманием несовершенство российского уголовно-процессуального законодательства, которое становится предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ и, даже, Европейского Суда по правам человека[1].

Признание РФ ценностей человеческой личности, изменение характера взаимоотношений государства и личности приводит к формированию одной из основных черт правового государства – не только граждане несут ответственность перед государством, но и государство отвечает перед гражданами за обеспечение свободы, неприкосновенности личности, личной жизни, за соблюдение всех прав граждан, обеспечение правовой защиты граждан, в том числе от необоснованного уголовного преследования в уголовном процессе[2].

Выполнение государством возложенных на него обязанностей по защите прав и свобод человека и гражданина предполагает создание эффективного механизма правовой защиты граждан. Права личности в уголовном процессе затрагиваются наиболее ощутимо, поскольку именно уголовный процесс образует сферу широкого и интенсивного применения – государственного принуждения.

Соблюдение прав человека, вовлеченного в уголовный процесс, реализация конституционных принципов: равенства граждан перед законом и судом, независимости судей и их подчинения только Конституции РФ и федеральным законам, гласности разбирательства и доступ-

---

[1] Постановление Конституционного суда РФ от 2.07.2013 № 16-П/2013 «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда»; Постановление Конституционного суда РФ от 18.10.2011 № 23-П/2011 «По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.Л. Панченко».

[2] См. подробно: Кондрат И.Н. Права и законные интересы человека и гражданина: российское правовое регулирование в области уголовного процесса // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 8. С. 109-129.; Гаврилов Б.Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав участников уголовного судопроизводства // Публичное и частное право. 2010. № 4. С. 110-162.

ности судебной системы, осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, участия в нем представителей общественности, обеспечения обвиняемому юридической помощи, доступности юридической помощи при защите своих прав и законных интересов потерпевшему и иным участникам процесса должны стать нормой для органов власти современной России.

В.И. Перепелкин

Некоторые проблемы нарушения конституционных прав граждан на предварительном следствии и возможные пути их устранения

Провозглашая права и свободы человека высшей ценностью, конституция РФ определила, что их соблюдение является обязанностью государства (ст. 2). Это особенно актуально в уголовном судопроизводстве, когда происходит частое нарушение прав, раскрываемость преступлений остается достаточно низкой, от граждан поступает огромное количество жалоб на необоснованное насилие и произвол при возбуждении уголовных дел, в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства, сохраняется высокая латентность преступности. Выступая от имени государства суд, судья, прокурор, следователь, дознаватель в соответствии с должностными обязанностями при расследовании уголовных дел обязаны принимать решения в соответствии Конституции РФ, с действующим уголовно-процессуальным законодательством, другими нормативно-правовыми актами. Казалось бы, государство создало все нормативные условия, позволяющие соблюдать законные права и обязанности граждан РФ и не должны быть их нарушений, или, по крайней мере, они мизерны. К сожалению, действительность утверждает обратное. Так за 2012 календарный год раскрываемость преступлений по стране составило около 45%, «органы прокуратуры установили более 5 миллионов нарушений законов, допущенных правоохранительными органами на досудебной стадии уголовного судопроизводства, причем нарушения допускаются следственными органами всех без исключения ведомств и имеют тенденцию к стабильному росту, привлечено к дисциплинарной ответственности более 19 тысяч следователей МВД»[1]

Это наводит мысль на анализ причин нарушения правовых норм при расследовании преступлений, в частности, на этапах возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под

[1] Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки «Российской газете» // Российская газета. 2013. 29 апреля.

нарушением понимается «не выполнение, не соблюдение чего-либо»[1]. С нашей точки зрения, в данном случае под «нарушением» следует понимать не соблюдение требований законодательства, регламентирующих стадии уголовного судопроизводства, научных рекомендаций по их осуществлению, применения технико – криминалистических средств и методов в ходе проведения следственных и процессуальных действий и т.п.

Таким образом, если в законодательных актах и научно-апробированных источниках содержатся требования, указания на необходимость выполнения определенных действий, актов, то их не соблюдение приводит к нарушению определенных норм, в нашем случае уголовного процесса, что в свою очередь может стать причиной нарушения прав и свобод граждан. Если в нормативных источниках нет указания на выполнение определенных действий или они носят рекомендательный характер, то такие акты нельзя назвать нарушениями, хотя и они могут привести к нарушению прав граждан – участников уголовного процесса. Например, в ходе допроса следователь по своей инициативе согласно ч. 4 ст. 189 УПК РФ может произвести фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемку, что приводит к наиболее полной фиксации доказательств. Но он может и отказаться от этого, если не поступило ходатайство допрашиваемого на этот счет. Вполне очевидно, что, в некоторых случаях, это может привести к утрате какой-то части доказательственной информации, так как в протоколе допроса она может быть, и не отражена в результате каких-то причин (следователь упустил детали полученной вербальной информации, не придал им должное значение и т.п.), и данный факт может повлечь нарушению конституционных прав участников уголовного судопроизводства.

А каковы же причины не соблюдения выше указанных требований? На наш взгляд их достаточно много и они не равнозначны по своей юридической значимости. Во-первых, нарушение прав участников уголовного судопроизводства могут быть совершены с преступным умыслом.

Анализ преступного умысла относится к субъективной стороне преступления и приводится во всех источниках уголовного права. В данном случае должностное лицо осознает общественную опасность своего действия (бездействия), предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасного последствия в результате нарушения уголовно-процессуального законодательства, сознательно допускает его наступление. Мотивами совершения преступления, как правило, в данном случае выступают корыстная и личная заинтересо-

---

[1] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1996. С. 383.

ванность (например, карьеризм). К путям предупреждения и недопущения таких антиобщественных проявлений следует отнести:

- подбор и воспитание кадров;
- систематический надзор и контроль над деятельностью следственных работников, дознавателей и органов дознания непосредственными начальниками и вышестоящими руководителями, работниками органов прокуратуры;
- своевременное и внимательное рассмотрение жалоб граждан по поводу возбуждения, отказа в возбуждении, расследования уголовных дел, разрешения и удовлетворения ходатайств, поступивших в ходе расследования, установления причин отказа их рассмотрения;
- установление тесного контакта с участниками уголовного процесса, а именно, потерпевшими, свидетелями, подозреваемыми, обвиняемыми, экспертами и другими лицами руководителями звеньев и надзорных органов, в том числе, и по телефонам доверия;
- усиление деятельности аппаратов собственной безопасности по выявлению нарушений уголовного и уголовно процессуального законодательства.

Во-вторых, в ходе расследования нарушение конституционных прав граждан может быть допущено без преступного умысла. В их основе могут лежать субъективные и объективные причины.

В первую очередь следует отметить недостаточный уровень владения умениями и навыками планирования, организации расследования и раскрытия преступлений многими начинающими следователями, работниками органов дознания, дознавателями (иногда и работниками со стажем работы). Согласно действующему УПК они обладают одинаковыми правами и обязанностями наравне с опытными работниками, должны выполнять возложенные на них обязанности. Известно, для выработки навыков расследования практикуется институт наставничества. Но, зачастую, прикрепленный наставник также нуждается в советах, в виду небольшого стажа работы и опыта в расследовании. Во многих случаях наставник сам работает в данной должности менее 3 лет. На него возлагается такая же нагрузка по расследованию уголовных дел, он порой даже не имеет физической возможности вникнуть в суть проблем, возникшим перед молодым работником и оказать ему квалифицированную помощь. Проблема приобретения навыков работы, как правило, встает перед каждым начинающим работником. Для улучшения работы по наставничеству, на наш взгляд, в коллективах численностью более 15-20 лиц необходимо ввести институт наставничества опытным лицом, освобожденным от расследования уголовных дел или с частичным сокращением его основной нагрузки. Для таких целей возможно привлечение бывших работников, находящихся на заслуженном отдыхе по их согласию. Данная мера существенно повысила бы качество расследования.

Следующей причиной некачественного расследования и нарушения процессуальных сроков выступает большая загруженность практических работников, что приводит к поспешности и формальности проведения следственных и процессуальных действий. Всем известно, полнота и качество проведенных следственных действий определяет наличие доказательственной базы по уголовному делу для установления виновности и невиновности лица и других обстоятельств, подлежащих доказыванию согласно ст. 73 УПК РФ. Данная проблема не нова, и она не решена. Обратной стороной такой загруженности является нарушение сроков расследования. Так, генеральный прокурор РФ Ю. Чайка говорит, что «вызывает тревогу рост числа дел, расследованных с превышением сроков, установленных УПК РФ. Удельный вес таких дел дошел в СК России уже до 44,6%, в МВД – почти до 32, а в ФСКН перевалил за половину – 52,3%»[1]. Конечно, во многих случаях это связано с фактами «откровенной волокиты со стороны следователей»[2]. Но нельзя объяснить все с волокитой. Большая загруженность не позволяет провести качественное расследование и в установленный срок. Проблема на лицо. Временное увеличение штата работников следствия и дознания на определенный срок нереально. В УПК РФ указана возможность продления сроков предварительного расследования в случаях, когда «расследование …представляет особую сложность» ч. 5 ст. 162 УПК РФ, «в случаях, …связанных с производством судебной экспертизы» ч. 4 ст. 223 УПК РФ, «в исключительных случаях связанных с исполнением запроса о правовой помощи» ч. 5 ст. 223 УПК РФ. С нашей точки зрения, в УПК РФ необходимо предусмотреть возможность продления срока предварительного следствия и дознания в случаях реальной загруженности работников следствия и дознания, когда это может привести к поверхностному расследованию, с выработкой механизма его реализации и защиты от волокиты. Это повысило бы результативность и качество расследования, снизил процент нарушения законодательства.

Причины нарушения законных прав граждан в ходе предварительного расследования могут кроиться в незнании практическими работниками возможностей современных научно-технических средств и судебных экспертиз, тактики и методики расследования новых видов преступлений, изменений законодательства и др. Путями их устранения видятся в саморазвитии каждого работника, приглашении соответствующих специалистов для их обучения и проведения занятий, прохождении стажировок и курсов повышения квалификации, обмене опытом коллегами по работе.

---

[1] Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки «Российской газете» // Российская газета. 2013. 29 апреля.

[2] Там же.

Ю.Е. Петухов

К вопросу эффективности досудебного производства как средства обеспечения конституционных прав граждан

Как свидетельствуют данные на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ только с января по июль текущего года в России зарегистрировано 1303690 преступлений, по которым начато расследование, при этом за этот же период было завершено расследование 743748 уголовных дел[1]. Эти данные в сочетании с цифрами, отражающими деятельность, осуществляемую в рамках доследственной проверки, создают общую картину объема востребованности досудебного производства для принятия необходимых мер по восстановлению нарушенных конституционных прав и предупреждению преступных посягательств на конституционные права. При этом эффективность досудебного производства в уголовном процессе в спектре обозначенной востребованности напрямую связано с совершенством правовой регламентации уголовного судопроизводства и с некоторыми другими компонентами, что останутся за рамками данной публикации в связи с ограниченностью объема.

Переходя к анализу правовой регламентации, уместно сразу оговориться, что автором публикации ставится цель лишь заострить внимание на некоторых, на его взгляд, перспективных направлениях совершенствования уголовно-процессуального законодательства, необходимых для обеспечения конституционных прав граждан.

Для удобства системного восприятия информации по перспективным направлениям они распределены в три группы.

1. Касающиеся возможных изменений первой стадии уголовного процесса.

2. Направленные на модернизацию стадии предварительного расследования.

3. Влияющие опосредованно (через совершенствование судебных стадий) на результативность досудебного производства.

Первый блок включает в себя следующее.

А) Закрепление в УПК РФ обязательности возбуждения уголовного дела следователем при поступлении к нему заявления (за исключением случаев необходимости соблюдения процедур возбуждения уголовного дела, закрепленных в ст. 448 УПК РФ, и установления при возбуждении дел частного обвинения наличия обстоятельств, отраженных в ч. 4 ст. 20 УПК РФ) с тем, чтобы следователи осуществляли предварительное расследование, а не доследственную проверку, которая поглощает

[1] Сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru.

большой объем времени[1], так как предоставляет следователю полномочия в меньшем спектре процессуальных действий, чем могут быть использованы им в рамках осуществления предварительного следствия.

Б) Установление сокращенных сроков (не более 1 месяца, в исключительных случаях – 2 месяцев) на решение всех процедурных вопросов, связанных с дачей согласия на возбуждение уголовных дел в отношении судей, чтобы исключить затягивание стадии возбуждения уголовного дела на несколько месяцев в случаях, когда судья был застигнут в момент совершения преступления сотрудникам правоохранительных органов, подтверждением чему являются надлежаще оформленные документы.[2]

В) Процедура заключения досудебного соглашения о сотрудничестве должна иметь возможность реализовываться и на стадии возбуждения уголовного дела. Это станет логическим продолжением внесенных в марте текущего года в ч. 3 ст. 49 УПК РФ изменений, согласно которым с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, может появиться защитник. Следовательно, фактически в процессе еще до возбуждения уголовного дела могут появиться все необходимые для оформления досудебного соглашения о сотрудничестве субъекты.

Г) Установить, чтобы при отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобе заявителя уголовное дело этим же постановлением возбуждалось и материалы передавались для производства неотложных следственных действий в орган дознания или в орган, которому дело подследственно, во избежание фактов неоднократного отказа в возбуждении уголовного дела, имеющихся в практике[3].

---

[1] Так, согласно сведениям о деятельности СК России за январь-июнь 2013 г. следователями СК России рассмотрено более 378 тыс. сообщений о преступлении.

[2] Так, в Кировской области 4.06.2013 сотрудниками правоохранительных органов при получении первой части 18-миллионной взятки в своем кабинете был застигнут председатель одного из районных судов. Но, несмотря на то, что все было оформлено надлежащим образом, согласие квалификационной коллегии судей Кировской области было получено лишь во второй половине сентября 2013 г., а возбудить уголовное дело Председатель СК России сможет лишь после вступления в силу данного решения, что скорей всего состоится после рассмотрения жалобы на решение о даче согласия в дисциплинарном судебным присутствии, при этом следует отметить, что срок подачи жалобы еще не истек и свои сроки рассмотрения жалобы установлены для дисциплинарного судебного присутствия.

[3] В докладе Генерального прокурора РФ от 27.04.2012 года на заседании Сове-

Второй блок объединяет следующее.

А) Поддерживаемое мной предложение, в том числе формулируемое и работниками прокуратуры[1], о том, чтобы досудебное соглашение о сотрудничестве подозреваемый (обвиняемый) заключал не с прокурором, а с руководителем следственного органа. Это позволит исключить случаи, когда разумность и целесообразность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве ясна для следственного органа, как созданного для успешного расследования преступлений, но не для прокуратуры, решающей свои задачи, которые позволяют официальному представителю Генпрокуратуры РФ заявлять, что «случаи отказа в заключении досудебных соглашений не единичны, и, если подозреваемый или обвиняемый хочет дать показания, ему никто не может помешать это сделать. А для этого не требуется заключать никаких соглашений. «Тезис «явка с повинной вам зачтется при вынесении приговора» до сих пор не устарел»[2].

Б) Руководитель следственного органа должен обладать правом на обжалование судебных решений, принятых в досудебном производстве. Это предопределяется тем, что его деятельность по анализу следственной ситуации, предшествующая проведению судом процедур, указанных в ст. 108, 109, 125 и 165 УПК РФ, должна базироваться на комплексном и полном анализе, включающем, в том числе, изучение всех материалов уголовного дела (законодатель даже позволяет при даче согласия лично допросить обвиняемого, подозреваемого), и может влечь решение руководителя следственного органа, которое исключит необходимость рассмотрения соответствующих вопросов в суде. Но если руководитель пришел к иному выводу, и судебное заседание проведено, а его итог не совпадает с мнением руководителя следственного органа, то причиной этого может быть, в том числе, ошибка судьи, базирующаяся на недостатке его профессионализма или предвзятости. Именно для принятия мер по преодолению указанных причин руководитель следственного органа, как лицо, владеющее информацией в

та Федерации Федерального Собрания РФ отмечалось: «Растет (+11%) число отмененных прокурорами постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, распространены случаи неоднократного вынесения данных постановлений при наличии признаков преступления либо по неполно проверенным данным. Только в 30 охваченных в прошлом году проверкой Генеральной прокуратуры регионах два и более раза прокурорами отменялось 170 тыс. таких решений, почти 2,3 тыс. из них – свыше 10 раз», При этом исходя из жизненного опыта последний показатель наверняка обеспечивался целеустремлённостью заявителей, которые регулярно беспокоили прокуратуру.

[1] Иванов А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.

[2] Сайт СК России. URL: http://www.sledcom.ru.

полном объеме и ответственное за успешное решение задач по скорейшему расследованию выявленных преступлений (в отличие от прокурора), должен иметь право обратиться с жалобой в вышестоящий суд и отстаивать свою позицию при рассмотрении поданой им жалобы, а также при рассмотрении в вышестоящей инстанции жалобы, поданой другими участниками.

В) Должен существовать механизм судебного разрешения спора по уголовно-процессуальным вопросам между органами СК России и Прокуратуры РФ, если споры могут влечь за собой невозможность успешного решения задач уголовного законодательства. Ярким примером такого спора можно признать ситуацию с уголовным делом по обвинению бывших сотрудников прокуратуры Игнатенко и Урумова, по которому складывается впечатление, что обвинительному заключению, каким бы совершенным оно не было, не суждено быть утвержденным, поскольку последнее слово за главой Генпрокуратуры РФ, которая, судя по реагированию на деятельность следователей с момента возбуждения данного уголовного дела, была против того, чтобы бывшие сотрудники прокуратуры приобрели судимость, даже несмотря на частичное признание вины одним из них.[1]

Третий блок включает в себя следующее.

А) Полномочия государственного обвинителя в суде первой инстанции вместо прокурора должен осуществлять руководитель следственного органа или его помощник. Логика этого предопределяется необходимостью того, чтобы в ходе расследования в рамках ведомственного процессуального контроля осуществлялась корректировка деятельности следователя на основе четкого представления о складывающейся в судах судебной практике и значимости для конечного результата (судебного решения) по уголовному делу допущенных следователем в ходе досудебного производства недоработок. Это позволит руководителю следственного органа при реализации своих полномочий формировать в досудебном производстве обвинения, что он же будет поддерживать в суде.

Б) Руководитель следственного органа или его помощник должен участвовать при рассмотрении апелляционной жалоб, для того чтобы при реализации своих полномочий в досудебном производстве помнить о возможных дополнениях к материалам уголовного дела, что могут возникнуть даже после вынесения приговора и вскрыть недоработки следственной деятельности, влекущие за собой вынесение оправдательного приговора.

В) До следственных органов должна своевременно доводиться информация о заседаниях судов второй и третьей инстанций, на которых рассматриваются жалобы, касающиеся непосредственно деятельности

[1] См. подробно: сайт СК России URL: http://www.sledcom.ru.

следственных органов, чтобы их представители, при необходимости, могли принять участие в этих заседаниях. Это позволит при обеспечении эффективности досудебного производства со стороны руководителя следственного органа использовать знания о судебной практике соответствующей судебной инстанции, формируемой на базе самостоятельно принимаемых по отдельным уголовным делам решений.

Г) Руководитель следственного органа на равнее с прокурором должен обладать правом возбуждения производства ввиду новых обстоятельств и подготовки в последующем заключения (либо вынесения постановления о прекращении возбужденного производства) при наступлении в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления, а также при возникновении иных новые обстоятельств (обозначенных в п. 3 ч. 4 ст. 413 УПК РФ). Это позволит более целенаправленно организовывать и завершать проверки с производством следственных действий, а в последующем учитывать выявленные обстоятельства при производстве предварительного расследования по другим уголовным делам.

Внесение изменений в УПК РФ по обозначенным выше направлениям позволит говорить о повышении эффективности реализации досудебного производства, как средства обеспечения конституционных прав граждан, поскольку они направлены на создание условия для более оперативной реализации уголовно-правовых норм в отношении лиц, посягающих на конституционные права граждан, находящиеся под защитой государства.

С.А. Пискунов

Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений

12.12.2013 российская общественность будет отмечать 20-летие со дня принятия Основного закона нашей страны – Конституции РФ. Как справедливо отмечают многочисленные исследователи, 20-летний срок – достаточный отрезок времени для того, чтобы подводить определенные итоги, делать выводы относительно эффективности норм Конституции РФ, результатов реализации ее положений на практике.

Принятие Конституции России стало эпохальным событием в общественно-политической жизни и истории российского народа. Первая демократическая конституция современной России стала не только отправной точкой к трансформации государственности и политической, правовой систем нашей Родины; общепризнанно, что Конститу-

ция РФ стала прорывом в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Приведем лишь некоторые тезисы, иллюстрирующие и подтверждающие то, что Конституция РФ 1993 г. стала действенным механизмом и эффективным гарантом прав и свобод человека и гражданина.

1. Права и свободы индивида впервые в истории были признаны высшим приоритетом государственной охраны, ключевой социальной ценностью, на защиту которой ориентирована система государственного управления и вся иерархия российского законодательства.

2. Немаловажную роль в обеспечении прав и свобод человека и гражданина играет и стабильность Конституции РФ. Вплоть до настоящего момента ни одна норма Основного закона, прямо или косвенно затрагивающая права и свободы индивида, не была пересмотрена. В то же время, за два десятилетия накоплен значительный опыт правовой и институциональной защиты прав и свобод человека и гражданина, о чем речь пойдет ниже.

3. Для охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина сформирована система правовых норм и общественных институтов, обеспечивающих, в частности, равенство граждан перед законом и судом, право на жизнь, защиту достоинства индивида, прав на свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени и др.

4. Особую и непреложную роль в обеспечении защиты прав и свобод человека и гражданина имеют нормы ст. 45 Конституции РФ, гарантирующие государственную защиту прав и свобод, право каждого на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом. В частности, гарантированы судебный, административно-правовой и международно-правовой механизмы защиты прав и свобод индивида.

Реализация соответствующих положений Основного закона России прошла проверку в системе «наиболее чувствительных» общественных отношений, в сфере которых имманентно заложен риск нарушения прав и свобод индивида. Хрестоматийным образцом общественных отношений подобного рода являются отношения, возникающие в сфере расследования преступлений.

Необходимость конституционно-правовой защиты прав и свобод гражданина при расследовании преступлений обусловлена целым рядом обстоятельств. Речь идет, прежде всего, о том, что в целом для уголовного судопроизводства характерно ощутимое воздействие на права и свободы личности. В частности, их ограничение возможно при применении разных мер уголовно-процессуального принуждения, которое на данной стадии уголовного процесса является наиболее интенсивным. Обеспечение прав и свобод участников уголовного процесса в ходе расследования преступлений представляет особую сложность

также в связи с такими особенностями предварительного расследования, как существенное ограничение гласности, соприкосновения с оперативно-розыскной деятельностью.

Результаты предварительного расследования могут оказать существенное, решающее влияние на принятие судом решений по уголовным делам: в ходе расследования преступлений решается судьба лица, обвиненного в совершении преступного деяния, – по сути, решается вопрос о его свободе и даже жизни (при условии отмены моратория на смертную казнь).

При этом подозреваемыми (обвиняемыми) круг субъектов уголовного процесса на стадии предварительного расследования, не ограничивается. На стадии предварительного расследования происходит фактическое вовлечение граждан в сферу уголовного процесса в качестве различных его участников. В ходе расследования преступлений существенным образом затрагиваются интересы пострадавших от преступлений, свидетелей, широкого круга других граждан; указанные лица также наделены многочисленными правами, соблюдение и защита которых гарантированы Основным законом нашей страны. Именно в аспекте повышения гарантий прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений, как представляется, Конституция РФ явила социуму существенный прогресс по сравнению с ранее действовавшим законодательством советского периода.

В числе ключевых гарантий подобного рода можно упомянуть следующие: право каждого на свободу и личную неприкосновенность, включая исключительную компетенцию суда решать вопрос об аресте, заключении под стражу и содержании под стражей; право задержанного лица (заключенного под стражу, обвиняемого) на незамедлительную юридическую помощь, в том числе – бесплатную; презумпцию невиновности; конституционное установление о недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением закона; право не свидетельствовать против себя и близких; право потерпевших от преступлений на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Стоит отметить, что в контексте обеспечения законности, гарантий прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений немаловажную роль играют конституционные установления об охране достоинства личности (в частности, прямо запрещающие подвергать задержанного, подозреваемого, обвиняемого пыткам, обращению, уничижающим человеческое достоинство), о неприкосновенности жилища, о праве на пользование родным языком (в том числе в ходе расследования преступлений) и многие другие. Соответствующие нормы Конституции РФ запустили масштабные преобразования в уголовно-процессуальном законодательстве. Более 8 лет потребовалось с момента принятия Основного закона, чтобы ввести в действие новый кодифицированный уголовно-процессуальный закон – УПК РФ. Положения

УПК РФ, включая принципы уголовного судопроизводства (глава 2 УПК РФ), нормы о доказательствах и доказывании, о правах участников уголовного судопроизводства, о мерах процессуального принуждения, заложили базис, фундамент гарантий прав человека и гражданина в уголовном процессе и в ходе расследований преступлений в частности. Огромную роль в реализации конституционных положений об охране прав и свобод личности играют и нормы институтов уголовного процесса, связанных с предварительным расследованием. Указанные нормы постоянно совершенствуются, и, безусловно, законодатель и правоприменитель находятся в постоянном поиске конструкций, максимально обеспечивающих защиту прав и свобод личности в ходе расследования преступлений. Эпохальным событием в рамках процесса совершенствования уголовно-процессуальных норм стало разграничение полномочий прокуратуры и органов предварительного следствия по участию в расследовании преступлений; по сути, в настоящее время в РФ имеется и система независимых, профессиональных следственных органов, и действенный орган надзора и контроля за расследованием преступлений. В ходе правовых и институциональных преобразований в регламентации и практике расследования преступлений, направленных на реализацию конституционных гарантий прав и свобод личности, существенно повысилась роль и значимость судебной власти, прокуратуры и адвокатуры, активно развиваются механизмы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, их родственников и близких лиц. В то же время, процессы преобразования уголовно-процессуального законодательства и правоприменения в целях поддержки конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений, безусловно, нельзя назвать завершенными. На это указывает, в частности, весьма распространенная практика защиты нарушенных в ходе расследования преступлений личных прав и свобод, в том числе со ссылкой на ст. 53 Конституции РФ, в соответствии с которой «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц». Причем, не находя защиты в рамках отечественной системы правосудия, все больше граждан, чьи права и свободы были необоснованно нарушены при расследовании преступлений, обращается за защитой в международные судебные органы, в частности, в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ). Анализ актуальных судебных решений ЕСПЧ по данной категории дел, приводимый в литературе[1], убедительно свидетельствует о том, что в аспекте гарантий прав и

[1] Никитина Н.Э. Практика европейского суда по правам человека, касающаяся применения специальных познаний при раскрытии и расследовании преступлений // Полиция и борьба с преступностью за рубежом: сб. информац.-

свобод человека и гражданина при расследовании преступлений в Российской Федерации имеется немало проблем. Одной из таких проблем остается кадровый вопрос и проблема правосознания сотрудников правоохранительных органов. К сожалению, реформа органов внутренних дел пока не позволила полностью исключить вопиющие случаи нарушения прав и свобод личности в ходе расследования преступлений, и вопрос повышения квалификации сотрудников следственного аппарата не снят с повестки дня. Как справедливо отмечает В.Ю. Мельников, «наличие в следственно-судебной практике разнообразных нарушений прав человека со стороны государственных органов и должностных лиц, свидетельствует о глубоко укоренившемся в профессиональном мышлении представлении о правах и свободах человека и гражданина, как не имеющих приоритетного значения по сравнению с задачей борьбы с преступностью, количеством раскрытых преступлений»[1]. Среди других проблем в реализации конституционно-правовых гарантий прав и свобод индивида при расследовании преступлений, можно назвать и незавершенность построения системы досудебного производства, нестабильность уголовно-процессуальных норм о предварительном расследовании. Нередко нарушают конституционные гарантии прав и свобод личности непродуманные новеллы уголовно-процессуального законодательства, – так, например, особый порядок постановления приговора в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, допускается без согласия, участия и выслушивания мнения потерпевшего (ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ), что существенно ограничивает гарантированные ему Конституцией РФ права на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Подобных примеров немало, потому задача совершенствования законодательства, реализующего конституционные гарантии прав и свобод индивида в ходе расследования преступлений также стоит крайне остро. Реформируя уголовно-правовое законодательство и совершенствуя деятельность следственных, контрольных и надзорных органов в сфере расследования преступлений, с учетом конституционных гарантий прав и свобод индивида следует постоянно помнить о том, что лишь человек, не обделенный правами, гарантированными ему Конституцией РФ и международными конвенциями по правам че-

---

аналитич. мат-ов. М., 2011. Вып. 10. С. 19-27; Шавкута С.В. Использование решений Европейского Суда по правам человека при организации прокурорского надзора за расследованием преступлений // Прокурорский надзор за производством дознания и предварительным следствием в органах внутренних дел: сб. мат-ов семинара по обмену опытом. М., 2011. С. 136-147.

[1] Мельников В.Ю. Обеспечение прав и законных интересов граждан в ходе уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 3. С. 214.

ловека, способен эффективно и полноценно решать задачи, поставленные перед обществом.

В.В. Поляков
М.В. Торбенко

Особенности соблюдения прав подозреваемых при осмотре места происшествия по компьютерным преступлениям

В последние годы наблюдается тенденция роста числа преступлений в сфере компьютерной информации как в РФ, так и в других развитых странах. Особенности совершения этих преступлений, связанные с применением последних достижений компьютерных и телекоммуникационных технологий, обусловливают недостаток адекватных уголовно-процессуальных механизмов получения доказательств, технических подходов и методик расследования. В силу этих обстоятельств возможны нарушения конституционных прав гражданина со стороны следственных органов.

Одним из наиболее значимых неотложных следственных действий по компьютерным преступлениям является осмотр места происшествия, предметов и документов. В ходе производства осмотра, как правило, могут быть обнаружены и изъяты важнейшие доказательства. Практика показала, что в условиях недостаточной процессуальной регламентации данного следственного действия и низкой осведомленностью о специфике его производства, участвующих в нем лиц, происходят различные нарушения и ошибки следствия.

При производстве осмотра необходимо учитывать, что в местах подготовки, совершения и сокрытия преступлений могут находиться электронно-цифровые следы преступления. Они, как и любая компьютерная информация, могут быть легко уничтожены в результате законных действий пользователей, стечения обстоятельств или намеренных действий преступника, уничтожающего их непосредственно или дистанционно, а также по заранее заложенному алгоритму их ликвидации. Для производства осмотра в жилище необходимо судебное решение, если оно не было получено, то согласие проживающих в нем лиц. На практике получается, что следователь вынужден предупреждать преступника о своем намерении. В этом случае, фактически, возникает ситуация противодействия, в результате которой опытные преступники получают возможность уничтожить следы преступления. Результативность такого осмотра становится крайне низкой. С другой стороны, послабление указанной процедуры чревато нарушением конституционного права граждан на неприкосновенность жилища. Данный пример диссонанса конституционного и уголовно-процессуального законодательства с потребностями практики расследования преступлений в

сфере компьютерной информации является не единственным.

На практике производство осмотра может служить одновременному достижению различных целей:

- установление обстоятельств произошедшего события (способ, место, время совершения преступления и т.д.);

- выявление, фиксация, изъятие и оценка следов преступления, различных вещественных доказательств;

- получение информации, необходимой для построения и проверки следственных версий и осуществления розыскной работы по делу.

Осмотру подлежат места, где вероятно могут находиться следы подготовки совершения и сокрытия преступлений. В частности: документы, компьютерная техника, находящиеся по месту жительства или работы преступника; места обработки и постоянного хранения компьютерной информации; непосредственно использовавшееся компьютерное оборудование; места хранения криминалистически значимой информации на связанных компьютерах, компьютерных системах и информационных сетях; места наступления вредных последствий в результате совершения преступления.

В теории криминалистики заслуживает внимания ситуационный подход, согласно которому содержание методических рекомендаций по осмотру места происшествия определяется характером сложившейся следственной ситуаций. Прежде всего, следователь должен определиться с последовательностью действий при осмотре. Необходимо подчеркнуть, что при совершении преступлений в сфере компьютерной информации место происшествия может не ограничиваться территорией одного строения или населенного пункта. В первую очередь это относится к преступлениям, совершенным с помощью удаленного доступа к компьютерной информации, при котором используются глобальные информационные сети[1].

Осмотр места происшествия целесообразно подразделить на три этапа: подготовительный, рабочий и заключительный. Каждому из них соответствуют свои следственные ситуации и алгоритмы их разрешения. Однако, в любом случае, необходимо обратить внимание на следующие моменты.

На подготовительном этапе до выезда на место происшествия решаются такие организационные вопросы, как принятие мер по сохранению обстановки места происшествия; обеспечение участия в осмотре места происшествия специалистов и понятых с необходимыми знаниями в области компьютерных технологий, а также организация матери-

---

[1] Гавло В.К., Поляков В.В. Следовая картина и ее значение для расследования преступлений, связанных с неправомерным удаленным доступом к компьютерной информации // Российский юридический журнал. 2007. № 5(57). С. 146-152.

ально-технического обеспечения осмотра. По прибытии на место происшествия целесообразна следующая последовательность действий:

- зафиксировать обстановку места происшествия;
- выяснить, когда были обнаружены вредоносные последствия и не производились ли манипуляции с компьютерной техникой;
- обеспечить охрану места происшествия путем исключения взаимодействия с компьютерной техникой.

Рабочий этап включает в себя общий и детальный осмотр. При общем осмотре определяются границы места (помещения, в которых находится компьютерная техника) и объекты осмотра (носители информации, документы, имеющие отношение к делу и т.д.). Важно установить, объединены ли осматриваемые компьютеры в локальную вычислительную сеть и имеют ли они выход в глобальные сети[1]. В протоколе составляются схемы сети ЭВМ, отмечается местоположение сервера, отмечается наличие системы охраны и сигнализации и т.д.

При детальном осмотре непосредственно изучаются отдельные ЭВМ, линии и устройства связи, периферийное оборудование. При осмотре компьютера выясняется, какие программы используются на момент осмотра, какая установлена операционная система, какие используются протоколы связи, службы доступа к файлам в сети и т.д. Отдельно определяется, какая информация повреждена вредоносными программами. После этого приостанавливаются исполняемые процессы и системный журнал событий. Осматриваются также материальные носители информации, и документы, устанавливающие правила работы с компьютерными системами.

Если следователь принимает решение об изъятии средств компьютерной техники, то нужно в протоколе и на схемах отобразить порядок соединения устройств, промаркировать разъемы и соединительные кабели. Кроме того, необходимо выяснить используемые логины, пароли, сетевые имена и т.д. Изъятые на месте осмотра компьютеры, технические устройства, материальные носители информации подлежат специальной упаковке и транспортировке, которые должны исключить возможность разукомплектования или работы с компьютерной техникой, а также ее повреждение.

Высокий уровень технической оснащенности, сопутствующий компьютерным преступлениям, налагает специфические требования на проведение следственных действий[2]. Эта проблема исследовалась ря-

---

[1] Гавло В.К., Поляков В.В. Некоторые аспекты разработки криминалистической характеристики преступлений // Раскрытие и расследование преступлений, сопряженных с использованием средств вычислительной техники: проблемы, тенденции, перспективы: мат-лы Всерос. конф. М., 2005. С. 14-18.

[2] Поляков В.В. К вопросу о повышении эффективности расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Актуальные проблемы борь-

дом ученых-криминалистов (Крылов В.В., Аверьянов Т.В., Белкин Р.С. и другие) и сводится к тому, что используемые технико-криминалистические средства должны наглядно, объективно и полно позволять воспринимать и оценивать компьютерную информацию, а также гарантированно не вносить никаких изменений при взаимодействии с электронно-цифровыми следами преступлений. Используемое программное обеспечение должно быть специально сертифицировано для производства следственных действий. Выполнение этих требований является одним из необходимых элементов обеспечения прав подозреваемых и обвиняемых.

На практике расследования преступлений в сфере компьютерной информации специфика осмотра места происшествия зачастую необоснованно недооценивается. В результате этого возможны нарушения законных прав подозреваемых и обвиняемых. С другой стороны, это служит одной из причин необоснованного прекращения или приостановления уголовных дел по данному виду преступлений. Содержащиеся в настоящей работе рекомендации призваны повысить уровень соблюдения прав граждан при одновременном повышении эффективности расследовании компьютерных преступлений.

Т.И. Розовская

Соблюдение принципа non bis in idem при расследовании налоговых преступлений

Один из общих принципов права – принцип non bis in idem, означающий недопустимость повторного предания суду за одно и то же правонарушение, – закреплен в ч. 1 ст. 50 Конституции РФ и представляет собой запрет осуждения лица повторно за одно и то же преступление. Аналогичное правило содержится также и в уголовном законодательстве, в частности, часть вторая ст. 6 УК РФ гласит: «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление», т.е. и здесь законодатель имеет в виду общественно опасное деяние.

Вместе с тем, в процессе юридической оценки деяния по российскому законодательству возникает вопрос о необходимости соблюдения принципа non bis in idem при привлечении к уголовной ответственности лица, которому ранее назначалось наказание за те же по сути действия в порядке административного либо налогового производства; а также при установлении более серьезных последствий, причиненных преступлением, за которое это лицо уже осуждалось. По-

---

бы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы Четвертой межд. науч.-практ. конф. Барнаул, 2006. С. 93-94.

ставленные вопросы непосредственно затрагивают конституционные права и свободы человека и гражданина и наиболее актуальны по делам о налоговых преступлениях.

27.06.2013 Пленум Верховного Суда РФ (далее – Верховный Суд) вынес Постановление «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней». Отмечая необходимость эффективной защиты прав и свобод человека при постановлении приговоров в России, Верховный Суд разъяснил, что обязательными для судов являются правовые позиции Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд), содержащиеся в окончательных его постановлениях, принятых не только в отношении Российской Федерации[1], но и в отношении иных государств – участников Конвенции. Кроме этого, правовые позиции Европейского Суда следует учитывать при применении российского законодательства.

В этой связи практика Европейского Суда представляет определенный интерес, тем более что анализ международных правовых актов выявляет многообразие формулировок принципа non bis in idem, позволяющих толковать его более подробно и широко[2].

В соответствии со ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) никакое лицо не должно быть повторно судимо или наказано в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое это лицо уже было окончательно оправдано или осуждено в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства.

Как отмечает, ведущий консультант Верховного Суда, П.В. Старостина, главенствующее значение в практике Европейского Суда имеет критерий единства поведения в оценке соблюдения принципа, при этом тонкости юридической квалификации, сходство или различие составов преступлений и правонарушений не имеют значения. Нарушением принципа является осуждение лица по совокупности правонарушений в случаях вменения ему одних и тех же существенных при-

---

[1] Статья 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163; ст. 1 Федерального закона от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

[2] Статья 54 Конвенции о применении Шенгенского соглашения от 14.06.1985 между правительствами государств Экономического союза Бенилюкс, Федеративной Республики Германия и Французской Республики о постепенной отмене проверок на общих границах (Шенгенская конвенция) от 19.06.1990 содержит запрет не только на предание суду за одни и те же противоправные действия, но и запрет подвергать преследованию.

знаков повторно[1]. То есть Европейский Суд признает нарушение ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции, если лицо было привлечено к административной ответственности, а потом преследовалось в уголовном порядке за «одни и те же» действия[2].

Независимо от квалификации правонарушения в законодательстве членов Совета Европы Европейский Суд относит правонарушение к разряду уголовных дел в значении ст. 6 Конвенции, используя следующие критерии: публичность правонарушения, объект посягательства, наказуемость правонарушителя, способность наказания трансформироваться в уголовное преследование. Кроме этого, из практики Европейского Суда следует принцип недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела, что соотносится с запретом повторного осуждения или назначения наказания, выраженным в п. 1 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции (принципы res judikata и non bis in idem)[3].

Так, например, в Постановлении Европейского Суда от 20.07.2004 по делу «Никитин против России» указано дословно следующее: «Суд отмечает, что защита от дублирования уголовного судопроизводства – одна из определенных гарантий, связанных с общей гарантией беспристрастного слушания дела в уголовном судопроизводстве»[4].

Как следует из позиции Европейского Суда, выраженной в постановлении по делу «Сергей Золотухин против Российской Федерации», положения данной статьи подлежат применению как в уголовном производстве, так и в производстве по делам об административных правонарушениях; ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции должна толковаться как запрещающая преследование или предание суду за второе преступление (правонарушение), «если они вытекают из идентичных фактов или фактов, которые в значительной степени являются теми же»[5].

С указанными выше положениями корреспондирует п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, в соответствии с которым производство по делу об ад-

---

[1] Старостина П.В. Принцип non bis in idem в административном и уголовном праве (международно-правовые аспекты) // Административное право и процесс. 2013. № 4. С. 67-71.

[2] Дело «Сергей Золотухин (Sergey Zolotukhin) против Российской Федерации: постановление Европейского Суда по правам человека от 10.02.2009 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2010. № 1. С. 49-69.

[3] Сасов К.А. Налоговое правосудие в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: монография. М., 2013 // СПС «Консультант Плюс».

[4] Дело «Никитин (Nikitin) против России»: постановление Европейского Суда по правам человека от 20.07.2004 (на англ. языке) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2005. № 3. С. 4-18.

[5] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2013 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 03.07.2013) // СПС «Консультант Плюс».

министративном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению при наличии по тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о возбуждении уголовного дела. Таким образом, как разъяснил Верховный Суд, при решении вопроса о прекращении производства по делу об административном правонарушении по основанию, указанному в п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, следует, в частности, установить, какие существенные признаки совершенного лицом противоправного деяния были учтены в целях его квалификации по статье Особенной части УК РФ при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела; совпадают ли какие-либо из них с признаками, положенными в основу квалификации действий лица при возбуждении дела об административном правонарушении[1].

Принцип non bis in idem нашел отражение также и в налоговом законодательстве. В частности, п. 15.1 ст. 101 НК РФ обязывает налоговый орган, вынесший решение о привлечении налогоплательщика (плательщика сборов, налогового агента) – физического лица к ответственности за совершение налогового правонарушения, не позднее дня, следующего за днем направления материалов в следственные органы (в соответствии с п. 3 ст. 32 НК РФ) вынести решение о приостановлении исполнения принятых в отношении этого физического лица решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения и решения о взыскании соответствующего налога (сбора), пеней, штрафа. Из этого следует, что решение следователя о возбуждении уголовного дела о налоговом преступлении в отношении физического лица в отсутствие документа, подтверждающего приостановление решения о привлечении этого лица к налоговой ответственности, противоречит как российскому законодательству, так и ст. 4 Протокола № 7 Конвенции. Соблюдение указанного требования НК РФ не распространяется на решения о привлечении к налоговой ответственности юридических лиц. В этом случае принцип non bis in idem не нарушается, поскольку к ответственности привлекаются разные лица: юридическое и физическое, что обусловлено невозможностью юридических лиц нести уголовную ответственность по действующему уголовному закону (ст. 19 УК РФ)[2].

Вместе с тем, согласно примечания 2 к ст. 198-199.1, положениям ст. 76.1 УК РФ, а также в ст. 28.1 УПК РФ, подлежит освобождению от

---

[1] Там же.

[2] О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц: проект Федерального закона // Официальный сайт СК России. URL: http://www.sledcom.ru.

уголовной ответственности лицо, если этим лицом или организацией в добровольном порядке и полном объеме уплачены суммы недоимки, пени и штрафов в размере, определяемом в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах. Поскольку в указанных нормах закреплено не право, а обязанность правоприменителя, представляется, что таким образом законодатель указал на недопустимость привлечения к ответственности уголовной в случае реализации санкции за совершенное налоговое правонарушение, имеющее «уголовно-правовую природу». В этой связи частичное возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе налоговым преступлением, не может являться основанием освобождения от уголовной ответственности[1].

Конституционный Суд РФ (далее – Конституционный Суд), в деятельности которого вопросы налогообложения и налогового администрирования являются приоритетными[2], в Определении от 5.07.2005 № 301-О[3] отметил, что полномочия налогового органа должны реализовываться обоснованно, не произвольно. Наделяя налоговые органы правомочиями по осуществлению административной юрисдикции в сфере налоговой ответственности, законодатель определил их пределы. «Превышение налоговыми органами (их должностными лицами) своих полномочий либо использование их, хотя и формально законное, вопреки целям контроля и охраняемым правам и интересам граждан, организаций, государства и общества несовместимо с принципами правового государства, в котором осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц»[4].

Например, допустимость применения расчетного способа исчисления налогов непосредственно связана с обязанностью правильной, полной и своевременной их уплаты и оправдывается лишь неправомерными действиями (бездействием) налогоплательщика. Суд указал, что налоговые органы обязаны взаимодействовать с иными федеральными органами исполнительной власти. Кроме этого, следует отметить, что порядок производства повторных и дополнительных проверок деятельности налогоплательщика по поводу правильности исчисления и своевременности уплаты налогов также регламентирован нор-

---

[1] О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Зорькин В.Д. Конституционно-правовые аспекты налогового права в России и практика Конституционного Суда // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 3.

[3] По жалобе гражданина Кукушкина Н.В. на нарушение его конституционных прав положениями подпункта 7 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 5.07.2005 № 301-О // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Зорькин В.Д. Указ соч.

мами НК РФ, некоторые из которых были предметом рассмотрения Конституционным Судом и признаны соответствующими Конституции РФ[1].

Таким образом, соблюдение принципа non bis in idem при расследовании налоговых преступлений может быть обеспечено путем соблюдения следующих правил: 1) при отсутствии документа, подтверждающего приостановление решения о привлечении физического лица к налоговой ответственности, возбуждение уголовного дела о налоговом преступлении (ст. 198 и (или) 199.1 УК РФ) не допустимо; 2) возбуждение уголовного дела в отношении физического лица по факту уклонения от уплаты налогов или неисполнения обязанностей налогового агента налогоплательщиком-физическим лицом или налогоплательщиком-организацией не допустимо, если в отношении этого же налогоплательщика за аналогичный период ранее проводилась налоговая проверка и это физическое лицо в установленном законом порядке осуждено за совершение соответствующего преступления. Даже если производство повторной или дополнительной проверки налогоплательщика обусловлено его активным противодействием налоговому органу, представляется, что материалы таких проверок не должны становиться поводом к разбирательству в порядке уголовного судопроизводства, поскольку за соответствующий период деятельности лицу назначено уголовное наказание.

Г.С. Русман

Поощрительный характер дознания в сокращённой форме

Уголовно-процессуальное законодательство в последние годы все больше насыщается нормами, носящими поощрительный характер. Федеральным законом от 4.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УПК РФ введена глава 32.1 «Дознание в сокращённой форме». Анализ данной главы позволяет говорить о поощрительной направленности указанной главы.

Целью дознания в сокращённой форме является не только процессуальная экономия, обеспечение скорейшего доступа к правосудию лиц, пострадавших от преступлений, восстановление их нарушенных прав, но и стимулирование лица подозреваемого в совершении пре-

[1] По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Д. Егорова и Н.В. Чуева: постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 № 14-П // СПС «Консультант Плюс».

ступления к сотрудничеству с правоохранительными органами, повышение положительной социальной активности последнего.

Полагаем, процессуальная экономия в данном случае будет выражаться, во-первых, в установленных законом сроках дознания в сокращённой форме, которое, в соответствии с ч. 1 ст. 226.6 УПК РФ, должно быть окончено в срок, не превышающий 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Указанный срок может быть продлён прокурором до 20 суток в случае удовлетворения одного из ходатайств: о признании доказательства, указанного в обвинительном постановлении, недопустимым; о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на восполнение пробела в доказательствах по уголовному делу, а кроме того действий, направленных на проверку доказательств, достоверность которых вызывает сомнение, что может повлиять на законность итогового судебного решения по уголовному делу; о пересоставлении обвинительного постановления в случае его несоответствия требованиям УПК РФ. Во-вторых, процессуальная экономия выражается в особенностях доказывания при производстве дознания в сокращённой форме; в-третьих, в сокращении судебных издержек; в-четвёртых, в рациональном использовании финансовых, организационных, кадровых ресурсов.

Поощрительный характер дознания в сокращённой форме, как было указано выше, выражается в стимулирующей функции данной нормы. При этом непосредственно средством правового стимулирования является поощрение, которое при наличия определённых основания и условий будет выражаться в случае постановления обвинительного приговора согласно ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ в назначении подсудимому наказания, которое не может превышать одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Рассматривая проблему поощрения в уголовном судопроизводстве применительно к производству дознания в сокращённой форме, следует отметить, что в теории права устоялась позиция, что поощрительные нормы закреплены только в материальном законодательстве, а процессуальное выполняет лишь процедурную роль. Так, Н.А. Гущина утверждает: «…часто в нормативном акте, кроме норм поощрения закрепляются и нормы, регламентирующие порядок представления того или иного вида поощрения. Основания применения поощрения в уголовном судопроизводстве предусмотрены нормами УК РФ, а порядок назначения конкретных мер государственного поощрения строго регламентирован нормами процессуального права»[1]. Такие правила по-

[1] Гущина Н.А. Поощрение в праве: теоретико-правовое исследование: дис. … докт. юрид. наук. СПб, 2004. С. 76-77.

ведения, отмечает Н.М. Костров, носят процессуальный характер и могут быть признаны лишь необходимыми организационными условиями, способствующими правильной реализации поощрительных норм и носят процедурный характер[1]. Они, как правило, всегда регламентируют порядок, формы и методы реализации норм правового поощрения. И хотя процессуальные нормы по отношению к поощрительным носят производный, вторичный характер, тем не менее, они взаимосвязаны[2]. И.А. Тарханов по этому поводу пишет, что уголовно-правовое поощрение как особая разновидность правового позитивного стимулирования представляет собой процесс целенаправленного юридического воздействия на лиц, совершивших преступление[3].

Позволим себе не согласиться с уважаемыми авторами. Независимо от своего текстуального содержания, любая поощрительная норма должна содержать ответы на вопросы: за достижение каких результатов наступает поощрение, кто и какое поощрение может или должен выдать, какие последствия наступают в случае нарушения субъективного права на поощрение или обязанности поощрять[4]. Как нам представляется, уголовно-процессуальные нормы регламентирующие производство дознания в сокращённой форме содержат в себе ответы на все перечисленные вопросы. Например: «кто?» – ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ «Поступившее от подозреваемого ходатайство о производстве дознания в сокращённой форме подлежит рассмотрению дознавателем в срок не более 24 часов с момента его поступления. По результатам рассмотрения дознаватель выносит одно из следующих постановлений: 1) об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме; 2) об отказе в удовлетворении ходатайства при наличии обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме; ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ «Прокурор рассматривает уголовное дело, поступившее с обвинительным постановлением, и в течение 3 суток принимает по нему одно из следующих решений: 1) об утверждении обвинительного постановления и о направлении уголовного дела в суд; 2) о возвращении уголовного дела для пересоставления обвинительного постановления…; 4) о прекращении поступившего от дознавателя уголовного дела по основаниям, предусмотренным статьями 24, 25, 27, 28 и 28.1 УПК РФ; и наконец, суд согласно частям 1 и

---

[1] Костров Н.М. Процессуальные нормы в структуре советского права // Правоведение. 1983. № 3. С. 46.

[2] Гущина Н.А. Указ. соч. С. 77.

[3] Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве (вопросы теории, нормотворчества и правоприменения): дис. … докт. юрид. наук. Казань 2002. С. 39.

[4] Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права / под ред. М.И Байтина. Саратов, 1978. С. 58.

4 ст. 226.9. УПК РФ осуществляет «…судебное производство … в порядке, установленном статьями 316 и 317 УПК РФ…», при этом поощрение может и не наступить «при поступлении возражения какой-либо из сторон против дальнейшего производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращённой форме, с применением особого порядка судебного разбирательства, а равно по собственной инициативе в случае установления обстоятельств, препятствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, в том числе при наличии достаточных оснований полагать самооговор подсудимого, судья выносит постановление о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке»; «какое поощрение может или должен выдать?», согласно ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ «… в случае постановления обвинительного приговора по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращённой форме, обязан назначить подсудимому наказание, не превышающее одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление»; «за достижение каких результатов наступает поощрение?», ответом на данный вопрос выступает совокупность основания и условий производства дознания в сокращённой форме. Основанием является согласно ст. 226.1 УПК РФ ходатайство подозреваемого о производстве по уголовному делу дознания в сокращённой форме. При этом одновременно должны наличествовать следующие условия: 1) возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, расследование которых подследственно органам дознания (п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ); 2) признание подозреваемым своей вины, характера и размера причинённого преступлением вреда; 3) не оспаривание подозреваемым правовой оценки деяния, приведённой в постановлении о возбуждении уголовного дела; 4) отсутствие обстоятельств предусмотренных 226.2 УПК РФ, исключающих производство дознания в сокращенной форме.

Следует отметить, что поощрительные нормы – это нормы активного плана. Особенность их заключается в том, что они лишь закрепляют стимулы положительного поведения одобряемого государством (в нашем случае – это условия производства дознания в сокращённой форме).

Как правило, поощрительные нормы излагаются таким образом, что в одной статье нормативного акта формулируется и гипотеза и диспозиция. При этом гипотеза является целью, содержит указание на результаты поведения, которое может быть поощрено, закрепляет субъектов поощрительных правоотношений, то есть лиц, обладающих правом поощрить и быть поощренным. Только при выполнении всех условий поощрения и достижении закрепленной цели, возможно поощре-

ние в уголовном судопроизводстве.

Диспозиция поощрительных норм в уголовно-процессуальном законодательстве содержит правила поведения как для обвиняемого, подозреваемого, как субъектов, чьи действия стимулируются, так и для органов уполномоченных предоставить поощрение, а именно дознавателя, прокурора, судьи.

Санкция уголовно-процессуальной поощрительной нормы, является своеобразным способом защиты правового указания от невыполнения. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ если суд установит, что какая-либо из сторон возражает против дальнейшего производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращённой форме, с применением особого порядка судебного разбирательства, а равно по собственной инициативе в случае установления обстоятельств, препятствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, в том числе при наличии достаточных оснований полагать самооговор подсудимого, судья выносит постановление о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке, а соответственно и рассмотрения уголовного дела в суде в общем порядке. Это означает – невозможность назначения менее строгого наказания, чем предусмотрено за совершенное преступление, а значит невозможность поощрения.

Если поощрение закреплено в норме права, если его применение связывается с той или иной разновидностью правового поведения, то оно является ничем иным, как положительным правовым последствием положительного (правомерного) поведения[1]. Положительным правовым последствием, а соответственно и целью поощряемого субъекта в уголовном судопроизводстве выступает не конкретное материальное или моральное благо, а освобождение от уголовной ответственности или уменьшение размера возможного наказания. При этом поощрительное правоотношение носит субъективный характер свойственный уголовно-процессуальным правоотношениям, а ведь именно нормы права являются основой возникновения индивидуализированной общественной связи между лицами, характеризуемой наличием субъективных прав (например, подозреваемый в соответствии с ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ вправе заявить ходатайство о производстве дознания в сокращённой форме не позднее 2 суток со дня, когда ему было разъяснено право заявить такое ходатайство) и обязанностей (например, согласно п. 1 ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ дознаватель по результатам рассмотрения указанного ходатайства выносит постановление об удовлетворении ходатайства и производстве дознания в сокращённой форме).

---

[1] Звечаровский И.Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование. Иркутск, 1993. С. 82.

Подводя итог, хотелось бы выразить надежду на то, что исследуемая новелла уголовно-процессуального закона оправдает возлагаемые на неё ожидания законодателя и практиков, и будет способствовать более эффективной реализации поощрительных норм в уголовном судопроизводстве.

А.М. Сажаев

Законные представили несовершеннолетних как элемент гарантий их прав и законных интересов на предварительном следствии

Российское уголовно-процессуальное законодательство в целом отражает требование международных стандартов о повышенной правовой охране несовершеннолетних. К правовым средствам, обеспечивающим возможность осуществления несовершеннолетним его прав, относится, например, особый порядок его вызова к следователю – через родителей или иных законных представителей. Необходимость использования основ психологии и педагогики при расследовании уголовных дел с участием несовершеннолетних, а также сложность следственных действий обусловливают такую важную процессуальную гарантию реализации прав, как участие педагога. Кроме того, важным правовым средством обеспечения прав подростка выступает возможность приглашения на следственное действие родителей и других законных представителей, адвокатов, специалистов, переводчиков.

Обеспечение гарантий и прав несовершеннолетних осуществляется и участием законных представителей, близких родственников в производстве по уголовному делу. Как справедливо отмечает Э.Б. Мельникова, участие законного представителя несовершеннолетнего в российском уголовном процессе связано с двумя обстоятельствами: 1) с неполнотой процессуальной дееспособности несовершеннолетнего; 2) с тем, что законный представитель (родители, усыновители, опекуны, попечитель) несет ответственность за воспитание и поведение несовершеннолетнего[1].

Необходимо помнить, что законный представитель несовершеннолетнего – это обязательный участник уголовного судопроизводства со стороны защиты (ст. 16, 48, 426, 428 УПК РФ). Должностные лица, обеспечивая обязательное участие законного представителя несовершеннолетнего (ч. 3 ст. 16 УПК РФ), содействуют реализации принципа уголовного процесса – «обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту».

---

[1] Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. М., 2001. С.86.

Привлечение родителей или иных законных представителей к следственному действию с участием несовершеннолетних вытекает из прав несовершеннолетних, установления истины, обеспечения воспитательного и предупредительного воздействия судопроизводства. Участие этих лиц необходимо в тех случаях, когда оно облегчает установление психологического контакта следователя с несовершеннолетним лицом. Эта цель не может быть достигнута, если названные лица будут только присутствовать при допросе. Поэтому уголовно-процессуальные нормы, предусматривающие привлечение родителей или иных близких родственников, например, к допросу несовершеннолетних, должны содержать термин «участие», а не «присутствие» или «вызов».

Еще Устав уголовного судопроизводства 1864 г содержал нормы об участии законных представителей в «производстве о несовершеннолетних», хотя сам термин «законный представитель» в Уставе не использовался. В дореволюционном процессе явившиеся в судебное заседание родители или лица, на попечении которых состоял несовершеннолетний, допускались к представлению суду объяснений и участию в заключительных прениях. Суд мог потребовать обязательной явки родителей или замечающих их лиц в случае, если подростку грозило наказание не ниже тюремного заключения. Кроме того Устав предусматривал возможность отдачи подростка под ответственный присмотр родителям или благонадежным лицам[1].

Однако в науке на этот счет высказывались различные точки зрения. Например, Э.А. Черных считает, что привлечение родителей либо иных законных представителей или близких родственников, например, к допросу несовершеннолетних вытекает из необходимости учета их возраста и индивидуальных особенностей и является дополнительной процессуальной гарантией охраны прав несовершеннолетних, установления истины, обеспечения воспитательного и предупредительного воздействия судопроизводства[2].

Иной позиции придерживались Л.М. Карнеева, С.С. Ордынский, С.Я. Розенблит, которые еще в 1958 г. высказали мнение, что родители должны приглашаться только в том случае, если они не связаны с совершенным преступлением и если известно, что подлежащий допросу несовершеннолетний относится к ним с уважением[3]. Этот тезис вполне можно отнести к любому несовершеннолетнему, неза-

---

[1] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб, 1996. Т.2. С. 506.

[2] Черных Э.А. Психологические основы допроса несовершеннолетних на предварительном следствии. М., 1969.

[3] Карнеева Л.М., Ордынский С.С., Розенблит С.Я. Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1962.

висимо от его процессуального статуса. Г.М. Миньковский отмечал, что вызов родителей для участия в допросе несовершеннолетнего обвиняемого представляется в большинстве случаев нецелесообразным. Обвиняемый в ряде случаев будет испытывать в присутствии родителей чувство страха, стыда и так далее, будет чутко реагировать на эмоции отца и матери, следить за их мимикой, движениями, улыбками и в соответствии с этим давать свои ответы[1]. Такой точки зрения придерживается и В.Г. Дремов, считая, что законные представители всегда заинтересованы в определенном исходе дела и могут отрицательно влиять на поведение несовершеннолетнего обвиняемого во время допроса. Аналогичные взгляды высказывали многие другие ученые[2].

УПК РСФСР не предусматривал самостоятельной статьи о процессуальном положении законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого. В ст. 398 УПК РСФСР указывалась лишь возможность допустить к ознакомлению с материалами законченного расследования законного представителя, но не во всех случаях, а только тогда, когда он сам ходатайствует об этом и участие законного представителя носит не обязательный, а факультативный характер.

УПК РФ изменил такое положение и в ст. 426 УПК РФ четко определил права законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого, в том числе и его право присутствовать при предъявлении обвинения (ранее такого права у него не было), участвовать в допросе несовершеннолетнего (обязательно) и в иных следственных действиях.

Важным является требование закона о том, что законные представители допускаются к участию в деле с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого. Таким образом, законные представители получили возможность участвовать в расследовании дела с момента выявления причастности несовершеннолетнего к совершенному преступлению и его первого допроса.

Э.Б. Мельникова пишет, что интересы несовершеннолетнего могут не совпадать с интересами его законного представителя. И суть таких возможных противоречий необязательно в обстоятельствах конкретного дела, а в двойственном положении законного представителя. Ведь

---

[1] Миньковский Г.М. Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних. М., 1959.

[2] Ландо А.С. Представители несовершеннолетних обвиняемых в советском уголовном процессе. Саратов, 1977; Руководство для следователей. Ч. I. М., 1981; Криминалистика / под ред. И.Ф. Пантелеева. М., 1984.

фактически он защищает не только интересы несовершеннолетнего, но и свои собственные[1].

В связи с этим УПК содержит право следователя на отстранение законного представителя от участия в деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего. Оно может быть распространено на весь период расследования. В таких случаях к участию в деле должен быть допущен другой законный представитель. Об отстранении от участия в деле законного представителя выносится постановление (прежний УПК РСФСР такого требования не содержал), которое может быть обжаловано в суде.

Это положение закона, с одной стороны, повышает ответственность следователя, дознавателя и прокурора за принимаемое решение, с другой – призвано обеспечить защиту прав законного представителя.

Следует обратить внимание и на формулировку ст. 426 УПК РФ о том, что к участию в уголовном деле допускаются законные представители (во множественном числе). Следовательно, число законных представителей законом не ограничено.

Одним из проявлений повышенного внимания к охране прав несовершеннолетних при рассмотрении в отношении них уголовных дел является удвоенное представительство их интересов в уголовном процессе – одновременно в деле участвует адвокат (защитник) и законный представитель. Однако практика показывает, что не всегда в судебном заседании по делам в отношении несовершеннолетних участвуют родители или иные законные представители. В соответствии со ст. 399 и 400 УПК РФ в судебное заседание вызываются родители или иные законные представители несовершеннолетнего подсудимого, а также представители учебно-воспитательных учреждений или общественных организаций по месту учебы или работы несовершеннолетнего.

Изучение дел о преступлениях несовершеннолетних показало, что органы предварительного следствия и суды в некоторых случаях в нарушение требований УПК РФ привлекают в качестве законных представителей (при отсутствии родителей) близких родственников несовершеннолетних, не назначенных надлежащим образом их опекунами или попечителями.

При решении вопроса о вызове в судебное заседание законного представителя несовершеннолетнего подсудимого следует иметь в виду, что содержащийся в УПК РФ перечень лиц, которые могут быть законными представителями, является исчерпывающим.

Если подросток не имеет родителей и проживает один или у лица, не назначенного надлежащим образом его опекуном или попечителем, в качестве законного представителя несовершеннолетнего суд должен вызвать представителя органа опеки или попечительства, неявка которого

---

[1] Мельникова Э.Б. Указ. соч. С. 86.

не приостанавливает рассмотрения дела, если суд не найдет его участие необходимым.

Как показало обобщение, на практике вызывает трудности применение нового положения ст. 96 УК РФ о распространении на лиц в возрасте от 18 до 20 лет положений закона об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних. В частности, одни суды допускают, другие – нет к участию в деле законных представителей в случаях, когда подсудимые к моменту рассмотрения дела в суде достигли 18-летнего возраста.

Здесь есть неясности в определении процессуального статуса участников судебного рассмотрения. В постановлении Пленума дается соответствующее разъяснение.

Если лицо, совершившее преступление в возрасте до 18 лет, на момент рассмотрения дела в суде достигнет совершеннолетия, функции законного представителя прекращаются. Однако они могут быть продолжены при принятии судом решения о распространении на лиц в возрасте от 18 до 20 лет содержащихся в законе (ст. 96 УК РФ) положений об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних.

Признав необходимым допросить законного представителя в качестве свидетеля, суд выносит об этом определение и разъясняет ему положения ст. 51 Конституции РФ. В случае допроса законного представителя он предупреждается об уголовной ответственности только за дачу заведомо ложных показаний.

Рассмотренные обстоятельства составляют в совокупности уголовно-процессуальные основы производства следственных действий с участием несовершеннолетнего, с которыми связана вторая сторона следственного действия – строжайшее соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних при их производстве.

С.С. Самищенко

Системные недостатки судебно-медицинского обеспечения прав и свобод гражданина и человека при расследовании преступлений против личности

Значение судебной медицины для расследования тяжких и особо тяжких преступлений против личности трудно переоценить. Лицо, обладающее специальными судебно-медицинскими знаниями, незаменимо при: осмотре соответствующих мест происшествия, исследовании трупов в морге, определении степени тяжести вреда причиненного здоровью, проведении специальных лабораторных исследований и анализе соответствующих материалов уголовных дел.

Получаемая судебными медиками информация помогает устанавливать фактические обстоятельства дела, квалифицировать преступные деяния, диагностировать характеристики скрывшегося преступника и

идентифицировать его, устанавливать личность жертвы, идентифицировать орудия преступлений, а так же решать другие важные для следствия задачи, тем самым участвуя в установлении истины по уголовному делу.

Выполняя качественно свою работу, судебные медики помогают обеспечивать права и свободы граждан потерпевших от действий преступников и граждан, которые обвиняются в совершении преступлений. Недостатки в работе судебных медиков почти всегда оказывают весьма негативное влияние на расследование в целом, и существенно ущемляют права и свободы одной из сторон уголовного процесса.

Нами на протяжении 12 лет изучались материалы уголовных дел (58), материалы «доследственных проверок» (16), фиксировалась информация в ходе личного участия в судебных заседаниях, опрашивались участники конкретных уголовных процессов, накапливалась и исследовалась информация из научных источников, информация из средств массовой информации, анализировались материалы, представленные в интернете. Эти исследования показали, что в деятельности судебных медиков имеют место как частные, так и системные недостатки, которые затрудняют работу по расследованию уголовных дел, тем самым ущемляя гарантированные Конституцией РФ права граждан.

Остановимся на некоторых из системных недостатков в работе судебной медицины.

1. О независимости судебно-медицинских экспертов.

Одним из наиболее важных качеств, которым должен обладать судебно-медицинский эксперт (как и любой другой эксперт) является независимость.

Независимость судебно-медицинского эксперта определяется в первую очередь тем, что он не должен быть связан каким-либо образом ни с одним из ключевых участников процесса. Статьи 70 и 61 УПК РФ предусматривают в таких ситуациях отвод эксперта. В частности в ч. 2 ст. 70 УПК РФ сказано: «Эксперт не может принимать участие в производстве по уголовному делу: если он находился или находится в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей».

Особенно четко отсутствие независимости судебно-медицинских экспертов прослеживается в так называемых «врачебных делах», то есть в делах, где врачи и другие медицинские работники обвиняются в неправильном и несвоевременном оказании медицинской помощи. Суть разрешения таких конфликтов лежит в медицинской плоскости.

В целях иллюстрации тезиса об отсутствии независимости эксперта рассмотрим конфликтную ситуацию, возникшую в результате летального исхода при оказании медицинской помощи.

Как правило, участниками такого конфликта являются три стороны. Первая – родственники умершего больного, вторая – организаторы

здравоохранения, третья – врачи. Как для возбуждения уголовного дела, так и для судебной оценки случая определяющими являются результаты судебно-медицинских экспертных исследований. То есть роль судебно-медицинских экспертов ключевая.

В этой связи, перефразируя известное изречение можно спросить «А эксперты кто?»

Экспертами выступают две принципиально разные группы специалистов. Первая – это государственные судебно-медицинские эксперты. Вторая – «независимые эксперты».

Кратко охарактеризуем их с позиций заинтересованности, в результатах проводимых ими судебно-медицинских экспертиз и исследований по делам об оценке качества и своевременности лечения.

Судебно-медицинские эксперты осуществляют свою деятельность в регионах в рамках Бюро судебно-медицинской экспертизы, которые напрямую подчинены органам здравоохранения региона, то есть кадровое и материальное обеспечение осуществляется местными органами здравоохранения. Очевидно, что в конфликтных ситуациях руководство судебно-медицинских учреждений в регионах будет на стороне организаторов здравоохранения и врачей, если последние имеют общие интересы с руководством органов здравоохранения.

Казалось бы, на такое положение дел может повлиять Федеральное государственное бюджетное учреждение Российский центр судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, однако оно осуществляет только методическое руководство судебно-медицинскими учреждениями на местах и практически не может повлиять на кадровые и материальные стороны деятельности региональных Бюро СМЭ. В настоящее время положение в судебно-медицинской службе таково, что региональные Бюро практически не управляемы со стороны центра.

Кроме того, региональные органы здравоохранения подчиняются руководству министерства здравоохранения, как и руководство ФГБУ «РЦСМЭ», следовательно, и выполненные им повторные экспертизы в определенной степени будут зависимы от руководства органами здравоохранения.

Независимые эксперты зависят в первую очередь от гонораров, которые им выплачивают заказчики. Заказчиками таких экспертов, как правило, выступают родственники умерших пациентов. Если эксперт в силу своих моральных убеждений отказывается давать заведомо нужное клиенту, но не объективное заключение, заказчик-клиент уходит к другому эксперту. Поэтому в некоторых частных экспертных заведениях и у частных экспертов существует правило – «клиент всегда прав». С учетом зависимости независимых экспертов от гонораров и процессуальной слабости заключения специалиста в сравнении заключением эксперта суды в своих решениях ориентируются на заключения государственных судебно-медицинских экспертов. Соответственно,

спорные вопросы в первую очередь решаются в пользу органов управления здравоохранением, во вторую в пользу врачей и очень редко в пользу пострадавших пациентов.

Вывод напрашивается только один для действительно объективного проведения повторных, особо сложных судебно-медицинских экспертиз, особенно по социально резонансным делам, требуется организовать группу экспертов, независимых от министерства здравоохранения и его подразделений. Эта группа могла бы выполнять и действительно независимые экспертизы, инициированные стороной защиты.

2. Недостаточное судебно-медицинское обеспечение текущей работы следственных органов.

Динамика изменения следственных ситуаций очень велика, особенно на первоначальном этапе расследования. Идет большой поток информации, в структуре которой много такой, которая по своей природе является медико-биологической. Такая информация или остается незамеченной следователем, в силу отсутствия соответствующих знаний, или ей не придается должного значения, и она не используется в версионной работе.

Как правило, постоянное взаимодействие с судебными медиками по большинству дел не организуется, в первую очередь потому, что судебно-медицинская служба относится к другому ведомству со всеми вытекающими межведомственными проблемами.

Заметим, что процессуальное и криминалистическое сопровождение уголовных дел в Следственном комитете налажено, хотя каждый следователь изучает в вузе и должен знать уголовный процесс и криминалистику. А вот судебную медицину сегодня не в каждом вузе преподают. А если даже следователь и изучал судебную медицину, то это было на уровне «букваря».

Вывод опять же напрашивается сам собой, в структуре следственного комитета должны быть свои судебные медики (в ряде стран это называется полицейские врачи), которые обеспечивали бы постоянное судебно-медицинское сопровождение уголовных дел, наиболее чувствительных к корректному судебно-медицинскому обеспечению.

Кроме того, такие судебные медики были бы хорошей защитой следственной работы от недобросовестной продукции судебно-медицинских экспертов министерства здравоохранения.

3. Проблема недостаточной объективной фиксации судебно-медицинской информации.

Основная форма фиксации судебно-медицинской информации на месте происшествия и в морге вербальная. Судебные медики словами описывают сложнейшие морфологические и цветовые композиции (трупные явления, повреждения, цветовые проявления отравлений и многое другое) и делают это так же как сто лет назад. В то время как видео и фототехника высокого уровня доступна любому человеку.

Пора вводить обязательную видео и фото фиксацию всех процедур, которые проводятся над трупом при осмотрах мест происшествия и в морге, а так же результатов наружного и внутреннего исследования трупов и живых людей. Такие видео и фотоматериалы позволят точнее и обоснованнее делать выводы по результатам исследования трупа или освидетельствования живого человека.

Устранение отмеченных системных недостатков не потребует больших ресурсных затрат и в тоже время позволит поднять на новый качественный уровень судебно-медицинское обеспечение расследования уголовных дел.

С.А. Саушкин

Процессуальная самостоятельность следователя как теоретическая и правовая категория

Целенаправленный курс современной России на радикальное преобразование правоохранительной деятельности в качестве важнейшего условия своей успешности предполагает формирование и обеспечение режима процессуальной самостоятельности следователя.

Отказ от истины как цели и результата доказывания по уголовным делам, несоразмерная замена ее «безликим» назначением уголовного судопроизводства, значительное ограничение полномочий прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, повлекло за собой трудности организационно-правового плана с одной стороны, и увеличение случаев злоупотребления должностными полномочиями, допускаемыми следователями – с другой.

Приведенные законодательные нововведения не решили проблем предварительного расследования, а, скорее наоборот, усугубили и без того глубокое противоречие между правовым положением ведущих субъектов уголовного преследования и иных участников производства по уголовному делу.

Ситуация усугубляется увеличением показателей преступности – с одной стороны, и ростом процессуальных правонарушений, а также пренебрежением нравственно-этическими нормами, допускаемых сотрудниками правоохранительных органов – с другой[1].

В сложившейся ситуации требуется принципиально новый подход к решению научно-практических и правовых вопросов, касающихся

[1] Левеев Ю.В. Правовые и нравственно-этические аспекты доказывания в досудебном производстве уголовного процесса России: автореф. дис…канд. юрид. наук. М., 2012. С. 4.

процессуальной самостоятельности следователя как ведущего субъекта уголовно-процессуальной деятельности.

Концепция судебной реформы в РФ, одобренная Постановлением Верховного Совета РСФСР 24.10.1991[1] и положившая начало радикальным преобразованиям отечественного уголовного процесса, содержит прямое указание на необходимость обеспечения процессуальной самостоятельности следователя.

Процессуальная самостоятельность следователя – понятие, определяемое его правовым положением, которое органично объединяет в себе права, обязанности, ответственность, гарантии реализации прав и исполнения обязанностей, самостоятельность, независимость и, в некоторой степени, правоотношения статусного типа, в рамках которых субъекты права реализуют предоставленные полномочия.

В отечественной процессуальной науке процессуальная самостоятельность следователя традиционно определяется как элемент его статуса, состоящий в праве самостоятельно принимать все решения о направлении следствия и производстве следственных действий и полной ответственности за их законное и своевременное проведение[2].

Элементный состав уголовно-процессуального статуса следователя постоянен, но его содержание изменчиво в зависимости от наделения следователя той или и иной функцией, обусловленной рядом социальных факторов: уровнем развития общества и государства; формой уголовного судопроизводства; уровнем развития конституционного и уголовно-процессуального законодательства; целью, принципами уголовного судопроизводства[3].

Необходимой организационно-правовой компонентой радикального усовершенствования уголовного судопроизводства выступает создание условий для реальной самостоятельности следователя как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения и должностного лица, осуществляющего от имени государства уголовное преследование. Последний вид деятельности следователя существенным образом влияет на процессуальную самостоятельность следователя в контексте ее удостоверительного, функционального назначения.

Организационно-правовые проблемы процессуальной самостоятельности следователя кроются, прежде всего, в нормах УПК РФ. По-

---

[1] Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

[2] Стремовский В.А. Сущность и участники предварительного следствия в советском уголовном процессе: автореф. дис… д-ра юрид. наук. Тбилиси, 1967. С. 25; Марфицын П.Г. Следователь может быть независимым // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА: мат-лы межд. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 68-69.

[3] Дармаева В.Д. Уголовно-процессуальный статус следователя: автореф. дис…канд. юрид. наук. М., 2003 С. 5.

спешность и непоследовательность законодателя привела к тому, что ряд этих норм (несмотря на многочисленные изменения и дополнения) носят противоречивый и взаимоисключающий характер. Так, п. 5 ч. 1 ст. 73 УПК РФ устанавливает в качестве подлежащих доказыванию обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, а в п. 6 ч. 1 этой статьи – обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (именно их и должен установить следователь в силу его процессуального положения, подтверждая и опровергая результаты своей деятельности одновременно).

Если вести речь о самостоятельности следователя как о правовой категории (а не как о юридической фикции), то по смыслу ст. 38 УПК РФ она проявляется в весьма незначительном арсенале полномочий, предоставленных этому участнику процесса:

- возбуждать уголовное дело публичного обвинения (ст. 146, п. 1 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);

- принимать уголовное дело к своему производству или передавать его руководителю следственного органа для направления по подследственности (п.2 ч. 2 ст.38 УПК РФ), поскольку для этого не требуется согласие иного должностного лица;

– *самостоятельно* (курсив – С.С.) направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствие с УПК РФ требуется получение судебного решения или *согласия* (курсив – С.С.) руководителя следственного органа (п. 3. ч. 2 ст. 38 УПК РФ);

– давать органу дознания в случаях и в порядке, установленном УПК РФ, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ).

Обжаловать решение прокурора об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и ряд других следователь может только с согласия руководителя следственного органа (п. 5 ч. 2 ст.38 УПК РФ, ч. 4 ст. 221 УПК РФ).

«Кроме того, – как справедливо отмечает А.В. Бабич, – создание в 2007 г. Следственного комитета и связанное с ним существенное перераспределение властных полномочий в отношении следователя между руководителем следственного органа и прокурором, сделало проблемы процессуального положения следователя еще более актуальными. Заложенные в законе пороки отношений между следователем и прокурором привели к серьезному ведомственному противостоянию, наиболее ярким выражением которого стала череда постановлений о возбуждении Следственным комитетом РФ ряда уголовных дел о «крышевании»

подмосковных казино в отношении работников прокуратуры, и последующая отмена прокурорами данных решений»[1].

При исследовании проблемных вопросов, касающихся процессуальной независимости и самостоятельности следователя, было проведено анкетирование и интервьюирование (в том числе – с использованием Интернет-ресурсов) следователей следственных комитетов Московской, Кировской, Тверской, Тульской областей, в общей сложности 42 человека, и только 6 из них (14,2%) заявили, что считают себя процессуально самостоятельными должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование. При этом 20 респондентов отметили, что «тотальный» прокурорский надзор (при существенном сужении полномочий прокурора в уголовно-процессуальном законодательстве) утрачивает свою методологическую, организующую значимость и ставит следователя в положение «двойной зависимости» от суда, принимающего промежуточные решения по делу, и прокурора.

Подобное положение породило неожиданные и достаточно смелые научные концепции о необходимости «разделения» процессуальной фигуры следователя на две категории: судебного следователя и следственного судью с установлением их полномочий в зависимости от периода (не стадии, а именно временного промежутка в ней) производства по уголовному делу[2]. Представляется, что подобное разграничение вряд ли оправдано, поскольку сужает полномочия следователя в конкретной ситуации производства по уголовному делу, осложняет воплощение преемственности в уголовном преследовании, а также нивелирует ответственность следователя за результаты доказательственной деятельности (при таком подходе легко переложить груз этой ответственности на предшественника или приемника).

Таким образом, в силу великого разнообразия складывающихся отношений, возникающих специфических ситуаций в уголовном судопроизводстве, невозможно подчинить их абсолютному законодательному регламентированию[3]. И все-таки, даже при таком положении вещей следователя следует признавать процессуально независимой фигурой, наделенной определенными полномочиями, которые он реали-

---

[1] Бабич А.В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 3-4.

[2] Картохина О.А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: дис. … канд. юрид. наук. СПб, 2003. С 4-5.

[3] Зорин Р.Г. Криминалистическое и уголовно-процессуальное обеспечение реализации законных распоряжений руководителя органа уголовного преследования // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия: мат-лы науч.-практич. конф. (28-29.05.2010). М., 2010. С. 140.

зует в пределах своей компетенции, отражает в принимаемых решениях и воплощает в процессуальных действиях.

Процессуальная самостоятельность следователя имеет право на официальное признание и законодательное воплощение, которое возможно посредством внесения соответствующих изменений в ст. 38 УПК РФ, конкретно ч. 1 данной статьи оправданно изложить в следующей редакции: «1. Следователь является самостоятельным, процессуально независимым должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу».

Е.Г. Сахарова

Защита прав и свобод участников уголовного судопроизводства в условиях противодействия расследованию

Противодействие расследованию является одной из причин, по которым многие преступления остаются нераскрытыми, а лица, их совершившие – безнаказанными.

«Ни в одной европейской стране нет тех препятствий в осуществлении уголовного судопроизводства, которые сплошь и рядом встречаются у нас. В этих странах немыслимо, чтобы свидетель, потерпевший, другие участники уголовного судопроизводства многократно не являлись по вызовам органа следствия, чтобы даже очевидцы преступления отказывались давать показания, ссылаясь на свою неосведомленность; чтобы свидетель, потерпевший и даже эксперт или специалист в ходе расследования и судебного рассмотрения многократно меняли свои показания и оставались безнаказанными, чтобы адвокаты, используя свои полномочия вопреки закону и адвокатской этике, становились едва ли не сообщниками преступников»[1].

Криминалисты отмечают, что наряду с ранее известными способами сокрытия преступлений, которые на протяжении ряда лет были предметом научных исследований, в последнее время преступники и связанные с ними лица, в том числе занимающие высокое положение, активно оказывают давление на участников уголовного процесса, и прежде всего лиц, ведущих расследование, судей, а также граждан, содействующих им в осуществлении уголовно – процессуальной деятельности. Нередко способы такого воздействия отличаются особой бесчеловечностью и жестокостью, влекут за собой смерть потерпевших либо иные тяжкие последствия.

В российском законодательстве разработан ряд мер по борьбе с

---

[1] Казиахмедов С. УПК РФ: успех или проблемы? // Законность. 2007. № 2. С. 36.

этим общественно-опасным явлением. Так, УК РФ содержит более 30 статей, тем или иным образом затрагивающих проблему противодействия раскрытию и расследованию преступлений.

Эта проблема не могла не вызвать большой интерес и ученых-криминалистов, так как она связана с задачами криминалистики, и особенно – криминалистической тактики и методики расследования отдельных видов и групп преступлений, со средствами и методами решения этих задач в новых, современных российских условиях.

К настоящему времени проведены многочисленные научные исследования и изданы серьезные публикации по проблеме противодействия расследованию преступлений в целом и обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства в частности; защищены кандидатские диссертации, посвященные противодействию расследованию и мерам по его преодолению (Э.У Бабаева, Р.С. Белкин, И.А. Бобраков, Е.В. Варфоломеев, А.Ф. Волынский, С.Ю. Журавлев, Г.Г. Зуйков, В.Н. Карагодин, В.П. Лавров, И.М. Лузгин, И.А. Николайчук, Н.П. Яблоков и др.). Между тем на практике противодействие установлению истины при расследовании продолжает усиливаться.

А.Ф. Волынский и В.П. Лавров под противодействием раскрытию и расследованию преступлений понимают «совокупность противоправных и иных действий преступников и связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование установлению истины правоохранительными органами в их деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений»[1].

Противодействие со стороны преступников и связанных с ними лиц может быть реализовано на различных этапах расследования. Преодоление следователем противодействия на стадии подготовки к совершению преступления имеет определенные трудности, так как преступление еще не совершено. В данном случае деятельность по преодолению противодействия расследованию преступлений должна реализовываться в ходе осуществления мер профилактического характера. Как верно отмечают многие ученые-криминалисты (В.П. Лавров, А.Ф. Волынский, И.А. Николайчук, В.В. Трухачев и др.), деятельность по противодействию должна носить упреждающий характер, т.к. легче предупредить противодействие, чем впоследствии его преодолевать[2].

---

[1] Волынский А.Ф., Лавров В.П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации (проблемы теории и практики) // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: мат-лы науч.-практич. конф. (29-30.10.1996). М., 1997. С. 45.

[2] Лавров В.П. Противодействие раскрытию и расследованию корыстно-насильственных преступлений и криминалистические методы его нейтрализации // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений: Спецкурс лекций. М., 2003. С. 98; Николайчук

В ходе расследования уголовного дела в целях выявления возможного противодействия расследованию путем оказания давления на участников уголовного судопроизводства следователю рекомендуется:

- выяснять подробности совершения преступления, в том числе и те, которые на первый взгляд кажутся незначительными. Кроме того, принимать меры к установлению всех причастных к преступлению лиц, а также лиц, заинтересованных в негативном результате расследования уголовного дела;

- рассмотреть все сообщения, которые поступают от участников уголовного судопроизводства, и учесть субъективную оценку существующей угрозы с целью правильной оценки степени опасности и выбора мер по обеспечению безопасности их защиты;

- при оценке возможного противодействия расследованию рассматриваемым способом следует изучить личностные качества лица, на которого возможно оказание давления, состояние его здоровья, психические и психологические особенности, зависимость заявителя от противодействующего субъекта, а также доказательственное значение показаний потерпевшего для обвинения и осуждения обвиняемого или подсудимого;

- обеспечивать неразглашение данных предварительного следствия о деталях преступления и его участниках;

- предпринимать предусмотренные законодательством меры по обеспечению безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства с учетом;

- обеспечивать надлежащую сохранность вещественных доказательств по уголовным делам.

Меры по предупреждению воздействия преступников и связанных с ними лиц на свидетелей и потерпевших необходимо планировать и реализовывать с момента начала деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. В этом случае должна выдвигаться и проверяться типовая версия о наличии такого воздействия, а в случае обнаружения конкретных признаков воздействия должны быть разработаны и проверены частные версии о воздействии, предприняты безотлагательные меры по его преодолению. К их числу комплекс организационных, правовых, тактических, технических и иных мер, при этом

И.А. Сокрытие преступлений как форма противодействия расследованию. М., 2000. С. 147. В.В. Трухачев даже считает, что упреждающий характер деятельности, направленной на предупреждение и нейтрализацию сокрытия преступлений, должен рассматриваться как один из принципов криминалистической деятельности по выявлению и преодолению сокрытия: Трухачев В.В. Преступное воздействие на доказательственную информацию: правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления, нейтрализации. Воронеж, 2000. С. 25.

должно поддерживаться взаимодействие следователя с оперативными работниками органа дознания, а также прокуратурой.

В связи с этим уже на данном этапе для обеспечения личной безопасности участников уголовного судопроизводства представители правоохранительных органов обязаны рассматривать все сообщения о подобных фактах. При этом необходимо учитывать субъективную оценку существующей угрозы для правильной оценки степени опасности и выбора мер по обеспечению безопасности и защиты конкретного лица. При выборе мер, обеспечивающих безопасность, акцентируется внимание на личностных качествах лица, чью безопасность необходимо обеспечить, а также лица, от которого исходит угроза. Кроме того, необходимо оценить доказательную значимость показаний потерпевшего или свидетеля для обвинения и осуждения обвиняемого или подсудимого, на их отношение к выполнению своих процессуальных обязанностей.

Что же касается воздействия на следователя со стороны вышестоящих органов, непосредственных начальников, чьи указания он обязан выполнять, то здесь личных качеств, профессионализма работников правоохранительных органов, осуществляющих расследование по уголовному делу, явно недостаточно. Необходимо смотреть на эту проблему шире; следователю следует ставить в известность руководство правоохранительных органов о фактах противоправного давления на него.

Проанализировав все возможные меры безопасности, предусмотренные УПК РФ, можно выделить следующие меры обеспечения безопасности: присвоение псевдонима (ч. 9 ст. 166); контроль и запись телефонных и иных переговоров (ч. 2 ст. 186); проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8. ст. 193); закрытое судебное разбирательство (п. 4 ч. 2 ст. 241); право потерпевшего и свидетеля ходатайствовать о применении к нему мер безопасности в соответствии с ч. 3 ст. 11 (п. 21 ч. 2 ст. 42; п. 7 ч. 4 ст. 56 УПК РФ).

Все указанные меры применимы в большей степени к участникам уголовного судопроизводства в рамках возбужденного уголовного дела. Однако до возбуждения уголовного дела уполномоченным лицам сложно обеспечить меры государственной защиты по отношению к заявителю, очевидцу преступления, жертве преступления и иным лицам, способствующим выявлению и раскрытию преступлений.

Несмотря на принятые меры, система обеспечения безопасности лиц, участвующих в уголовном процессе, нуждается в дальнейшем совершенствовании. На наш взгляд, необходимо:

1. Урегулировать сложные вопросы, связанные с реализацией на практике существующей системы мер государственной защиты потерпевших, свидетелей, сотрудников правоохранительных органов и чле-

нов их семей, предусмотренных Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»[1].

2. В ряде статей Уголовного кодекса РФ, устанавливающих ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, а также за различные виды воздействия на участников процесса, целесообразно повысить санкции и внести дополнительные отягчающие вину признаки.

3. Несмотря на существование в ст. 161 УПК РФ, требования, запрещающего разглашение данных предварительного следствия, по уголовным делам не всегда участники процесса письменно предупреждаются об этом. В УПК РФ следует закрепить обязанность лица, производящего предварительное расследование предупреждать участников процесса о недопустимости оказания противоправного давления на других участников.

4. Усилить взаимодействие следователя с оперативными службами в целях эффективной разработки плана следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и применения мер безопасности, направленных на защиту потерпевших и других участников уголовного процесса.

5. На законодательном уровне проработать механизм обеспечения защиты соответствующих лиц до возбуждения уголовного дела.

В заключение необходимо отметить, что работникам правоохранительных органов необходимо изучать уголовно-процессуальную и криминалистическую литературу по вопросам, касающимся противодействия раскрытию и расследованию преступлений. В своей правоохранительной деятельности они должны активно использовать «все процессуальные и криминалистические средства для своевременного упреждения, выявления, доказывания и нейтрализации всех приемов противодействия расследованию по конкретным уголовным делам»[2].

С.Ю. Скобелин

Пределы ограничения конституционных прав граждан на тайну переписки при расследовании преступлений

Запрет на вмешательство в личную и семейную жизнь человека, на

---

[1] О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ // Российская газета. 2004. 25 августа.

[2] Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений. Спецкурс лекций: учебное пособие для вузов / под ред. В.П. Лаврова. М., 2003. С. 105.

ознакомление с его корреспонденцией установлен в ст. 12 Всеобщей Декларации прав человека, а также в ст. 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод[1]. Причем в данных основных нормативных источниках отдельно подчеркивается недопущение вмешательства государственных органов в осуществление данных прав. В тоже время и в той и в другой Конвенции делается оговорка о том, что в исключительных случаях, установленных законом подобное вмешательство всё-таки возможно.

В ст. 23 Конституции РФ также провозглашается, что каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Важным является разъяснение о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

По справедливому утверждению А.М. Багмета, следователь в связи со спецификой возложенных на него функций по раскрытию и расследованию преступлений, принятий процессуальных решений, как никто другой чаще затрагивает конституционные права и свободы граждан[2], в том числе право на тайну переписки. При этом, безусловно, это делается в целях защиты прав и законных интересов других лиц (ч. 1 ст. 6 УПК РФ), основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Основные спорные ситуации возникают при проведении таких следственных действий как осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов, обыска, выемки, личного обыска, когда у следователя есть возможность и необходимость ознакомиться с перепиской подозреваемого, обвиняемого в социальных сетях, чатах, по электронной почте, SMS, MMS, мгновенными, голосовыми сообщениями и т.п.

Особенно актуален, стал данный вопрос с появлением современной криминалистической техники (UFED, Мобильный криминалист, XRY), позволяющей в короткие сроки получить важную (включая удаленную) информацию из памяти мобильных устройств, планшетных компьютеров, карт памяти, СИМ-карт. Такая информация зачастую имеет важное доказательственное или ориентирующее значение.

Диспозитивность вышеуказанных конвенционных и конституцион-

---

[1] URL: http://www.un.org/ru/documents.

[2] Багмет А.М. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя // Российская юстиция. 2013. № 9. С.54.

ных норм ставит следователя (прокурора, судью) перед выбором. С одной стороны любой человек (подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший) имеет право на тайну переписки, может требовать от следователя соблюдения данного права и ограничить (нарушить) его можно не иначе как по решению суда. С другой стороны, при совершении убийств, изнасилований, террористических актов и других резонансных особо тяжких преступлений, когда требуется действовать незамедлительно, раскрыть данные преступления, изобличить виновных, предупредить новые подобные деяния, вопрос о тайне отходит на второй план.

В тоже время диспозиция ч. 2 ст. 138 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан (физических лиц), совершенное лицом с использованием своего служебного положения является императивной и предусматривает лишение свободы до четырех лет.

Если в ч. 2 ст. 13 УПК РФ закреплено, что наложение ареста на почтовые и телеграфные отправления и их выемка в учреждениях связи, контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами могут производиться только на основании судебного решения, то относительно ознакомления с перепиской подозреваемого в ходе осмотра, обыска, выемки подобного указания нет.

В результате анкетирования руководителей следственных управлений (отделов), а также руководителей управлений (отделов) криминалистики по данному вопросу выяснилось, что основными критериями, лежащими в основе правовой возможности ограничения прав граждан на тайну переписки, по их мнению, являются:

1. Наличие (или отсутствие) согласия лица на извлечение информации из мобильного устройства связи или компьютера.

В частности, ряд руководителей считают беспрепятственную возможность извлечения данных переписки из мобильных устройств и компьютеров с помощью криминалистической техники только в случае получения согласия собственника мобильного устройства. В противном случае необходимо получать решение суда по аналогии с ч. 5 ст. 177 УПК РФ (осмотр жилища) и ч. 2 ст. 186 УПК РФ (контроль и запись переговоров).

2. Процессуальный статус участника уголовного судопроизводства, которому принадлежит мобильное устройство или компьютер (если подозреваемый или обвиняемый – согласие и решение суда не требуется, если свидетель или потерпевший и ознакомление не связано с оценкой достоверности их показаний – необходимо согласие, в противном случае – решение суда).

3. Установлено ли лицо, которому принадлежит электронное устройство, а также известно ли, что в мобильном устройстве имеются данные, имеющие значение для дела. В случаях, когда телефон обнаружен на месте пришествия и его принадлежность не установлена, либо при трупе, судебное решение не нужно. Если следователь достоверно не знает о том, имеется ли в содержании переписки данные, относящиеся к делу, также в получении решения суда необходимости нет и наоборот.

Представляется, что решение анализируемой проблемы можно найти, если ответить на два основных вопроса:

- Какие сведения составляют предмет тайны переписки?

- Необходимо ли следователю возбуждать перед судом ходатайство о производстве осмотра, обыска, выемки, в ходе которых он будет знакомиться с данными переписки и т.п., в том числе с использованием криминалистической техники?

В теории и правоприменительной практике по первому вопросу продолжаются дискуссии, относить ли к тайне смысловое содержание переписки или толковать тайну расширительно и включать в нее сами факты переписок, звонков, сообщений, сведения о входящих и исходящих звонках[1].

Сторонники отнесения к тайне всех перечисленных данных аргументируют свою позицию тем, что законодатель определил в ст. 13 УПК, что получение информации о фактах соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами могут производиться только на основании судебного решения, что для человека порой важно сохранить в тайне сам факт соединения. Также делается ссылка на Определение Конституционного Суда РФ от 2.10.2003 № 345-О[2], в котором говорится, что к охраняемой тайне относятся любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи.

Однако, часто внимание фокусируется лишь на одном – Конституционный Суд РФ отнес к тайне переговоров данные о входящих и исходящих сигналах. Это не верно. Суть решаемого Конституционным судом в 2003 г. вопроса (до появления самостоятельного следственного действия в виде получения информации о фактах соединениях между

---

[1] Рудинский Ф.М. Наука прав человека и проблемы конституционного права. М. С. 367.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 2.10.2003 № 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 г. «О связи» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1.

абонентами) заключалась в анализе противоречий между ч. 4 ст. 32 Федерального закона от 16.02.1995 «О связи» (который утратил силу) и ст.23 Конституции РФ. Таким образом, предметом рассмотрения являлись правоотношения между абонентами – операторами мобильных устройств и следователем (в данном деле – Начальником Управления федеральной службы налоговой полиции). Закон «О связи как предыдущий, так и действующий определяет, что операторы связи обязаны обеспечить соблюдение тайны связи. В ч. 2 ст. 63 Федерального закона от 7.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» установлено: «Сведения о передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи сообщениях, о почтовых отправлениях и почтовых переводах денежных средств, а также сами эти сообщения, почтовые отправления и переводимые денежные средства могут выдаваться только отправителям и получателям или их уполномоченным представителям, если иное не предусмотрено федеральными законами».

В соответствии со ст. 53 Закона о связи, а также ст. 16 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», сведения об абонентах и оказываемых им услугах связи, ставшие известными операторам связи в силу исполнения договора об оказании услуг связи, являются информацией ограниченного доступа и подлежат защите.

Таким образом, судебное решение в данном случае необходимо только в тех случаях, когда искомая информация находится у оператора связи, и он не вправе без судебного решения ее отдать следователю.

В данном ключе имеет решающее значение разъяснение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, которая в надзорном определении отметила следующее: «При производстве выемки у операторов связи документов о входящих и исходящих сигналах соединений похищенного мобильного телефона тайна содержания переговоров сохраняется, поскольку целью выемки является только информация о входящих и исходящих звонках с похищенного телефона, какого-либо нарушения прав М. не усматривается»[1].

При этом было отмечено: «Ссылки в постановлении и последующих судебных решениях на определение Конституционного Суда РФ от 2.10.2003, утверждение, что подобным следственным действием будут нарушены права граждан на тайну телефонных переговоров Судебная коллегия находит несостоятельными».

Бесспорно верным решением в данном случае является вывод о том, что Конституцией РФ охраняется тайна содержания телефонных переговоров, а не внешняя информация о входящих и исходящих сиг-

[1] Надзорное Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2.06.2006 № 9-ДП06-10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 12.

налах соединений[1].

К охраняемой тайне следует, по-нашему мнению, относить данные переписки СМС, ММС, в социальных сетях, Skaip, по электронной почте, чатах и т.п., то есть те сведения, которые наполнены содержанием.

Отвечая на второй вопрос, отметим, что в анализируемых следственных ситуациях телефон, компьютер и т.п. уже в руках у следователя и материалы уголовного дела, расследуемого им, также относится к информации ограниченного доступа.

До появления и широкого распространения мобильных устройств, компьютерной техники следователь при производстве обыска, выемки или осмотра смело изымал (и продолжает это делать) любые предметы с перепиской (записные книжки, письма, телеграммы) в которых могла содержаться значимая информация для раскрытия и расследования преступления, знакомился с их содержанием без судебного решения, и это не вызывало никаких споров.

Снимает остроту вопроса решение Конституционного Суда[2] по жалобе на органы предварительного следствия гр. Тарасова Н.А., который указывает на то, что из его мобильного телефона (он был признан подозреваемым по уголовному делу) без вынесения соответствующего судебного решения были извлечены сведения, содержащиеся в электронной памяти телефона (СМС-сообщения) и оглашены в суде.

В данном определении Конституционный Суд, отказывая гр. Тарасову Н.А. в принятии к рассмотрению его жалобы, не усмотрел нарушений его конституционных прав в нормах УПК (ч. 1 ст. 176 и ч. 1 ст. 285 УПК РФ). Суд подчеркнул, что в данных нормах регламентированы основания для производства следственных действий в виде осмотра материальных объектов (данных сотового телефона) и правила оглашения в судебном заседании протоколов следственных действий (протокола осмотра сотового телефона), направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Их целью является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения. В данном случае ограничения прав и свобод личности, не могут рассматриваться как нарушающие права подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. Так, осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов, производимый согласно ч. 1 ст. 176 УПК РФ в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, осуществляется в предусмот-

---

[1] Богдановский А. Может ли ошибаться Конституционный Суд? // Законность. 2006. № 8.

[2] СПС «КонсультантПлюс».

ренном законом порядке, в том числе сопровождается составлением соответствующего протокола.

Таким образом, на сегодняшний день Конституционный Суд не видит нарушений тайны переписки в действиях следователя, который изымает в ходе личного обыска телефон подозреваемого и знакомится с содержанием СМС сообщений. За год использования криминалистической техники, позволяющей извлекать данные из мобильных устройств (в том числе удаленные), противоречий в следственно-судебной практике не возникало, случаев признания судами полученных с использованием данных не допустимыми доказательствами не было.

Вместе с тем, представляется необходимым дополнить соответствующие статьи УПК РФ таким следственным действием как извлечение данных из мобильных устройств, поскольку, во-первых, данное мероприятие отвечает всем признакам самостоятельного следственного действия (в ходе него происходит обнаружение, изъятие и закрепление доказательств), во-вторых, по своей природе и назначению оно не подпадает ни под одно следственное действие, предусмотренное УПК РФ, и, в-третьих, имеются острая потребность, а главное, техническая возможность его производства. Безусловно, с учетом специфических возможностей обнаружения и фиксации с помощью подобной криминалистической техники доказательств, требующих незамедлительного изъятия и исследования, данное следственное действие следует включить в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, то есть предусмотреть возможность его проведения в исключительных обстоятельствах без получения судебного решения.

В.Л. Согоян

Проблемные вопросы прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности

Одним из оснований прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям является истечение сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Условие прекращения уголовного дела по указанному основанию изложено в ч. 2 ст. 27 УПК РФ, согласно которому не допускается принятие такого решения, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает.

Согласно статистическим данным СК России только за 5 мес. 2013 г. 346830 преступлений остались нераскрытыми в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого[1].

---

[1] Об итогах работы следственных органов СК России за первое полугодие 2013 г. и задачах на второе полугодие 2013 г.: мат-лы к расширенному заседанию

Правоприменителями высказывается предложение о прекращении уголовных дел, предварительное следствие по которым приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемых, по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ по истечению сроков давности уголовного преследования.

В связи с этим актуальным является вопрос: возможно ли принятие процессуального решения о прекращении уголовного дела, предварительное следствие по которому приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст.24 УПК РФ, по истечению сроков давности уголовного преследования, установленного ст. 78 УК РФ?

Судебная защита прав и свобод каждого человека гарантируется ст. 46 Конституции РФ. Назначением уголовного судопроизводства, согласно ч. 1 ст. 6 УПК РФ, является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Согласно п. 1.24 Приказа СК России от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» прекращать уголовные дела, предварительное следование по которым приостановлено в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, по истечении сроков давности уголовного преследования, указанных в ст. 78 УК РФ, по основаниям, предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, возможно только после установления этих лиц, с соблюдением требований ч. 2 ст. 27 УПК РФ.

Часть 2 ст. 27 УПК РФ в категоричной форме запрещает прекращение уголовного дела за истечением сроков давности «если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает». Обязательным условием освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, как отметил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», является согласие на это лица, совершившего преступление[1]. Указанное требование закона и разъяснение Верховного Суда РФ, бесспорно, свидетельствуют о необходимости установления подозреваемого (обвиняемого) и получения

коллегии СК России.

[1] Пункт 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8..

его согласия на прекращение уголовного преследования по истечению сроков давности.

Основания прекращения уголовного преследования по истечению сроков давности, предусмотренные ч. 2 ст. 27 УПК РФ соответствуют требованиям Конституции РФ и разъяснениям Конституционного Суда РФ.

Так, Конституция РФ, закрепляя признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (ст. 2), гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в РФ (ч. 1 ст. 45), специально установив, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом (ст. 52). При этом в ст. 52 Конституции РФ прямо предусмотрено, что именно государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Согласно правовой позиции, изложенной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П существует обязанность государства гарантировать защиту прав потерпевших от преступлений, в том числе путем обеспечения им адекватных возможностей отстаивать свои интересы в суде[1].

Конституционный Суд РФ в Определении от 28.05.2013 № 786-О отметил, что прекращение уголовного дела и освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности не освобождает виновного от обязательств по возмещению нанесенного ущерба и компенсации причиненного вреда и не исключает защиту потерпевшим своих прав в порядке гражданского судопроизводства[2].

В случае неустановления по уголовному делу обвиняемого потерпевший лишён возможности реализовать своё конституционное право на возмещение причинённого ему вреда, т.к. согласно ч. 1 ст. 38 ГПК РФ сторонами в гражданском судопроизводстве являются истец и ответчик. В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ в исковом заявлении должны быть указаны наименование ответчика, его место жительства или, если ответчиком является организация, ее место нахождения, т.е. иск, в порядке гражданского судопроизводства может быть предъявлен конкретному лицу или организации.

---

[1] По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М.Запорожец: постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П // СПС «Консультант Плюс».

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Зубенко Е.И. на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 27 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 786-О // СПС «Консультант Плюс».

Принятие мер по установлению подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, с учётом подследственности, в соответствии с УПК РФ является обязанностью дознавателя или следователя.

Эта правовая позиция согласуется и с Постановлением Конституционного Суда от 25.06.2013 № 14-П, которым установлено, что как потерпевший, так и иное заинтересованное лицо, обратившееся в защиту своих прав с требованием возбудить уголовное дело, не могут быть лишены права на судебную защиту и на доступ к правосудию лишь потому, что по данному уголовному делу не установлены подозреваемые или обвиняемые, т.е. отсутствуют формальные основания для начала публичного уголовного преследования конкретного лица от имени государства в связи с совершенным преступным деянием и, соответственно, для последующих процессуальных действий органов дознания и предварительного следствия, на которые возлагаются обязанности по раскрытию преступлений, изобличению виновных, формулированию обвинения и его обоснованию, для того чтобы уголовное дело могло быть передано в суд, разрешающий его по существу и тем самым осуществляющий правосудие[1].

В этом же решении Конституционного Суда РФ отмечено, что потерпевший от преступления не имеет права на «личную месть» или на actio popularis – право осуществлять публичное уголовное преследование преступника. В связи с этим публичное уголовное преследование может начинаться лишь с определения подозреваемого или обвиняемого уполномоченными на это правоохранительными органами.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» указал, что освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление, т.е. прекращение уголовного дела или уголовного преследования по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ является основанием неребеалитирующим[2].

В Определении Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 786-О

---

[1] По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е. Поповой: постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2013 № 14-П // СПС «Консультант Плюс».

[2] Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

разъясняется, что прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям в случае, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает, не допускается.

Законодатель, предусматривая обязательным условием получение согласия лица о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по истечению сроков давности фактически указывает на необходимость установления лица, у которого согласие должно быть получено, что не возможно без установления подозреваемого (обвиняемого).

На основании изложенного полагаем, что прекращение уголовных дел, предварительное следствие по которым приостановлено в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ по истечению сроков давности уголовного преследования, установленных ст. 78 УК РФ, недопустимо.

О.Ю. Стороженко

Проблемы реализации конституционных прав человека и гражданина при расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации

Конститу́ция (от лат. constitutio – «устройство») – основной закон государства. Нормативно-правовой акт высшей юридической силы, закрепляющий основы политической, экономической и правовой систем данного государства или содружества, основы правового статуса государства и личности, их права и обязанности. «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией»[1].

Реализация положений конституции является обязанностью государства, в частности, в лице правоохранительных органов. Одним из направлений деятельности по обеспечению конституционных прав и свобод человека является расследование преступлений.

В настоящее время развитие компьютерной науки и техники происходит настолько стремительно, что практика все чаще сталкивается с новыми видами и способами совершениями преступлений. Криминальные структуры и отдельные преступные элементы в полной мере приняли на вооружение современные информационные технологии для совершения «высокотехнологичных» преступлений, постепенно освобождаясь от устаревших и часто изменяя уже сложившиеся методы и

[1] Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. М., 2012.

способы совершения «традиционных» преступлений[1].

По оценкам отечественных и зарубежных исследователей, раскрытие и расследование преступлений данного вида отличаются особой сложностью. Поэтому уровень латентности компьютерных преступлений определяется в настоящее время в 90%. А из оставшихся 10% выявленных компьютерных преступлений раскрывается только 1%[2].

Среди компьютерных преступлений все большую распространенность получает деяние, предусмотренное ст. 272 УК РФ – «неправомерный доступ к компьютерной информации». Заключающийся в несанкционированном собственником ознакомлении с компьютерной информацией, повлекшим последствия в виде модификации, уничтожения, блокирования, либо копирования компьютерной информации. Под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи[3].

Расследование данной категории дел существенно отличается от расследований других преступлений. При расследовании уголовных дел данной категории чаще всего допускаются ошибки, что, зачастую, объясняется отсутствием надлежащего уровня теоретической и практической подготовки оперативных работников, осуществляющих оперативное сопровождение предварительного расследования и следователей, отсутствием материального обеспечения деятельности, а также ошибки, которые совершаются при проведении следственных действий в отношении компьютерной информации либо самих компьютеров[4].

В целом, при расследовании данной категории уголовных дел, следователи сталкиваются с как с проблемами, объективного характера, связанными с удаленностью между местом, где находился субъект преступления в момент его совершения, и местом, где обнаружены признаки этого преступления, что не может не влиять на своевременное закрепление следов преступления, лишает возможность проведения неотложных следственных действий, поздним обращение потерпевших в правоохранительные органы с заявление о преступлении и рядом других. Так и с проблемами субъективного характера, как с невысоким уровнем подготовки оперативного и следственного состава в области информационных технологий и способов совершения высоко-

---

[1] Голубев В.Н. Некоторые вопросы расследования компьютерных преступлений. URL: http://www.skte.narod.ru.

[2] Методика раскрытия и расследования компьютерных преступлений. URL: http://www.melik.narod.

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 7.12.2011 № 420-ФЗ URL: http://www.rg.ru.

[4] Голубев В.Н. Указ. соч.

технологичных преступлений; слабым техническим оснащением органов внутренних дел компьютерной техникой; недостаточностью материального обеспечения процесса раскрытия и расследования; с необоснованной пересылкой материалов от органа к органу для принятия процессуального решения; недостаточность доказательственной базы, связанной с некачественными материалами предварительной проверки (небрежное и зачастую некорректное оформление протоколов и объяснений, несоблюдение сотрудниками правил изъятия и приобщения к материалам средств компьютерной техники, носителей информации, следствием чего является утрата важных доказательств) и рядом других.

Такие проблемы влекут за собой не обоснованное ограничение прав подозреваемого (обвиняемого) в совершении данного преступления, так и нарушение прав потерпевшего, связанных с прекращением уголовных дел в связи с недоказанностью вины, вследствие субъективных обстоятельств, с необоснованным затягиванием сроков предварительного расследования.

Оставляя данные проблемы без должного внимания нарушается основная функция правоохранительных органов – защита конституционных прав человека и гражданина, касающихся отправления правосудия. В связи с этим необходимо уделять внимание соответствующей подготовке сотрудников следственных органов и оперативных подразделений, вести активную деятельность по разработке теоретических рекомендаций по расследованию данной категории дел и их внедрению в практическую деятельность, а также обеспечивать реализацию программ материального и технического обеспечения, совершенствовать штатно – организационную базу процесса раскрытия и расследования преступлений данного вида.

А.А. Стрелков
В.К. Дадабаев

Криминалистические возможности использования компьютерной томографии (СКТ) и 3D технологий при реализации конституционных прав и свобод граждан

Конституционная законность в условиях XXI в. имеет социально-экономические, политические, духовно-психологические и юридические аспекты. Они находят свое выражение в принципах современной конституции РФ, как непосредственно обозначенных в Основном законе России (например, признание в ст. 2 человека и его прав и свобод высшей ценностью), так и вытекающих из его буквы и духа. Принципы Конституции РФ, вытекающие, в том числе, из положений иных международно-правовых документов и являются объектом обеспечения

конституционной законности.

Одним из важнейших элементов свободы личности является его личная неприкосновенность – наиболее значительное право человека, которое он приобретает от рождения. Это означает, что каждый, независимо от пола, национальности, вероисповедания и т.п., вправе совершать любые действия, не противоречащие закону, не подвергаясь какому-либо принуждению или ограничению в правах со стороны кого бы то ни было.

Институт личной неприкосновенности включает физическую (это сама жизнь, здоровье человека, его физическое состояние) и морально-духовную неприкосновенность (честь, достоинство личности).

Конституция гарантирует каждому свободу совести, свободу вероисповедания, право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Нетерпимость и дискриминация на основе религии или убеждений означают любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на религии или убеждениях и имеющее целью или следствием уничтожение или умаление признания, пользования или осуществления на основе равенства прав человека и основных свобод.

В развитии реализации конституционных прав и свобод граждан следователю приходится работать в соприкосновении с религиозными канонами, в результате чего решение тех или иных вопросов, вызывает затруднение. Это касается многих сторон жизни и смерти человека. Вопрос судебно-медицинского и паталогоанатомического вскрытия трупов умерших – не исключение.

Не секрет, что проблема вскрытия (патологоанатомического и судебно-медицинского исследования) трупа в некоторых регионах РФ не всегда возможна в виду религиозных канонов, что не позволяет в последующем дать объективное судебно-медицинское заключение о причине смерти и характере травмы, так как родственники категорически заявляют свои возражения.

Международная конференция медицинских организаций (1983 г., Париж) считает обязательным уважение религиозных убеждений и мнения родственников, если семья отказывается дать согласие на вскрытие трупа по религиозным мотивам.

В связи с этим, специалисты-медики частыми ссылками на религиозную мораль пытаются объяснить снижение числа судебно-медицинских и паталогоанатомических исследований с применением аутопсии.

Будем откровенны: все или многие отговорки о возможности выдачи тел, без паталогоанатомического вскрытия необходимого в случаях установленных нормативно-правовой базой, прикрывают желание главных врачей лечебных учреждений таким способом уменьшить количество неправильных диагнозов при лечении больных повлекших за

собой неверное лечение. Во многих таких случаях причина смерти остается неясной. Здесь отказ от вскрытия можно сравнить с воздушной катастрофой без выяснения ее причины.

Кроме того, религиозная мораль не дает однозначного ответа на вопрос применения аутопсии. Так, согласно канонам иудаизма, вскрытие не должно производиться, если имеются возражения со стороны семьи. Ислам считает эту проблему очень непростой, потому что она связана с нанесением ущерба физической целостности человеческого тела, творенья Всевышнего, требующего уважительного отношения. Однако аутопсия считается законной, если она производится в интересах науки (взаимосвязь поражений органов и симптомов болезни). Кроме того, вскрытие разрешается, когда оно помогает установить истину при расследовании преступлений.

В принципе и с точки зрения христианской морали вскрытия не приветствуются. Христианская религия также считает необходимым уважать права и религиозные убеждения семьи по отношению к телу покойного. Однако и здесь тоже считается законным намерение властей пойти против воли семьи в интересах общего блага при наличии серьезных причин, например, если есть подозрение, что смерть наступила в результате преступления, или если создается угроза здоровью населения.

Таким образом, возражения семьи не могут иметь превалирующего значения, если вскрытие производится в установленном законом порядке для выяснения обстоятельств смерти, а частые ссылки на религиозную мораль не выдерживают критики, ибо

1) принудительная аутопсия в вышеуказанных случаях смерти оговорена в нашем законодательстве,

2) это допускается религиозными конфессиями, в том числе исламом.

Тем не менее, как показывает практика, некоторые исламские течения стоящие на позициях фундаментализма, в своих целях искусственно раздувают противодействие аутопсии среди мусульман, пытаясь поставить приоритет религиозных догм над светскими законами, тем самым делая попытки подрыва конституционной законности в нашей стране.

В этой связи особую актуальность представляют собой научно-практические разработки альтернативных способов посмертного вскрытия без использования инвазивных методов и с незамедлительным погребением в ходе применения наряду с «классической» аутопсией – «виртуальной» проводимой с использованием компьютерной томографии и 3D технологий.

Специалисты считают данную процедуру эффективной, так как она не требует непосредственного физического вмешательства в ткани, следовательно, предотвращает возможные ошибки, связанные со сме-

щением тканевых структур. К тому же полученные изображения можно хранить длительное время и подвергать повторной оценке экспертов или в случае выяснения новых обстоятельств происшествия. Также данный способ экспертизы будет приемлем для представителей определенных религиозных конфессий, чьи морально-этические нормы не позволяют проводить аутопсию.

Количество работ, посвященных использованию методов лучевой диагностики (традиционной рентгенографии, РКТ, МРТ, изотопной диагностики) в судебной медицине и пограничных ей областях науки, в отечественной литературе крайне ограничено и имеют единичный разрозненный характер, в отличие от многих зарубежных стран, где эти методы диагностики, часто являются планомерным и существенным дополнением к традиционной аутопсии, а в некоторых случаях заменяя её.

Какие-либо работы, посвященные установлению характера и степени тяжести причиненного повреждением вреда здоровью, давности и механизму причинения повреждения по морфологическим проявлениям травмы, выявленной при компьютерной и магнитно-резонансной томографии у мертвых тел, в настоящее время в нашей стране отсутствуют.

Однако в настоящее время впервые в РФ при взаимодействии следственного управления по Тверской области и Тверского государственной медицинской академии осуществляются исследования по возможному использованию метода СКТ в судебной медицине и криминалистике, проведен анализ сравнительной картины КТ-изменений при предварительном исследовании и данным вскрытия за трехлетний период (2010-2013 гг.) в Тверском областном бюро судебно-медицинской экспертизы и Тверской областной клинической больнице.

В клинической медицине при исследовании костной ткани предпочтение отдается КТ, а МРТ – при исследовании мягкотканых структур. Однако при исследовании трупной ткани МРТ будет менее информативен, т.к. трупная ткань подвергается изменению по насыщаемости водородом, в связи с этим нами выбран метод СКТ.

Целью нашего исследования является:

- возможность использования метода СКТ в судебной медицине в исследовании трупа, трупного материала «бескровным методом»;

- отождествление личности по костям методом реконструкции в 3D – изображении;

- возможность применения данного метода для решения криминалистических вопросов – характера огнестрельного ранения, размера, локализации и свойств осколка (пули и т.д.), направление раневого канала и др.

Метод компьютерной томографии обладает высоким пространственным и временным разрешением, позволяет исключить артефакты,

уникален своей мобильностью, т.е. его можно распечатать в традиционном варианте или же сохранить на электронном носителе, Он поддается длительному хранению, занимает минимальный объем, позволяет получать цифровое изображение и 3-х мерную реконструкцию изображения с последующим воспроизведением на экране. Криминалисту и судебно-медицинскому эксперту, в режиме реального времени по Internet, предоставлена возможность со своего рабочего места проводить с врачом-рентгенологом не только анализ изображения, но и оперативно решать вопросы, вынесенные следственными органами на разрешение экспертам.

Использование СКТ в судебно-медицинской экспертной деятельности позволяет решать достаточно большой круг вопросов, начиная с точной локализации, времени и механизма образования перелома костной ткани, и заканчивая прогнозом восстановления, что положительно скажется на сроках и качестве проводимых судебно-медицинских экспертиз. Данный метод позволяет минимизировать ошибки судебно-медицинских экспертов и паталогоанатомов при первичном исследовании трупа и значительно сократит количество эксгумаций, для его повторного исследования учитывая, что мягкие ткани организма в первую очередь подвержены разложению.

Таким образом, научно-практическая разработка и реализация методики использования компьютерной томографии (СКТ) и техники 3D изображений в практике судебно-медицинских исследований, официальное признание ее как одного из методов наряду с традиционными, позволит не только качественно улучшить результаты в следственной и экспертной работе, но и способствовать укреплению конституционной законности России.

Подводя итог, следует иметь в виду, что любая конституция является не столько отражением действительности, сколько целью, к которой надо стремиться. Поэтому наличие конституции, даже принятой всенародным голосованием, заметные изменения в деле построения демократического федеративного правового социального светского государства все же недостаточны, чтобы говорить об утверждении конституционной законности. Конституция только тогда на деле является ядром законности, когда ее принципы и нормы воплощаются в действиях всех их адресатов.

Т.Д. Телегина

Тактика применения обмана в расследовании преступлений

Понятие «тактического приема» является одним из наиболее разработанных в криминалистике. Бессчетное количество монографий и диссертаций посвящено общим вопросам криминалистической тактики

и так называемым «критериям допустимости» тактических приемов.

В каждом научном исследовании, посвященном этой проблеме, обязательно встречается указание на такие требования к тактическому приему, как законность и этичность.

Первое из перечисленных требований абсолютно логично и понятно любому юристу. Относительно второго упомянутого критерия далеко не всё так ясно. Большинство ученых являются представителями консервативной позиции о категорической недопустимости применения обмана как тактического приема, несмотря на его рациональность, эффективность, научную психологическую обоснованность и избирательность.

Часто исследователи ратуют не просто за требование соблюдения следователем законодательства при выборе линии своего поведения, но также и за соответствие такого поведения духу закона[1]. А уже из данного постулата выводится связь между законностью и этичностью в деятельности субъекта доказывания, а именно: многие положения УПК РФ нормативно закрепляют правила морали и нравственности (запрет унижения чести и достоинства, требование о проведении освидетельствования медицинским работником того же пола, что и осматриваемое лицо и другие). Отсюда следует, что «дух» закона подразумевает соблюдение норм морали и нравственности, принятых в обществе на момент расследования.

Некоторые ученые развивают указанное требование о соблюдении норм морали и нравственности, заявляя, например, о недопустимости ношения следователем грязной одежды при проведении следственных действий. Представляется, что в погоне за нравственностью произошло вот что: вместе с водой выплеснули и ребёнка. Цель применения тактического приема (да и всего процесса расследования) – получение информации о преступлении, изобличение виновного, а вовсе не проведение светского раута со всеми требованиями условности для создания благоприятного впечатления о хозяине заведения.

Если следователю требуется создать психологическую и физиологическую напряженность при допросе, например, в целях усложнения допрашиваемому возможности детально обдумывать ложь при ответе, он вправе посадить его на колченогий стул. Следователь вправе в целях создания образа «простофили» надеть заляпанный кетчупом галстук. И совершенно непонятно, почему ссылаясь на требование соответствия духу закона, ученые признают подобные действия недопу-

---

[1] Зорин Г.А. Руководство по тактике допроса: учеб.-практич. пособие. М., 2001. С. 21; Полстовалов О.В. Современные проблемы криминалистической тактики / под ред. В.И. Комиссарова. М., 2009. С. 60; Москвин Е.О. Тактический прием. М., 2006. С. 39; Эксархопуло А.А. Криминалистика: учеб. СПб., 2009. С. 454.

стимыми тактическими приемами.

Не следует забывать, с одной стороны, об отсутствии кодекса профессиональной этики у следователей. С другой стороны, он есть у адвокатов. Однако за несоблюдение адвокатом требований указанного кодекса (что происходит очень часто) негативные последствия для доказательств, полученных с таким нарушением, не наступают. Чего стоило бы исключение из материалов доказывания допроса, на котором адвокат оскорбил следователя?! Такого не происходит. Тем не менее в отношении следователя мы упорно пытаемся подобные последствия ввести. Почему большинство ученых выступают за перекос в формально равных позициях защиты и обвинения?! Безусловно, следователь является представителем государства, потому должен «держать марку», но это вовсе не означает необходимость регламентировать каждый его шаг. Не нужно забывать, что форму уголовного преследования задает уголовный процесс. Тактический же прием, будучи порождением криминалистики, является наполнением данной формы. Он призван не выходить за заданные УПК РФ рамки, но одновременно и быть творческим, индивидуальным, избранным по усмотрению следователя на основе проведенного анализа следственной ситуации.

При переходе от теории к практике ее осуществления подчас возникают неразрешимые задачи. Вопрос о применении обмана относится к одной из них. Например, все учебники по криминалистике указывают на эффективность такого тактического приема, как создание преувеличенного представления у допрашиваемого об объеме имеющихся у следователя доказательств. Однако это является ничем иным как тем самым запрещенным обманом, поскольку следователь намеренно формирует ложные представления у допрашиваемого в целях склонения его к даче правдивых показаний. Бесспорно, прием очень часто применяется в практике, и запретить его, как основанный на обмане, не пришло в голову ни одному ученому, ратующему за соблюдение нравственных начал в расследовании преступлений.

То же самое происходит в отношении такого тактического приема, как умышленное утаивание следователем части информации, неполное ее представление допрашиваемому. Аргументация ученых в поддержку описанных приемов выглядит очень избирательной. Например, А.А. Эксархопуло указывает: «Руководствуясь требованием этичности, необходимо категорически отвергнуть любое психологическое воздействие, основанное на лжи»[1]. Однако чуть дальше автор корректирует свою позицию: «Создание преувеличенного представления об имеющихся у следователя доказательствах не должно быть основано на прямом обмане»[2]. То есть, непрямой обман всё-таки допустим.

---

[1] Эксархопуло А.А. Указ. соч. С. 455.
[2] Там же. С. 456.

Получается, запрещается уже не весь обман, а лишь прямая ложь. При этом возможно введение допрашиваемого в заблуждение всеми доступными способами – например, риторическими вопросами («Как вы думаете, мы нашли свидетелей преступления?», «А вы знаете, что на орудии преступления остаются отпечатки пальцев преступника, позволяющие его установить?» и т.д.), молчаливой демонстрацией («случайно» оставить на столе предмет, тождественный пока еще не найденному вещественному доказательству – орудию, предмету посягательства – с целью создания у допрашиваемого представления об уже состоявшемся его обнаружении).

Для начала: крайне сложно объяснить современному студенту-юристу то, что поведение следователя должно быть нравственным, этичным. Первый же вопрос в ответ выглядит так: «А что будет, если следователь применит обман?». А ничего не будет. В худшем случае следователю будет вынесен выговор или предупреждение о недопустимости подобных методов расследования. Однако полученная на основе обмана информация сохранит доказательственное значение. После прояснения последствий применения следователем обмана интерес студентов к критерию этичности тактического приема полностью пропадает.

Данной тенденции не было еще несколько лет назад. Обучающиеся принимали как должное доктринальные положения о недопустимости нарушения норм морали при осуществлении предварительного расследования. Не является ли это сигналом об изменении той самой морали? Она же не является раз и навсегда заданной, установленной. Мораль изменяется вместе с развитием общества. Об этом метко написал А.С. Князьков: «На непростую связь права и морали оказывает влияние тот факт, что процессы изменения права и морали могут не совпадать: какой-либо регулятор общественного поведения в своем развитии может опережать другой»[1].

Возможно, пришло то самое время скорректировать доктринальные положения многолетней давности?.. Речь идет не о даровании следователю индульгенции на безнравственность при осуществлении уголовного преследования. Отнюдь. Однако некоторое изменение категоричных выводов о недопустимость обмана со стороны следователя как противоречащего духу закона ввиду нарушения морали всё же желательно.

Во-первых, уголовно-процессуальное право является публичной отраслью, а потому основным методом регулирования общественных отношений здесь является императивный – прямое указание в законе. Так почему ученые столько же строго, сколь за соблюдение закона,

---

[1] Князьков А.С. Концептуальные положения тактического приема. Томск, 2012. С. 125.

спрашивают со следователя за соблюдение норм морали и нравственности?! То, что законодатель посчитал необходимым защитить или установить, он возвел в статус закона. По справедливому замечанию А.С. Князькова, бесспорная оценка нравственности поступка следователя может быть точно дана лишь в тех случаях, когда нравственное существует как атрибут законного, точно названного в юридической норме поведения, исключающего возможность его различного истолкования[1].

Таким образом, представляется вполне обоснованным и отвечающим современным требованиям практики по расследованию уголовных дел признать обман доктринально допустимым тактическим приемом с обязательным указанием на область его распространения и применения – обстоятельства данного уголовного дела (но не личная жизнь, религиозная, этническая принадлежность и другие сферы жизни допрашиваемого).

О.Н. Тисен

Актуальные проблемы государственной защиты лиц, содействующих правосудию, на этапе судебного разбирательства

Показания свидетелей и потерпевших в большинстве случаев несут в себе наиболее информативные сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, и нередко приобретают центральное значение для формирования достаточной доказательственной базы по уголовному делу. При этом процессуальный статус свидетеля в уголовном судопроизводстве во многом основан на обязанности лица давать правдивые показания даже в случае наличия угрозы его безопасности. Потерпевшие по делу, чей статус довольно близок к статусу свидетеля, испытывая на себе последствия причинения им физического, материального и морального вреда от совершенного в отношении них преступления, также могут быть подвергнуты опасности противоправного посягательства со стороны злоумышленников.

Зачастую обеспечение безопасности свидетелей в уголовном процессе возможно лишь путем сохранения в тайне их данных о личности и допросе в суде в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства.

Несовершенство отдельных положений УПК РФ в части применения мер безопасности, отсутствие наработанной судебной практики и единообразия применения технических средств, позволяющих при допросе свидетеля обеспечить исключение его визуального наблюдения, приводят подчас к тому, что следователями и судьями допускаются

[1] Князьков А.С. Указ. соч. С. 141.

серьезные ошибки и не всегда в полном объеме выполняются требования закона.

Согласно ч. 5 ст. 278 УПК РФ, при необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение. Приведенное положение уголовно-процессуального закона дает возможность государственному обвинителю использовать в доказывании информацию, которой обладают опасающиеся за свою безопасность свидетели. Характер получаемой от таких свидетелей информации зачастую является ключевым доказательством по уголовному делу и играет центральную роль в формировании внутреннего убеждения субъектов оценки доказательств.

В 1998 г. РФ была ратифицирована Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4.11.1950[1]. Статья 6 этого международного правового акта закрепляет право гражданина, которому предъявлено уголовное обвинение, на справедливое публичное разбирательство его дела независимым и беспристрастным судом. Одним из аспектов права на справедливое судебное разбирательство является вопрос о допустимости использования в уголовном процессе показаний анонимных свидетелей[2] для доказывания виновности обвиняемого.

Согласно смыслу норм УПК РФ[3], анонимный свидетель должен давать показания под непосредственным наблюдением и контролем суда. При этом в целях безопасности свидетель может находиться в ином помещении суда. Другими участниками процесса его показания заслушиваются посредством специальной связи, исключающей идентификацию личности по голосу[4]. Однако на практике указанные требования не всегда выполняются.

В настоящее время в российских судах используют различные способы допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение. Ши-

---

[1] СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514; № 20. Ст. 2143. Актом ратификации РФ в соответствии со ст. 46 Конвенции признана ipso facto обязательной для себя юрисдикцию Европейского суда по правам человека по всем вопросам, касающимся толкования и применения Конвенции.

[2] Термин «анонимный свидетель» в тексте Конвенции о защите прав человека и основных свобод отсутствует. Однако он употребляется в решениях Европейского суда по правам человека для обозначения свидетелей обвинения, личность которых в целях обеспечения их безопасности была скрыта от обвиняемого и (или) его защитника.

[3] Коротков, А.П., Тимофеев А.В. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ: Комментарий. М., 2004. С. 390; Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практич. пособие / под редакцией В.М. Лебедева. М., 2009. С. 367.

[4] Коротков, А.П., Тимофеев А.В. Указ. соч. С. 390.

роко распространенным на практике является допрос анонимного свидетеля в порядке ч. 5 ст. 278 УПК РФ посредством телефонной связи с использованием функции громкоговорителя. Однако при допросе анонимного свидетеля таким способом при лишении суда возможности наблюдать за свидетелем в процессе дачи показаний возникает угроза искажения их достоверности под влиянием заинтересованных лиц. Так, при допросе в качестве анонимного свидетеля лица, находящегося под стражей, одно лишь присутствие сотрудников правоохранительных органов может повлиять на содержание его показаний. Такая угроза сохраняется даже при наблюдении за допрашиваемым свидетелем посредством видеосвязи, поскольку судья, а тем более стороны, не имеют возможности видеть, присутствует ли кто-либо в комнате, в которой находится свидетель.

В большинстве случаев допрос свидетелей в условиях, исключающих визуальное наблюдение, в судах районного звена проводится с использованием рации или функции громкоговорителя на стационарном телефоне. В соответствии с требованиями УПК РФ, перед началом допроса судья удаляется из зала судебного заседания в место нахождения засекреченного свидетеля в целях установления подлинных данных о его личности. Требование сохранения в тайне сведений о личности засекреченного свидетеля распространяется, в том числе, на прокурора и секретаря судебного заседания. После удостоверения личности свидетеля судья возвращается в зал судебного заседания и стороны преступают к его допросу. Таким образом, при допросе засекреченного свидетеля по рации или по телефону никто из участников процесса, в том числе председательствующий по уголовному делу судья не имеет возможности непосредственно наблюдать за свидетелем. Фактически судья может удостовериться в личности одного человека, а допросить совсем другого. Кроме того, в настоящее время многие залы судебных заседаний оснащены специальными устройствами, состоящими из микрофонов, специальной компьютерной программы, выполняющей роль звукового процессора эффектов, изменяющей голос засекреченного свидетеля до неузнаваемости: например мужской голос – в женский или детский. В таких условиях заметить так называемую «подмену» засекреченного свидетеля не в силах даже председательствующий судья.

Указанное положение дел привело к тому, что в большинстве своем как стороны, так и судьи с недоверием относятся к показаниям засекреченных свидетелей, и не принимают их во внимание. Иногда при рассмотрении больших по объему уголовных дел судьи забывают упомянуть показания одного из многочисленных засекреченных свидетелей в приговоре. Это ограничивает возможности прокурора при использовании показаний засекреченных свидетелей в качестве ключе-

вых доказательств обвинения по делу даже в случае, если они имеют решающее значение по делу.

На основании изложенного, предлагаем закрепить в ст. 247 УПК РФ обязательное требование о допросе засекреченных свидетелей в условиях непосредственной видимости для председательствующего при отсутствии возможности обозрения свидетеля остальными участниками процесса. В условиях технического прогресса, повсеместного использования мобильной связи указанный способ доступен на всей территории страны. Для его осуществления достаточно двух оснащенных веб-камерами и программой «Скайп» компьютеров, монитор одного из которых будет установлен для председательствующего судьи, а другого – в помещении, в котором находится засекреченный свидетель. Кроме того, не сложным является параллельное использование программы искажения голоса допрашиваемого свидетеля для его наиболее эффективной защиты. При таких обстоятельствах основания не доверять показаниям засекреченных свидетелей будут устранены, и они могут быть в полной мере использованы в доказывании по уголовным делам.

На основании изложенного предлагаем изложить ч. 5 ст. 278 УК РФ в следующей редакции: «При необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, в непосредственной видимости для суда, о чем суд выносит мотивированное постановление или определение»

А.В. Титков

К вопросу защиты конституционных прав потерпевшего в досудебном производстве

В соответствии с ч. 1 ст. 1 УПК РФ порядок уголовного судопроизводства на территории РФ устанавливается УПК РФ, основанном на Конституции РФ, имеющей согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, высшую юридическую силу, прямое действие и применение на всей территории РФ.

Исходя из положения Конституции РФ о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, назначение уголовного судопроизводства состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, а так же личности от незаконного необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Из указанного конституционного положения следует, что правосудие не может считаться свершенным, если при его отправлении не были обеспечены конституционные права потерпевшего на доступ к правосудию (ст. 52 Конституции РФ) и на судебную защиту (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ) путем осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ), поскольку процесс отправления уголовного судопроизводства должен быть справедливым не только к правонарушителям, но и к их жертвам.

Однако действующее законодательство показывает, что в силу особенностей процессуального статуса потерпевшего, он оказывается в роли стороннего наблюдателя, а его активность в защите предоставленных ему и без того немногочисленных прав воспринимается следователем как своеобразный раздражитель, предоставленные потерпевшему и его представителям процессуальные возможности защищать свои права и законные интересы вследствие несовершенства положений УПК РФ затрудняются на практике[1].

Как участник уголовного судопроизводства потерпевший отнесен по классификации УПК РФ к стороне обвинения (глава VI, ст. 42 УПК РФ). Как лицо, которому причинен тот или иной вред, потерпевший относится к группе участников процесса, имеющих свой интерес, и наделенных определенными правами для защиты этого интереса.

В стадии предварительного расследования потерпевшему принадлежит круг прав, перечисленных в ч. 2 ст. 42 УПК (в ред. от 23.07.2013).

Многие права потерпевшего указанные в данной статье могут быть в той или иной мере реализованы лишь в случае своевременного вынесения постановления о признании лица таковым. Например – знать о предъявленном обвиняемому обвинении, участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя; знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания; знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта и др. Однако для юридически неосведомленного лица, лишенного, как правило, профессионального представителя, даже своевременно допущенного в процесс условия защиты прав и законных интересов существенно не облегчаются, если разъяснение его прав осуществляется формально.

В этой связи заслуживает внимание высказывание В.Т. Томина о том, что согласно п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ в случаях, предусмотренных этим Кодексом, обвиняемый имеет право пользоваться помощью защитника, в том числе и бесплатно, значит и потерпевший должен

---

[1] Мельников В.Ю. Безопасность и защита прав и свобод потерпевших // Российская юстиция. 2010. № 2. С. 40.

иметь такое право, касающееся его представителя. Тем более очень может быть, что потерпевший стал неимущим именно вследствие совершения преступления, являющегося предметом соответствующего уголовного дела. А обвиняемый сказывается неимущим вследствие того, в частности, что по понятной причине скрывает средства, нажитые преступным путем[1].

Указанное явилось бы реализацией конституционного положения о праве лица на квалифицированную юридическую помощь, что предусмотрено ч. 1 ст. 48 Конституции РФ.

Несмотря на то, что большая часть общепризнанных норм Международного права по защите достоинства личности как жертвы преступления нашла свое отражение в уголовно-процессуальном законодательстве России, российскому законодателю, как указывает И.М. Ибрагимов, не удалось в полной мере практически реализовать его основное предназначение и постановленную им задачу по приоритетной защите прав и законных интересов лиц пострадавших от преступлений. Законодательно-определенные конституцией права и гарантии потерпевшего в ходе уголовного разбирательства дела являются недостаточными и потому не обретают должной силы путем применения уголовно-процессуального положения, которые подчас диссонируют с закрепленными в международно-правовых актах и в Конституции РФ идеями, ценностями, целям и принципами предусматривающими защиту прав[2].

Так, ст. 172 УПК, подробно регламентирующая порядок предъявления обвинения, акцентирует внимание на соблюдение при этом прав обвиняемого и его защитника, вплоть до вручения им, и в копии прокурору, постановления о предъявлении обвинения. О правах потерпевшего речь не идет – он не извещается ни о времени, ни о характере предъявляемого обвинения, и, следовательно, лишен возможности выразить к нему своё отношение. То же касается и следственного действия об изменении и дополнении обвинения, либо частичного прекращения дела (ст. 175 УПК). О характере решений следователя по этим вопросам потерпевший узнает, как правило, на стадии окончания расследования при ознакомлении с материалами дела, что согласно ст. 216 УПК РФ, осуществляется следователем по ходатайству потерпевшего, а не в силу обязанности, как это предусмотрено в отношении обвиняемого.

Частично пробелы законодательства по защите прав потерпевших

---

[1] Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009. С. 201.

[2] Ибрагимов И.М. Концептуальные проблемы законодательного расширения правомерных возможностей защиты прав потерпевшего // Российская юстиция. 2012. № 11. С. 53.

устраняются правовыми позициями Конституционного Суда РФ.

Так, при проверке соответствия Конституции п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ Конституционный суд указал, что: «Потерпевший, являясь лицом, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред или вред деловой репутации, имеет в уголовном процессе свои собственные интересы, для защиты которых он в качестве участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения наделен правами стороны. Такой подход к регламентации прав потерпевшего корреспондирует положениям Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью[1]. Потерпевшему должна быть обеспечена возможность изложить свои мнения и пожелания на любых этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются его интересы, без ущерба для обвиняемых[2].

Статья 24 (ч. 2) Конституции РФ обязывает органы государственной власти обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Положения уголовно-процессуального законодательства о праве потерпевшего знакомиться с материалами уголовного дела с момента окончания предварительного расследования и о его реализации с учетом специфики уголовного процесса не могут рассматриваться как ограничивающие право потерпевшего на получение информации.

В целях обеспечения устранения нарушений прав личности, в том числе путем обжалования соответствующих судебных актов, потерпевшему должен быть предоставлен доступ к соответствующей информации для незамедлительного обращения с жалобой в суд[3].

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ потерпевший вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении. Это предполагает обязанность следователя довести до сведения потерпевшего не только сам факт предъявления обвинения конкретному лицу, но и содержание по-

---

[1] Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29.11.1985 № 40/ 34

[2] Постановления КС РФ: от 18.02.2000 № 3-П «По делу о проверке 1 конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»; от 24.04.2003 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов»; от 8.12.2003 № 18-П «По делу о проверке I конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК Российской Федерации».

[3] Постановление КС РФ от 23.03.1999 № 5-П «По делу о проверке положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР; Определение по жалобам гражданки О.В. Старовойтовой от 14.01.2003 № 43-0 и от 4.11.2004 № 430-О.

становления о привлечении в качестве обвиняемого, включая описание фактических обстоятельств инкриминируемого лицу преступления и его юридическую оценку.

Отсутствие в названной норме прямого указания на порядок, в соответствии с которым следователь знакомит потерпевшего с предъявленным обвиняемому обвинением, и на обязанность вручить потерпевшему копию постановления не означает, что до окончания предварительного расследования этот участник уголовного судопроизводства не вправе на основании п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ ознакомиться с текстом постановления и снять с него копию. То же относится – с учетом особенностей правового положения потерпевшего на стадии предварительного следствия – и к закрепленному п. 20 ч. 2 ст. 42 УПК РФ праву потерпевшего знать о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях и подавать на них возражения. Иное противоречило бы закрепленному в ст. 123 (ч. 3) Конституции РФ принципу состязательности и равноправия сторон, на основе которого осуществляется судопроизводство, поскольку ограничивало бы возможности потерпевшего по отстаиванию своей позиции по уголовному делу и оспариванию решений, непосредственно затрагивающих его права и законные интересы.

В соответствии со ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» конституционно-правовой смысл указанных законоположений, выявленный Конституционным Судом РФ в настоящем Определении на основании правовых позиций, выраженных в сохраняющих свою силу решениях, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике»[1].

Однако, как указывает М. Мусаев, – изучение следственной практики в части обеспечения процессуальных прав потерпевшего показывает, что далеко не все должностные лица, выполняющие функцию уголовного преследования, с готовностью выполняют имеющиеся предписания закона и его толкований органом конституционного контроля[2].

Реализация закрепленных в ст. 52 Конституции РФ и ст. 42 УПК РФ прав и гарантий потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве нуждается в дальнейшем совершенствовании норм уголовно-процессуального права.

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 № 300-0.

[2] Мусаев М. Защита интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве РФ. М., 2012. С. 32.

Д.С. Тишков

Некоторые аспекты оптимизации сроков уголовного судопроизводства как гарантия соблюдения права граждан на уголовное судопроизводство в разумный срок

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепринятые нормы и принципы международного права признаются составной частью российской правовой системы. Наличие данной нормы обусловлено, в том числе фактом членства РФ в международных организациях как европейского, так и мирового сообщества.

В рамках международного права функционирует целый ряд норм, которые рекомендуют определенные правила отправления правосудия по уголовным делам. Эти правила не указывают напрямую на скорость судопроизводства, но оперируют понятием «разумный срок судопроизводства»[1].

В частности Европейская конвенция прав человека в ст. 6 закрепляет положение, в соответствии с которым каждый человек имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Данная конвенция была ратифицирована РФ ФЗ от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». Нормы и положения, содержащиеся в конвенции, были инкорпорированы в российскую правовую систему, став ее частью.

Граждане РФ наряду с закрепленными в Конституции РФ правами получили в связи с ратификацией конвенции новое право – право на уголовное и гражданское судопроизводство в разумный срок. В соответствии со ст. 17 и 18 Конституции РФ государство взяло на себя обязанность обеспечивать непосредственную реализацию данного права на территории РФ. Тем не менее, с 1998 г. Европейский суд по правам человека неоднократно фиксировал нарушения права граждан на судопроизводство в разумный срок[2], побуждая РФ к принятию мер по созданию более совершенного механизма реализации данного права.

Одним из шагов в данном направлении, наряду с введением в УПК РФ ст. 6.1, посвященной разумному сроку судопроизводства, явился ФЗ от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного

---

[1] Марковичева Е.В. Международные стандарты разумности сроков производства по уголовному делу // Уголовное судопроизводство. 2009. № 4. С. 11.

[2] Нарушения, признанные Европейским судом по правам человека: статистическая информация о деятельности Европейского суда по правам человека за период с 1959 по 2011 гг. URL: http://europeancourt.ru.

акта в разумный срок». Данный ФЗ закрепил право граждан на получение компенсации за нарушение предоставленного им права на судопроизводство и исполнение судебного решения в разумный срок. Считается, что основным назначением данного закона является стимулирование деятельности всей системы правоохранительных органов в России.

Тем не менее, затягивание судопроизводства, в частности уголовного, иногда обусловлено не низким качеством деятельности органов предварительного расследования, а пробелами процессуального законодательства, наделяющего данные органы полномочиями в уголовно-процессуальной сфере, что в свою очередь существенно ограничивает конституционные права потерпевшего, а также подозреваемого и обвиняемого, находящихся в состоянии неопределенности в течение длительного временного промежутка.

Представляется, что одним из таких пробелов можно признать отсутствие возможности производства допроса на стадии предварительного расследования с использованием систем видеоконференцсвязи.

Развитие научно-технического прогресса повлияло на процессуальные аспекты уголовного судопроизводства в части рассмотрения уголовных дел в судах. Для устранения объективных трудностей при допросе свидетелей и потерпевших в ряд статей УПК РФ были внесены поправки и введена новая ст. 278.1. «Особенности допроса свидетеля путем использования систем видеоконференцсвязи». Данная статья определяет порядок допроса в суде потерпевшего и свидетеля, не имеющих возможностей явиться в суд по объективным причинам, посредством систем видеоконференцсвязи[1]. Внесенные в УПК РФ изменения позволили судам допрашивать свидетелей и потерпевших, проживающих в другом субъекте РФ, находящихся на лечении или в длительных служебных командировках, а также отбывающих наказание в местах лишения свободы, с применением видеоконференцсвязи[2].

Введение данной нормы в УПК РФ призвано обеспечивать реализацию процессуальных прав участников уголовного процесса и в то же время способствовать надлежащему исполнению их процессуальных обязанностей.

Представляется логичным продолжение реформирования системы уголовного судопроизводства и законодательное закрепление возможности допроса свидетеля с использованием систем видеоконференцсвязи на стадии предварительного расследования.

---

[1] Федеральный закон от 20.03.2011 № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

[2] Желтобрюхов С.П. Допрос свидетеля (потерпевшего) путем использования систем видеоконференцсвязи // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 43-44.

Согласно ч. 1 ст. 187 УПК РФ допрос производится по месту производства предварительного следствия, но при этом следователь вправе, если признает это необходимым, провести допрос в месте нахождения свидетеля.

Однако практика предварительного расследования свидетельствует о том, что далеко не всегда у следователя есть возможность произвести данное следственное действие в оптимальные сроки. Это может быть вызвано проживанием свидетеля на территории другого субъекта РФ, нахождением свидетеля в длительной служебной командировке либо на лечении. Вызов свидетеля на допрос и его явка в подобных ситуациях требуют существенных процессуальных затрат, как финансовых, так и временных. В итоге у следователя сокращается процессуальный срок на осуществление иных следственных действий, о производстве которых он принял решение после допроса свидетеля.

В связи с этим представляется целесообразным закрепить процессуальную возможность производства допроса свидетеля, который отсутствует в месте производства предварительного следствия, с помощью систем видеоконференцсвязи в месте его нахождения.

Порядок такого допроса может быть следующим.

Следователь в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ направляет руководителю органа дознания по месту нахождения свидетеля письменное поручение об организации и содействии в проведении допроса с использованием систем видеоконференцсвязи. В поручении необходимо указать фамилию, имя, отчество, дату рождения лица, которого необходимо допросить с использованием средств видеоконференцсвязи, адрес местожительства и работы, контактный телефон, а также документ, удостоверяющий его личность. Свидетель вызывается на допрос по общим правилам, установленным ст. 188 УПК РФ, то есть повесткой.

В случае уклонения свидетеля от явки в орган дознания, которому поручено организовать проведение допроса, должно выноситься постановление о приводе указанного лица. Это позволит быстро и оперативно обеспечить явку свидетеля, не дожидаясь поступления подлинника постановления о принудительном приводе свидетеля из органа предварительного следствия, в производстве которого находится уголовное дело.

Допрос свидетеля с использованием систем видеоконференцсвязи должен производиться по общим правилам, установленным УПК РФ для допроса свидетелей.

Перед допросом сотрудник органа дознания, которому поручено обеспечить участие в допросе свидетеля в месте его нахождения, удостоверяет его личность.

Разъяснение прав, обязанностей и ответственности допрашиваемого лица, предусмотренных ст. 56 УПК РФ осуществляет следователь,

проводящий расследование. Данный факт надлежащим образом фиксируется в подписке свидетеля, которая в дальнейшем с копией документа, удостоверяющего его личность, будет направлена инициатору допроса для приобщения к протоколу допроса, который ведется следователем, проводящим расследование. В целях обеспечения права допрашиваемого лица на квалифицированную юридическую помощь, свидетель может прибыть на допрос с адвокатом. Анализ юридической литературы позволяет предположить, что при допросе свидетеля с использованием систем видеоконференцсвязи наряду с заслушиванием устной речи возможно заслушивание переведенной в устную жестовой речи свидетеля.

Производство допроса с использованием систем видеоконференцсвязи не исключает применение таких тактических приемов как привлечение специалистов, предъявление вещественных доказательств.

В целях полноты фиксации хода и результатов следственного действия при допросе в обязательном порядке должны применяться средства видеозаписи в месте нахождения следователя, проводящего расследование по уголовному делу. Факт применения технических средств, а также заявления допрашиваемого лица по поводу проведения видеозаписи отражаются в протоколе допроса.

После окончания следственного действия следователь зачитывает вслух протокол допроса. Свидетель в бланке подписки о разъяснении ему прав и обязанностей, регламентированных УПК РФ, делает отметку об ознакомлении с показаниями и удостоверяет своей подписью правильность их записи. Отказ от подписания протокола допроса или невозможность его подписания свидетелем удостоверяется в порядке, установленном ст. 167 УПК РФ.

Таким образом, в настоящее время проведение допроса свидетелей при расследовании уголовных дел с использованием систем видеоконференцсвязи законодательно закреплено лишь на стадии судебного следствия. Дальнейшее расширение сферы применения указанной технологии на стадию предварительного расследования позволит оптимизировать сроки предварительного следствия по данной категории уголовных дел. Что в свою очередь будет выступать гарантией права граждан на уголовное судопроизводство в разумный срок.

А.В. Ткачев

Возможности криминалистики при обеспечении реализации положений Конституции Российской Федерации в правоприменительной деятельности

Конституция РФ является основополагающим документом, обеспечивающим соблюдение прав и свобод граждан при расследовании пре-

ступлений, в том числе путем обеспечения условий для быстрого и полного раскрытия преступления, наказания виновного и защиты прав потерпевшего. Особое значение для уголовно-правового судопроизводства имеют следующие статьи Конституции РФ.

Согласно ч. 1 ст. 17 Конституции РФ в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией.

В силу ст. 50 Конституции РФ никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление. 2. При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. 3. Каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания. На основании ст. 51 Конституции РФ никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. 2. Федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания. В соответствии со ст. 52 Конституции РФ права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Нормы Конституции РФ обладают прямым юридическим действием. В то же время их эффективная реализация невозможна без принятия федеральных законов, иных нормативных актов и обеспечения применения этих актов в деятельности соответствующих государственных органов. Деятельность государственных органов по исполнению конституционных норм и принятых на основании их нормативных актов должна быть обеспечена человеческими, материальными и организационными ресурсами.

Криминалистика является прикладной юридической наукой предметом изучения, которой является с одной стороны деятельность государственных органов по расследованию преступлений, а с другой преступная деятельность[1]. В силу этого криминалистика, пожалуй, лучше других юридических дисциплин, осведомлена о потребностях практической деятельности в области борьбы с преступностью.

Однако накопленный криминалистами практический опыт и теоретические знания очень часто не учитываются при принятии законода-

---

[1] Криминалистика: учеб. / под ред. Т.А. Седовой, А.А.Экскархопуло. СПб., 2001. С. 18; Криминалистика: информационные технологии доказывания: учеб. для вузов / под ред. В.Я. Колдина, М., 2006. С. 31; Криминалистика: учеб. / под ред. Н.П. Яблокова, М., 2010. С. 28.

тельных актов в области судопроизводства.

Проиллюстрируем данное положение на двух примерах.

Федеральным законом РФ от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного Кодекса Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в уголовный процесс внесены изменения, направленные на упрощение процедуры уголовного преследования[1]. В частности, сокращается участие понятых при производстве ряда следственных действий, вводится упрощенная форма дознания по некоторым категориям дел. При этом законодатель указывает, что исключение определенных процессуальных гарантий должно быть компенсировано расширением применения технических средств. В то же время как следует из отзывов соответствующих государственных органов, поступивших на стадии принятия указанного закона, вопросы материального и организационного обеспечения реализации закона не рассматривались. Правительство РФ в своем отзыве указывало, что принятие закона позволит сократить процессуальные издержки; Верховный Суд РФ поддерживает, если будет усилена ответственность за фальсификацию доказательств; профильный комитет Государственной Думы РФ отмечает, что реализация закона не потребует расходов федерального бюджета.[2]

Между тем технические средства, которые должны будут обеспечивать обязательную фиксацию хода и результатов следственного действия представляют собой цифровую технику. В большинстве случаев в правоохранительных органах сейчас используются указанные средства, которые допускают внесение изменений в зафиксированную с их помощью компьютерную информацию. Во многих случаях, в дальнейшем факт внесения таких изменений невозможно достоверно установить даже экспертным путем. Этого можно избежать, если использовать специальную технику и/или носители электронной информации, не позволяющие вносить в них изменения после записи на них определенной информации. Следовательно, необходимы денежные средств на покупку данных технических средств, обучение сотрудников, оборудование мест хранения и т.п.

В ином случае мы можем в итоге получить, с одной стороны, возможность злоупотребления со стороны органов следствия, а с другой, обвинения в фальсификации доказательств со стороны подозреваемых (обвиняемых), обоснованность которых будет невозможно установить.

Второй пример связан с внесением изменений в гражданское процессуальное законодательство, которые повлекли усиление преступной активности. Согласно Федеральному закону от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Россий-

---

[1] СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

[2] Сайт Государственной Думы РФ. URL: www. duma.gov.ru.

ской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» ст. 26 ГПК РФ дополнена ч. 3, в результате Московский городской суд стал единственным судом первой инстанции РФ, рассматривающим гражданские дела, связанные с защитой исключительных прав на фильмы, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях (и в сети «Интернет»).[1]

Концентрация рассмотрения дел одной категории только в одном суде страны вызвало противодействие со стороны правонарушителей. На информационную систему Мосгорсуда последовали массированные кибератаки, в том числе и из зарубежных стран. Потребовалось дополнительные организационные, финансовые и технические усилия для обеспечения нормальной деятельности суда. В дальнейшем по оценке председателя Мосгорсуда О.А. Егоровой только на приобретение оборудования для защиты сайта суда потребуется 100 млн руб.[2]

Представляется на стадии принятия новых правовых норм в области судопроизводства недостаточно провести только их формально-юридический анализ, оценить системные связи принимаемых норм с уже действующими нормативными актами. Данный анализ должен быть дополнен изучением влияния, какое вновь вводимые нормативные правила окажут на существующие тактические, технические, организационные аспекты деятельности правоприменительных и судебных органов, необходима оценка и возможных негативных явлений, сопутствующих их введению в действие. Важным самостоятельным аспектом анализа является и оценка возможной реакции правонарушителей на правовые новеллы, прогнозирование изменение структуры преступной деятельности, предсказание форм противодействия и, соответственно, принятие защитных мер.

Криминалистические знания должны как можно более широко и полно использоваться для достижения указанных целей. Проекты новых законодательных актов в области судопроизводства необходимо направлять для получения обязательных рецензий (отзывов), как в научные криминалистические учреждения, так и в практические органы.

В случае принятия нормативных актов, регулирующих применение технических средств, представляется целесообразным максимально конкретизировать в самом тексте закона требования, которым они должны отвечать или, если это по каким-либо причинам затруднительно, создавать отсылочную норму к правовому акту[3].

---

[1] СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3479.

[2] Российская газета. 2013. 17 сентября.

[3] В качестве примера последнего варианта правового регулирования можно указать ст. 3 и 4 ФЗ «Об оружии», в которых предусмотрено, что гражданское и огнестрельное оружие должно отвечать криминалистическим требованиям.

Данные требования должны учитывать не только правовые принципы, но и природу самих технических средств и особенности технологий их применения.

Таким образом, можно будет обеспечить реальное воплощение принципов, закрепленных в Конституции РФ в правоприменительной деятельности.

С.В. Фидельский
Р.В. Шакитько

Актуальные вопросы процедуры возбуждения уголовных дел о преступлениях связанных с преднамеренным банкротством

Вопросы, возникающие при расследовании отдельных видов экономических преступлений, актуальны, и с каждым годом все больше и больше. Анализ уголовно-правовых признаков, методики расследования уголовных дел о преднамеренном банкротстве, говорит о том, что данная категория преступлений создает реальную угрозу для развития рыночной экономики и свободного предпринимательства в РФ, наносит существенный вред общественным отношениям в сфере кредита, инвестиций, собственности, препятствуют формированию в стране благоприятного инвестиционного климата и дальнейшей интеграции нашей страны в международные экономические институты. С каждым годом, по мнению сотрудников следственных органов федеральных органов исполнительной власти, данные преступления совершаются все более замаскировано под гражданско-правовые отношения, для этого разрабатываются различные схемы, работают все более изощренно. Зачастую уполномоченные федеральные органы не всегда в состоянии выявить факты преднамеренных банкротств. Все это свидетельствует о переделе собственности с помощью указанного вида преступлений.

В РФ основания и порядок признания юридических лиц и индивидуальных предпринимателей несостоятельными (банкротами) предусмотрены в ГК РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ, Федеральных законах: от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», от 25.02.1999 № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» и др. нормативных правовых актах.

В целях обеспечения установленной процедуры банкротства, соблюдения баланса интересов всех участвующих в деле о банкротстве лиц, предупреждения преднамеренных и фиктивных банкротств в УК РФ установлена ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ст. 195- 197.

В связи с указанным закономерны такие вопросы: что понимается под банкротством, каковы признаки, каков процессуальный порядок

возбуждения дел указанной категории, что может служить в данном случае поводом к возбуждению уголовного дела, кто будет являться потерпевшим по уголовному делу, из чего исходить при определении размера причиненного ущерба, является ли проведение экспертизы необходимым в данном случае, особенности предварительного следствия по делам данной категории?

На многие из указанных вопросов, есть ответы в совершенной научной литературе, даются понятия, определения и существуют комментарии. Однако единообразной методики расследования уголовных о преступлениях связанных с преднамеренным банкротством до настоящего времени не выработано.

Действующая редакция ст. 196 УК определяет преднамеренное банкротство как совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо индивидуальным предпринимателем действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или индивидуального предпринимателя в полном объеме удовлетворять требования кредитора по денежным обязательствам и (или) исполнять обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействия) причинили крупный ущерб.

Диспозиция ст. 196 УК бланкетная, а поэтому для общего понимания преднамеренного банкротства требуются знания гражданского, налогового законодательства, Закона о банкротстве и других нормативных правовых актов РФ.

В ст. 2 «Основные понятия…» Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) по используемым законодателем терминам даются основные понятия, в том числе определяется, что несостоятельность (банкротство) — признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворять требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнять обязанность по уплате обязательных платежей.

Так, в п. 2 ст. 3 «Признаки банкротства» Закона о банкротстве указывается, что юридическое лицо (в нашем случае предприятие) считается не способным удовлетворять требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнять обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены].

Поводы к возбуждению уголовного дела установлены и перечислены в ст. 140 УПК РФ. Однако не определенным остается, по какому поводу может быть возбужденно уголовное дело о преднамеренном банкротстве? Представляется, что при наличии заявлении о преступлении данное уголовное дело может быть возбужденно но при этом возникает вопрос кто может быть заявителем? Кредиторы юридического

лица, либо его учредители, если их, к примеру несколько. Как быть с таким поводом как явка с повинной? Допустим руководитель предприятия под угрозой либо, руководствуясь корыстью, выводит из общества наиболее ликвидные активы, наживаясь при этом и приводя предприятие к банкротству. После чего понимая угрозу наказания и его неотвратимость, приходит в органы внутренних дел и добровольно сообщает о совершенном им преступлении, как в этом случае принимать решение по результатам рассмотрения сообщения о преступлении. Сообщение, полученное из других источников, может служить поводом к возбуждению уголовного дела о преднамеренном банкротстве? На наш взгляд не может, допустим, сотрудники органа осуществляющего ОРД выявили признаки подготавливаемого преступления, задокументировали преступную деятельность фигурантов, легализовали материалы ОРД и представили их в следственный орган. Далее следователь, получив для проверки данные материалы при опросе устанавливает, что юридическому лицу ущерб не причинен, признаки преднамеренного банкротства формальны и еще ряд факторов препятствующих к возбуждению уголовного дела. Либо в СМИ имеется ряд публикаций о преднамеренном банкротстве, которые при проверке не нашли своего подтверждения но и не опровергнуты. Материалы прокурорских проверок также на наш взгляд не могут являться поводом к возбуждению уголовных дел данной категории.

В связи с этим возникает закономерный вопрос? Какой и поводов установленных ст. 140 УПК РФ, может служить достаточным поводом к возбуждению уголовного дела о преднамеренном банкротстве.

В настоящее время существует ряд комментариев связанных с процедурой возбуждения уголовных дел о преднамеренном банкротстве.

Так, по мнению некоторых ученных, наличие принятого арбитражным судом решения о признании должника банкротом, является обязательным условием для возбуждения уголовного дела о преднамеренном банкротстве. Данное наставление следует трактовать как рекомендацию, либо обязательное условие необходимое для возбуждения уголовного дела. Ведь данное решение фактически является преюдиционным, так как оно принято в рамках арбитражного процесса и им установлен факт признания того или иного должника банкротом. Вместе с тем, о наличии признаков преднамеренного банкротства могут свидетельствовать совершение должником сделок или действий, не соответствующих существовавшим на момент их совершения рыночным условиям и обычаям делового оборота, которые стали причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности должника. И на наш взгляд возбуждение арбитражным судом производства по делу о преднамеренном банкротстве обязательным является не может. Так как указанное решение фактически может предрешать судьбу уголовного дела. Ведь вопрос о банкротстве решен, должник признан банкротом, и

осталось только выявить, кто виновен и привлечь его к ответственности.

Существует также еще одна на наш взгляд сложность, это отсутствие методики выявления признаков преднамеренного банкротства. Нормативно-правовые акты дают достаточно общие представления. К ним относятся – Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства (утв. постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 855), Правила проведения арбитражным управляющим финансового анализа (утв. постановлением Правительства РФ от 25.06.2003 № 367), Положение о порядке предъявления требований по обязательствам перед РФ в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве (утв. постановлением Правительства РФ от 29.05.2004 № 257).

В соответствии с данными правилами в ходе финансового анализа сделок должника устанавливается соответствие сделок и действий (бездействий) органов управления должника действующему законодательству, а также выявляются сделки, заключенные или исполненные на условиях, не соответствующих рыночным условиям, послужившие причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности и причинившие реальный ущерб должнику в денежной форме.

Так, согласно п. 9 постановления Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» к сделкам, заключенным на условиях, не соответствующих рыночным условиям, относятся:

- сделки по отчуждению имущества должника, не являющиеся сделками купли-продажи, направленные на замещение имущества должника менее ликвидным;
- сделки купли-продажи, осуществляемые с имуществом должника, заключенные на заведомо невыгодных для должника условиях, а также осуществляемые с имуществом, без которого невозможна основная деятельность должника;
- сделки, связанные с возникновением обязательств должника, не обеспеченные имуществом, а также влекущие за собой приобретение неликвидного имущества;
- сделки по замене одних обязательств другими, заключенные на заведомо невыгодных условиях.

Указанное обязывает конкурсного управляющего проводить анализ по результатам которого давать заключение о наличии признаков преднамеренного банкротства либо его отсутствии.

На наш взгляд это неверно. Представляется, что заключение конкурсного управляющего служит отправной точкой для принятия решения. А в случае если конкурсный управляющий является членом преступной группы? И прямо заинтересован в уводе от уголовной ответ-

ственности соучастников, либо прямо противоположно является заинтересованным в привлечении к уголовной ответственности руководителя со стороны должников.

Предварительное следствие по делам о преднамеренном банкротстве имеет определенную специфику. В ходе расследования уголовного дела от лица производящего предварительное следствие требуются глубокие знания норм уголовного процесса, а также экономики, финансов, бухгалтерского учета, налогообложения и многого другого.

По нашему мнению размер причиненного ущерба не должен учитываться в связи с правом кредитора на удовлетворение его имущественных требований вплоть до завершения арбитражным судом процедуры конкурсного производства. При этом размер причиненного ущерба должен быть документально подтвержден.

Потерпевшими же по данной категории уголовных дел могут быть признаны:

- кредиторы юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;

- хозяйственное товарищество или общество как собственник переданного и приобретенного имущества;

- РФ в лице органов государственной власти РФ, Государственной корпорации по атомной энергетике «Росатом», Государственной академии наук как собственник имущества федерального государственного унитарного предприятия, основанного на праве хозяйственного ведения;

- субъект РФ в лице органов государственной власти субъекта РФ как собственник имущества государственного унитарного предприятия субъекта РФ, основанного на праве хозяйственного ведения;

- муниципальное образование в лице органов местного самоуправления как собственник имущества муниципального унитарного предприятия, основанного на праве хозяйственного ведения.

Не подлежат признанию потерпевшими иные лица, в том числе учредители (участники) хозяйственного товарищества (общества), работники юридического лица, в связи с задолженностью по выплате выходных пособий и оплате труда по трудовому договору.

Необходимо учесть, что отсутствие надлежащей регламентации, порождает необходимость внесения соответствующих изменений для более слаженной регламентации действий должностных лиц производящих предварительное следствие по делам данной категории.

В связи с изложенным предлагаем, в качестве повода для возбуждения уголовного дела о преднамеренном банкротстве установить:

- заявление о преступлении, при этом указать, что лицами полномочными подавать данное заявление могут быть лица, которые в последующем могут быть признаны потерпевшими по уголовному делу,

- постановление прокурора о направлении материалов в следственные органы для решения вопроса об уголовном преследовании. Соответственно по результатам проведения проверок, с учетом того, что имеются лица из перечня тех кто может быть признан потерпевшим по уголовному делу.

При этом следует, до возбуждения уголовного дела необходимо принятие судом в рамках арбитражного процесса решения о признании должника банкротом и заключение эксперта о выявленных фактах преднамеренного банкротства.

А.В. Хмелева

Проблемы взаимодействия с судебными экспертами, требующие законодательного урегулирования

Прежде всего, хочется заострить внимание на отдельных новеллах Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». В нем подробно рассматриваются вопросы назначения экспертиз негосударственным судебным экспертам, в том числе – экспертам-«внештатникам», проверки их компетенции. В постановлении имеются несколько нововведений: п. 8 Постановления фактически распространил права ч.1 ст. 198 УПК РФ «Права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы» на потерпевшего (ранее права потерпевшего в этой части были значительно уже – ч. 2 ст. 198 УПК РФ). Соответствующие изменения в УПК РФ пока не приняты. Кроме того, Пленум завершил длительную дискуссию о возможности производства комплексной экспертизы одним экспертом, если он обладает специальными знаниями по различным экспертным специальностям (УПК РФ и Закон от 31.05.2001 «О государственной экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон об экспертной деятельности) предусматривает производство комплексной экспертизы только комиссией экспертов).

Имеется настоятельная необходимость в дополнениях указанного Закона, в части правомерности назначения и проведения исследований на стадии доследственной проверки (в контексте ч. 1 ст. 144 УПК РФ), возможности проведения исследования комиссионно, привлечения в комиссию специалистов-«внештатников», проведения специалистами государственных СЭУ исследований на стадии процессуальной проверки бесплатно, проведения судебных экспертиз на данной стадии уголовно-процессуального производства (последнее – в соответствии с изменениями и дополнениями УПК РФ от 20.02.2013).

Не достаточно разработан законодателем правовой институт «заключение специалиста»: вопросы привлечения специалиста, оформле-

ния заключения, его структуры и содержания. Целесообразно определить отличия заключения специалиста от исследования, проведенного экспертом, и от письменной консультации специалиста; урегулировать вопрос, на основании какого документа следователя специалист дает заключение; однозначно определиться – предусматривает ли задание специалисту проведение им исследования (в указанном постановлении Пленума этот вопрос решен отрицательно, но на практике однозначный подход отсутствует (например, дача заключения специалиста-полиграфолога предусматривает проведение им исследования). Не случайно данный установленный законодателем вид судебных доказательств используется на практике довольно редко. Статья 74 УПК РФ устанавливает такой вид доказательств, как «показания специалиста», однако кодекс не предусматривает следственного действия «допрос специалиста», на практике обычно его допрашивают в качестве сведущего лица – свидетеля (допрос эксперта, как самостоятельное следственное действие предусмотрен ст. 205 УПК РФ). Этот вопрос также требует правового урегулирования.

Необходимо более четко законодательно решить вопрос об установлении уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения специалиста (ведь речь идет о доказательстве, по своему статусу таком же, как и заключение эксперта). Название ст. 307 УК РФ – «Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста и неправильный перевод» предусматривает уголовную ответственность за заведомо ложное заключение специалиста, однако в диспозиции статьи речь идет только о показании специалиста, заключение специалиста не упомянуто, в отличие от показания и заключения эксперта.

Назрела настоятельная необходимость не только внесения дополнений и изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, но и принятия Закона об экспертной деятельности, где должны быть урегулированы вопросы производства экспертиз и исследований как государственными судебными экспертами, так и негосударственными (юридическими и физическими лицами), а также урегулирование деятельности такого участника уголовного процесса, обладающего специальными знаниями, как специалист.

Хотелось бы остановиться подробнее на некоторых новеллах УК РФ.

Изменения, внесенные в УК РФ 1.03.2012, устанавливают, что состав преступления, предусмотренного ч. 1 и 2 ст. 134 и ч.1 ст. 135 УК РФ, образуют преступные действия, совершенные в отношении лица, не достигшего 16-летнего возраста и половой зрелости (выделено автором). При этом в ведомственных подзаконных актах не разъяснено, что понимается под половой зрелостью, какие специалисты или эксперты каких специальностей должны привлекаться для решения этого вопроса. Не были внесены соответствующие дополнения в Приказ Ми-

нистерства здравоохранения и социального развития РФ от 12.05.2010 № 346 Н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации».

Письмом и.о. директора Российского центра судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27.03.2012 № 1172 до издания соответствующего нормативного правого акта рекомендовано судебно-медицинским экспертам при решении данного вопроса руководствоваться комплексом медицинских критериев, которые содержатся в ранее применявшихся инструктивных информационных документах о правилах определения половых состояний. Было указано, что данные исследования надо выполнять в рамках комиссионных комплексных экспертиз с привлечением в состав комиссий соответствующих специалистов и проведении при необходимости лабораторных исследований. Эта же позиция отражена в более позднем документе - «Методические рекомендации «Порядок установления половой зрелости», утвержденные 11.12.2012 главным внештатным специалистом по судебной экспертизе Минздрава России. Следователи СУ по Воронежской области привлекают в состав комиссий Бюро СМЭ детского врача гинеколога и детского врача уролога, которые работают совместно со специалистом, проводящим ультразвуковое исследование потерпевших. Все это требует существенных организационных, временных затрат и финансовых расходов, т.к. труд привлеченных в комиссию специалистов оплачивается на договорной основе. Однако представляется, что решение вопроса о половой зрелости лица, от которого напрямую зависит принятие решения о возбуждении уголовного дела, должно находиться в компетенции экспертов государственных СЭУ. Необходимо внести дополнения в Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12.05.2010 № 34н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации», касающиеся порядка организации и проведения исследований по вопросам половой зрелости подростков, обеспечить инструментальную базу и соответствующую подготовку судебно-медицинских кадров учреждений судебной медицины.

У практических работников следствия вызывает тревогу, поспешные на наш взгляд, указанные выше изменения, внесенные в ст. 135 и 134 УК РФ, касающиеся установления такого элемента состава преступления как половая зрелость потерпевшего. Известно, что половой зрелости по отдельным физиологическим основаниям большинство подростков достигает в 13-14 лет. Введение правила, в соответствии с которым не образуют состав преступления развратные действия в отношении подростков от 14 до 16 лет, если они достигли половой зрелости, фактически декриминализирует состав тяжкого преступления. От-

каз государства признать преступлением совершение развратных действий в отношении подростка, пусть физиологически и достигшего половой зрелости, идет в разрез с проводимой политикой ужесточения наказаний за преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних, не отвечает духу Закона, принципам охраны здоровья и нравственности подрастающего поколения. Тем более что речь идет о том возрасте, когда формируются основы половой культуры, взаимоотношения полов; идет морально-нравственное становление и воспитание личности. Принятие данных поправок на практике привело к тому, что ряд уголовных о развратных действиях, в ходе следствия по которым были установлены обвиняемые, в 2012 г. были прекращены.

Неудачна и юридическая техника, которую использует законодатель при формулировании диспозиции ч. 1 ст. 135 УК РФ. Она предусматривает совершение развратных действий в отношении лица, «не достигшего половой зрелости и 16-летнего возраста». Однако, анализ ч. 2 данной статьи, а также примечаний к ст. 131 УК РФ, свидетельствует о том, что в первой части речь идет о подростке в возрасте именно от 14 до 16 лет. Если потерпевший ребенок не достиг 14-летнего возраста, то вопрос о достижении им половой зрелости не стоит, как условие возбуждения уголовного дела (почему это так и не отметить?).

Установление уголовной ответственности за совершения ненасильственного полового акта и развратных действий в отношении лица в возрасте до 12 лет не в соответствующих статьях кодекса (ст. 134 и 135 УК РФ, соответственно), а в примечаниях к ст. 131 УК РФ, также вызывает критику.

Хочется остановиться и еще на одном моменте. Известно, что под уголовно-наказуемые развратные действия подпадает оголение половых органов перед малолетними детьми без какого-либо физического контакта с ними. На практике мы часто сталкиваемся с фактами демонстрации половых органов детям до 12 лет, например, играющими во дворе, мужчинами, причем последние, как правило, находятся от детей на расстоянии, прячутся в кустах, за сараями, в подъездах домов. Дети в силу возраста обычно не придают этому большого значения, быстро его забывают (т.е. морально-нравственный ущерб для них минимален). Однако, изменения в УК РФ, квалифицируют эти действия по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, наказание – лишение свободы на срок от 12 до 20 лет. Оно превышает наказание, установленное ч. 1 ст. 132 (совершение сексуальных действий с применением насилия) – лишение свободы до 6 лет. Представляется, что это не согласуется с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ), устанавливающим, что наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления.

Еще один момент, на который уже обращали внимание практики. В ст. 134 УК РФ, которую законодатель позиционирует как «Половое

сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста», в содержании статьи говорится только о половом сношении, мужеложстве и лесбиянстве, иные действия сексуального характера фигурируют только в названии статьи, в диспозиции же частей данной статьи они не упомянуты. Указанное различие в названии и содержании статьи Уголовного кодекса не приемлемо и должно быть исправлено (по аналогии со ст. 132 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за насильственные мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера).

Давно назрела необходимость законодательного разрешения вопроса об организации охраны стационарных отделений судебно-психиатрических экспертиз для лиц, находящихся под стражей. Из-за того, что законом не определено ведомство, осуществляющее охрану данного объекта, в Воронежской области не действует вновь построенное отделение для таких лиц, и следственные органы с 2002 г. вынуждены на стационарную психолого-психиатрическую экспертизу направлять обвиняемых в Курский региональный центр судебной экспертизы, что связано с организационными и временными затратами.

В этом году дважды мы столкнулись с проблемой – проведение стационарной психиатрической экспертизы лицу, находящемуся под стражей и страдающему открытой формой туберкулеза. В Воронежской области такое спецотделение имеется только для нестражных подэкспертных. Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. проф. Сербского» (г. Москва) отказался провести такую экспертизу «в связи с отсутствием специального инфекционного блока». При обращении в экспертные учреждения соседних областей также был получен отказ. Этот вопрос также требует урегулирования.

Ю.И. Холодный

Экспертиза с применением полиграфа: вопросы, требующие решения

Исторические данные свидетельствуют о том, что применение методов наблюдения за физиологическими проявлениями человека, в результате которого достигалась возможность выявления у него утаиваемой информации, осуществляется более двух тысяч лет, и народы на разных континентах использовали такие методы при раскрытии и расследовании преступлений на протяжении веков. Не будь у человечества порочной практики совершать преступления, такие методы было бы не нужны, и люди бы их не создали. И если учесть, что «собственно криминалистические методы» – это методы, «первоначально разработанные криминалистической наукой и используемые только

ею»[1], то оказывается, что открытое в древности выявление у человека скрываемой информации путем контроля его физиологических функций является, по сути, старейшим криминалистическим методом, появившимся задолго до формирования самой криминалистики.

Исследования с применением полиграфа – потомок древних приёмов раскрытия преступлений – были допущены в отечественную криминалистику лишь в конце XX века, но это не их вина, а их беда: идеологические установки 30-80-х гг. XX в. долго закрывали путь эффективному методу в правоохранительную практику. В 90-е гг. прошлого века отечественные криминалисты[2] признали исследования с помощью этого прибора одним из методов криминалистики, и, со временем, они получили наименование криминалистических исследований с применением полиграфа[3] (далее – КИПП). Поэтому странно и некомпетентно выглядят в XXI веке заявления, утверждающие, что «причисление технологии инструментальной «детекции лжи»[4] к методам криминалистики не имеет под собой достаточных оснований»[5], и настаивающие на «нецелесообразности включения в криминалистику таких разделов, как «криминалистическая полиграфология»[6].

КИПП, проводимые в ходе оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), принято именовать опросом с использованием полиграфа (далее – ОИП), а реализуемые в процессуальных условиях в форме экспертизы, – именовать судебно-психофизиологической экспертизой с применением полиграфа (далее – СПфЭ). КИПП также выполняют в профилактических целях при работе с кадрами и именуют их специальными психофизиологическими исследованиями.

Следственный комитет России (далее – СКР) использует все перечисленные формы КИПП и является одним из ведущих в стране поль-

---

[1] Аверьянова Т.В. и др. Криминалистика. М., 1999. С. 66.

[2] Аверьянова Т.В. и др. Указ. соч.; Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 3. М., 1997; Митричев В.С., Холодный Ю.И. Полиграф как средство получения ориентирующей криминалистической информации // Записки криминалистов. М., 1993. Вып. 1. С. 173-180; Образцов В.А. Криминалистика: Курс лекций. М., 1996.

[3] Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского и В.П. Лаврова. М., 2008. С. 302-317.

[4] «Инструментальная «детекция лжи»» и указанные ниже «криминалистическая полиграфология», «психофизиологические исследования» – альтернативные наименования, используемые различными учреждениями и изданиями для обозначения КИПП.

[5] Оглоблин С.И., Молчанов А.Ю. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс. Ярославль, 2004. С. 410.

[6] Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2013. С. 23.

зователей полиграфа, применяя его на системной основе. В частности, комитет планомерно расширяет использование КИПП в следственной практике, успешно внедрил полиграф в практику отбора кадров, регулярно проводит повышение квалификации полиграфологов[1] и, в частности, в 2012 г. выполнил более 10 тыс. таких исследований различного целевого назначения.

Информация, полученная с помощью полиграфа в интересах ОРД, носит ориентирующий характер для проводимой работы по раскрытию и расследованию преступлений. При выполнении КИПП в форме ОИП полиграфолог имеет значительную свободу в выборе средств и приёмов проведения исследований, нередко действует на уровне интуиции, и то, насколько методически корректно получена информация, как правило, не интересует тех, кто заказал такое исследование. При производстве СПфЭ требования к проведению КИПП существенно возрастают: все действия, осуществляемые полиграфологом, должны быть понятны, «прозрачны» для сторон, участвующих в процессе, и выполнены с соблюдением методических и процессуальных требований. В противном случае результаты СПфЭ могут быть опротестованы в суде.

Появление и активное расширение использования СПфЭ в отечественной судебно-экспертной практике радикально изменило существовавшую до этого ситуацию. Полиграфологи, начав проводить экспертизы, применяли технологию ОИП и не знали (многие и сейчас не знают), что производство СПфЭ требует качественно иной технологии. Поняв со временем трудности при производстве СПфЭ, различные ведомства нередко отказывались от их выполнения или шли на ухищрения[2], чтобы получить с помощью «нежесткой» технологии ОИП необходимую следствию информацию, сделать её процессуально значимой и использовать в дальнейшем в качестве доказательств.

В декабре 2010 г. вступило в силу Постановление Пленума Верховного Суда РФ (далее – Постановление ПВС РФ) № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», которое отразилось на практике проведения КИПП в интересах следствия. В частности, пункт 20 Постановления ПВС РФ установил, что «специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь

---

[1] По программе, утвержденной заместителем Председателя СКР Ю.М. Нырковым, в период 2010-2013 гг. в МГТУ им. Н.Э. Баумана 1-ый цикл повышения квалификации (применение КИПП при работе с кадрами) прошли 96 полиграфологов ведомства. Около трети из них в 2012-2013 гг. прошли 2-ой цикл повышение квалификации по программе, утвержденной первым заместителем Председателя СКР В.И. Пискаревым.

[2] Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Процессуальные проблемы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: матлы Межд. науч.-практ. конф. (26.10.2012 г.). М., 2012. С. 313-321.

высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому, в случае необходимости проведения исследования, должна быть произведена судебная экспертиза». Постановление ПВС РФ привело к тому, что в интересах следствия КИПП могли быть выполнены исключительно в форме и по технологии СПфЭ и лишь при доследственной проверке – по технологии ОИП.

В марте вступил в силу Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ, который внес дополнения в УПК РФ и установил, что «при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе… назначать судебную экспертизу» (ч. 1 ст. 144). Закон конкретизировал, что «судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела» (ч. 4 ст. 195).

Новые нормы УПК РФ, дав возможность применять научные методы в процессуальных условиях на самых ранних этапах расследования преступлений, непосредственно затронули использование КИПП: по-видимому, единственной формой применения полиграфа в следственной и доследственной практике СКР стала СПфЭ.

Нововведения УПК РФ предполагают рост производства экспертиз с применением полиграфа, а это, в свою очередь, существенно повышает требования к качеству работы полиграфологов. Для успешного удовлетворения потребностей практики в сложившихся условиях, по нашему мнению, необходимо оперативно решить нескольких тесно взаимосвязанных между собой вопросов.

Во-первых, необходимо определиться с методикой, по которой будет осуществляться производство СПфЭ.

Очевидно, настало время отказаться от использования «Видовой экспертной методики производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа», которая была введена в действие в нарушение установленного порядка[1] и показала свою научную, методическую и процессуальную несостоятельность[2]. Взамен неё на вооружение следует взять «Методику производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа»[3], созданную в Институте криминалистики ЦСТ ФСБ России.

Во-вторых, необходимо осуществить подготовку полиграфологов СКР к производству СПфЭ.

МГТУ имени Н.Э. Баумана располагает программой повышения квалификации полиграфологов в области производства СПфЭ, и, в

---

[1] Николаев А.Ю. Оценка качества психофизиологических исследований: полемика и практические последствия // Уголовный процесс. 2013. № 10 (в печати).
[2] Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Указ. соч.
[3] Методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа. М., 2009.

случае необходимости, эта программа может быть адаптирована для её реализации в интересах соответствующей подготовки специалистов СКР. Очевидно, что такая программа должна быть утверждена руководством комитета.

СКР располагает более чем сотней полиграфологов, и число таких специалистов в ведомстве неуклонно возрастает. Вместе с тем, пройдя обучение в разных государственных и негосударственных школах, и имея различный опыт работы (от менее года до более десятка лет), полиграфологи СКР представляют весьма неоднородную по квалификации группу специалистов. В таких условиях (кроме системного повышения квалификации по специализированным под нужды СКР программам) особую значимость приобретают нормативные акты, регламентирующие их деятельность.

Поэтому, в-третьих, необходимо обеспечить полиграфологов СКР добротным методическим руководством, которое позволит унифицировать их деятельность по выполнению различных форм КИПП.

В частности, полиграфологам СКР с 2009 г. рекомендовано руководствоваться в своей работе практическим пособием «Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований (ПФИ) с использованием полиграфа»[1] (далее – «Единые требования…»), которое было подготовлено в МВД России.

Разработанное для обеспечения потребностей ОРД, пособие изобилует неточностями, упущениями и просто ошибками, в связи с чем полиграфологи, руководствуясь «Едиными требованиями…» и не ведая об их изъянах, нередко приходили и приходят к ошибочным результатам КИПП. Понятно, что полиграфологам для деятельности в сложившихся условиях требуется нормативный методический документ, лишенный указанных недостатков и учитывающий специфику следственной практики СКР.

Наконец, в-четвертых, необходимо внести ряд изменений и дополнений в действующую «Инструкцию об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в системе Следственного комитета Российской Федерации» (далее – «Инструкция»).

Не ставя в этой статье задачу по анализу «Инструкции», остановимся – для примера – лишь на пункте 4.6, который установил, что «расчетная нагрузка на полиграфолога составляет 3 ПФИ в неделю и не более 120 ПФИ в год». Указанный норматив перекочевал из условий ОРД, является явно завышенным для следственной практики и, тем не менее, его регулярно нарушают: полиграфологи некоторых органов СКР выполняют ежегодно до 170-180 и более КИПП. Понятно, что при

[1] Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований (ПФИ) с использованием полиграфа: практическое пособие. М., 2008.

такой нагрузке невозможно требовать высокого качества и методической корректности проведенного КИПП, тем более – в форме СПфЭ. Полиграфолог может выполнить в год до 45-50 экспертиз, поскольку квалифицированное их выполнение является весьма трудоёмким.

Из-за ограниченного объёма статьи в ней представлены лишь важнейшие меры повышения качества производства СПфЭ в органах СКР. Осуществив эти меры, можно будет искоренить отмеченные случаи использования технологии ОИП вместо технологии СПфЭ, когда безграмотные полиграфологи-эксперты случайно (а порой – умышленно!) представляли неверные выводы по итогам выполненных ими экспертиз и, тем самым, вводили следствие в заблуждение.

Мировая практика и отечественный опыт давно показали, что компетентно выполненное КИПП и, в частности, СПфЭ являются эффективным, а в ряде случаев – важнейшим, средством установления истины по делу и защиты человека от необоснованного обвинения в совершении преступления.

О.И. Цоколова

Упрощение предварительного расследования как реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства

Право граждан на своевременный доступ к уголовному судопроизводству гарантировано ст. 46, 47, 52 Конституции РФ, в развитие которых в УПК РФ включена ст. 6.1 о разумном сроке уголовного судопроизводства[1]. Процессуальные представления о временных пределах уголовного преследования и судебного разбирательства имеют много аспектов, при этом одним из наиболее обсуждаемых остается сокращение продолжительности стадии предварительного расследования.

Формирование концепции совершенствования досудебного производства в аспекте его упрощения и сокращения является очень актуальным. Нагрузка на органы предварительного расследования системы МВД России, как на следственные подразделения, так и на подразделения дознания, действительно велика. ВНИИ МВД России в 2011 г. в порядке работы над ведомственным приказом о нормативах штатной численности проводился хронометраж работы следователя и дознавателя ОВД по разным регионам страны, который показал большую интенсивность и значительное превышение допустимой нагрузки на од-

[1] Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. 2010. 04 мая.

ного сотрудника.

При этом эффективность и результативность следственной работы весьма низкая. Действительно, за 2012 г. органами внутренних дел рассмотрено 26,24 млн. заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях. Преступлений зарегистрировано 2302,2 тыс.; уголовных дел возбуждено 1861,4 тыс., т.е. только по каждому 14 сообщению. Ежегодно выносится до 6 млн. постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, треть из которых признается прокуратурой при осуществлении надзора незаконным. Далеко не каждое возбужденное уголовное дело заканчивается судебным приговором. Так, сотрудниками органов внутренних дел за указанный период времени расследовано 957,8 тыс. преступлений. Значительное количество преступлений (1014,7 тыс.) осталось нераскрытыми[1].

Сопоставление количества расследованных уголовных дел с общим количеством зарегистрированных заявлений и сообщений о происшествиях, то можно сделать вывод, что КПД органов расследования составляет вообще 3,65% (хотя такое сопоставление не вполне корректно, поскольку по одному уголовному делу может расследоваться несколько преступлений). Однако если принять во внимание количество уголовных дел, рассмотренных судами по первой инстанции с вынесением приговора в 2012 г. – 692 тыс. (судами областного звена – 4,2 тыс. уголовных дел, районными судами – 424.4 тыс. дел, мировыми – 263,4 тыс. дел)[2], то упомянутый КПД составляет лишь 2,6%.

Нарекания может вызывать также то, что момент совершения преступления очень далеко отодвинут от момента совершения правосудия. Сроки соответствуют закону, но даже по преступлению небольшой тяжести, совершенному в условиях очевидности, проходит не меньше полутора месяцев до постановления приговора, а по многоэпизодным делам, при нескольких обвиняемых – не меньше чем год.

В 2012 г. следователи органов внутренних дел продлевали сроки расследования по 122758 находившимся в производстве уголовным делам (7,3%), а дознаватели – по 117180 (10,2%). За этот же период времени судами рассмотрено 198775 ходатайств следователей (дознавателей) о продлении срока содержания под стражей[3]. При продлении сроков длительное время проводятся некоторые следственные действия (производство некоторых видов судебных экспертиз), но особенно длительное время занимает выполнение процессуальных действий,

---

[1] Состояние преступности январь-декабрь 2012 г. // Официальный сайт МВД России. URL: http://mvd.ru/presscenter/statistics.

[2] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2012 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru.

[3] Сайты МВД РФ и Судебного департамента при ВС РФ.

не связанных с доказыванием: ознакомление участников с процесса с материалами уголовного дела по окончании расследования, а также составление и подписание обвинительного заключения и обвинительного акта. Между тем, с каждым месяцем утрачивается общественная значимость акта правосудия и его профилактическое воздействие, факт преступления забывается, и даже потерпевшие к концу процесса испытывают психологическую усталость от него и стремятся не к возмездию за пережитые страдания, а к тому, чтобы судопроизводство поскорее закончилось.

Таким образом, проблемы упрощения досудебного производства, приближение момента правосудия к моменту совершения преступления требуют принятия эффективных законодательных и правоприменительных мер. Некоторые способы упрощения судопроизводства по уголовным делам УПК РФ предусмотрены:

1. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40) очень «популярен» среди мировых судей и в районных судах, создает очень значительную процессуальную экономию. Так, мировыми судьями в 2012 г. рассмотрено с применением особого порядка судебного разбирательства 64,2% уголовных дел (272,8 тыс.), а районными судами – 62,2 % уголовных дел (302,8 тыс.)[1].

2. Дознание в сокращенной форме (гл. 32.1 введена Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ[2]), при котором возможно значительное упрощение расследования и более эффективное использование материалов предварительной проверки. Закон действует менее года, на текущий момент рано делать оценки.

Действующие способы упрощения судопроизводства по уголовным делам:

- относятся к преступлениям небольшой, средней тяжести или к тяжким;
- связаны, прежде всего, с упрощением доказывания, процессуальной экономии, выражающейся в совершении меньшего числа следственных и иных процессуальных действий с момента получения сообщения о преступлении и до окончания судебного следствия;
- обязательным условием является признание вины и согласие обвиняемого с обвинением.

Активное использование в судебной и следственной практике упрощенных производств по уголовным делам указывает на то, что

---

[1] Сайт Судебного департамента при ВС РФ.

[2] Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

уголовное судопроизводство должно развиваться и совершенствоваться в направлении дальнейшего упрощения процедуры и сокращения временного периода, который проходит с момента совершения преступления до момента постановления судебного приговора.

По нашему мнению, упрощение должно относиться к любой форме расследования, и не должно зависеть от признания обвиняемым или подозреваемым своей вины. Уголовное судопроизводство носит публичный характер, и не должно зависеть от воли его участников. Решение о производстве в упрощенном порядке должен принимать следователь или дознаватель, и основным фактором для принятия такого решения должна стать очевидность преступления. Сроки досудебного производства в упрощенном порядке должны определяться сроками задержания подозреваемого и не должны в таком случае превышать 48 часов (ч. 1 ст. 10 ч. 4 ст. 94 УПК), с момента возбуждения уголовного дела, а если лицо не задержано, то 10 суток, которые ст. 157 УПК РФ отводит для неотложных следственных действий.

Если следователь или дознаватель в результате совершения первоначальных следственных действий придет к выводу, что обстоятельства преступления выяснены и лицо, совершившее преступление, установлено, его участие в судопроизводстве обеспечено, то не позднее 48 часов (10 суток) после возбуждения уголовного дела формулируется обвинение в виде постановления и со всеми собранными материалами направляется прокурору, а прокурором в случае утверждения формулы обвинения передается в суд. Прокурор имеет полномочие вернуть уголовное дело для дальнейшего расследования.

Безусловно, обозначенные тезисы являются дискуссионными, но, полагаем, предложения могут обсуждаться и стать проектом закона, который действительно приведет к упрощению досудебной стадии уголовного судопроизводства.

П.Д. Шалагинов

О некоторых проблемах взаимодействия налоговых органов со Следственным комитетом Российской Федерации

Конституция РФ занимает особое место среди всех правовых актов. Содержащиеся в ряде ее статей юридические нормы носят основополагающий характер, в том числе для организации взаимодействия государственных органов. В этой связи можно назвать положения, закрепляющие права и свободы человека и гражданина, гарантирующие свободу экономической деятельности, устанавливающие обязанности платить установленные законом налоги и сборы и т.д. Каждое из них находит конкретное воплощение в текущем законодательстве, регламентирующем различные стороны организации и функционирования

субъектов взаимодействия в процессе борьбы с преступностью и в том числе сотрудничество налоговых органов со СК России.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 32 Налогового Кодекса РФ (далее – НК РФ), если в течение двух месяцев со дня истечения срока исполнения требования об уплате налога (сбора), направленного налогоплательщику (плательщику сбора, налоговому агенту) на основании решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, налогоплательщик (плательщик сбора, налоговый агент) не уплатил (не перечислил) в полном объеме указанные в данном требовании суммы недоимки, размер которой позволяет предполагать факт совершения нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления, соответствующих пеней и штрафов, налоговые органы обязаны в течение 10 дней со дня выявления указанных обстоятельств направить материалы в следственные органы, уполномоченные производить предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Кроме того налоговые органы, направляют в СК России материалы в соответствии со ст. 170.1 УК РФ при выявлении документов, содержащих заведомо ложные данные, влекущие фальсификацию Единого государственного реестра юридических лиц.

В связи с принятием Федерального закона от 6.12.2011 № 407-ФЗ[1], ст. 140 УПК РФ была дополнена ч. 1.1, которой установлено, что «поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, служат только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела», а в соответствии с подп. «а» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ с 15.01.2011, уголовные дела данной категории отнесены к подследственности следователей СК России.

И.С. Дикарев отмечает, что не совсем правильно «в ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ материалы, полученные из налоговых органов, законодатель именует поводом для возбуждения уголовного дела... Такой подход при буквальном толковании ст. 143 УПК РФ предполагает, что при получении из налогового органа соответствующих материалов следователь должен составить рапорт об обнаружении признаков преступления в порядке, предусмотренном ст. 143 УПК РФ»[2]. Вместе с тем в материалах, направляемых налоговыми органами, содержится вся не-

---

[1] Федеральный закон от 6.12.2011 № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7349.

[2] Дикарев И.С. Повод для возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Налоги. 2012. № 3. С. 5-7.

обходимая для начала проверки сообщения о преступлении информация, в связи с чем дополнительное процессуальное оформление этой информации (путем составления рапорта) представляется излишним.

На сегодняшний день взаимодействие между СК России и Федеральной налоговой службой (далее – ФНС) помимо указанных правовых актов, более детально регулируется Соглашением от 13.02.2012 № 10М62-12/ММВ-27-2/3 и являющимися его неотъемлемой частью Протоколами № 1 и № 2 (далее – Соглашение). Укажем на некоторые пробелы и сложности реализации данного Соглашения.

1. В Протоколе № 1 к Соглашению установлено, что основанием для направления налоговыми органами материалов в следственные органы СК России является вступившее в силу решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, повлекшего неуплату или неполную уплату налога (сбора), при условии соблюдения перечисленных в п. 3 ст. 32 НК РФ требований, а также документального подтверждения обстоятельств, позволяющих предполагать факт совершения нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления.

С.В. Бажанов указывает на то, что «у руководителей следственных управлений (отделов) СК России появилось множество правовых и тактических вопросов, касающихся практики выявления, раскрытия и расследования указанных преступлений, предполагающей необходимость практически полного установления на этапе процессуальной проверки любого состава, относящегося к рассматриваемой группе преступлений, а не его признаков (как по подавляющему большинству так называемых общеуголовных преступлений)»[1]. Ранее профессор аргументировано отмечал, что «налоговые органы органами дознания не являются, а стало быть, не правомочны (в лице своих должностных лиц) производить процессуальные проверки первичной информации о признаках налоговых преступлений, а также следственные действия при работе в следственно-оперативных группах (даже по указанию их руководителей)»[2].

Перечень обстоятельств указанных в Соглашении фактически требует от налоговых органов уголовно-правовой квалификации деяния, что по вышеуказанным причинам неверно.

2. Одним из обстоятельств, установленных Соглашением, является определение виновности лица в неуплате (неполной уплате) налогов (сборов). Объясняется это наличием отказов в возбуждении уголовных

---

[1] Бажанов С.В. Проведение процессуальных проверок о налоговых преступлениях следователями Следственного комитета // Законность. 2012. № 6. С. 41-45.

[2] Бажанов С.В. Взаимодействие Следственного комитета с полицией и налоговыми органами // Законность. 2011. № 10. С. 35-40.

дел в связи с не доказанностью умысла руководителя организации на неуплату налогов, потому, как разъяснял Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления»[1], п. 8, состав преступления при уклонении от уплаты налогов возможен только с прямым умыслом.

В этой ситуации оказание помощи налоговых органов в доказывании умысла руководителя следствию может выражаться в фиксации в актах налоговых проверок движения денежных средств неперечисленных организацией в бюджет и описании целей, на которые эти деньги были потрачены, обратив особое внимание на преследование личной выгоды руководителем организации. В данном случае предполагается взаимодействие с СК России и полицией по сбору и процессуальному закреплению доказательств, которые впоследствии могут быть использованы при решении о возбуждении уголовного дела. В этом направлении ФНС уже сделаны некоторые шаги. Например, в Письме ФНС от 06.06.2012 № АС-4-2/9338 разработаны рекомендации по направлению материалов в следственные органы, которыми поручено кратко описывать в сопроводительном письме выявленные нарушения и схемы уклонения от уплаты налогов; прилагать справку-расчет, подтверждающую соответствие неуплаченных сумм налогов размеру, с которых наступает уголовная ответственность.

Кроме того, существует необходимость проведения совместных учебных занятий, потому как сотрудники СК РФ зачастую не в полной мере осведомлены о порядке проведения налоговых проверок, видах налогового контроля. В свою очередь налоговым органам следует разъяснять порядок, сроки и тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий и предварительного расследования по уголовным делам. Только такие знания могут стать предпосылкой формирования достаточной доказательственной базы.

3. Одной из проблем сотрудничества наших ведомств остается порядок взаимодействия в случае обжалования налогоплательщиком в судебном порядке решения налогового органа. В соответствии с действующим законодательством налоговые органы обязаны направлять материалы в следственные органы вне зависимости не только от обжалования решения налогового органа, но и даже при принятии судом обеспечительных мер в виде приостановления действия такого решения. В свою очередь законодатель не пояснил, какое решение следует принимать по тем материалам, по которым в период процессуальной проверки выносится приостановление, потому как Инструкция утвержденная Приказом СК России от 11.10.2012 № 72 «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в след-

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3.

ственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации»[1] (далее – Инструкция) устанавливает четкие сроки. В связи с этим до вынесения окончательного решения арбитражным судом следователь не может принять законное решение по материалам процессуальной проверки.

4. Известно, что основной причиной возврата материалов, представленных налоговыми органами в СК России является неполнота пакета документов. Соглашением предусмотрена возможность налоговых органов организовывать предварительное ознакомление с материалами о нарушениях законодательства о налогах и сборах, содержащих признаки преступления уполномоченных должностных лиц следственных органов СК России по результатам которого могут быть даны рекомендации о дальнейшей перспективе их рассмотрения. Однако десятидневный срок, установленный ч. 3 ст. 32 НК РФ зачастую не позволяет его организовать. В этой связи целесообразно законодательно внести в названную статью процедуру предварительного согласования полноты комплекта документов, предусмотрев на ее проведение определенное время. Причем в этом заинтересованы и следственные органы ввиду ограниченности сроков, установленных Инструкцией.

5. Еще одним пробелом рассматриваемого Соглашения является отсутствие срока для уведомления следственным органом о принятом в соответствии со ст. 145 УПК РФ процессуальном решении, а также о процессуальном решении, принятом по результатам расследования возбужденного уголовного дела налогового органа.

6. В средствах массовой информации во многом обоснованно отмечают, что «как утверждают в СК России, работа следователей, которые занимались налоговыми преступлениями, во многом показала, что для расследования подобных преступлений нужны специальные знания. Исправить сложившуюся сегодня ситуацию предложено двумя альтернативными вариантами. Во-первых, наделить налоговые органы полномочиями органа дознания, например, как это было сделано применительно к таможенным органам. Во-вторых, возможно создание в России специального органа – финансовой полиции»[2]. Хотя из прессы также стало известно, что СК России подготовлен проект правового акта, вносящего изменения в законодательство и позволяющие ему возбуждать уголовные дела о налоговых преступлениях самостоятельно[3].

То, что отношения сотрудничества налоговых органов со следственными подразделениями СК России находятся в динамике, навер-

---

[1] Российская газета. 2013. № 48.

[2] Финансовую полицию вызывали? // Российская газета. 2013. № 5609.

[3] Шклярук М. Самостоятельное возбуждение налоговых дел возродит произвол силовиков. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news.

ное неплохо, и стоит предполагать, что оптимальная модель такого сотрудничества будет со временем найдена, в том объеме, которые не противоречит Конституции РФ.

Т.Н. Шамонова

О правах личности в досудебном производстве УПК России

Конституция РФ, основной закон гарантирует защиту граждан России от всяких посягательств на их права и охраняемые законом интересы, и провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2). Принципы уголовного судопроизводства ст. 6 УПК РФ закрепляют, конкретизируют ее нормы о защите прав и свобод человека и гражданина, отражая уголовно-процессуальную политику российского государства и положение личности в уголовном процессе.

Основной закон в части осуществления прав и свобод человека и гражданина декларирует: оно «не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3 ст. 17), а «в случаях, предусмотренных федеральным законом», либо «на основании судебного решения» возможно ограничение того или иного права (ч. 3 ст. 55)[1]. Обеспечивая задачи уголовного производства, УПК предусмотрел к подозреваемым и обвиняемым средства, ограничивающие их права. «Ограничения диктуются, прежде всего, необходимостью уважения таких же прав и свобод других людей… и нормального функционирования общества и государства, равно как и любого коллектива»[2]. Это указывают и международные акты. Каждый человек, как часть общества, должен считаться с его нормами, исполнять его требования, осуществляя свои права.

В процессе своей деятельности представители органов предварительного расследования могут причинить ущерб правам конкретных граждан, т.к. принимаемые ими решения всегда связаны с их интересами и при возбуждении уголовного дела, и дальнейшем производстве таких следственных действий как осмотры (и освидетельствование); обыск (личный и в жилище) и др. По делам о преступлениях в сфере экономики нередко длительное время (даже месяцы) не предъявляется обвинение лицам, в отношении которых ведется расследование. Их допрашивают в качестве свидетелей, проводят иные следственные действия, чем существенно ограничивают их права (это не регламентировал и УПК РСФСР). До сих пор ста-

---

[1] Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть / отв. ред. Б.А. Страшун. М., 1999. С. 133-134.

[2] Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 Генеральной Ассамблеи ООН. URL: http://zaki.ru/pagesnew.

тус таких лиц (т.н. «заподозренные» в рамках уголовного дела) в УПК РФ не определен. В ряде случаев нарушаются и права потерпевших, чаще относительно производства экспертиз, и лишь к окончанию следствия, дознания им разъясняют их права и обязанности. Повышенное внимание законодателя в урегулировании вопросов проверки заявлений о преступлении поставило и проблему соблюдения прав личности в этой стадии.

Так, в рамках уголовного дела в предусмотренных законом случаях к его участникам возможно принуждение. Считаем, это относится и к проверке, в ней пострадавшие участвуют и против желания, т.к. проверяется их заявление, а ложные данные влекут их уголовную ответственность. На этой стадии ограничения в полном объеме не допустимы, на наш взгляд, к лицам, чей правовой статус не ясен. Так, возможно их освидетельствование, если их застигли на месте преступления или вблизи. При этом необходим врач, иные специалисты в качестве гарантий прав обследуемых лиц, а также соблюдение всех требований ст. 179 УПК. Итак, подобный осмотр в ходе проверки – это исключение. До принятия закона 2008 г.[1] проводилось только медицинское освидетельствование, оно возможно и сейчас в конфликтной ситуации, что может благоприятно ее разрешить. При отказе от освидетельствования его надо, полагаем, проводить принудительно «…для подавления отрицательных волевых устремлений соответствующих субъектов в целях подчинения их воли и внешнего поведения основанным на законе требованиям уголовно-процессуальной власти… обеспечения принудительного исполнения невыполненных добровольно обязанностей …»[2].

В научных публикациях часто ставились вопросы о совершенствовании досудебного производства. Даже предлагался отказ «от процессуальной формы о возбуждении уголовного дела» и вместо ее «основанием для начала производства по уголовному делу должно стать именно заявление, сообщение о преступлении», и с «письменным указанием начальника органа дознания, руководителя следственного органа о начале производства по уголовному делу». Высказывалось и пожелание, исключить из УПК институт предъявления обвинения (ст. 171-175), заменив его на «уведомление лица компетентным органом государственной власти о наличии предположения о том, что этим лицом совершено уголовно-наказуемое правонарушение»[3]. Однако ученые обоснованно полагали: если в УПК будет отражено предлагаемое, то это следует рассматривать как явное ограничение, ущемление консти-

---

[1] В ред. Федерального закона от 2.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета 5 декабря.

[2] Еникеев З.Д. Механизм уголовного преследования: учеб. пособие. Уфа, 2002.

[3] Рекомендации научно-практической конференции «Правовое и криминалистическое обеспечение расследования преступлений». М., 2011.

туционных прав и свобод граждан[1]. По мнению известного юриста А.Ф. Кони: «уголовное преследование слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности… оправдание судом, ни даже прекращение дела до предания суду очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиненного человеку поспешным и не основательным привлечением его к уголовному делу»[2]. Разделяя названные суждения, считаем: эти новации противоречат Конституции РФ и принципам уголовного процесса о правах личности. Решения руководителей следствия и дознания чреваты произволом к подвергшимся уголовному преследованию гражданам лишь на основе непроверенной информации. Из следственного опыта известно: не все заявления отражают действительность из-за непонимания авторами сути происходящего или оговора неугодных лиц, а в современных условиях это используют и для устранения конкурентов.

В УПК Украины реализовано нечто подобное: стадия возбуждения уголовного дела, как и проверка заявлений о преступлении отсутствуют, а начало досудебного расследования – с момента внесения сведений об уголовном правонарушении в Единый реестр досудебных расследований и уведомления лица о подозрении в совершении уголовного правонарушения[3].

В ходе проверки объяснения вероятных подозреваемых, пострадавших и др. получали оперативные работники, заинтересованные в раскрытии преступлений, при этом были нередки злоупотребления. Оттого на следствии и в суде эти лица часто отказывались от объяснений. В такой проверке «заложено главное противоречие между заявленными целями, – отмечала Л.М.Володина, – и реальным положением вещей. В силу того, что уголовно-процессуальный закон не регламентирует порядок отобрания объяснений у различных лиц, правовой статус которых также не определен, они не могут защищать себя и свои законные интересы… Реальность защиты прав и свобод личности не возможна без четкого определения ее правового положения»[4]. Нельзя не согласиться с этим мнением автора.

И, на наш взгляд, в законе должен быть отражен правовой статус участников проверки заявлений о преступлении (и специалиста). Изменения в УПК РФ 2010 г., хотя и расширили возможности следствия в

---

[1] Зинатуллин З.З., Туров С.Ю. Некоторые размышления о путях совершенствования досудебного производства по уголов. делам: межд. науч.-практ. конф. Уфа, 2012.С. 59-65.

[2] Кони А.Ф. Избранные произведения. Т.2. М., 1959. С. 401.

[3] УПК Украины (принят 13.04.2012 Верховной Радой). Вступил в действие с 19.11.2012.

[4] Володина Л.М. Цели и задачи уголовного процесса // Государство право. 1994. № 11. С. 128; Она же. Проблемы уголовного процесса. М., 2006. С. 223.

этой стадии, но правовое положение ее участников так и не определили. Так, согласно п. «а» ч. 1 ст. 144[1] субъекты расследования «…вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать… специалистов». Хотя и опосредованно, но эти исследования затрагивали интересы и права конкретных лиц.

Исследуемую стадию кардинально изменил Закон № 23, где ч. 1 ст. 144 УПК[2] отразила новые следственные действия, в их числе назначение и производство судебной экспертизы. Эти дополнения стадии возбуждения дела существенны для практики, но складывается впечатление, что такое наполнение ее содержания постепенно размывает границы между собственно проверкой заявлений о преступлении и производством по уголовному делу.

Особо отметим дополнение ч. 1.1 ст. 144 о статусе лиц, участвующих в проверке: «разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен пунктом 4 статьи 5 настоящего Кодекса, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя… в порядке, установленном главой 16 настоящего Кодекса…».

При этом возникли вопросы, что за лица участвуют в проверке; как их называть? Есть ли у них свой статус? Кому, какие права и обязанности должен разъяснить следователь: потерпевшему, подозреваемому и др.? Здесь конкретно не указаны пострадавший, «заподозренный» и т.д. По-прежнему, видимо, это определяет субъект проверки, исходя из заявления и материалов.

После приведенного текста в ч. 1.1 ст. 144 изложены положения ст. 51 Конституции, даны ссылки на конкретные нормы УПК и услуги адвоката, и т.д. Это относится и к изменениям ч. 3 ст. 49 «Защитник». Ее дополнение п.6 отражает его участие «с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 настоящего Кодекса». И далее: «Участники проверки… могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном

---

[1] Норма дана в ред. Федерального закона РФ от 9.03.2010 № 19-ФЗ // Российская газета. 2010. 12 марта.

[2] ФЗ-23 от 4.03.2013 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 УК РФ и УПК РФ» // Российская газета. 2013. 6 марта.

статьей 161 настоящего Кодекса. При необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном частью девятой статьи 166 настоящего Кодекса, в том числе при приеме сообщения о преступлении». Считаем это важным для защиты заявителя, пострадавшего от преступления лица, и возможных его очевидцев. Кроме названной ссылки относительно прав потерпевших дополнений закон не сделал, однако Конституционный Суд РФ не раз обращал внимание на то, что, обеспечивая баланс конституционных прав, свобод и законных интересов участников правоотношений, законодатель обязан соблюдать принцип соразмерности.

Важно и положение ч. 1.2 ст. 144: «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса». Но следующий вывод нормы вызывает недоумение: «Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению». Это утверждение представляется странным (техническая ошибка?), лишая следователя права самостоятельной оценки заключения эксперта, вынуждая в любом случае удовлетворять указанные ходатайства.

Несмотря на отмеченные упущения, изменения УПК свидетельствуют о попытке законодателя позитивно решить вопрос о правах личности на данной стадии. Отраженные в гл. 2 УПК идеи Конституции нашли выражение в дополнениях ст. 49 и ст. 144, закрепив в процессуальной деятельности важность соблюдения основных прав, свобод и охраны личности.

Подведем итог, в рамках проверки заявлений процессуальное принуждение должно применяться, исходя из смысла новых ее положений, и с учетом будущего статуса участников процесса и соблюдения мер, предусмотренных нормами уголовного судопроизводства. Возможность их реализации, как полагают ученые, выступает мерилом зрелости нашего государства и показателем намерений его и законодателя: обеспечить должный уровень прав и свобод для своих граждан. Непосредственно действующие, они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием[1]. Ученые видят в дальнейшем достижение Россией такого уровня обеспечения прав личности, где процессуальный закон будет учитывать не только интересы общества в борьбе с преступностью, но и интересы и

[1] Зайцева Е.А., Гринюк Е.Н. Ограничение прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве: соразмерность целей и средств: мат-лы Межд. науч.-практ. конф. Уфа, 2012. С. 51-58.

права каждого человека. Благие же намерения могут остаться декларацией, если не будут созданы действенные механизмы для защиты прав и свобод личности[1]. Только подобный подход, на наш взгляд, гарантирует в правовом государстве установление и торжество законного режима ограничения прав и свобод личности с целью выполнения назначения задач уголовного судопроизводства. Последнее, судя по неоднократным дополнениям УПК России, нередко непродуманным, оказалось самым трудным для реализации.

А.В. Швец

О проблемах реализации конституционных прав человека и гражданина на получение сведений о проведенных в отношении них ОРМ

Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну гражданина является неотъемлемой ценностью правового государства, которое путём законодательного нормативного закрепления гарантирует его соблюдение. Так, в соответствии со ст. 24 Конституции РФ сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. При этом в ч. 2 ст. 24 Конституции РФ имеется оговорка о том, что возможность ознакомления с документами и материалами, затрагивающими права и свободы личности, должна обеспечиваться органами государственной власти и органами местного самоуправления каждому, если иное не предусмотрено законом[2].

Ограничение прав личности могут устанавливаться законом только в качестве исключения из общего дозволения и должны быть связаны именно с содержанием информации. В этой связи, среди законодательства, ограничивающего права человека, необходимо рассматривать федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[3] (далее – Закон об ОРД).

Так, ст. 5 Закона об ОРД «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» регламентирует правовой механизм реализации одного из основных и, на наш взгляд, наиболее важных принципов ОРД, закрепленных в ст. 3

---

[1] Еникеев З.Д. Совершенство законов и эффективность их применения как важные условия борьбы с преступностью // Проблемы совершенствования и применения законодательства о борьбе с преступностью: мат-лы науч.-практ. конф.Ч. I. Уфа. URL:http://kalinovsky-k.narod.ru.

[2] Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. Ю.А. Дмитриева. М., 2007.

[3] СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

Закона об ОРД, отнесенного к конституционным принципам ОРД – уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Законодательная позиция о запрещении использования оперативно-розыскной деятельности иначе как для достижения целей и задач, указанных в Законе об ОРД, является важной гарантией соблюдения прав и свобод личности. Это имеет значение для граждан в том, что любое временное ограничение их конституционных и иных предусмотренных законодательством прав при осуществлении оперативно-розыскной деятельности может быть признано законным и обоснованным, если оно так или иначе связано с необходимостью проведения оперативно-розыскных мероприятий в предусмотренных законом об ОРД целях.

В ч. 3 ст. 5 закреплено право лица на обжалование оперативно-розыскных действий лиц и органов, уполномоченных на осуществление ОРД, которые, по его мнению, нарушили права заявителя. В данной норме также более конкретизировано закрепленное в ст. 46 Конституции РФ право граждан на обжалование в суд действий органов государственной власти и должностных лиц. В отраслевом же законодательстве данное право раскрывается отдельно в ч. 4 ст. 5 Закона об ОРД. Между тем, в основополагающих ведомственных нормативно-правовых актах, регулирующих отношения в сфере ОРД, отсутствует порядок применения указанных норм. Анализ авторских позиций также свидетельствует об отсутствии единого мнения реализации данной статьи.

Коллектив авторов О.А. Вагин, А.П. Исиченко, А.Е. Чечетин в своем комментарии к ч. 4 Закона об ОРД высказывают мнение, что право на ознакомление с полученной информацией имеют только лица, в отношении которых отказано в возбуждении уголовного дела либо уголовное дело прекращено по реабилитирующим основаниям, предусмотренным в уголовно-процессуальном законе (п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), исключает распространение этой нормы на случаи непричастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ), поскольку, хотя оно и предполагает реабилитацию обвиняемого, но в данном случае законодателем прямо не указано[1].

По их мнению, реабилитированное лицо имеет право истребовать (письменно запросить) сведения о полученной о нем информации, только в том случае, если оно располагает фактами проведения в отношении него оперативно-розыскных мероприятий и полагает, что при этом были нарушены его права. Что касается нарушения его прав, то здесь речь идет о субъективной оценке лицом ущемления права, следовательно, обоснования самого факта нарушения его прав и свобод в жалобе не требуется.

---

[1] Вагин О.А., Исиченко А.П., Чечетин А.Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). М., 2009.

По мнению же другого коллектива авторов «право на ознакомление с результатами ОРД возникает у лица, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, т.е. не подтверждена вступившим в законную силу обвинительным приговором суда или постановлением (определением) о прекращении уголовного дела по основаниям, не отнесенным законом к числу реабилитирующих[1].

А.И. Алексеев и О.А. Вагин верно отмечают, что необходимо иметь в виду, что УПК РФ содержит значительно более широкий перечень случаев, когда констатируется недоказанность виновности лица.

В этой связи нельзя не согласиться с тем, что право на ознакомление с результатами оперативно-розыскной деятельности возникает у более широкого круга лиц, чем это предусмотрено комментируемой статьей. Указанное право возникает с момента вынесения соответствующего процессуального решения.

В свою очередь, по мнению В.А. Гусева, право истребовать сведения от органа, осуществляющего ОРД, возникает у лица в соответствии с ч. 4 ст. 5 Закона об ОРД при наличии трех обязательных условий: 1) его виновность в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке; 2) оно располагает фактами проведения в отношении его оперативно-розыскных мероприятий; 3) лицо полагает, что были нарушены его права[2].

При этом В.А. Гусев, опираясь на детальный анализ ч. 4 ст.5 Закона об ОРД, делает обоснованный вывод, что основанием для констатации факта недоказанности виновности лица является не отсутствие обвинительного приговора, а наличие постановления об отказе в возбуждении уголовного дела либо о его прекращении[3].

Коллектив авторов О.А. Вагин, А.П. Исиченко и А.Е. Чечетин отмечают, что лицом возможно истребование не документальных материалов, отражающих порядок и результаты проведения ОРМ в отношении их объекта, а лишь сведений о полученной информации. При этом, информация может быть получена только о нем самом. По мнению указанного коллектива авторов, представляется только такая информация, которая касается данного лица. Также они считают, что если собранная информация затрагивает права и интересы других лиц, субъект, осуществлявший ОРД, вправе отказать такому лицу в ее предоставлении в

---

[1] Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / под ред. А.И. Алексеева, В.С. Овчинского. М., 2011.

[2] Гусев В.А. Процедура истребования и представления лицу сведений, полученных о нем в процессе оперативно-розыскной деятельности // ОРР. 2009. № 2 (193). С. 21.

[3] Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий. Омск, 1999. С. 31.

соответствии с требованиями конспирации и неразглашения государственной тайны. Данная позиция авторов означает, что лицу может быть представлена только информация, а не оперативные материалы (документы).

В.А. Гусев по данному вопросу особое внимание обращает на то, что Закон об ОРД не содержит предписания знакомить гражданина с оперативно-служебными документами. По его мнению, в соответствии с ч. 4 ст. 5 Закона об ОРД, лицу должны быть представлены только сведения о полученной о нем информации, а не конкретные оперативно-служебные документы, содержащие информацию о лице. То есть гражданин имеет право истребовать сведения только лишь об информации, полученной о нем, как он полагает, с нарушением законодательства.

Таким образом, В.А. Гусев стоит на позиции того, что орган, осуществляющий ОРД, вправе представить сведения не в полном объеме или вообще отказать в их представлении обратившемуся гражданину, если при проведении оперативно-розыскных мероприятий, по мнению должностных лиц, не нарушалось законодательство РФ. О чем лицу дается письменный отказ в ознакомлении с информацией. Хотя, как уже отмечалось, его форма и содержание в нормативных документах не определена.

К сожалению, нет единого подхода по поводу реализации положений ч. 4 ст. 5 Закона об ОРД и в судебной практике. Проведенный анализ позволил выделить следующие наиболее распространенные основания для отказа в предоставлении гражданам полученной о них в ходе ОРМ информации:

1. Отсутствие отказа в возбуждении уголовного дела, либо прекращения уголовного дела в связи с отсутствием состава или события преступления в отношении лица, запрашивающего информацию;

2. Невозможность предоставления сведений в связи с необходимостью соблюдения требований конспирации, исключения возможности разглашения государственной тайны[1].

Между тем, в определении Конституционного суда РФ от 14.07.1998 № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой» указано, что «по смыслу части третьей этой же статьи (ст. 5 Закона об ОРД) во взаимосвязи со ст. 2 и 10, при не подтверждении данных, предусмотренных пп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 и, следовательно, при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела оперативно-розыскные мероприятия подлежат прекращению, что позво-

[1] Подобная правовая позиция содержится в Определениях Верховного Суда РФ: от 09.06.2004 № 12-Г04-3; от 22.12.2010 № 60-Г10-10; от 21.12.2011 № 56-Г11-32; от 01.08.2012 № 57-АПГ12-3.

ляет проверяемому лицу в порядке ч. 3 ст. 5 истребовать сведения о полученной о нем информации, а в случае отказа – обжаловать его в суд; при этом в процессе рассмотрения дела в суде обязанность доказывать обоснованность такого отказа возлагается на соответствующий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность»[1].

Почему данная правовая позиция, отличающаяся от действующей нормы закона, не была реализована для внесения корректировки в Закон об ОРД?

Что касается отказа в предоставлении информации в связи с необходимостью соблюдения государственной тайны, то данная формулировка не выглядит столь безусловной. В частности, в ранее упомянутом определении Конституционного Суда РФ от 14.07.1998 № 86-О сказано что, сведения о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина, о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами не подлежат отнесению к государственной тайне и засекречиванию. В определении так же указано, что подобные сведения, если они имели место, она вправе истребовать от органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, а в случае отказа – обжаловать его в судебном порядке.

Таким образом, секретность оперативно-розыскных мероприятий не может выступать безусловным аргументом для отказа в предоставлении гражданину по его запросу информации о проведенных в отношении него ОРМ.

В этой связи возникает вопрос о том, кто будет осуществлять проверку правомерности проведенных ОРМ и, в частности, законности оснований для их проведения. К числу подобных субъектов в соответствии с ч. 3 ст. 5 ФЗ об ОРД отнесены вышестоящий орган, прокуратура или суд. Между тем, данные органы обладают не одинаковым объемом компетенций – вышестоящий орган может получить всю необходимую для проверки информации, а в отношении прокуратуры и суда установлены ограничения. Безусловно, защита данных сведений должна носить обязательный характер, между тем подобные ограничения, зачастую приводят к невозможности подлинной проверки законности проведения ОРМ, в частности оснований для их проведения. В результате складывается ситуация, что в ч. 4 ст. 5 Закона об ОРД задекларировано право, которое на практике практически не реализуемо. И механизм судебного обжалования в данной ситуации стоит на защите публичных, а не частных интересов.

Исходя из вышеизложенного, подобная декларативная норма подлежит либо исключению из действующего законодательства, либо су-

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 14.07.1998 № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 6.

щественной корректировке. Ответ на данный вопрос будет получен только после научного обсуждения учеными и специалистами в сфере оперативно-розыскной деятельности, судейского сообщества и правозащитных организаций.

Т.И. Ширяева

Право потерпевшего на информацию: конституционные гарантии и проблемы реализации в уголовном судопроизводстве

В последние годы внимание ученых и практиков все чаще привлекают проблемы обеспечения прав человека и гражданина в различных сферах общественной жизни. Бессмысленно отрицать очевидное влияние указанных процессов и в сфере уголовного судопроизводства. Одним из проявлений данных тенденций является стремление законодателя посредством корректировки положений уголовно-процессуального законодательства максимально оптимизировать регулируемую им деятельность, в том числе и при расследовании преступлений.

Отражая требования международных нормативных правовых актов, Конституция РФ гласит, что права потерпевших от преступлений охраняются законом, гарантирует им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52). УПК РФ, развивая положения Конституции РФ, предусматривает защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, как первоочередное назначение уголовного судопроизводства.

Можно отметить четко наметившиеся в уголовном судопроизводстве тенденции расширения возможностей реализации прав и свобод лиц и организаций, потерпевших от преступлений, хотя, как отмечалось в специальном докладе Уполномоченного по правам человека в РФ «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений» в 2008 г., анализ действующего законодательства, призванного защищать права потерпевших, все-ещё позволяет говорить о недостаточной его эффективности.

Конституция РФ наделяет каждого правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29), а также обязывает органы государственной власти обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено федеральными законами (ч. 2 ст. 24, ч. 3 ст. 55). В развитие данных положений уголовно-процессуальный закон предоставляет потерпевшему, как заинтересованному участнику уголовного судопроизводства, комплекс прав, обозначенных не только в ч. 2 ст. 42 УПК РФ, но и в ряде других статей

(право обжаловать действия или бездействие должностных лиц, в случаях, если производимые ими процессуальные действия или принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы (ч. 1 ст. 123), быть уведомленным о продлении сроков предварительного следствия (ч. 8 ст. 162) и др.). Однако, несмотря на законодательное закрепление, их осуществление сопряжено со значительными сложностями, о чем свидетельствует неоднократное рассмотрение вопросов о регламентации тех или иных прав потерпевшего высшими судебными инстанциями РФ – Конституционным Судом и Верховным Судом.

Предусматривая возможность потерпевшего быть уведомленным о решениях, затрагивающих его интересы, законодатель в УПК РФ до настоящего времени так и не урегулировал механизм ее реализации. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ (в Постановлении от 18.02.2000 № 3-П, в Определении от 14.01.2003 № 43-О и др.), обеспечение потерпевшему возможности, например, судебного обжалования постановлений следователя – в силу прямого действия ст. 24 (ч. 2) Конституции РФ – предполагает необходимость предоставления ему доступа к соответствующей информации, а форма и порядок его ознакомления с необходимыми материалами избираются следователем, прокурором и судом в пределах, исключающих опасность разглашения следственной тайны.

Изучение автором материалов уголовных дел позволило выявить различные механизмы уведомления органами предварительного расследования потерпевших (и иных заинтересованных участников судопроизводства) о принимаемых по уголовному делу решениях. Так, в большинстве случаев, потерпевшим направлялись уведомления, констатирующие факты приостановления производства по уголовному делу, его возобновления, окончания производства следственных действий и возможности ознакомления с материалами уголовного дела и др. Иногда потерпевших уведомляли о принятом решении телефонограммой либо посредством ознакомления с соответствующим постановлением, о чем делалась отметка, подтверждаемая подписью потерпевшего. При этом для участия в следственных и иных процессуальных действиях лицо зачастую вызывалось также с помощью направления соответствующих уведомлений, телефонограмм либо повесток. Приведенные данные свидетельствуют об отсутствии единообразного понимания правоприменителями требований закона относительно порядка уведомления участников о принятых по уголовному делу решениях и планируемых к проведению с их привлечением следственных и иных процессуальных действиях.

Учитывая специфику правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности, представляется возможным предположить, что подобная ситуация спровоцирована недостаточной законодательной регламентацией рассматриваемых вопросов. Так, единственным

предусмотренным в УПК РФ способом вызова лица в органы, осуществляющие производство по уголовному делу, является вручение ему повестки о вызове на допрос (ст. 188) – вызов для иных целей не предусмотрен, порядок уведомления о принимаемых решениях также не определен.

Анализируя положения уголовно-процессуального законодательства, необходимо отметить, что применительно к судебным стадиям уголовного процесса вопросы вызова лиц в суд урегулированы более обширно. Так, в соответствии со ст. 232 УПК РФ, при назначении судебного заседания судья дает распоряжение о вызове лиц, указанных в его постановлении. Порядок его исполнения детализирован в ведомственных актах: Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде (утв. Приказом генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36), Инструкции по судебному делопроизводству в Верховных судах республик, краевых, областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов (утв. Приказом генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15.12.2004 № 161), Правилах оказания услуг почтовой связи (утв. Постановлением Правительства РФ от 15.04.2005 № 221), Особых условиях приема, вручения, хранения и возврата почтовых отправлений разряда «Судебное» (утв. Приказом ФГУП «Почта России» от 31.08.2005 № 343) и др. Однако и в судебных стадиях законодательно не регламентированными остался алгоритм информирования заинтересованных лиц о различных событиях по уголовному делу и вызова лиц в судебное заседание, в том числе возможность использования при этом иных способов, помимо почтовой, связи.

В рамках решения рассматриваемой проблемы немаловажное значение в судебных стадиях уголовного судопроизводства имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации». Оно предусматривает вызов участников в судебное заседание посредством СМС-сообщения в случае согласия на уведомление таким способом и при фиксации факта отправки и доставки СМС-извещения адресату. Принятием такого решения Верховный Суд РФ обеспечил единство практики по рассматриваемому вопросу в судах общей юрисдикции, что, безусловно, является положительным. Однако за рамками действия указанного нововведения осталось досудебное производство по уголовным делам.

Еще один немаловажный аспект решения проблем, связанных с надлежащим уведомлением и вызовом потерпевших в уголовном судопроизводстве, связан с возможностью участия в качестве таковых юридических лиц. В соответствии с положениями ч. 9 ст. 42 УПК РФ, права потерпевшего в таких случаях реализуются посредством дея-

тельности представителей, которыми могут являться как органы либо сотрудники такого юридического лица, так и иные лица, наделенные соответствующими полномочиями на договорной основе. В процессе изучения правоприменительной практики было выявлено, что зачастую в процессе производства по уголовному делу интересы потерпевшей организации представляют различные лица, и об их смене не всегда своевременно извещаются органы, ведущие уголовный процесс. В результате этого возникают ситуации, когда уведомления по уголовным делам и вызовы для участия в процессуальных действиях направляются лицам, которые, в силу различных обстоятельств (расторжение договора, нахождение работника в отпуске и др.) уже не могут представлять интересы юридического лица, что закономерно ведет к затягиванию сроков уголовного судопроизводства. С целью исключения подобных ситуаций и формирования единообразной правоприменительной практики представляется необходимым в случаях признания потерпевшими юридических лиц обязать органы, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность, направлять уведомления по уголовным делам, как самим потерпевшим юридическим лицам, так и их представителям.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что с целью устранения обозначенных пробелов, обеспечения потерпевшим доступа к правосудию, возможности реализация права на получение информации, а также создания режима комплексного нормативного регулирования возникающих при этом правоотношений, необходимо внести в УПК РФ следующие изменения:

- дополнить ст. 11 «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» частью 1.1 следующего содержания: «Участники уголовного судопроизводства уведомляются о месте и времени производства процессуального действия повесткой либо с использованием иных средств связи, обеспечивающих фиксирование уведомления и его вручение адресату»;

- включить в главу 21 «Общие условия предварительного расследования» статью 160.1 в следующей редакции:

«160.1. Уведомления и вызовы.

1. При необходимости вызова лица для участия в производстве процессуального действия следователь, дознаватель обязан вручить ему повестку либо направить ее письмом с уведомлением о вручении. Уведомление лица о месте и времени производства процессуального действия может осуществляться, при его согласии, с использованием иных средств связи, обеспечивающих фиксирование уведомления и вручение его адресату.

2. Уведомление участников уголовного судопроизводства о действиях и решениях, затрагивающих их права, осуществляется следователем, дознавателем лично, либо с использованием почтовой или иного

вида связи, обеспечивающей фиксирование уведомления и его доставку адресату.

3. Повестка или уведомление направляются лицу по указанному им адресу. Уведомление лица с использованием иных средств связи допускается при наличии его согласия, с указанием необходимых для этого данных, которые заносятся в протокол.

4. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, вместе с уведомлением лицу, участвующему в уголовном судопроизводстве, направляются копии процессуальных документов»;

- дополнить статью 232 частью второй следующего содержания:

«2. Вызов лиц в судебное заседание осуществляется повесткой либо иным способом, обеспечивающим его фиксирование и вручение адресату».

В.А. Шурухнов

Проблемы соблюдения конституционных прав граждан в условиях преодоления противодействия расследованию

Соблюдение Конституции РФ это основное требование деятельности любых органов нашей страны. Спорные ситуации начинают возникать, когда в ходе выполнения должностных обязанностей, уполномоченными для этого органами и лицами, возникает необходимость нарушения или ограничения конституционных прав граждан.

Не все согласны с разрешением государства, каким либо образом ограничивать законные права интересы граждан. При этом, следует иметь в виду, что государственный механизм устроен таким образом, что проникнуть в сферу жизни любого гражданина, в нашей стране достаточно сложно. Но такая необходимость существует, когда, например, правоохранительные органы располагают информацией о нарушении закона конкретным лицом. Признать лицо, виновным в совершении преступления имеет право только суд, который является гарантов соблюдения конституционных прав и свобод граждан.

Однако следует отметить, что некоторые виды деятельности, находящиеся в соприкосновении с преступной деятельностью, носят пограничный характер, и ее достаточно сложно квалифицировать как преступную. Это в полной мере относится к отдельным случаям противодействия расследованию.

В настоящее время средства, способы и приемы, используемые в целях противодействия, являются изощренными, продуманными и серьезно подготовленными. Особенно это проявляется в деятельности организованных преступных формирований, где их лидеры уделяют особое внимание противодействию, организовывая его уже на этапе их

создания[1].

Обусловлено это тем, что на сегодняшний день существует единое мнение о том, что противодействие: «… по существу, стало противодействием деятельности правоохранительных органов в целом и в этом смысле приобрело характер крайне негативного и очень опасного социально-правового явления»[2].

Это обусловливает необходимость выработки эффективных мер, направленных на преодоление противодействия расследованию преступлений. Однако, ученые по разному относятся к решению данной проблемы.

Дискуссионным на сегодняшний день является вопрос о методах защиты законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса. Бесспорно, каждое лицо, в той или иной степени являющееся участником уголовного судопроизводства, должно иметь право на защиту, это его конституционное право. Однако анализ научной литературы, следственной и судебной практики, показывает, что этот вопрос еще далек от решения.

Существует разные позиции ученых и практиков относительно деятельности различных субъектов в процессе расследования преступлений. Особенно остро стоит вопрос о деятельности защитников-адвокатов. Отдельные ученые ссылаются на то, что современная уголовно-процессуальная политика культивирует объективные предпосылки для легитимного противодействия предварительному расследованию участниками уголовного процесса, представляющими интересы стороны защиты[3]. То есть, состязательность сама по себе предполагает противоборство, противодействие состязающихся сторон в реализации каждого из них уголовно-процессуальной функции[4].

---

[1] См. подробно: Шурухнов В.А. Особенности противодействия расследованию организаторов и руководителей преступных сообществ, реализуемого на этапе их создания // Актуальные проблемы Российского права. 2013. № 3(28). С. 338-343.

[2] Волынский А.Ф., Лавров В.П. Организованной противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы тории и практики) // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: мат-лы науч.-практич. конф. (29-30.10.1996). М., 1997. С. 94.

[3] Бажанов С.В. Адвокат-защитник как субъект противодействия предварительному расследованию // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: сб. науч. трудов. М., 2007. С. 56.

[4] Баев М.О., Баев О.Я. Противодействие адвоката уголовному преследованию подзащитного (процессуальная неизбежность и пределы допустимого) // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: сб. науч. трудов. М., 2007. С. 31-56.

Такую позицию в полной мере поддерживают защитники-адвокаты. Опрос показал, что все они в своей деятельности используют только законные средства и методы, направленные на защиту их клиентов (100% опрошенных респондентов). При этом законность таких мер, в некоторых случаях, вызывает сомнение. Например, сообщение своему подзащитному о необходимости выбора определенной линии поведения, в ходе расследования, предложенную ему другим соучастником, не имеющим возможности прямого общения (нахождение в СИЗО), является для защитников-адвокатов вполне приемлемым приемом защиты. Пресечь такую деятельность следователю практически невозможно, и она остается за рамками расследования.

Все попытки пресечения незаконной деятельности защитников-адвокатов не приносят положительного результата. Кроме этого, на такие попытки последовала ответная реакция. В МВД России было направлено обращение Федеральной палаты адвокатов РФ, в котором говориться, что контроль, за соблюдением адвокатами Кодекса возложено на совет адвокатской палаты субъекта РФ. В этой связи интересен тот факт, что информации о привлечении к ответственности (например, дисциплинарной) или лишении статуса адвоката, в открытых источниках нет, она носит закрытый характер.

Между тем, результатом данного обращения стало письмо заместителя начальника Следственного департамента МВД России, в котором говориться о необходимости изучения положений нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность адвокатов и адекватном реагировании на нарушения, допускаемые адвокатами[1].

Из этого следует, что возможности воздействия на недобросовестных защитников-адвокатов у правоохранительных органов практически не существует. Такое положение вряд ли позитивно влияет на обеспечение конституционных прав граждан, а также на их отношение к правоохранительным органам.

Противоборствующая сторона напротив, активно использует создавшуюся ситуацию в свою пользу. Лидеры и участники преступных формирований постоянно используют защитников-адвокатов в целях воздействия на субъектов расследования (потерпевших, свидетелей и их родственников).

Представляется, что в целях защиты конституционных прав граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, защиты их от воздействия защитников-адвокатов не достаточно обращения следователей в адвокатскую палату. Здесь необходимо принятие кардинальных мер.

---

[1] Письмо Следственный департамент МВД России от 12.04.2013 № 17/2-8974 «О разъяснении требований нормативных правовых актов регулирующих деятельность адвокатов».

Анализ следственной и судебной практики показывает, что преступления, совершаемые участниками организованных преступных формирований, а также лиц, содействующих им, в целях воздействия на свидетелей или потерпевших, а также иные действия, которые не носят криминального характера, находятся за рамками расследования. Они не входят в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по преступлениям данной категории и другим видам преступлений. При этом, преступления, совершаемые с целью противодействия расследованию, ответственность за которые предусмотрена в главах 31, 32, носят сопутствующий характер и совершаются только в целях воздействия на участников уголовного процесса. Поэтому, например, ситуация, когда свидетель или потерпевший меняют свое поведение, вдруг изменяя свои показания, может свидетельствовать о воздействии на них со стороны лиц, противодействующих расследованию. В этом случае следователю необходимо расширить круг обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию по расследуемому делу в части установления причин такого поведения свидетеля или потерпевшего. Связано это с тем, что: «противодействие расследованию может затруднить и подчас сделать невозможным доказывание любого из обстоятельств, входящих в предмет доказывания, перечисленных в ст. 73 УПК РФ»[1]. Непринятие мер, направленных на выявление и доказывание противодействия расследованию влечет за собой нарушение конституционных прав граждан на защиту их от преступных посягательств. В этом случае, об обеспечении законности и соблюдении конституционных прав, не может быть и речи, так как следователь не исполняет требования закона о необходимости установления всех обстоятельств расследуемого преступления. Суд, базируясь на доказательствах, полученных в ходе предварительного следствия, в которых отсутствуют данные, указывающие на противодействие, оказываемое в ходе его производства, не сможет объективно оценить все обстоятельства преступной деятельности и применить к лицам адекватное наказание.

Кроме этого, не установление причин и условий противодействия расследованию не будет способствовать эффективному применению государственных мер защиты, которые применяются в целях реализации конституционных прав, а это может привести к негативным последствиям.

«Сам факт сокрытия, – пишет В.П. Лавров, – и других форм противодействия должен рассматриваться как одно из обстоятельств, подлежащих доказыванию, ибо противодействующими субъектами может быть оказано негативное воздействие на установление любых из 8

[1] Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: курс лекций. М., 2011. С. 26.

групп обстоятельств, перечисленных в этой статье»[1].

Таким образом, обеспечение конституционных прав граждан, следователем в процессе расследования видится в установлении всех обстоятельств расследуемого преступного события, в которые, безусловно, входят обстоятельства оказания противодействия, со стороны преступников и лиц им содействующих. Только в этом случае следователь обеспечит соблюдение прав и законных интересов субъектов уголовного процесса, путем установления всех обстоятельств преступной деятельности и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. Применяемые меры, направленные на преодоление противодействия расследованию должны соответствовать не только требованиям Уголовно-процессуального закона, но и положениям Конституции РФ, а это в совокупности позволит эффективно бороться, как преступниками, так и иными недобросовестными лицами, участвующими в нем.

С.Н. Юсупкадиева

Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в ходе проведения предварительного расследования

Важным фактором обеспечения достойной жизни и свободного развития личности, по мнению Т.С. Гусевой, выступает гарантированность всей совокупности прав и свобод, а также возможности их охраны и защиты[2]. Здесь идет речь об основных правах, обеспечивающих такие фундаментальные, существенные ценности, как жизнь человека, его достоинство, свобода, собственность, участие в управлении государственными и общественными делами.

Нормальная жизнедеятельность гражданского общества и правового государства возможна только при разумном и необходимом ограничении свободы каждого индивида[3]. Конституция РФ в ч. 3 ст. 55 устанавливает пределы допустимых ограничений. Федеральным законом могут быть ограничены основные права и свободы человека и гражданина только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Но, как мы видим, в данной норме не указано, в каком объеме могут быть ограничены основные права и свободы человека и

---

[1] Там же.

[2] Гусева Т.С. Конституционное право на социальное обеспечение и роль государства в его реализации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 20. С. 12.

[3] Садовникова Г.Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации: постатейный / отв. ред. И.А. Конюхова (Умнова). М., 2008. С. 33.

гражданина, в ней содержится только общее положение о том, что ограничение должно действовать в той мере, в какой это необходимо в перечисленных случаях.

Необходимо отметить, что в ходе предварительного расследования уголовного дела осуществляется значительное ограничение прав и свобод человека и гражданина. Предварительное расследование в целом – это деятельность органов дознания и предварительного следствия по собиранию, проверке и оценке доказательств, на основании которых устанавливаются имеющие значение для дела обстоятельства в целях быстрого и полного раскрытия преступления, изобличения и привлечения в качестве обвиняемого лица, его совершившего, принятие мер по пресечению преступления, выявлению и устранению причин и условий, способствовавших его совершению, а также мер по обеспечению возмещения ущерба причиненного преступлением[1].

Предварительный характер расследования состоит в том, что на этой стадии уголовного процесса решения следователя о привлечении лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого и о его виновности на основе собранных доказательств носят предварительный характер. Окончательное решение о виновности обвиняемого и его уголовной ответственности принадлежит исключительно суду[2].

Предварительное расследование преследует следующие цели: а) раскрыть преступление; б) изобличить виновного в совершении определенного преступления либо реабилитировать невиновного; в) сформировать достаточную доказательственную базу для проведения судебного разбирательства; г) обеспечить личное участие обвиняемого в суде; д) гарантировать возможное решение суда о возмещении вреда, причиненного преступлением.

Для достижения этих целей перед данной стадией стоят определенные задачи: а) поиск, собирание и исследование доказательств по делу; б) обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту; в) применение (при необходимости) мер процессуального принуждения; г) передача уголовного дела в суд либо прекращение уголовного дела или уголовного преследования[3]. Основная задача предварительного расследования – собирание, закрепление и оценка всех обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ.

Исходя из понятия, сущности, целей и задач предварительного расследования, мы видим, что эта деятельность не может осуществляться без ограничения конституционных прав и свобод человека и гражда-

---

[1] Громов Н.А., Макридин С.Ю. Уголовный процесс. М., 2007. С. 109.

[2] Тетерин Б.С., Трошкин Е.З. Возбуждение и расследование уголовного дела. М., 1997. С. 21.

[3] Григорьев В.Н. Предварительное расследование (понятие, значение и формы): лекция. М., 1998. С. 17.

нина. Следствием чего, является закрепление в УПК РФ значительного количества ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина, которые реализуются чаще всего при производстве следственных действий и применении мер уголовно-процессуального принуждения, но только на основании решения суда. Поскольку уголовное судопроизводство является одной из форм реализации властных полномочий соответствующих государственных органов, особое значение приобретают такие положения закона, которые определяют пределы государственного вторжения в сферу прав и свобод личности.[1]

Конституционные права и свободы человека и гражданина должны неукоснительно соблюдаться работниками правоохранительных органов при проведении следственных и иных процессуальных действий, так как их ущемление может привести к утрате ценной информации в каждом конкретном случае и повлечь за собой негативное отношение граждан к органам, осуществляющим предварительное расследование. Совместные приказы Генеральной прокуратуры и МВД РФ регламентирует как один из важнейших факторов эффективной работы сотрудников правоохранительного блока доброжелательное, вежливое обращение к гражданам без унижения их прав и свобод.

Соблюдение закона и правильное его применение имеет особое значение для должностных лиц, полномочных ограничивать права граждан в ходе производства предварительного расследования. Во избежание незаконного ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в ходе проведения предварительного расследования при производстве следственных действий в УПК РФ закреплены принципы уголовного процесса, общие условия предварительного расследования и в частности общие правила производства следственных действий, которые подлежат обязательному соблюдению органами предварительного расследования.

Любая деятельность органов следствия и дознания должна соответствовать принципам уголовного процесса и общим условиям предварительного расследования. Принципы уголовного процесса – это исходные руководящие правовые положения, определяющие построение всех его стадий, форм и институтов и обеспечивающие выполнение стоящих перед ним задач. Общими условиями предварительного расследования – это определенные в уголовно-процессуальном законе правила, предусматривающие наиболее важные требования к порядку производства процессуальных действий и принятию решений на данной стадии процесса. Общие условия представляют собой проявление принципов уголовного процесса в стадии расследования[2]. Но общие

---

[1] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. И.Л. Петрухин. М., 2008. С. 64.

[2] Тетерин Б.С., Трошкин Е.З. Указ. соч. С. 24.

условия предварительного расследования не являются принципами уголовного процесса, это правила меньшей, чем принципы, процессуальной значимости, они касаются не всего процесса, а лишь одной из его составляющих – предварительного расследования.[1]

Общие условия предварительного расследования – это такие уголовно-процессуальные нормы, которые действуют на протяжении всей стадии предварительного расследования, определяя ее содержание. Предварительное расследование в российском уголовном процессе существенно отличается от судебного разбирательства. Если в последнем господствуют правила состязательности, то здесь еще довольно сильны розыскные элементы. Эта специфика предварительного расследования отражается на его общих условиях.

Система правил, предусмотренных главой 21 УПК РФ и составляющих общие условия предварительного расследования, включают: подследственность; соединение и выделение уголовного дела и материалов уголовного дела; место, начало и сроки производства предварительного расследования; производство неотложных следственных действий, восстановление уголовного дела; обязательность рассмотрения ходатайств; окончание предварительного расследования; меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества; недопустимость разглашения данных предварительного следствии.

Также хотелось бы отметить, что глава 22 УПК РФ закрепляет правила производства предварительного следствия, которые в части также можно отнести к общим условиям предварительного расследования, так как некоторые их этих положений распространяются и на дознание. К ним относятся: производство предварительного следствия следственной группой и взаимодействие органов расследования; общие правила производства следственных действий; судебный порядок получений разрешения на производство следственного действия; протокол следственного действия; участие специалиста, переводчика и понятых.

Будучи процессуальными, следственные действия подчинены требованиям принципов процесса и другим требованиям, закрепленным в УПК. В то же время комплекс норм закона о следственных действиях имеет своей целью регулирование специфических отношений, связанных с собиранием доказательств. В первую очередь он должен обеспечивать обоснованность следственного действия с тем, чтобы исключить его проведение «на авось», т.е. в расчете на счастливую случайность. Нужны и другие меры, ограждающие лиц, привлеченных к участию в следственных действиях, т.е. обвиняемого, подозреваемого, их защитника, потерпевшего, его представителя, свидетеля и др. от не-

[1] Рыжаков А.П. Уголовный процесс: учеб. для вузов. М., 2003. С. 350.

обоснованного вторжения органов расследования, суда в сферу охраняемых Конституцией прав и свобод граждан, от причинения им неправомерного морального, имущественного ущерба и вреда здоровью. Помимо всего этого закон должен предоставлять участникам следственных действий необходимые гарантии, обеспечивающие им реальную возможность осуществлять свои функции, реализовать свои права, выступать активными субъектами доказывания на его первоначальном этапе. Необходимы и меры, обеспечивающие эффективность следственного действия, т.е. пригодность к получению искомых доказательств, вопреки противодействию лиц, уклоняющихся от представления сведений, предметов, документов, либо прямо препятствующих этому. С другой стороны, нормы УПК должны через надлежащую процедуру обеспечивать допустимость получаемых органами расследования, судом, доказательств с тем, чтобы они впоследствии могли быть признаны достоверными и использованы для обоснования выводов субъектов доказывания.[1]

Общие правила проведения следственных действий, закрепленные в ст. 164 УПК, в равной мере регулируют проведение каждого следственного действия, независимо от его специфики и отличия от других следственных действий.

Следователь, дознаватель должен достаточно взвешенно подойти к принятию решения о производстве следственного действия, так или иначе сопряженного с принуждением, к таковым относятся освидетельствование, обыск, выемка, эксгумация, они проводятся на основании постановления следователя. Но в случае, когда проведение следственного действия сопряжено с существенными ограничениями конституционных прав и свобод, участвующих в нем лиц, закон требует получение следователем, дознавателем разрешения суда на производство следственного действия.. К таковым относятся: осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыск и выемка в жилище, выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, личный обыск (искл. ч. 2 ст. 184 УПК), выемка предметов и документов, содержащих государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях, наложение ареста, осмотр и выемка корреспонденции в учреждениях связи, контроль и записи телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Все названные действия значительно ограничивают конституционные права граждан, в связи с чем производятся лишь по решению суда

---

[1] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. И.Л. Петрухин. С. 354-355.

(ст. 23-25, 35 Конституции РФ).

В ст. 20 и 21 Конституции РФ закреплены нормы направленные на защиту человека от унижения чести и достоинства, а также от жестокого обращения, пыток, насилия, т.е. от умышленного причинения не только нравственных, но и физических страданий. Эти нормы распространяются на уголовно-процессуальную деятельность в первую очередь. В ходе производства предварительного расследования запрещено применение насилия, угроз и иных незаконных мер, равно создание опасности для жизни и здоровья участников, запрещены действия и решения следователя или дознавателя, унижающие честь и достоинство участников предварительного расследования.

Для обеспечения права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиты своей чести и доброго имени, закрепленного в ч. 1 ст. 23 Конституции РФ, священники, врачи, адвокаты, нотариусы, а также депутаты, освобождаются от ответственности за отказ от дачи свидетельских показаний за неразглашение сведений, которые стали им известны в процессе профессиональной деятельности.[1]

Кроме того, следователь предупреждает участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения ставших им известными данных предварительного расследования, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ. Данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается.

Недопустимость разглашения данных расследования обеспечивает: а) быстрое и полное раскрытие преступления; б) эффективную защиту от подозрения и обвинения; в) соблюдение охраняемых федеральными законами виды тайн; г) честь, достоинство и деловую репутацию обвиняемого, других физических и юридических лиц; д) безопасность участников уголовного процесса (свидетелей, потерпевших).[2]

За каждым закреплено конституционное право на пользование родным языком и на свободный выбор языка общения (ст. 26 Конституции РФ), для обеспечения которого в ч. 2 ст. 18 УПК закреплено право любого участника уголовного судопроизводства бесплатно пользоваться

---

[1] Садовникова Г.Д. Указ. соч. С. 39.

[2] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2004. С. 370.

помощью переводчика. Основанием для привлечения к участию в деле переводчика является недостаточное владение участником процесса языком, на котором ведется производство по делу, при этом сомнения должны толковаться в пользу лица, которому нужен перевод.

Привлечение переводчика к участию в деле является обязанностью органов расследования, невыполнение которой является существенным нарушением процессуального закона (п. 5 ч. 2 ст. 379 УПК). Участие переводчика всегда обеспечивается за счет государства (ч. 2 ст. 18).

Дача показаний на допросе является обязанностью потерпевшего и свидетелей, за отказ от дачи показаний эти лица могут быть привлечены к уголовной ответственности. Но в соответствии со ст. 51 Конституции РФ никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определен законом, что также закреплено в ст. 42 и 46 УПК РФ.

Хотелось бы отметить такое следственное действие как освидетельствование. Законодатель, да и многие ученые-процессуалисты не относит это следственное действие к действиям значительно ограничивающим права и свободы человека и гражданина, его проводят по постановлению следователя, но разрешение суда на это не нужно, на наш взгляд это не так. Специфика данного следственного действия определяется объектом исследования, каковым выступает тело живого человека[1]. Спецификой данного объекта определяется и процесс познания, осуществляемый путем непосредственного чувственного – зрительного восприятия тела другого человека, чаще всего обнаженного.

Конкретными задачами освидетельствования является установление на теле человека особых примет; повреждений; частиц каких-либо веществ; соответствия повреждения на теле повреждениям на одежде и др., т.е. следов преступления и иных признаков, свидетельствующих о связи данного лица с расследуемым событием.

Освидетельствование имеет свои особенности:

1. Для его проведения следователь выносит специальное постановление; это постановление обязательно для исполнения лицом, в отношении которого оно вынесено.

2. Если освидетельствование проводится в отношении лица иного пола и сопровождается обнажением данного лица, следователь при этом не присутствует; освидетельствование проводит врач, со слов которого следователь потом составляет протокол.

3. В качестве понятых приглашаются лица того же пола, что и освидетельствуемое лицо, если оно сопровождается обнажением последнего. Понятые приглашаются по инициативе следователя или освидетельствуемого лица.

---

[1] Божьев В.П. Комментарий к ст. 179 «Освидетельствование» // Комментарий к УПК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2002. С. 360.

4. Освидетельствование возможно проводить в принудительном порядке, но недопустимы действия, унижающие достоинство освидетельствуемого лица или опасных для его здоровья.

Эти особенности имеют большое значение в условиях Дагестана, так как на территории РД функционируют не только нормы светского права, но и институты обычного права и шариата. По шариату обнажение даже не интимных частей тела женщины (кистей, стоп и т.д.) считается позором, из-за этого многие мужья и родители запрещают своим женам и дочерям соглашаться на освидетельствование, даже если его проводит врач, а тем более следователь-мужчина. Выходом для разрешения этой ситуации может служить проведение освидетельствования в присутствие мужа или матери освидетельствуемой и только врачом-женщиной.

Имеет свою специфику и фиксация следов и особых примет, располагающихся на закрытых и особо интимных частях тела посредством фотосъемки и видеозаписи, которая осуществляется только с согласия освидетельствуемого. При фотографировании следов, особых примет или телесных повреждений, располагающихся на теле освидетельствуемого хотя и не фотогравируется его лицо, но в Дагестане чаще всего освидетельствуемые отказываются от такого способа фиксации результатов освидетельствования. В таком случае задачей следователя является подробно описать в протоколе освидетельствования все обнаруженные на теле следы, особые приметы или телесные повреждения, составить схему строения тела человека и обозначить на ней места их обнаружения и локализации, по возможности сфотографировать, но так, чтобы не было видно лица освидетельствуемого.

О.А. Яловой

Особенности применения наглядно-образных форм фиксации проверки показаний на месте

Для повышения достоверности и убедительности проверки показаний на месте используются различные способы фиксации ее хода и результатов, такие как протоколирование, фотографирование, видеозапись, звукозапись, составление планов, чертежей, рисунков и схем[1].

Наиболее простыми и доступными из указанных способов фиксации следственных действий являются так называемые наглядно-образные формы фиксации – фотографирование и видеозапись. Так, фотосъемка позволяет обеспечить быстроту, полноту и наглядность фиксации объектов, объективность и точность фиксации, отображение

[1] Аверьянова Т.В. и др. Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М., 1999. С. 150-151.

цветовых оттенков, фиксируемых объектов.

Благодаря своей наглядности фотографии помогают детально получить представление о месте происшествия относительно имеющихся ориентиров, об обстановке, форме, размерах, взаиморасположении участков местности, строений, предметов и т.д.

Осуществляемая при производстве следственного действия фотосъемка, должна отражать его ход, результаты и максимальное количество информации об изображенных объектах. Для этого ее необходимо выполнять по правилам судебной фотографии, с учетом особенностей, обусловленных спецификой самой проверки показаний на месте и объектов, подлежащих фиксации.

В ходе проверки показаний на месте фотографирование применяется для фиксации обстановки и предметов на месте проверяемого события и в пути следования к нему, указанных лицом, показания которого проверяются. Для запечатления этих объектов чаще всего применяются такие виды фотосъемки как ориентирующая, обзорная и узловая, реже – детальная.

Ориентирующая и обзорная фотосъемки производятся, как правило, с применением панорамного метода при проверке показаний на открытой местности, когда необходимо запечатлеть, например, протяженный участок дороги, поля, леса, и т.д. При необходимости зафиксировать расстояния между предметами и их размеры применяется измерительная фотосъемка.

Готовясь к проведению данного следственного действия, следователь ориентировочно намечает объекты, которые необходимо будет запечатлеть в случае, если на них укажет допрошенное лицо. Для этого он изучает протокол допроса этого лица, протокол осмотра места происшествия и приложенные к нему фототаблицы, план, схему.

Как правило, в ходе проверки показаний на месте маршрут движения, указываемый лицом, чьи показания проверяются, полностью не фотографируется. На фотоснимках фиксируются лишь наиболее существенные обстоятельства места расследуемого события. Если продвижение к указанному допрошенным лицом участку местности или объекту начинается с определенной точки и маршрут передвижения имеет существенное значение для дела, фотографирование следует начать с этой точки. При этом на снимке запечатлевается какой-нибудь характерный ориентир. Для отражения на фотоснимках направления движения, указываемого допрошенным лицом, в процессе фотографирования используются стрелки, вырезанные из картона или другого плотного материала. Направление может указывать и само лицо, чьи показания проверяются, но при этом необходимо, чтобы на снимке был запечатлен и ориентир, выделяющийся на местности, мимо которого проходит маршрут.

Направление движения может быть указано на готовых фотоснимк-

ках пунктирной линией или стрелками, наносимыми чернилами.

Фотографирование места, расследуемого события, начинается издалека, на подходах к нему. Производится ориентирующая фотосъемка из нескольких снимков таким образом, чтобы указанное место было запечатлено на фоне окружающей местности с неподвижными объектами, позволяющими определить его расположение. Фотосъемку необходимо производить также с той точки, откуда допрошенное лицо, по его словам, подошло к данному месту в момент расследуемого события или до него. Затем делаются обзорные снимки всего исследуемого места, без окружающих участков местности.

При указании проверяемым лицом местонахождения укрытия, обнаруженных объектов и следов осуществляется их узловая фотосъемка. Объекты съемки изображаются крупным планом, чтобы по фотографии можно было определить их форму, размер, взаиморасположение следов, характер повреждений. Как правило, на узловых фотоснимках отображается максимальное количество признаков снимаемых объектов, которые непросто описать в протоколе рассматриваемого следственного действия. Крупным планом также фотографируются те точки на местности, в которых находились допрошенное лицо или другие участники события в определенные моменты или где совершили те или иные действия, о чем это лицо дало показания и указало на месте.

Не рекомендуется фотографировать вместе с обвиняемым или свидетелем понятых или оперативных сотрудников, участвующих в проверке[1].

С целью фиксации отдельных деталей, особенностей места проведения проверки показаний и его результатов в виде обнаруженных предметов, вещей, следов, а также признаков, индивидуализирующих данные объекты, производится детальная фотосъемка. Узловая и детальная фотосъемки, как правило, производятся с использованием масштабов, т.е. специальных линеек, лент, квадратов с четко обозначенными на них размерными величинами.

Снимки одних и тех же объектов, указанных разными лицами, должны быть произведены с одной и той же точки.

На основе фотоснимков, отражающих ход и результаты проверки показаний на месте, формируются фототаблицы в том же порядке, в каком производилась фотосъемка. Под каждым фотоснимком ставится порядковый номер с пояснительным текстом и отмечается, что данная таблица является приложением к протоколу проверки показаний на месте, указывается дата проведения следственного действия и номер уголовного дела. Изготовленные фототаблицы подписываются следователем и специалистом-криминалистом. Фототаблицы как составные

---

[1] Аверьянова Т.В. и др. Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М., 2003. С. 633-634.

части протокола, приобщаются к уголовному делу вместе с протоколом проверки показаний на месте.

В качестве недостатков фотосъемки можно выделить некоторые искажения фиксируемых объектов, отображение их на плоскости, а не в объемном пространстве, в статике, а не в процессе движения.

Наиболее эффективным средством фиксации проверки показаний на месте является видеозапись. Ее использование позволяет запечатлеть и впоследствии воспроизвести основные этапы данного следственного действия. В зависимости от специфики места, где проводится проверка показаний, а также от особенностей фиксируемых объектов, процессов, явлений, фотосъемка и видеозапись могут применяться по отдельности или комбинированно.

Криминалистическая видеозапись отличается от обычной съемки особенностями решаемых задач и применяемых способов фиксации объектов, а также «недопустимостью производства съемки и записи по заранее разработанному игровому сценарию и путем применения комбинированных и иных методов, не соответствующих принципу объективного воспроизведения действительности»[1].

С помощью видеозаписи осуществляется последовательная фиксация исходного пункта проверки показаний на месте, факта указания проверяемым лицом направления движения, пути следования и порядка движения участников проверки, прибытия на место происшествия, ход и результаты его осмотра, процесс реконструкции его обстановки, действия и показания, проверяемого лица.

Фиксация хода проверки показаний на месте начинается с момента разъяснения следователем ее участникам их прав и обязанностей, а также доведения им информации о применении видеозаписи. При этом у проверяемого лица уточняется его готовность давать показания на месте расследуемого события и по пути к нему. В это время специалист производит ознакомительную съемку участников проверки, переходя от общего вида к крупному плану, которым дается лицо каждого участника. Для облегчения ориентировки можно предложить лицу, чьи показания проверяются, одеться иначе, чем другие участники следственного действия[2].

Перед началом движения необходимо зафиксировать момент вопроса проверяемому лицу о маршруте движения, чтобы в дальнейшем не дать возможности обвиняемому заявлять, что его привел на место следователь.

Видеозапись маршрута необходимо производить таким образом, чтобы при просмотре снятого материала четко просматривался марш-

---

[1] Яблоков Н.П. Криминалистика: учеб. М., 2000. С. 103.

[2] Ищенко Е.П., Ищенко П.П., Зотчев В.А. Криминалистическая фотография и видеозапись: учеб.-практ. пособие. М., 1999. С. 393.

рут движения, и было хорошо видно местонахождение проверяемого лица и других участников следственного действия.

Целесообразно зафиксировать условия производства проверки показаний на месте, а также выполнение тактических и процессуальных требований.

В качестве ошибок, допускаемых следователями при фиксации проверки показаний на месте необходимо указать выборочную видеофиксацию хода проверки, отсутствие объяснений о причинах перерыва видеосъемки, выполнение видеосъемки самим следователем, что отвлекает его от руководства следственным действием[1].

Являясь приложением к протоколу проверки показаний на месте видеозапись, составляет его неотъемлемую часть и допускается в качестве доказательства по уголовному делу.

Значение видеозаписи заключается в том, что она обладает большой достоверностью отражения хода и результатов проверки показаний на месте, способствует полному и правильному усвоению содержания протокола проверки показаний на месте, а также позволяет проверить точность записей в протоколе. Неоценима ее помощь в ходе судебного разбирательства, в случае отказа подсудимым от своих показаний, данных на предварительном следствии. Просмотр видеозаписи помогает опровергать ложные показания и доказывать виновность.

---

[1] Настольная книга следователя. Расследование особо тяжких преступлений против общественной безопасности: науч.-методич. пособие / под ред. А.И. Дворкина. М., 2006. С. 331.

Сведения об авторах

Багмет Анатолий Михайлович – директор ИПК СК России, кандидат юридических наук, Почётный работник Следственного комитета Российской Федерации, генерал-майор юстиции.

Алексеев Артем Павлович – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, капитан внутренней службы.

Алонцева Елена Юрьевна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Антонов Игорь Олегович – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.

Ануфриева Екатерина Андреевна – заведующая кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского гуманитарного института, кандидат юридических наук.

Ардашев Роман Георгиевич – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского государственного технического университета.

Багмет Михаил Анатольевич – соискатель Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина.

Бакланов Леонид Анатольевич – преподаватель кафедры ОРД ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, майор полиции.

Белицкий Владислав Юрьевич – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридически наук, доцент, подполковник полиции.

Бережкова Надежда Федоровна – главный специалист-эксперт администрации Ленинского района г. Ульяновска.

Боровских Роман Николаевич – доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Новосибирского юридического института (филиала) Томского национального исследовательского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Бражников Дмитрий Анатольевич – заместитель начальника Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Брусницын Леонид Владимирович – профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Московского государственного индустриального университета, доктор юридически наук.

Брыляков Сергей Павлович – начальник кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк Кемеровской области), кандидат юридических наук, майор внутренней службы.

Бугров Иван Борисович – следователь Пресненского межрайонного отдела СУ по ЦАО ГСУ СК России по г. Москве, старший лейтенант юстиции.

Бутырская Анна Валерьевна – заведующий кафедрой криминалистики Нижегородского филиала ИПК СК России, кандидат юридических наук, полковник юстиции.

Быков Виктор Михайлович – профессор кафедры уголовного права и прикладной информатики в юриспруденции юридического факультета Тамбовского государственного технического университета, доктор юридических наук, профессор.

Бычков Василий Васильевич – учёный секретарь ИПК СК России, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Васильев Федор Петрович – доцент кафедры управления деятельностью служб общественной безопасности Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент, член Российской академии юридических наук, полковник полиции.

Васильева Евгения Григорьевна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия (г. Краснодар), кандидат юридических наук.

Васнецова Анастасия Сергеевна – старший научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, младший советник юстиции.

Васюков Виталий Федорович – преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, майор полиции.

Вдовин Алексей Николаевич – прокурор отдела прокуратуры Кемеровской области; преподаватель Кемеровского государственного университета; член Ассоциации юристов России.

Вдовцев Павел Викторович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Екатеринбургского филиала ИПК СК России, кандидат юридических наук, лейтенант юстиции.

Виницкий Лев Витальевич – профессор кафедры Смоленского государственного университета, Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор.

Волочай Сергей Николаевич – заведующий кафедрой криминалистики Ростовского филиала ИПК СК России, кандидат юридических наук, майор юстиции.

Воскресов Борис Николаевич – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Южного федерального университета.

Гладышева Ольга Владимировна – заведующая кафедрой уголовного процесса Юридического факультета Кубанского государственного университета (г. Краснодар), кандидат юридических наук, доцент.

Глушков Александр Иванович – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, доктор юридических наук, профессор.

Голова Светлана Ивановна – преподаватель кафедры предварительного расследования Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции.

Головко Нонна Владимировна – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, кандидат юридических наук.

Гришина Екатерина Павловна – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, кандидат юридических наук, доцент.

Гущев Максим Евгеньевич – доцент кафедры криминалистики Нижегородского филиала ИПК СК России, кандидат юридических наук, старший лейтенант юстиции.

Дадабаев Владимир Кадырович – доцент кафедры судебной медицины Тверской государственной медицинской академии, кандидат медицинских наук.

Егорова Елена Витальевна – доцент кафедры судебной власти и организации правосудия Национального исследовательского университета Высшей школы экономики (г. Москва), кандидат юридических наук.

Елинский Валерий Иванович – старший следователь-криминалист Главного управления криминалистики СК России, доктор юридических наук, профессор.

Емельянова Елена Владимировна – главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научного центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент, полковник полиции.

Ендольцева Алла Васильевна – заместитель начальника Московского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, полковник полиции.

Загрядская Екатерина Александровна – доцент кафедры уголовного права Нижегородского филиала ИПК СК России, майор юстиции.

Зайцева Елена Александровна – профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Захарова Валентина Олеговна – доцент кафедры криминалистики ИПК СК России, кандидат юридических наук, майор юстиции.

Звонов Андрей Викторович – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, майор внутренней службы.

Зуев Сергей Васильевич – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), доктор юридических наук.

Исаенко Вячеслав Николаевич – профессор кафедры организации правоохранительной деятельности Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, доцент.

Казначей Иван Васильевич – адъюнкт адъюнктуры (докторантуры) Волгоградской академии МВД России, капитан полиции.

Камчатов Кирилл Викторович – ведущий научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук.

Каркошко Юрий Сергеевич – доцент кафедры уголовного процесса Екатеринбургского филиала ИПК СК России, майор юстиции.

Карташова Инна Игоревна – аспирант кафедры Конституционного права России и зарубежных стран Воронежского государственного университета

Кирянина Ирина Алексеевна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородского филиала ИПК СК России, капитан юстиции.

Комаров Игорь Михайлович – профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор.

Комиссарова Ярослава Владимировна – доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент.

Котяжов Андрей Валерьевич – старший научный сотрудник научного центра Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Коцюмбас Сергей Михайлович – судья Белгородского областного суда; старший преподаватель кафедры судебной экспертизы и криминалистики Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Крючкова Валентина Феликсовна – старший преподаватель кафедры уголовного права Хабаровского филиала ИПК СК России, кандидат юридических наук, майор юстиции.

Кудрявцева Татьяна Геннадьевна – профессор кафедры уголовного права ИПК СКР, подполковник юстиции.

Кузьмин Михаил Николаевич – преподаватель кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант полиции.

Курнышева Елена Александровна – директор Нижегородского филиала ИПК СК России, кандидат педагогических наук, полковник юстиции.

Леонов Александр Иванович – преподаватель кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, майор полиции.

Ломшин Артем Михайлович – аспирант кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (г. Саранск, Республика Мордовия).

Ломшина Наталья Александровна – аспирант кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (г. Саранск, Республика Мордовия).

Лушин Евгений Александрович – старший преподаватель кафедры криминалистики Нижегородского филиала ИПК СК России, кандидат юридических наук, подполковник юстиции.

Лятифова Татьяна Сергеевна – инспектор отдела организационно-аналитической работы и пропаганды безопасности дорожного движения УГИБДД УМВД России по Курской области; адъюнкт кафедры управления деятельностью служб обеспечения охраны общественного порядка Академии управления МВД России, майор внутренней службы.

Мазур Екатерина Сергеевна – профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор медицинских наук, доцент.

Макогон Ирина Викторовна – старший преподаватель кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Максимов Николай Валерьянович – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары, Чувашская Республика).

Маргарян Асмик Артуровна – студент Смоленского государственного университета.

Минаева Светлана Александровна – адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, майор полиции.

Минин Анатолий Яковлевич – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института и Московского педагогического государственного университета, доктор юридических наук, профессор, действительный член Международной академии наук педагогического образования.

Митькова Юлия Сергеевна – адъюнкт адъюнктуры (докторантуры) Волгоградской академии МВД России, подполковник полиции.

Муратова Надежда Георгиевна – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор.

Нагуляк Марина Владимировна – судья Смоленского областного суда, кандидат юридических наук.

Орехова Любовь Михайловна – адъюнкт кафедры УДСООП Академии управления МВД России, старший лейтенант полиции.

Орлов Юрий Кузьмич – профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Патрикеев Виктор Евгеньевич – начальник кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридически наук, доцент, полковник полиции.

Перепелкин Вячеслав Иванович – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары, Чувашская Республика), кандидат юридических наук.

Петухов Юрий Евгеньевич – доцент кафедры уголовно-процессуального права Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (г. Киров), кандидат юридически наук.

Пискунов Сергей Андреевич – старший инспектор Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации МВД России, кандидат юридических наук, майор полиции.

Поляков Виталий Викторович – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (г. Барнаул), кандидат юридических наук.

Розовская Татьяна Игоревна – доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала ИПК СК России, кандидат юридических наук, майор юстиции.

Русман Галина Сергеевна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), кандидат юридических наук, доцент.

Сажаев Алексей Михайлович – заведующий кафедрой криминалистики Новосибирского филиала ИПК СК России, подполковник юстиции.

Самищенко Сергей Степанович – заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Московского государственного университета приборостроения и информатики, доктор юридических наук, кандидат медицинских наук, профессор.

Саушкин Сергей Анатольевич – доцент кафедры правового регулирования и экономики таможенного дела Юридического института Московского университета путей сообщения, кандидат юридических наук.

Сахарова Евгения Григорьевна – старший преподаватель кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридически наук, подполковник полиции.

Скобелин Сергей Юрьевич – старший преподаватель кафедры криминалистики ИПК СК России, кандидат юридически наук, доцент.

Согоян Валерий Левонович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского филиала ИПК СК России, полковник юстиции.

Стороженко Ольга Юрьевна – адъюнкт кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России, лейтенант полиции.

Стрелков Андрей Анатольевич – заместитель руководителя следственного управления СК России по Тверской области, полковник юстиции.

Телегина Татьяна Дмитриевна – ассистент кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук.

Тисен Ольга Николаевна – прокурор Управления по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами прокуратуры Оренбургской области (г. Оренбург), кандидат юридических наук.

Титков Александр Валерьевич – аспирант кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета (г. Краснодар).

Тишков Даниил Сергеевич – студент Института прокуратуры РФ Саратовской государственной юридической академии.

Ткачев Александр Викторович – доцент кафедры криминалистики Юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент.

Торбенко Максим Викторович – магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Фидельский Станислав Вячеславович – преподаватель кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Фролова Елена Юрьевна – Юридический факультет Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), кандидат юридических наук, доцент

Хмелева Алла Владимировна – заместитель руководителя отдела криминалистики СУ СК России по Воронежской области, кандидат юридических наук, полковник юстиции.

Холодный Юрий Иванович – профессор кафедры «Защита информации» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, доктор юридически наук, кандидат психологических наук.

Цоколова Ольга Игоревна – начальник НИЦ № 5 (по проблемам уголовного, уголовно-процессуального законодательства и расследования преступлений) Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, полковник полиции.

Шакитько Роман Владимирович – федеральный судья Ленинского районного суда г. Краснодара.

Шалагинов Петр Дмитриевич – доцент кафедры социально-правовых дисциплин Приволжского института повышения квалификации Федеральной налоговой службы (г. Нижний Новгород), кандидат юридических наук.

Шамонова Тамара Николаевна – доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Швец Александр Витальевич – старший преподаватель кафедры ОРД ОВД Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск), подполковник полиции.

Ширяева Татьяна Ивановна – докторант адъюнктуры (докторантуры) по кафедре уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Шувалова Анастасия Михайловна – старший преподаватель кафедры криминалистики Нижегородского филиала ИПК СК России, старший лейтенант юстиции.

Шурухнов Владимир Александрович – докторант кафедры управления органами расследования преступлений Академия управления МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник полиции.

Юсупкадиева Садикат Нурмагомедгаджиевна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Дагестанского государственного университета (г. Махачкала, Республика Дагестан), кандидат юридических наук, доцент.

Яловой Олег Анатольевич – доцент кафедры судоустройства и организации правоохранительной деятельности Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

Багмет А.М. К вопросу о нарушении конституционных прав участников массовых беспорядков……...3

Алексеев А.П., Звонов А.В. К вопросу об организации взаимодействия органов следствия с оперативными подразделениями ОВД в процессе раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, совершаемых в сфере авторских и смежных прав……...7

Алонцева Е.Ю. К вопросу об ограничении прав и свобод личности, при производстве следстственных действий, выполняемых с разрешения суда……..11

Ардашев Р.Г. Некоторые особенности возбуждения головных дел об убийствах, сопряженных с суицидом преступника……16

Багмет М.А. Коррупционная преступность в полиции как условие нарушения конституционных прав граждан…….20

Бакланов Л.А. Обеспечение конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при осуществлении розыскной деятельности органами внутренних дел……..23

Белицкий В.Ю. Проблема задержания и заключения под стражу лица, личность которого не установлена и возможные пути её решения…….26

Бережкова Н.Ф. Правовое регулирование соблюдения этических (клятвы) норм в Следственном Комитете Российской Федерации как способ обеспечения законности и соблюдения конституционных норм……30

Боровских Р.Н. Вопросы повышения эффективности средств выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере страхового бизнеса……...35

Бражников Д.А. Конституционное право на тайну корреспонденции и получение сведений, о соединениях абонентов связи без судебного решения при проведении оперативно-розыскных мероприятий……...40

Брусницын Л.В. Российская Конституция обязывает обеспечить безопасность граждан, способствующих расследованию преступлений……43

Брыляков С.П. Особенности реализации положений Конституции РФ о неприкосновенности частной жизни в ходе досудебного производства по уголовным делам в отношении осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы……..48

Бугров И.Б. Особенности противодействия, оказываемого расследованию по преступлениям, совершенным лицами с особым правовым статусом……52
Бутырская А.В. Криминалистические аспекты изучения деятельности преступных организаций, посягающих на конституционные основы Российской Федерации……..55
Быков В.М. Осмотр места происшествия в жилище……59
Бычков В.В. Соблюдение конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при расследовании преступлений……..…64
Васильев Ф.П. Технические регламенты в обеспечении Безопасности и конституционных гарантий граждан…….…...68
Васильев Ф.П., Орехова Л.М. Административно-правовое регулирование правового воспитания граждан органами внутренних дел (полицией) Российской Федерации как средство предупреждения правонарушений……....75
Васильева Е.Г. Статья 90 УПК РФ как гарантия презумпции невиновности или нарушение права на судебную защиту……..….80
Васнецова А.С. Конституционно-правовые основы соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина органами Следственного комитета Российской Федерации в сфере противодействия преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства……...85
Васюков В.Ф. К вопросу о правовой позиции Конституционного Суда РФ об ограничении права гражданина на тайну телефонных переговоров при расследовании уголовных дел……89
Вдовин А.Н. Отдельные аспекты первоначального этапа расследования преступлений о незаконном обороте оружия. Допрос свидетеля……93
Вдовцев П.В. Согласие обвиняемого с предъявленным обвинением – условие заключения досудебного соглашения о сотрудничестве?.....98
Виницкий Л.В., Нагуляк М.В. Некоторые вопросы защиты прав потерпевших при исполнении приговора……..101
Виницкий Л.В., Маргарян А.А. Конституция Российской Федерации – гарант соблюдения прав человека и демократических основ судопроизводства……105
Волочай С.Н. Тактика производства отдельных следственных действий и проблемы соблюдения конституционных прав граждан……110

Воскресов Б.Н. Проблемы эффективности наказания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве…….113
Гладышева О.В. Конституционные основы использования результатов применения полиграфа в следственной практике…….117
Глушков А.И. Роль руководителя следственного органа в обеспечении реализации прав и законных интересов обвиняемого…….125
Голова С.И. Прокурорский надзор при направлении уголовного дела в суд с обвинительным заключением……...129
Головко Н.В. Обеспечение прав и законных интересов потерпевших в ходе допроса по уголовным делам о торговле несовершеннолетними…….133
Гришина Е.П. Производство экспертизы на стадии проверки сообщения о преступлении: концепции и проблемы правоприменения……...…138
Гущев М.Е. Некоторые проблемы получения информации о соединениях абонентов и (или) абонентских устройств в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности……...142
Егорова Е.В. Об актуальных проблемах отграничения осмотра от смежных следственных действий……..147
Елинский В.И., Ануфриева Е.А., Фролова Е.Ю. Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел в связи со служебной деятельностью……...155
Емельянова Е.В. Реализация трудовых прав и соблюдение обязанностей осужденными, отбывающими наказания в местах лишения свободы……...…159
Ендольцева А.В. Процессуальные гарантии ограничения произвольного усмотрения органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство……...…163
Загрядская Е.А. Проблемные вопросы обеспечения гарантий на неприкосновенность личности при продлении меры пресечения в виде заключения под стражу……168
Зайцева Е.А. Конституционные гарантии прав участников проверочных мероприятий……172
Захарова В.О. Организация раскрытия и расследования преступлений: классификация понятий……177
Зуев С.В. Защита прав потерпевших в уголовном судопроизводстве (в свете решения Конституционного Суда РФ от 2.07.2013 № 16-П)……...…181

Исаенко В.Н. О некоторых проблемах защиты прав потерпевших в досудебном производстве……...…185
Казначей И.В. К вопросу о конституционных гарантиях участников уголовного судопроизводства использующих технические средства коммуникации в процессе доказывания……..…191
Камчатов К.В. Конституционная гарантия компенсации потерпевшим от преступлений причиненного ущерба: состояние законности и проблемы обеспечения……..…195
Каркошко Ю.С. Особенности производства следственных действий, затрагивающих конституционное право на неприкосновенность жилища……201
Карташова И.И. Реализация принципа прямого действия Конституции Российской Федерации при расследовании преступлений……..203
Кирянина И.А. Проблемы исчисления сроков предъявления обвинения подозреваемому, в отношении которого ранее была избрана мера пресечения, в случае помещения подозреваемого в психиатрический стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы……..207
Комаров И.М. Профессиональная защита от уголовного преследования: анализ понятия……209
Комиссарова Я.В. О некоторых проблемных аспектах криминалистического обеспечения расследования преступлений……214
Котяжов А.В. О некоторых аспектах защиты конституционных прав и свобод граждан, при розыске следователем несовершеннолетнего, пропавшего без вести……218
Коцюмбас С.М. О некоторых проблемах реализации прав потерпевшего при расследовании уголовных дел……..222
Крючкова В.Ф. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству – конституционное право граждан……...225
Кудрявцева Т.Г. Очная ставка, процессуальные тонкости……232
Кузьмин М.Н. К вопросу обеспечения допустимости доказывания в ходе расследования преступлений, совершенных лицами по должности обладающими правовым иммунитетом……234
Курнышева Е.А. Прекращение уголовного дела по истечению сроков давности уголовного преследования в контексте норм Конституции Российской Федерации……238

Леонов А.И. Проблемы защиты данных предварительного расследования при получении судебного решения на производство следственных действий ограничивающих конституционные пава граждан……..242
Ломшин А.М. Расследование преступлений, создающих препятствия малому и среднему бизнесу, как гарантия соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина……...…247
Ломшина Н.А. Некоторые проблемы обеспечения прав личности при расследовании преступлений в сфере реализации приоритетного национального проекта развития агропромышленного комплекса……250
Лушин Е.А., Шувалова А.М. О структуре частных криминалистических методик расследования преступлений……...254
Лятифова Т.С. Обеспечение прав и свобод человека в ходе исполнения правоохранительными органами государственных функций…….258
Мазур Е.С. Экспертные возможности диагностики физиогномических признаков человека по папиллярным узорам…….263
Макогон И.В. Процессуальное значение изучения личности преступника при расследовании преступлений……..…266
Максимов Н.В. Применение средств и методов криминалистической техники как конституционная гарантия соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве…….271
Минаева С.А. К вопросу о сущности нарушений закона при производстве предварительного следствия……..274
Минин А.Я. Право на информацию и расследование компьютерных инцидентов……279
Митькова Ю.С. Прокурорский надзор в сокращенном досудебном производстве……..283
Муратова Н.Г., Антонов И.О. Оценка достоверности доказательственной информации при расследовании уголовных дел…….287
Орлов Ю.К. О разграничении полномочий следователя, эксперта и руководителя судебно-экспертного учреждения…….292
Патрикеев В.Е. Конституционные права человека в уголовном процессе – актуальные проблемы на современном этапе…….297

Перепелкин В.И. Некоторые проблемы нарушения конституционных прав граждан на предварительном следствии и возможные пути их устранения……301
Петухов Ю.Е. К вопросу эффективности досудебного производства как средства обеспечения конституционных прав граждан……305
Пискунов С.А. Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений……309
Поляков В.В., Торбенко М.В. Особенности соблюдения прав подозреваемых при осмотре места происшествия по компьютерным преступлениям……..314
Розовская Т.И. Соблюдение принципа non bis in idem при расследовании налоговых преступлений……..317
Русман Г.С. Поощрительный характер дознания в сокращённой форме……322
Сажаев А.М. Законные представили несовершеннолетних как элемент гарантий их прав и законных интересов на предварительном следствии……...327
Самищенко С.С. Системные недостатки судебно-медицинского обеспечения прав и свобод гражданина и человека при расследовании преступлений против личности……..331
Саушкин С.А. Процессуальная самостоятельность следователя как теоретическая и правовая категория……335
Сахарова Е.Г. Защита прав и свобод участников уголовного судопроизводства в условиях противодействия расследованию……..339
Скобелин С.Ю. Пределы ограничения конституционных прав граждан на тайну переписки при расследовании преступлений……...343
Согоян В.Л. Проблемные вопросы прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности……..…349
Стороженко О.Ю. Проблемы реализации конституционных прав человека и гражданина при расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации……..…353
Стрелков А.А., Дадабаев В.К. Криминалистические возможности использования компьютерной томографии (СКТ) и 3D технологий при реализации конституционных прав и свобод граждан……355
Телегина Т.Д. Тактика применения обмана в расследовании преступлений……..359

Тисен О.Н. Актуальные проблемы государственной защиты лиц, содействующих правосудию, на этапе судебного разбирательства…….….363
Титков А.В. К вопросу защиты конституционных прав потерпевшего в досудебном производстве……..366
Тишков Д.С. Некоторые аспекты оптимизации сроков уголовного судопроизводства как гарантия соблюдения права граждан на уголовное судопроизводство в разумный срок……..371
Ткачев А.В. Возможности криминалистики при обеспечении реализации положений Конституции Российской Федерации в правоприменительной Деятельности……...374
Фидельский С.В., Шакитько Р.В. Актуальные вопросы процедуры возбуждения уголовных дел о преступлениях связанных с преднамеренным банкротством……...378
Хмелева А.В. Проблемы взаимодействия с судебными экспертами, требующие законодательного урегулирования……383
Холодный Ю.И. Экспертиза с применением полиграфа: вопросы, требующие решения……...…387
Цоколова О.И. Упрощение предварительного расследования как реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства……..392
Шалагинов П.Д. О некоторых проблемах взаимодействия налоговых органов со Следственным комитетом Российской Федерации……...395
Шамонова Т.Н. О правах личности в досудебном производстве УПК России…….…400
Швец А.В. О проблемах реализации конституционных прав человека и гражданина на получение сведений о проведенных в отношении них ОРМ…….….405
Ширяева Т.И. Право потерпевшего на информацию: конституционные гарантии и проблемы реализации в уголовном судопроизводстве……..410
Шурухнов В.А. Проблемы соблюдения конституционных прав граждан в условиях преодоления противодействия расследованию……...414
Юсупкадиева С.Н. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в ходе проведения предварительного расследования…….….418
Яловой О.А. Особенности применения наглядно-образных форм фиксации проверки показаний на месте……425
Сведения об авторах……..430

Конституция российской федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Москва, 14 ноября 2013 года)

В трёх частях

Часть 2

(практическая значимость)

В авторской редакции

Дизайн обложки: Бычков В.В.

Подписано в печать 30.05.2013

Формат 60 х 90 1/16
усл. печ. л. 27,9
Тираж 500 экз.
Печать офсетная
Заказ № 11

Отпечатано в цифровой типографии «БУКИ ВЕДИ»
На оборудовании Konica Minolta
ООО «Ваш полиграфический партнер»,
ул. Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6